МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ»

На правах рукописи

КУРАШКИНА Наталия Александровна

ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИРА ПРИРОДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРНИТОЛЕКСИКИ)

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора
филологических наук

Уфа – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение …… 5
Глава 1. Экологизация современной лингвистики ……. 24
1.1. Взаимодействие «человек-природа» …….. 24
1.1.1. История взаимодействия человека и природы …….. 27
1.1.2. Проблема формирования экологического сознания и становления Homo ecologicus …….. 30
1.1.3. Взаимоотношения «человек-природа» с позиций натур- и экофилософии ……. 33
1.2. Проблема взаимодействия человека и природы в лингвистическом освещении: истоки и пути развития эколингвистической науки ……. 42
1.2.1. От экологии языка Э. Хаугена до эколингвистики: обзор зарубежных исследований ……. 42
1.2.2. Основные направления в отечественных экоисследованиях 53
1.2.3. О выборе термина для наименования междисциплинарной лингвистической отрасли знания XXI века ……. 64
1.2.4. Натурлингвистика как подотрасль эколингвистического знания … 69
Выводы по главе 1 77
Глава 2. Символические и концептуальные формы представления орнитообразов …… 85
2.1. Символизация орнитонимов …….. 85
2.1.1. О природе символа …….. 87
2.1.2. Общие характеристики и разновидности орнитологических символов …….. 91
2.2. Понятия экологического архетипа и экологического архетипического концепта …… 95
2.3. Языковое воплощение экологических архетипических концептов … 102
2.3.1. Проявление экоархетипических смыслов в паремиях, содержащих орнитообразы ……. 102
2.3.2. Экоархетипичность орнитоморфного представления времени ….. 115
2.3.3. Проявление экоархетипических смыслов в народных приметах с участием птиц ……. 118
Выводы по главе 2 …… 123

Глава 3. Орнитометафоры как способы познания окружающего мира …… 129
3.1. Мифологическое мышление как основа метафоризации ……..... 129
3.2. Антропоморфизация орнитонимов ……..... 134
3.2.1. Пути антропоморфизации орнитонимов …… 138
3.2.2. Орнитоморфные образы человека во фразеологии …….. 153
3.3. Флороморфизация орнитонимов …… 160
3.4. Техноморфизация орнитонимов ……. 179
Выводы по главе 3 …… 186
Глава 4. Отражение морфологии, этологии и экологии птиц в мотивах номинации орнитономенов …… 193
4.1. Процессы категоризации и номинации ……. 193
4.1.1. Категоризация явлений. Лексико-семантическая категория «птица»……. 193
4.1.2. Nominatio rerum: философское осмысление …….. 198
4.1.3. Ключевые аспекты языковой номинации …….. 204
4.1.4. Особенности конкретно-предметной лексики…… 206
4.1.5. Имя в научной номенклатуре……... 208
4.2. Систематизация орнитономенов на основе экоинформационного мотивирующего признака (на примере названий птиц отряда воробьеобразных) …….. 211
4.2.1. Орнитоморфонимы ……... 213
4.2.2. Орнитофононимы ……. 222
4.2.3. Орнитонимы с компонентами бионимом, фагонимом и эргонимом 226
4.2.4. Орнитонимы с компонентом-топонимом ……... 235
4.2.5. Орнитонимы с компонентом-эпонимом ……. 238
4.2.6. Орнитонимы-символы ……. 242
4.2.7. Ремотивация орнитонимов-символов ……..……... 248
Выводы по главе 4 …… 251
Глава 5. Толково-энциклопедическое описание орнитонимов и систематизация вербализованных вокализаций …… 257
5.1 Лексикографическое описание орнитонимов …… 257
5.1.1 Частотность семантических компонентов и особенности их обозначения в орнитодефинициях …… 258

5.2. О расширении информационного поля словарных толкований орнитонимов. Обязательные и дополнительные компоненты в составе орнитодефиниции ……... 263
5.2.1. Применение облигаторных компонентов для стандартизации лексикографических дефиниций орнитонимов ……... 265
5.2.2. Применение факультативных компонентов в стандартизованной дефиниции …….. 267
5.3. Способы языкового отражения вокализаций птиц 270
5.3.1. Звукосочетание …….. 272
5.3.2. Мнемоника ……. 281
5.3.3. Лексические средства обозначения вокализаций …….. 285
5.3.4. Комбинации языковых средств …….. 297
5.4. Комплексное описание вокализаций птиц средствами языка ……. 300
Выводы по главе 5 …… 303
Заключение 309
Список литературы 320
Список лексикографической и справочной литературы ……. 358
Приложение 1. Видовые эпитеты и родовые имена различной мотивированности в составе орнитономенов…… 370
Приложение 2. Толково-энциклопедические дефиниции орнитонимов .. 372
Приложение 3. Фрагмент комплексного описания вокализаций средствами языка …… 382

ВВЕДЕНИЕ

К концу XX в. лингвистика приходит к новому пониманию образа языка, метафорически трактуемого с подачи М. Хайдеггера как дом бытия и пространство мысли. «Язык есть дом бытия, живя в котором человек экзистирует, поскольку, оберегая истину бытия, принадлежит ей» [Хайдеггер 1993: 203]. Данный образ побуждает исследователей вновь обратиться к поискам языковой сущности в новом пространственном измерении мысли (реальном, ирреальном, ментальном, духовном и т.п.), что становится возможным благодаря достижениям когнитологии. Такой образ языка вписывается в постнеклассическую (синергетическую, интегральную) парадигму научного знания, которая характеризуется, прежде всего, появлением междисциплинарных исследований, формированием общенаучного типа мышления, базирующегося на принципах универсального эволюционизма и теории самоорганизации, и, наконец, активным участием человека в процессах и событиях внешнего мира.

Как сложное и многогранное явление естественный человеческий язык требует учета широкого системного контекста при исследовании. «Это склоняет ученых искать пути расширения сфер приложения своих усилий в весьма далеких на первый взгляд областях знания. А лингвистика все больше приобретает черты полипарадигмальности, превращаясь в общенаучную дисциплину, потому что именно ей отводится главная роль в решении большого спектра общечеловеческих проблем» [Курашкина 2016 (1): 63–64].

Появление междисциплинарной отрасли научного знания под названием *эколингвистика* (отсчет ведется с 1972 г.) пересекается с формированием постнеклассической парадигмы научного знания, ядро которой составляет эволюционно-синергетическое знание. Такой тип научного знания можно также охарактеризовать как ноосферный: в нем меняется отношение к природе (это уже не сущность, но существо) и к человеку (это самосознание природы), занимающему позиции соучастника мирового процесса. В научной среде сочетание экологии и лингвистики уже не подвергается сомнению, и эколингвистика органично

вписывается в хайдеггеровскую концепцию, где язык оказывается погруженным в природную среду (*эко*логию) < др.-греч. *οἶκος* (жилище, дом), т.е. является неотъемлемой частью биологического бытия, вследствие чего способным к воплощению богатого многообразия живых форм в формы языковые.

Окружающая природная среда, представляющая собой универсум Вселенной, выступает и условием, и средством жизни человека. Она допускает две основные формы взаимодействия с обществом: экономическую и экологическую. Если экономическая форма взаимодействия направлена на потребление природных ресурсов и эксплуатацию природы для удовлетворения материальных и духовных человеческих потребностей, то экологическая форма сфокусирована на охране окружающей природной среды для сохранения как самого человека в его биосоциальной роли, так и всех других обитателей планеты Земля.

В животном мире, представляющем неотъемлемый компонент природной среды, птицы занимают уникальное положение как наиболее заметные представители фауны, обладающие разнообразными акустическими реакциями и способностью к звукоподражанию (воробьеобразные и попугаи). Птицы оказали влияние на формирование акустического поведения человека, став, тем самым, одним из факторов становления Homo sapiens. Более того, многовековые контакты человека с птицами способствовали формированию его общего экологического мировоззрения. В жизни современного человека птицы продолжают играть очень важную роль, выступая в качестве его социально-экологического партнера и оказывая благотворное рекреационное, реабилитационное и терапевтическое воздействие, а также способствуя нравственному и эстетико-экологическому воспитанию подрастающего поколения.

Настоящее исследование посвящено изучению единиц описания природного мира, выполненному на материале орнитолексики английского, русского и французского языков в русле эколингвистики. Под орнитолексикой понимается совокупность разноуровневых единиц указанных языков, содержащих в своем составе орнитологический компонент, представленный названием птицы

(орнитонимом) и различными языковыми средствами, вербализующими голосовую коммуникацию птиц.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения и восстановления поведенческих моделей гармоничного взаимодействия «человек – природа» посредством использования имеющихся языковых структур, несущих информацию экологического свойства, которая способна оказать влияние на формирование экологического сознания и экологической культуры. В этом контексте приобретает насущность анализ различных языковых фактов, связанных с проблемой экологизации сознания современного человека, чему способствует интеграция естественных и гуманитарных отраслей научного знания на общей экофилософской основе.

Степень научной разработанности проблемы. Интегративные процессы в экологической и лингвистической сферах берут начало в 70-х годах XX в. и связываются с появлением экологии языка. В концепции Э. Хаугена язык является частью экосистемы (биоморфная метафора), в которой он зарождается и эволюционирует. Становлению экологии языка способствовало формирование экологической науки во второй половине XIX в. и экологии культуры во второй половине XX в. Соответственно, на языковые воззрения Э. Хаугена оказали влияние труды Ч. Дарвина, Э. Геккеля, А. Шлейхера, В. фон Гумбольдта, Л. Витгенштейна, Э. Сепира. Дальнейшее развитие метафоры экосистемы в рамках экологической лингвистики прослеживается в работах Д. Болинджера, Н. Денисона, В. Трампе, П. Финке, Х. Хаармана. В 1990 г. появляется новое видение отношений между языком и экологией, инициированное М. Халлидеем, в котором экологическая составляющая сохраняет свой биологический смысл, что позволяет изучать экологические проблемы через их отражение в грамматике и словарном составе языка. Вслед за М. Халлидеем критический анализ инвайроментального дискурса применяют такие исследователи, как Р. Алекзандер, Й. Банг, Й. Доор, А. Гербиг, А. Гоатли, П. Мюльхойслер, М. Юнг и др. Эколингвистика, вбирающая в себя все исследовательские направления, развиваемые на стыке экологии и лингвистики, начинает свое оформление как

междисциплинарная научная отрасль знания с 1995 г. Большой вклад в развитие эколингвистики внесли Р. Алекзандер, П. Мюльхойслер, С.В. Стеффенсен, А. Стиббе, В. Трампе, А. Филл, П. Финке и многие другие.

В России на рубеже XX–XXI вв. под влиянием распространения экологии культуры (термин Д.С. Лихачева) происходит преобразование культуры речи в междисциплинарную гуманитарную науку лингвоэкологию, предметом изучения которой становится «здоровье» языка. У истоков лингвоэкологии стоят такие лингвисты, как Л.В. Савельева, Л.И. Скворцов, А.П. Сковородников. Расширение предметного поля данной науки приводит к возникновению ряда подотраслей, которые разрабатываются коллективом ученых: лингвотоксикология, лингвокреативология (А.П. Сковородников, Г.А. Копнина, Н.Н. Кошкарова, Е.М. Хакимова); лингвоэкология эмоций (В.И. Шаховский, Н.Г. Солодовникова); педагогическая лингвоэкология (Е.А. Сущенко); этическая лингвоэкология (К.А. Андреева). Собственно эколингвистика в России представлена двумя векторами исследований: экологией перевода (Н.Н. Белозерова, Н.В. Лабунец, Л.В. Кушнина, Е.М. Плюснина, Е.М. Пылаева и др.) и критическим анализом экологического дискурса (А.А. Громорушкина, Д.В. Ефременко, Е.В. Иванова, С.В. Ионова, Н.А. Красильникова, А.А. Полухин, Д.В. Токмаков, Г.М. Фадеева и др.). Отдельного направления, которое бы занималось изучением воплощения природной среды и ее обитателей в языковых формах, их систематизацией, взаимосвязями с человеческим обществом и его культурной составляющей, не существует.

Объект изучения составляют языковые номинации представителей орнитофауны и их вербализованные вокализации (песни и основные позывы), взятые в контексте отношений «природа – социум – культура».

Предметом исследования является эколингвистический (натурлингвистический) аспект функционирования орнитолексики английского, русского и французского языков.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении и изучении экоархетипических смыслов и экологической информации, содержащейся в

языковых структурах (на примере орнитолексики), которые способны транслировать накопленные человечеством знания о мире природы. В центре внимания оказывается не столько кросскультурное сравнение, сколько синтезирование информации экологического свойства, представленной тремя разноструктурными языками. Под экологической информативностью орнитолексики понимается ее свойство передавать биологические данные, связанные с морфологическими особенностями птиц, и экологическую информацию, содержащую знания о биотопах, способах гнездования и кормодобывания, а также о повадках птиц.

Для достижения исследовательской цели определена следующая последовательность **задач:**

1) изучить историю взаимодействия человека и природы, в том числе с экофилософских позиций, а также рассмотреть проблему формирования экологического сознания в современном обществе;

2) проследить этапы становления эколингвистической науки, представив обзор зарубежных и отечественных исследований в данной междисциплинарной отрасли знания; обозначить основные нерешенные проблемы, волнующие эколингвистическое сообщество;

3) обосновать необходимость введения натурлингвистической подотрасли в состав эколингвистики для изучения экоинформационного потенциала и экологичности лексики природного мира и поиска экоориентированных поведенческих моделей, отраженных в языке и культуре; определить объект и предмет исследования натурлингвистики, ее основное функциональное предназначение, сформулировать рабочее определение подотрасли и выделить ряд существенных терминопонятий;

4) конкретизировать понятия экологического архетипа и экологического архетипического концепта; рассмотреть языковые структуры, посредством которых происходит вербализация основных экоархетипических смыслов;

5) изучить процессы символизации и метафоризации орнитонимов; описать пути антропо-, флоро- и техноморфизации данных языковых единиц;

6) систематизировать научные названия птиц в соответствии с мотивами номинации; провести семантико-мотивационную реконструкцию орнитонимов с утраченной мотивированностью, опираясь на данные об экологии и биологии видов и учитывая влияние процессов демотивации и ремотивации;

7) изучить отечественный и зарубежный опыт лексикографического описания орнитонимов с последующей унификацией и расширением информационного поля дефиниций до толково-энциклопедического формата;

8) рассмотреть применяемые в орнитологической литературе способы языкового отображения вокализаций птиц (песен и основных позывов) для создания систематизированного описания вербализованных акустических сигналов.

В диссертационной работе выдвигается **рабочая гипотеза** о том, что в номинациях природного мира заложено богатое экоинформационное многообразие. Орнитолексика характеризуется экологичностью, поскольку является отражением тесного взаимодействия человека и птицы и содержит в семантических структурах приобретенные знания и опыт данного взаимодействия.

Теоретико-методологической базой послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в следующих областях:

– ***философия***: Аристотель, Г. Гегель, И. Кант, Платон, М. Хайдеггер (*гносеология*); С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев, П.А. Флоренский (*философия имени*); Л. Витгенштейн, В. фон Гумбольдт, E. Sapir, J.R. Searle (*философия языка*); А.П. Огурцов, М.М. Прохоров, И.В. Черникова (*философия науки*); Э. Кассирер, Дж. Кэмпбелл, Ю.М. Лотман, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский, Э. Фромм, Е.М. Щепановская, М. Элиаде (*философская антропология и философия культуры*); Р. Джонсон, К.Г. Юнг (*психоаналитическая философия*); А.К. Адамов, В.И. Вернадский, Н.Ф. Федоров (*философия русского космизма и теория ноосферогенеза*); Р.С. Карпинская, Ю.В. Олейников, А.Т. Шаталов (*биофилософия*); Н.А. Бердяев, Ж. Бодрийяр, Б.А. Дорошин, Н.Н. Киселев, А.Л. Крайнов, Ю.Н. Пахомов, А.Г. Пырин (*социальная философия*); В.Е. Ермолаева, Н.Н. Моисеев (*экологическая этика*); И.В. Вишев,

А.Х. Гимазетдинова, Е.В. Рубанова, Н.М. Солодухо, Б.М. Ханжин, Т.Ф. Ханжина, A. Naess, M.E. Zimmerman (*экологическая философия*); T. Roszak (*экофилософия и экопсихология*); K. Wilber (*интегральная философия*);

– лингвистика и смежные с ней дисциплины:

зоонимия и орнитонимия: А.Д. Адилова, Л.В. Амелина, А.В. Балабанова, К.Р. Вагнер, О.В. Галимова, А.А. Гимадеева, М.В. Горбенко, Ф.Н. Гукетлова, Т.В. Козлова, В.М. Константинов, Н.Ю. Костина, М.В. Кутьева, И.Г. Лебедев, Е.М. Маклакова, Л.В. Маловичко, А.В. Москаленко, Н.Б. Неронова, А.С. Савенко, К.А. Сахибуллина, Д.С. Сетаров, О.Л. Силаева, О.Б. Симакова, А.А. Смирнов, В.П. Смышляева, Н.В. Солнцева, Д.А.Тишкина, A. Newton, H.K. Swann и др.; ***когнитивная лингвистика***: Л.В. Бабина, Г.И. Берестнев, А. Вежбицкая, Е.С. Кубрякова, С.А. Песина, А.С. Самигуллина, Т.Г. Скребцова; Ф. Варела, У. Матурана (*теория познания*); M. Johnson, G. Lakoff (*теория метафоры*); E.H. Rosch (*теория прототипов*); ***лексикология:*** О.И. Глазунова, Р.З. Мурясов, Г.Н. Скляревская; Л.М. Васильев, В.Г. Гак, А.П. Журавлев, И.С. Торопцев, С. Ульманн, С.Г. Шафиков (*лексическая семантика и лингвистическая типология*); ***лингвокультурология и экологическая культура:*** А. Вежбицкая, Е.И. Зиновьева, С.В. Иванова, С.А. Питина, З.З. Чанышева, С.В. Шустова (*лингвокультурология*); Д.С. Лихачев, М.В. Новикова, В.В. Флоренская (*экология культуры*); ***лингвоэкология:*** К.А. Андреева, Н.Н. Дзида, О.Б. Клевцова (*этическая лингвоэкология*); А.А. Бернацкая, В.П. Коровушкин, Г.А. Копнина, Н.Н. Кошкарова, И.Н. Потеряхина, Л.В. Савельева, О.Б. Сиротинина, Л.И. Скворцов, А.П. Сковородников, Е.М. Хакимова; Е.А. Сущенко (*педагогическая лингвоэкология*); А.В. Пузырев, Н.Г. Солодовникова, В.И. Шаховский (*эмотивная лингвоэкология*); ***теория мотивологии*:** А.Д. Адилова, О.И. Блинова, М.М. Гинатулин, Н.Д. Голев, И.А. Кунгушева, Д.С. Сетаров и др.; ***теория номинации:*** Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Б.А. Серебренников, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева и др.; ***эколингвистика:*** Н.Н. Белозерова, Л.В. Кушнина, Н.В. Лабунец, Е.М. Плюснина, Е.М. Пылаева (*экология перевода*);

Д.В. Ефременко, Е.В. Иванова, С.В. Ионова, А.В. Кравченко, Н.А. Красильникова, В.Ф. Нечипоренко, А.В. Нохрин, А.А. Полухин, Ю.А. Сорокин, А.В. Суховерхов, Т.Н. Хомутова, Н.Л. Шамне, Е.В. Шелестюк, А.Н. Шовгенин; D. Bolinger, N. Denison, P. Finke, H. Haarmann, E.I. Haugen, P. Mühlhäusler, W. Trampe (*экология языка*); R. Alexander, J. Chr. Bang, T. Berman, P. Chilton, J. Døør, J.S. Dryzek, N. Fairclough, A. Fill, D.L. Forte, A. Goatly, C. Hagège, M.A.K. Halliday, M. Jung, C. Kramsch, S.V. Steffensen, A. Stibbe, R. Wodak; ***этимология***: Л.А. Булаховский, А.Ф. Журавлев, М.М. Маковский, А.Г. Преображенский, О.Н. Трубачев, М. Фасмер, П.Я. Черных, É. Boisacq, A. Brachet, L. Clédat, A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand, E. Pick, W. Skeat, F.E.J. Valpy, E.Weekley;

культурная антропология и этнография: А.В. Гура, Вяч. Вс. Иванов, З.П. Соколова, С.А. Токарев, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян;

литературоведение и фольклористика: Е.Е. Завьялова, А.Ф. Журавлев, Е.М. Мелетинский, Р.Г. Назиров, Г.Л. Пермяков, В.Я. Пропп;

теоретическая и практическая лексикография и терминоведение: Ю.Д. Апресян, Г.Ф. Богачёва, В.В. Виноградов, А.С. Герд, Е.И. Голованова, П.Н. Денисов, В.В. Дубичинский, С.Ю. Дубровина, А.П. Евгеньева, Е.П. Иванова, Л.В. Ивина, В.А. Козырев, Н.Н. Кошкарова, В.М. Лейчик, С.И. Ожегов, Г.Н. Скляревская, А.Г. Соколова, О.А. Солопова, А.Г. Ходакова, Т.Н. Хомутова, Н.Ю. Шведова, С.Д. Шелов, Л.В. Щерба, B.T.S. Atkins, L. Bauer, M. Rundell и др.;

– биология и экология:

биологическая систематика: В.Ю. Архипов, Н.Ю. Клюге, Е.А. Коблик, К. Линней, Дж. Г. Симпсон, B.L. Monroe, C.G. Sibley; ***орнитология:*** В.Ю. Архипов, Л.Б. Бёме, П. Брикетти, В.М. Галушин, Н.А. Гладков, Г.П. Дементьев В.Т. Демянчик, Н.Н. Дроздов, Б.М. Звонов, В.В. Иваницкий, В.Д. Ильичев, Д. Кайгородов, Е.В. Карев, Е.А. Коблик, А.Ф. Ковшарь, А.С. Мальчевский, М.Я. Мензбир, В.А. Паевский, Е.Н. Панов, А.Н. Промптов, Ю.Б. Пукинский, В.К. Рябицев, Г.Н. Симкин, В.Е. Флинт, Ю.С. Фридман, В.С. Фридман, И.К. Шамов, C.K. Catchpole, Ch. Evans, J.P. Grant, C.H. Greenewalt, P. Marler, C.M. Perrins, T.R. Peterson, H. Slabbekoorn, D.W. Snow, P.J.B. Slater,

L. Svensson; ***экология:*** Э. Геккель, Р. Дажо, И.И. Дедю, В.В. Маврищев, Р. Маргалеф, Ю. Одум, В.А. Радкевич, Н.Ф. Реймерс, В.Д. Федоров, С.С. Шварц, R. Carson; ***этология и зоопсихология***: А. Брем, З.А. Зорина, Л.В. Крушинский, К. Лоренц, А.В. Никольская, И.И. Полетаева, Ж.И. Резникова, А.А. Смирнова, Н. Тинберген, Р. Шовен, K. Andrews, N.S. Clayton, N.J. Emery, D.R. Griffin, I.M. Pepperberg и др.

Материалом исследования служит целый комплекс разноуровневых единиц, репрезентирующих представителей орнитофауны и их вокализации на английском, русском и французском языках: 1) паремиологические единицы, содержащие орнитообразы, выделенные из лексикографических источников (общее количество – 396 единиц); 2) народные приметы с участием птиц, отобранные из соответствующих сборников (общее количество – 300 единиц); 3) орнитосимволы, представленные номинациями 50 видов птиц, отобранные из энциклопедий символов; 4) орнитонимные фразеологические единицы (ФЕ), орнитоморфные метафорические и сравнительные конструкции, включающие в свой состав 134 метафорообразующих орнитонима (для характеристики человека), извлеченные из лексикографических источников (общее количество – около 700 единиц); 5) орнитоморфные флоронимы, взятые из ботанических словарей и справочников (78 родовых имен и 116 видовых прилагательных из научной номенклатуры; 420 единиц из народной номенклатуры); 6) техноморфные орнитонимы, выбранные из лексикографических источников (общее количество – 183 единицы); 7) орнитономены (номенклатурные названия птиц), согласно фаунистическим спискам видов (408 родовых имен и 374 видовых эпитета); 8) дефиниции орнитонимов, представленные в толковых словарях (общее количество – 405 единиц); 9) вербализованные вокализации (песни и основные позывы) 158 видов неворобьиных птиц и 102 видов воробьеобразных птиц, отмеченные в орнитологической литературе.

Для решения поставленных задач потребовалось сочетание общенаучных и частнонаучных **методов исследования**. Основными *общенаучными методами* послужили: метод научного наблюдения, анализ и синтез, описательный метод,

состоящий из обобщения, систематизации (классификации) знания и интерпретации. Частнонаучные методы, примененные в работе, включают: *лингвокультурологический анализ* паремий и народных примет для выявления воплощенных в языковых структурах экологических архетипических концептов и передаваемых ими смыслов, а также для определения универсальных и культурно-специфических особенностей изучаемых единиц; *лексико-семантический анализ* метафоризованных орнитонимов и орнитонимных ФЕ для установления ассоциативных оснований образных номинаций; *анализ этимологии орнитонимов-символов с элементами семантико-мотивационной реконструкции*, позволяющей восстановить мотивы номинации названий птиц, утративших мотивированность, и возродить связь с экологией номинируемых видов; *метод лексикографического дефинирования орнитонимов*, ориентированный на толково-энциклопедический формат подачи данного пласта конкретно-предметной лексики; *систематический метод языкового описания вокализаций птиц*, предполагающий комбинированное и стандартизованное использование различных способов вербализации акустических сигналов; в качестве вспомогательных применены методы контекстуального, сравнительного и количественного анализа.

Новизна исследования складывается из ряда положений:

1) обосновывается необходимость введения в состав эколингвистики подотрасли под названием натурлингвистика (лингвистика мира природы), призванной заниматься изучением экоинформационного потенциала и экологичности лексики природного мира, а также поиском экоориентированных поведенческих моделей, отраженных в языке и культуре; в качестве базовой языковой единицы для описания природного мира предлагается лингвонатурема;

2) паремии и народные приметы, содержащие орнитообразы, рассматриваются с точки зрения трансляции общекультурных кодов, ключом к которым служат экологические архетипические концепты, отражающие базовые природоориентированные модели поведения внутри социумов;

3) орнитосимволы и орнитометафоры расцениваются как способы познания природного мира, формирующие экологические смыслы, а пути антропо-, флоро-

и техноморфизации орнитонимических единиц определяются с опорой на эколого-биологические факторы;

4) применена типология орнитономенов, учитывающая фактор мотивирующего признака, связанного с морфологией, этологией и экологией представителей орнитофауны;

5) выносится на рассмотрение расширительный способ лексикографического представления лингвонатурем, включающий элементы энциклопедического описания природной реалии посредством комбинирования облигаторных и факультативных компонентов, отражающих как необходимую, так и эксклюзивную информацию об экологии и биологии представителей мира природы;

6) предлагается комплексный способ языкового описания акустических сигналов птиц, учитывающий зарубежный и отечественный опыт систематизации вербализованных вокализаций, который станет подспорьем для создания полевых определителей и энциклопедий.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в дальнейшем развитии и упрочении интеграционных связей между экологией и лингвистикой. Вводимая натурлингвистическая подотрасль призвана стимулировать поиск экологичных языковых структур, связанных с миром природы и несущих экологически важные смыслы, для оказания воздействия на формирование экологически сбалансированного общественного сознания и поведения.

Исследование орнитонимов как одной из разновидностей лингвонатурем наглядно демонстрирует динамику эколого-коммуникативных взаимоотношений «человек – птица», преломляя их в культурном контексте. Полученные выводы послужат отправной точкой для развития лингвистики мира природы, и прежде всего для расширения ее предметного поля за счет охвата различных классов природных реалий с привлечением всего многообразия языковых средств.

Практическая ценность исследования видится в применении предложенных способов систематизации конкретно-предметной лексики при

составлении нового поколения толково-энциклопедических словарей; использовании системного подхода при формировании свода вербализованных орнитовокализаций для орнитологических справочников и энциклопедий. Результаты проведенной работы могут быть востребованы в научно-исследовательской деятельности ученых, работающих на стыковых направлениях, включающих в себя философию, психологию, когнитивные науки, экологию, лингвистику. Диссертационные материалы найдут применение в сфере образования, а именно при создании спецкурсов и спецсеминаров эколингвистического содержания, при подготовке учебных пособий для бакалавров и магистров лингвистических направлений, при формировании банка вопросов и заданий для обучающих лингвистических курсов общего характера.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На современном этапе развития эколингвистической мысли возникает потребность в создании важной подотрасли в составе междисциплинарной науки, которая способна интегрировать знания об экологии окружающего мира с культурным опытом и языковыми средствами для их воплощения. Предлагаемая подотрасль названа натурлингвистикой (лингвистикой мира природы), поскольку ставит своей целью оживление в культурной памяти природоориентированных моделей поведения, заложенных в экологических концептах-архетипах, посредством активизации тех лингвистических структур, которые связаны с гармоничным опытом взаимодействия человека и природы. Кроме того, в рамках натурлингвистики предполагается изучение экоинформационного потенциала и экологичности лексики природного мира. Объект изучения натурлингвистики составляют разноуровневые языковые единицы, содержащие экологическую информацию о природном мире. Базовой экоинформационной языковой единицей становится лингвонатурема. Предмет изучения характеризуется множественностью и может быть представлен в виде вербализаций экологических архетипических концептов; процесса метафоризации и символизации мира природы; экотекстов, транслирующих культурные коды гармоничного восприятия природы; разного рода лингвистических номинаций природных реалий.

2. Паремиологический языковой фонд является важнейшим источником для формирования образцов экоориентированного социального поведения. Паремии, содержащие орнитообразы, демонстрируют реализацию экологических архетипических концептов, связанных с домом как средой обитания; принадлежностью к роду через восприятие своего и чужого бытия; с действием вселенского закона вкупе с созидательной мужественностью, транслируемых посредством птиц в образе культурных героев; созидательной женственностью, обеспечивающей продолжение рода. Преломляясь в паремиологических единицах, концепты-экоархетипы транслируют смыслы экологического свойства, закрепляя в языковом сознании природоориентированные модели социального поведения, напоминающие о забытой культуре почитания и обожествления представителей мира природы.

3. Народные приметы с участием птиц, входящие в свод календарных предсказаний, формируют орнитоморфное представление временн*ы*х хозяйственных циклов как реализацию экологических архетипических концептов вселенского закона и единства и цикличности бытия. В результате народная примета приобретает свойства универсальности, являя собой мудрость опыта многих тысячелетий, запечатлевшуюся в экоархетипических смыслах. Птица, исполняя вестническую функцию, служит индикацией начала весеннего периода и связанного с ним цикла полевых работ (*птица – предвестница весны*); по срокам прилета и отлета судят о будущем урожае / неурожае жизненно важных культур (*птица – предвестница урожая*); по поведению птиц определяют характер погодных условий, влияющих на успех сельскохозяйственной деятельности человека (*птица – предвестница погоды*). Приметы-прогнозы как языковые структуры имеют сходство с продукционными моделями представления знаний в интеллектуальных системах, поэтому могут рассматриваться в качестве алгоритмов, задающих программу действий на календарно-хозяйственный год. В современных условиях эти языковые структуры имеют значение для экологического просвещения подрастающего поколения.

4. Мифологическое мышление дает начало символам и метафорам. Орнитосимволы подразделяются на универсальные (символы

недифференцированной птицы), культурно-специфические (символы конкретных видов птиц, почитаемых в этнокультурных традициях) и индивидуальные (несущие черты универсальности и культуроспецифичности в соединении с личностным опытом индивида). Индивидуальный символ – это наиболее сложный вид символа, потому что он не поддается обобщению. Понятными и хорошо известными орнитосимволами считаются универсальные и культурно-специфические виды, которые являются неотъемлемой частью триады «природа – социум – культура». Наблюдаемое в современном мире вырождение истинных символов компенсируется появлением культурно-национальных квазисимволов, которые содержатся в паремиологическом фонде любого языка.

5. Метафорическое переосмысление номинаций представителей орнитофауны экологично по своей сути. Орнитометафоры позиционируют неразрывную связь человека с миром природы и экстраполируют его бытие не только на флору, но и на антропо- и техносферы. В целом лексические единицы, прямо или косвенно номинирующие представителей природного мира, являются вербальными свидетелями становления гармоничных взаимоотношений «человек – природа» и хранителями этих отношений на протяжении всего периода существования Homo loquens. Кроме того, такие единицы, как орнитонимные ФЕ, содержащие антропоморфные фразеообразы, выступают трансляторами важных культурных ценностей и моделей экосоциального поведения.

6. Орнитономены классифицируются по характеру мотивированности, обусловленной биолого-экологическими факторами природных референтов (птиц). Они характеризуются экоинформативностью и экологичностью. Выделяются орнитоморфонимы (соматические факторы), орнитофононимы (вокализационные факторы), орнитобионимы (биотопические факторы), орнитофагонимы (факторы кормодобывающей деятельности), орнитоэргонимы (этологические факторы), орнитонимы с компонентом топонимом (факторы, связанные с ареалом распространения), орнитонимы с компонентом эпонимом (антропофакторы, обеспечивающие связь с именами натуралистов), орнитонимы-символы (с утраченной мотивированностью, потенциально восстанавливающие

вышеперечисленные факторы при реконструкции). Семантико-мотивационная реконструкция орнитонимов-символов, выявляющая утраченные экологические связи лингвонатурем с природными референтами, возвращает данным языковым единицам экоинформационный потенциал.

7. Номинации птиц, включая большую часть орнитономенов, являются отражением принципа именования по совершаемым действиям. Демонстрация яркого оперения птицы стимулирует создание морфонима; вокальное поведение способствует образованию фононима; процесс кормодобывания обеспечивает формирование фагонима; частая встречаемость в определенном биотопе ведет к появлению бионима; характерные повадки закрепляются эргонимом.

8. Номены традиционно выполняют такие функции, как номинативная, классификационная (дифференцирующая), информативная и коммуникативная. В этом ряду важное место занимает способность номенов накапливать и хранить результаты познавательной деятельности человека, кристаллизуя мыслительный опыт и знания об окружающем мире, т.е. реализовывать кумулятивную и когнитивную функции.

9. Толково-энциклопедическая дефиниция как современная модель лексикографического описания конкретно-предметной лексики поддается стандартизации с сохранением определенной доли вариативности. Этому способствует сочетание облигаторных и факультативных компонентов, соответствующих экологии и биологии описываемых природных реалий.

10. Сложность передачи вокализаций птиц языковыми средствами предполагает их комбинированное представление с помощью всех доступных в орнитологической практике способов, включая аудиофиксацию. Систематический метод лингвистического описания акустических сигналов птиц представляет собой стандартизованный словарь вокализаций, который содержит сведения об общих акустических параметрах основных позывов и видовой песни, вариантах передающих их звукосочетаний, сравнении голоса с различными эталонами, а также снабжен необходимыми комментариями.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается: 1) опорой на фундаментальные работы отечественных и зарубежных ученых по проблемам эколингвистики и сопряженных с ней дисциплин, в том числе философии (экософии), экологии, этологии, орнитологии, лингвистики, культурологии; 2) использованием комплекса аналитических методов, отвечающих цели и задачам работы; 3) объемом исследуемого эмпирического материала.

Содержание настоящего диссертационного исследования **соответствует Паспорту научной специальности 5.9.8.** Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика: п. 2. Направления современного языкознания и используемые в них методы описания языков. Терминологический аппарат лингвистики. Лингвистические модели. Метаязык современной лингвистики; п. 8. Язык в контексте культуры. Исследование языка с использованием методов культурологии, этнологии и антропологии; п. 9. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста; п. 13. Теоретические проблемы лексикологии и лексикографии.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования представлены в виде докладов на конференциях разного уровня, среди которых: Всероссийская научная конференция «Народное слово в науке о языке» (Уфа, 2006), Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация» (Ульяновск, 2010; 2011), Международная научно-практическая конференция «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования» (Краснодар, 2011; 2012), Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы контрастивной лингвистики, типологии языков и лингвокультурологии в полиэтническом пространстве» (Уфа, 2011), IV Международная научная конференция «Актуальные проблемы общественных наук в условиях глобализации» (Москва, 2012), VIII Международная научно-практическая конференция «Дни науки – 2012» (Прага, 2012), VI Международная конференция по соколообразным и совам Северной Евразии (Кривой Рог, 2012),

VIII Международная научно-практическая конференция «Теория и практика современной науки» (Москва, 2012), Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию факультета романо-германской филологии БашГУ «Проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве» (Уфа, 2013), Международная научно-практическая конференция «Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития» (Казань, 2013), Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию проф. Р.З. Мурясова «Языки в диалоге культур» (Уфа, 2015), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Языковые единицы в свете современных научных парадигм» (Уфа, 2015; 2016; 2017), Международная научно-практическая конференция «Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: прецедентный текст в коммуникации» (Уфа, 2017), Международная научно-практическая конференция «Сопоставительно-типологический ракурс в исследовании разноструктурных языков» (Уфа, 2018), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве» (Уфа, 2020; 2021; 2022; 2023), Международная научно-практическая конференция «Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода» (Уфа, 2020; 2021; 2022; 2023), Международная научная конференция «От слова к дискурсу» (Минск, 2025).

По теме исследования опубликованы две монографии: «Акустическая коммуникация птиц: Лингвистический аспект исследования» (2011) объемом 28,8 п.л., «Вокализации птиц в языковом отражении» (2014) объемом 19,9 п.л., глава «О многоаспектности современных эколингвистических исследований» в коллективной монографии «Лингвоэкология: проблемы и пути их решения» (2022), сравнительный словарь орнитонимов (2013), 81 научная статья, в том числе 16 – в ведущих рецензируемых изданиях, входящих в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура и объем диссертационного исследования. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы, включающего лексикографические и справочные источники, и трех приложений.

В первой главе «Экологизация современной лингвистики» рассматривается экологическая парадигма, в русле которой развиваются отношения «социум – природа», происходит формирование экосознания, закладываются основы экофилософского мировидения, а также прослеживаются современные тенденции развития лингвистической мысли, интегрируемой в экологическую сферу. Дается обзор зарубежных и отечественных эколингвистических научных направлений, включающий в себя насущные исследовательские проблемы и перспективы развития; обосновывается необходимость внедрения в состав эколингвистики отдельной натурлингвистической подотрасли.

Во второй главе «Символические и концептуальные формы представления орнитообразов» орнитосимволы рассматриваются с точки зрения развития отношений «человек – природа»; уточняются понятия экологического архетипа и экологического архетипического концепта для последующего изучения языковых структур, с помощью которых вербализуются основные экоархетипические смыслы (в паремиях, фразеологических единицах, народных приметах).

Третья глава «Орнитометафоры как способы познания окружающего мира» посвящена изучению влияния метафор на мировосприятие. Процессы антропоморфизации, флороморфизации и техноморфизации орнитонимов видятся фундаментальными метафорообразующими силами, организующими человеческое бытие, которые способны влиять на социокультурное пространство, позиционируя неразрывную связь человека с природным миром.

Четвертая глава «Отражение морфологии, этологии и экологии птиц в мотивах номинации орнитономенов» раскрывает эколого-лингвистический потенциал данных единиц. Процессы категоризации и номинации природных реалий приводят к созданию единиц конкретно-предметной лексики, классификация которых по видам мотивированности обеспечивает типологизацию, учитывающую морфологию, этологию и экологию природных референтов (представителей орнитофауны).

В пятой главе «Толково-энциклопедическое описание орнитонимов и систематизация вербализованных вокализаций» проводится аналитический обзор существующих лексикографических орнитодефиниций с целью оптимизации способа толкования конкретно-предметной лексики, допускающего экстралингвистическое расширение до толково-энциклопедического формата. Анализ существующих возможностей языковой подачи орнитовокализаций приводит к идее создания комплексного словаря стандартизованных вербализаций сигналов птиц, который найдет применение в орнитологической практике.

В заключении дается обобщение полученных результатов и определяются перспективы развития исследовательской проблемы.

Список литературы включает 602 источника, в том числе лексикографические и справочные материалы, на долю которых приходится 140 позиций.

В приложениях представлены таблицы с количественными данными о мотивированности исследуемых единиц, толково-энциклопедические дефиниции орнитонимов, фрагмент словаря орнитовокализаций.

ГЛАВА 1. ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. Взаимодействие «человек – природа»

Эколингвистика обязана своим появлением расширению значения термина *экология* и его популяризации в XX веке из-за сложившихся неблагоприятных обстоятельств на планете Земля в результате разрушительной человеческой деятельности. Считается, что термин *экология* (от др.-греч. *οἶκος*, обиталище, жилище, дом и *λόγος*, учение, наука) был впервые использован немецким биологом Э. Геккелем в 1866 г. во втором томе книги «Общая морфология организмов» [Haeckel 1866]. Согласно его классификации наук, экология определена как часть физиологии: физиологии взаимоотношений организмов с внешней средой и друг с другом. Долгое время с подачи Э. Геккеля экология существовала как сугубо биологическая дисциплина, развиваясь вплоть до 60-х гг. XX в. в русле аутэкологического редукционизма [Курашкина 2016 (2): 246]. *Аутэкологический редукционизм* представляет собой систему взглядов, согласно которой все явления, касающиеся распространения и численности каких-либо организмов, могут быть полностью объяснены на основе известной реакции особей или отдельных видов на те или иные факторы неживой природы. Таким образом, общая экология становится идентичной физиологической экологии [см. Дедю 1989]. К концу 50-х гг. происходит переориентация на *синэкологический редукционизм*, «в центре внимания которого стоит анализ взаимодействий организмов (популяций)» [см. Там же].

Обеспокоенность людей проблемами окружающей среды в европейских странах проявилась в начале 60-х гг. XX в. после публикации Р. Карсон «Безмолвная весна» [Carson 1962], посвященной негативному воздействию пестицидов на живые организмы, а к концу 60-х гг. получает широкое распространение термин *инвайронментализм* [Курашкина 2016 (2): 246]. Именно в этот период термины *экология* и *экологический* постепенно превращаются «в расхожие емкие слова, охватывающие и отражающие те глобальные изменения,

которые произошли не только в среде, окружающей человека, но и в самих взаимоотношениях между людьми» [Мавришев 2007: 7]. С 70-х гг. XX в. на экологию распространяется системный подход, «ориентированный на изучение специфических характеристик сложно организованных объектов, многообразие связей между элементами, их разнокачественность и соподчинение» [см. Дедю 1989]. В результате интересы современной прикладной экологии вышли далеко за ее законные биологические границы.

Глобальный экологический кризис дает толчок для возникновения экологической этики, теоретические основы которой были заложены в докладах Римского клуба, основанного в 1968 году. Немаловажную роль в развитии экологической мысли сыграл отчет комиссии Брундтланд (1987 г.) «Наше общее будущее», предложивший рекомендации для устойчивого развития. Экономический рост, защита окружающей среды и социальное равенство становятся тремя базовыми компонентами новой концепции. Претерпевает изменения экологический дискурс, в котором преобладающим становится тезис о том, что отношение между экономическим развитием и сохранением экосистем можно уравновесить [Курашкина 2021 (1): 111–112].

Несмотря на многообразие определений экологии в современной научной литературе все они, так или иначе, сводятся к следующему обобщению: это «наука, изучающая взаимоотношения организмов между собой и с окружающей их природной средой, а также структуру и организацию биологических систем различного уровня (популяции, биоценозы, экосистемы)» [Мавришев 2007: 11]. Вместе с тем, «современная экология – биологизированная (как и географизированная, математизированная и так далее), биоцентричная наука, но не биология. <…> … для экологии характерен широкий системный межотраслевой взгляд…» [Реймерс 1994: 12].

Таким образом, экология «включает в себя обширный комплекс взаимодействия факторов – как природных и технических, так и социальных, моральных, нравственных. <…> … Социальные факторы в настоящее время становятся определяющими, ведущими» [Сущенко 2011: 124]. Сегодня можно

вести речь о множественных отраслях экологического знания (см. структуру современной экологии [Дедю 1989, Реймерс 1994, ЭЭ 2013), как например: аутэкологии, синэкологии географической (ландшафтной) экологии, экологической географии; глобальной экологии (мегаэкологии), экологии человека, экологии жилища, экопсихологии (психологии среды) и многих других.

Благодаря работам академика Д.С. Лихачева получает развитие *экология культуры*. «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности» [Лихачев 1985: 50]. «Культурная экология должна быть частью экологии социальной» [Там же: 58].

В состав современной социальной экологии входит и экология культуры, и экология науки. Как преемник экологии культуры получает развитие *духовная экология*, которая «связана с сохранением (или возрождением) накопленных ценностей, а также с рациональным регулированием технического прогресса, который не должен отрицательно влиять на человека» [Сущенко 2011: 125].

«Все существующие виды экологических направлений призваны служить насущным задачам сохранения природной и культурной среды, гармоничному развитию биосферы» [Курашкина 2016 (2): 247].

Говоря о *природе* или *природном мире* в самом широком смысле этого слова, следует подразумевать «все сущее, весь мир в многообразии его форм (материя, универсум, Вселенная)» [см. Дедю 1989]. Под *природной средой* понимается среда обитания как совокупность естественных условий жизни существ, населяющих планету Земля. Под это понятие также попадают «естественные и преобразованные факторы природы, выступающие в качестве непосредственных и опосредованных детерминирующих условий и носителя человека как социального субъекта» [Пырин 2006: 29].

Предваряя рассуждения об экологизации современной лингвистической науки и формировании разнообразных междисциплинарных отраслей знания,

необходимо вкратце представить историю формирования и развития взаимодействия человека и природы.

1.1.1. История взаимодействия человека и природы

«Каждому конкретному историческому времени присуща своя *экологическая парадигма*, которая представляет собой понятие, выражающее относительно устойчивую систему взглядов, норм, принципов, установок и ценностных ориентаций, являющихся определяющими для данного времени в отношениях “ Природа – Общество”» [Рубанова 2007: 96].

Н.А. Бердяев выделяет «три стадии в истории человечества, представляющие некие идеальные типы отношения духа и природы: 1) природно-органическую, 2) культурную в собственном смысле, 3) технически-машинную. Если на первой стадии дух полностью погружен в природу, а на второй стадии выделяется из нее и образует особую сферу духовности, то на третьей стадии дух овладевает природой и господствует над ней [Бердяев 1933: 7]. При этом «возврат к природе есть вечный мотив в истории культуры» [Там же: 6].

Становление отношений «человек – природа» начинается с момента появления Homo sapiens. Бытийность природы как некоего первозданного мира трансформируется по мере ее постижения новоявленным Разумом [Курашкина 2018 (1): 33]. Именно с возникновением человека «…природа начала с его помощью познавать саму себя, возникло сознание» [Моисеев 1990: 112].

Начальный этап отношений «человек – природа» характеризуется «осмыслением человеком своей самости <…> на фоне интуитивного представления своей целостности с природой [Рубанова 2007: 9]. Такое единение реализуется в формировании религиозно-мифологического представления о мире, проявляющееся в антропоморфизации всего сущего и тотемизме, позднее в фетишизме как вере в сверхъестественную силу природы и анимизме, т.е. вере в духов или одушевлении всего природного. В отличие от животных, человек стремится к преобразованию природы, изначально стихийному, с целью

удовлетворения биологических потребностей и выживания. Первобытный охотник нуждается в знаниях о поведении животных, а с переходом к земледелию и скотоводству необходимость этих знаний возрастает, равно как возрастает активное воздействие человека на природу.

Человек начинает постепенно создавать свой собственный мир, делая первый шаг к разрыву с природой, однако тесная связь между ними еще существует в эпоху античности. Восприятие природы в этот период зиждется на изначальном единстве всего сущего, где все гармонично и естественно [Курашкина 2018 (1): 33–34]. «Познавательное отношение к природе выражается в умном созерцании, реализацией этого знания является образ жизни мудреца» [Черникова 2011: 54]. Эстетическое сознание Античности являлось «предпосылкой экологической деятельности, но не формировало экологических ценностей, часть которых уже априорно была дана человеку в силу его тотальной включенности в мир природы. В виде этих ценностей выступали бытие, космос, ойкумена, жизнь во всех ее проявлениях, красота» «[Крайнов 2001: 12–13].

«Для средневекового человека учение о природе выводилось из представления о божественном начале мира как его основе» [Новикова 2004: 8]. Человек есть образ и подобие Божие, в то время как природа предстает в качестве временного человеческого пристанища. В новой иерархии место природы – на нижней ступени [Курашкина 2018 (1): 34]. Средневековая природа «говорит с людьми на символическом языке божественной воли и разума», но уже «в христианизированной Европе <…> возникает (и начинает осознаваться в начале IX в.) эксплуататорское отношение к природе» [Новикова 2004: 8].

Возрождение привносит новое видение природы: это «внешний человек», который «как бы проговаривает себя через венец своего творения» [Черникова 2011: 58]. Человек наделяется «божественными полномочиями по отношению к природе» [Там же: 58]. «С одной стороны, природа сближается с мистикой, с другой – рождается наука как таковая» [Новикова 2004: 8–9]. Несмотря на возвращение к эстетике Античности, эпоха Ренессанса видит в жизненном пространстве человека «предмет практического изучения и исследования»

[Крайнов 2001: 13]. Теоцентризм и антропоцентризм эпох Средневековья и Возрождения способствовали укреплению утилитаризма и гедонизма, зародившихся в Античности, увеличивая разрыв между человеком и природой [Курашкина 2018 (1): 34]. Активизируется и «стихийное нанесение вреда окружающей среде» [Крайнов 2001: 13].

Выделение человека из космического порядка, признание его автономности, понимание природы как нейтральной почвы – все это формирует рациональное мировосприятие и традицию, в которой человек и природа образуют оппозицию. Рационализм Нового времени видит в человеке источник феноменального порядка, в Боге – ответственность за порядок нравственный, а природа лишается внутренней гармонии, теряя душу. Теперь это предмет активной интеллектуальной и промышленной эксплуатации, превращающийся в мастерскую, тогда как задача науки состоит в покорении природы (по Ф. Бэкону). Природа мыслится как механизм (от часового механизма до паровой машины), законы которой возможно постигать опытным путем при помощи технических средств, а ее сущность рассматривается с точки зрения полезности для человека. Модель механизма становится доминирующей в восприятии природы с XVII по XX вв. Механистическая наука, пытающаяся занять место природы, делается все менее понятной, равно как и сама природа. Но, раскрывая отдельные фрагменты окружающего мира, наука оказывается неспособной к его целостному описанию [Курашкина 2018 (1): 34–35]. Новое время подводит человека к «сознательному нанесению вреда окружающей среде, а мир техники оказывается посредником между человеком и природой» [Крайнов 2001: 13].

Философия европейского Просвещения XVIII в. возлагает надежды на всепроникающий Разум, которому предстоит укротить неорганизованную и бессознательную природу. В порядок вещей входит целенаправленная организация природной среды, происходит «переход от органической жизни к организованной жизни» [Бердяев 1933: 10]. К середине XX в. в промышленно развитых государствах формируется массовая культура, основанная на потребительски ориентированном мировоззрении, и человек массы, пренебрегающий

фундаментальными базовыми ценностями. Природа утрачивает состояние сбалансированности, а ее реакции негативно сказываются на качестве жизни современного человека. Учитывая, что без постоянного контакта с природой человек обречен на гибель, необходимо руководствоваться формулой “природа – общество – природа“, подразумевающей одновременное взаимодействие и восстановление природной среды.

1.1.2. Проблема формирования экологического сознания и становления Homo ecologicus

Экологическое сознание являлось центральной структурой мироощущения на ранних этапах становления человечества, поскольку оно суть мифологическое сознание, не выделяющее человека из природы [Курашкина 2018 (1): 35]. Основные черты экологичности древней этики предстают в виде комплекса таких качеств, как: добродушие («природа давала силы только такому человеку, который шел к ней с добром»), космичность («род был микрокосмом архаичного человека, который вписывался в макрокосм природы»), отсутствие собственности в широком смысле слова («отсутствие прав на землю и ее обитателей»), эвристичность («нацеленность на достижение позитивного результата путем борьбы, преодоления трудностей и прохождения испытаний») и ответственность («за землю перед мифическими существами, населяющими ее») [Горелова, Канунникова 2008: 92].

Если говорить о мировоззренческих предпосылках экологического сознания, то эстетическое отношение к природе было свойственно каждой исторической эпохе, поэтому стихийная экологическая деятельность служит фундаментом в процессе экологизации сознания. «Момент осознания человеком конечности природных ресурсов и неуклонную тенденцию роста экологической напряженности» [Крайнов 2001: 14] связывают с процессом глобализации экологического сознания. Таким образом, основным критерием наличия сформированного экосознания у индивида является осознанная экологическая деятельность, предполагающая руководство конкретными целями при решении

определенных экозадач [Курашкина 2018 (1): 35]. Следовательно, э*кологическое сознание* может быть определено как «одно из проявлений сознания человека, ориентированное на его жизненное пространство, направляющее его деятельность на сохранение данного пространства в состоянии экологической стабильности, улучшение его экологической обстановки и предотвращение экологического кризиса» [Крайнов 2001: 11].

Отличительной особенностью экологического мышления и сознания, формирование которых было начато В.И. Вернадским (см. напр. [Вернадский 1988, 1991]), является «познавательное отношение к природе не как к сущности, а как к существу» [Черникова 2011: 64]. Структура экосознания складывается из четырех уровней: «аксиологического, научного, консервативного и инновационного, каждому из которых соответствует мягкое, жесткое, консервативное и инновационное экологическое сознание. Мягкое экологическое сознание вырабатывает аксиологическую базу экологической этики; жесткое формирует научные концепции экологического сознания; консервативное направлено на прекращение вредного токсичного производства; инновационное прогнозирует внедрение новых промышленных технологий таким образом, чтобы они не способствовали ухудшению экологического фона планеты» [Крайнов 2001: 15].

В настоящее время экосознание «мощно влияет на все формы духовной жизни людей, постепенно превращается в экологическую идеологию, на основе которой создается экологическая культура» [Гимазетдинова, Солодухо 2008: 4]. В социуме формируется иной подход к взаимодействию «человек – природа», который «характеризуется такими понятиями, как системная, синергетическая, холистическая парадигма, экологизация науки, предполагающими отказ от дуалистического мировосприятия этого взаимодействия (мир и человек представляются единым целым)» [Там же: 24]. Е.В. Рубанова полагает, что для такой парадигмы корректнее использовать название *экоантропоцентрическая*, что подчеркивает важность гармонии в системе «Природа – Общество» [Рубанова 2007: 97]. Выбор социумом «согласованного с естественно-природными условиями и закономерностями эволюции пути» будет оказывать влияние на развитие качеств

экочеловека, для которого важна «иерархия ценностей, основанная на превалировании потребности в сохранении не столько своей жизни, <…> сколько жизни всех природных организмов, т.е. жизни вообще во всех ее проявлениях» [Пахомов 2002: 64–65].

Основные качества личности будущего (экочеловека) определяются с опорой на теоретические положения антропокосмистов, согласно которым Homo ecologicus свойственны: 1) целостность мировоззрения; 2) синкретичность сознания и мышления; 3) свобода мысли и творчества; 4) стремление к самореализации и активность; 5) потребность жить в единстве и гармонии с окружающими людьми и природой [Пахомов 2002: 62–63]. Фактически появление экочеловека связывается с этапом перехода биосферы в новое устойчивое состояние – ноосферу, что предполагает развитие прогностического мышления и его экстраполяцию в будущее [Курашкина 2018 (1): 36].

На основе ноосферного учения В.И. Вернадского в конце XX в. развивается ноосферная философия и ноосферология, в русле которых рождается следующая концепция: человек призван управлять эволюционными процессами планеты Земля, для чего ему «необходимы знания законов бытия, владение профессиями, ответственность и культура, возвышающая его человеческую сущность» [Адамов 2015: 120]. Ноосферный гражданин будущего (Homo ecologicus) может стать определенным этапом эволюции для достижения гармоничного отношения «человек – природа – космос» [Курашкина 2018 (1): 36]. В то же время, «ноосферное знание – это элемент холистического мировидения, оно опирается на новую картину мира, обозначаемую как системная, теоретическим базисом которой является эволюционно-синергетическая парадигма современной науки» [Черникова 2014: 84].

А пока что вся человеческая деятельность должна быть нацелена на сохранение и восстановление красоты, потому что «красота естества Мироздания <…> позволяет нам сделать еще один шаг и приблизиться к духовности» [Ханжин и др. 2008: 76]. Не менее важно гармонизировать процесс мышления с

окружающим миром, потому что мировосприятие влияет на реальность, что признает философия науки.

Таким образом, ключевым моментом в деятельности экочеловека должно быть сохранение и восстановление красоты Мироздания. В то время как сформированного Homo ecologicus должна отличать целостность мировоззрения, потребность жить в гармонии с окружающими людьми и природой, экологичность сознания, творческая активность.

1.1.3. Взаимоотношения «человек – природа» с позиций натур- и экофилософии

Трансформация экологического сознания тесным образом связана с упрочением экологического знания, являющегося основой для формирующейся экоантропоцентрической парадигмы. Опираясь на традиции и новации, экологическое знание характеризуется интегральностью, т.к. «его содержание включает в себя не только философское, но и естественно-научное осмысление природных процессов, взаимодействия общества и природы» [Рубанова 2007: 4].

Сфера философских исследований, которые «стремятся рационально постичь целостность природы и ее первоначала, осмыслить природу как общее, предельное понятие, задающую принципиальную схему понимания и объяснения отдельных вещей и процессов», именуется *натурфилософией* [Огурцов 2004: 341]. Возникшая из необходимости осмыслить единство мира, натурфилософия представляет собой некую пограничную область знания между собственно философией, естествознанием и мифологией. Центральным натурфилософским понятием является *природа* (греч. *φύσις*, лат. *natura*). От того, что мыслители разных времен вкладывали в данное понятие, зависела и интерпретация самой натурфилософии. Это предопределило ее различные исторические формы бытования.

Выделяют шесть основных этапов в развитии натурфилософии (см. подр. [Огурцов 2004: 342–358]): 1) *космологическая натурфилософия* или

натурфилософия стихий (в строгом смысле этого слова философия, существовавшая до Сократа – *фюсиология*, включающая в себя научные понятия и мифологические символы), в которой *φύσις* любой вещи определяется тем, каким образом она встраивается в структуру космоса, движимого божественным Разумом; 2) *креационистская натурфилософия Средневековья*, согласно которой природа предстает как Божье творение или же реальность, которая лежит в основе всех сотворенных Богом вещей; 3) *пантеистическая натурфилософия эпохи Возрождения* – природа воспринимается как субстанция, обладающая совершенством и движением, но нуждающаяся в Боге как внешнем начале; наблюдается тесная связь с магией, герметизмом, каббалистикой и мистикой чисел; 4) *теоретическая физика* (натурфилософия XVII-XVIII вв. – Р. Декарт, Г. Лейбниц, Вольтер, Д. Дидро, П.А. Гольбах и др.) представляет собой философско-теоретический анализ природы, тождественный естествознанию, в первую очередь, физике, и противопоставленный естественно-историческому описанию природы; 5) *динамическая натурфилософия немецкого идеализма* (в первую очередь натурфилософия Ф.В. Шеллинга) появляется в свете новых физических и химических открытий начала XIX в. и призвана восстановить единство природы, которая мыслится как органическое целое, где все пронизано самодвижением; 6) *новые натурфилософские идеи конца XIX – начала XX в.* как результат научной специализации (В. Оствальд, Х. Дриш, Т. Липпс, А.Н. Уайтхед, Л.Э.П. Брауэр) делают акцент на использовании полученных знаний на практике, что служит доказательством их истинности.

Изменение концепций природы коррелирует с архетипами во взаимоотношении человека с Универсом, сложившимися в ходе исторического развития общества: созерцательным, активистским и коэволюционным (см. подр. [Прохоров 2005]). Если привести данные архетипы в соответствие с парадигмами научного знания, то получим следующее: 1) *созерцательный архетип мироотношения* свойственен античности, которая буквально «растворяет» своих богов в мире вещей и процессов, что совпадает с допарадигмальным (донаучным) этапом; 2) *активистский архетип* возникает в недрах религиозной философии

Средних веков (Бог как деятельное, активное начало) и достигает апогея в Новое время, абсолютизирующее любые преобразования. Этот архетип оказывается самым устойчивым, т.к. охватывает сразу несколько парадигм: от донаучного периода вплоть до современной постнеклассической научной парадигмы; 3) *коэволюционный архетип мироотношения* напрямую связан с концепциями постнеклассической парадигмы.

Также важно остановиться на разграничении таких понятий как собственно *натурфилософия* и *философия природы*. Натурфилософия как форма умозрительного построения знания, в основе которого лежит дедуктивный метод, всегда «стремилась воспарить над естествознанием», в то время как предназначение философии природы заключается в осмыслении содержания естественнонаучных понятий и моделей в различных областях и на различных этапах исторического развития [Огурцов 2004: 342]. Свои философские основы, т.е. своя философия природы, теперь есть у каждой науки или научного направления, не стала исключением экология и возникшая на стыке с ней эколингвистика.

Как уже упоминалось, своеобразным ответом на вызовы современности становится *экологическая этика*, в русле которой «в качестве моральных проблем человека рассматриваются не только благополучие и социальные связи людей, но и ответственность за благо будущих людей, домашних животных и других форм жизни» [Ермолаева 2001: 422]. «Тенденции к экологической переориентации этики обнаруживаются в различных этических концепциях: учении А. Швейцера о “благоговении перед жизнью”, “этике Земли” американского эколога О. Леопольда, космической этике К.Э. Циолковского, этике любви к жизни, разработанной советским биологом Д.П. Филатовым и др.» [Огурцов, Юдин 2001: 424].

На самостоятельное течение претендует экофеминистское направление, акцентирующее внимание на связи «между господством над женщиной и господством над земной природой» [Ермолаева 2001: 423]. Экофеминисты считают, что «последствия андроцентризма можно преодолеть, только опираясь на

органичное женское сознание, главный императив которого – стремление к сбережению жизни» [Там же].

В XIX в. Д.П. Марш, «сформулировал программу охраны природы» [Огурцов, Юдин 2001: 423], дав старт развитию *социальной экологии*, которая «определяется либо как системное понимание окружающей среды, либо как наука о социальных механизмах взаимосвязи человеческого общества с окружающей средой, либо как наука, делающая акцент на человеке как биологическом виде (Homo sapiens)» [Там же: 423]. С позиций социальной экологии биосфера Земли видится как «экологическая ниша человечества, которая связывает окружающую среду и деятельность человека в единую систему “природа – общество”, раскрывает воздействие человека на равновесие природных экосистем, ставит вопрос об управлении и рационализации взаимоотношений человека и природы» [Огурцов, Юдин 2001: 423–424]. Применение экологического подхода приводит к формированию внутри социальной экологии таких направлений как экология культуры и экология науки.

В XX в. самое известное направление в экологической философии образует *глубинная экология (deep ecology)*, основы которой были заложены норвежским философом А. Нейсом (1973 г.). Понятие *экологии* здесь кардинально отличается от геккелевского и вбирает в себя все человеческое бытие, подчеркивая его тесную связь со всем, что происходит на планете. Противопоставляя глубинный подход доминирующему движению поверхностной экологии (*shallow ecology movement*), которое в основном имеет дело с вопросами загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов, А. Нейс использует термин *биоцентрический эгалитаризм*, постулируя необходимость равного для всех права на жизнь. Рассуждая о возможном будущем глубинно-экологического течения, А. Нейс выражает надежду на то, что Homo sapiens «поддержат жизнь в благоприятном состоянии не только для своего вида, но и для всей экосферы во всем ее многообразии и сложности» [Naess 1989: 212] (*здесь и далее перевод наш – Н.К.*). Иными словами, произойдет формирование экочеловека – Homo ecologicus.

Поддерживая модернистскую критику антропоцентризма за тотальный контроль над природой, глубинная экология скептически настроена против постмодернистской теории деконструктивных практик, согласно которым есть не одна единственная Природа, но много способов, посредством которых она проявляет себя в той или иной культуре [Zimmerman 2014: 260]. Вместе с тем, постмодернистские тенденции, связанные с отсутствием жестких иерархий и асимметричных оппозиций типа субъект – объект или реальное – ирреальное, вторжением разного рода симуляций и безличных структур, все же проникают в экофилософское сознание исследователей.

Современные эколингвистические изыскания опираются на разнообразные философские или этические основы, в связи с чем не теряет актуальности термин А. Нейса *экософия*. Под ним автор имеет в виду «философию экологической гармонии, содержащую нормы, правила, постулаты, заявления о ценностных приоритетах и гипотезы, касающиеся состояния природы, которые способны демонстрировать многочисленные вариации в зависимости от реальных факторов, связанных с окружающей средой, и ценностных приоритетов» [Naess 1996: 8].

Помимо глубинной экологии к наиболее распространенным экософиям можно отнести (см. подр. [Stibbe 2014]): 1) философию, поддерживающую человеческий гений, который способен преодолеть проблемы окружающей среды; приоритетным видится прогресс во благо человечества (и только человечества); 2) группу философских воззрений, связанных с устойчивым развитием; 3) социальную экологию, которая видит корни экологических разрушений в социальном неравенстве; 4) экофеминизм; 5) движения, проповедующие свои собственные экософии, как например: *глубинное зеленое сопротивление* (Deep Green Resistance), которое рассматривает индустриальную цивилизацию как всеобщее зло и призывает ускорить ее разрушение путем тщательно спланированной акции.

В XXI в. экофилософы все дальше отходят от принципов глубинной экологии, а на смену постмодернизму, по мнению американского философа и психолога К. Уилбера, приходит интегральное мышление [Wilber 2005]. «Основой

интегральной модели является всесекторно-всеуровневая карта (*the AQAL map*), объединяющая пять элементов: секторы, уровни, линии, состояния и типы. Сектор, как базовый элемент, представляет измерение опыта, реализующегося в четырех направлениях: *«я»* (*внутренняя* сторона *индивидуального*), *«это»* (*внешняя* сторона *индивидуального*), *«мы»* (*внутренняя* сторона *коллективного*) и *«эти»* (*внешняя* сторона *коллективного*). Таким образом, получается четыре точки зрения на любое событие: это *внутренняя* и *внешняя* сторона *индивидуального* и *коллективного*» [Курашкина 2016 (1): 54–55].

Говоря об интегральной экологии, К. Уилбер отмечает, что «внешняя защита окружающей среды необходима, но без роста и развития во внутренних пространствах до мироцентрических уровней ценностей и сознания окружающая среда будет оставаться в опасности. Освобождение самости, культуры и природы будет достигнуто только в их взаимодействии и сотрудничестве либо не будет достигнуто вовсе» [Уилбер 2013: 50].

Современная китайская экофилософия вырастает из конфуцианских воззрений «Единства Неба и человека» и опирается на постулат «Человек превыше всего» (народ есть основа), реализующийся в трех ключевых принципах: совести, близости и сдержанности (ограничения) [У, Ди 2023: 233]. Принцип совести «указывает на экологическую совесть людей по отношению к другим видам в экосистеме. Принцип близости означает, что отношение к другим формам жизни начинается с отношения близости человека к самому себе. Принцип сдержанности имеет три уровня: 1) это ограничение, налагаемое личной совестью и воспитанием, 2) ограничение, налагаемое общественными организациями, 3) правовые ограничения общества и государственных органов» [Там же]. В Китае придерживаются экоконцепции, которая гласит, что «зеленые горы и изумрудные воды – бесценное сокровище», двигаясь в направлении «приоритета экологии и “зеленого” развития» и приветствуя только такую модернизацию, «при которой человек и природа сосуществуют в гармоничном симбиозе» [У, Ди 2023: 228].

Современные отечественные экофилософы представляют философию экологии как «междисциплинарную, комплексную область знания,

вырабатывающую общетеоретический духовно-конкретный образ природно-социальных условий бытия людей на родной планете и в космосе, а также методологию преодоления экологически кризисных ситуаций с целью создания благоприятных предпосылок для процветания и радикального продления индивидуального бытия людей» [Вишев и др. 1999: 23]. Экофилософия подразумевает «следование принципам Гармонии и Красоты как жизненного императива, как практической цели во всех проявлениях индивидуальной и общественной жизни и в трудовой практике» [Ханжин и др. 2008: 148].

Философия экологии имеет общее предметное поле с *биофилософией*, введенной в научный оборот Р.С. Карпинской в 1993 г. Данное направление философского осмысления жизни связано с «разработкой гуманистической проблематики» [Карпинская 1997: 90]. Это «целостное единство трех составных частей: философии биологии, философии жизни и соответствующей им аксиологии (оценочное отношение к философии биологии и философии жизни)» [Шаталов, Олейников 1997: 15].

Экофилософское мировидение предполагает следование экологическому императиву – «стратегии развития биосферы во имя Человека на основе стратегии Природы» [Моисеев 1990: 224]. Появившись в философии и естественных науках благодаря И. Канту, термин *императив* определяется им как некая «формула веления». Императивы «повелевают» как гипотетически, так и категорически. Если гипотетический императив представляет «практическую необходимость возможного поступка как средство к чему-то другому, чего желают <…> достигнуть», то категорический императив видится как поступок, «объективно необходимый сам по себе, безотносительно к какой-либо другой цели» [Кант 1965: 252]. Иными словами, категорический императив касается «формы и принципа, из которого следует сам поступок», потому в трактовке И. Канта он именуется *императивом нравственности* [Кант 1965: 254–255].

Н.Н. Моисеев вкладывает в понятие нравственного императива систему ограничений или запретов, которые с неизбежностью последуют в ходе реализации стратегии Разума. Нравственный императив же «является следствием “императива

экологического”» [Моисеев 1990: 247], а «будущность Homo sapiens как биологического вида в решающей степени зависит от того, насколько глубоко и полно мы сможем понять содержание “нравственного императива” и насколько человек окажется способным принять его и следовать ему» [Там же: 248]. «Миром действительно должен править Разум, согласовывающий свои действия, <…> с логикой Природы» [Моисеев 2000: 197]. В свою очередь, идеи Н.Н. Моисеева восходят к течению русского (христианского) космизма, заложенные в трудах Н.Ф. Федорова, чьи космические устремления являются результатом осмысления нравственного существования человека. Согласно мыслителю, природа обретает сознание именно в человеке: эта неразумная, бесчувственная сила нуждается в разуме, чтобы быть космосом, а не хаосом [Федоров 1993: 117].

Привлечение софиологического учения при формировании экософского мышления дает дальнейшее развитие идеи экоантропологической ценностной парадигмы, «основанной на традиционализме и философии неотвлеченных трансцендентных начал», которая «оставляет человеку его иерархическое место» [Романов 2023 (1): 48]. На базе экоантропологизма мыслится формирование экоантропоцентрической цивилизации, в которой «концепция жизни будет существенно расширена, и в нее будет включено понимание вечного блага, жизни как атрибута Абсолюта» [Романов 2023 (2): 27].

В рамках «Российского проекта цивилизационного развития» разрабатывается модель построения экологической цивилизации, которая опирается на экоинтегральный подход. Базовым критерием развития такой цивилизации видится экологичность, подразумевающая «разнообразие, а не унификацию жизненных форм и систем ценностей. Экологическая парадигма цивилизационного развития противостоит “парадигме исключительности” (с ее принципом антропоцентризма, провозглашающим человека венцом творения) и исходит из ценности всего живого на земле и в космосе (принцип самоценности жизни), требований умеренности в потреблении природных и символических ресурсов, взаимной терпимости и миролюбия всех народов» [Резник 2022 (1): 92]. При этом «экологичность характеризует такое качество социоприродной среды,

при котором достигается сбалансированное единство человека и природы, человека и общества» [Резник 2022 (2): 151]. Что касается структуры экологической цивилизации, то она должна определяться «исторически сложившимся в ней соотношением следующих сфер жизни: “геосфера” (земные и водные ресурсы), “биосфера” (все живое), “антропосфера” (люди и их деятельность, опосредованная культурой), “социосфера” (социальные отношения и институты), “техносфера” (совокупность материальных объектов, технических средств или сооружений, созданных людьми при помощи технологий), “ноосфера” (сфера разума, сконцентрировавшая в себе все духовно-интеллектуальные ресурсы)» [Резник 2022 (1): 98].

По признанию автора модели, «с точки зрения экоинтегрального подхода, многие страны мира, в т.ч., и Россия, находятся на антропосферной или социосферной стадиях цивилизационного развития. На техносферный уровень вышли лишь отдельные цивилизации (например, англосаксонская, романо-германская субцивилизации Запада и примкнувшая к нему японская цивилизация)» [Там же]. Ноосферный, т.е. высший уровень развития цивилизации на данный момент остается недосягаемым.

Вместе с тем, Ю.М. Резник полагает, что у России есть потенциал для создания «человекоразмерной и культуросообразной цивилизации», которая способна стать «не только “человекосберегающей”/ “культуросохраняющей”, но и “человекоразвивающей”/ “культуротворческой” [Резник 2022 (1): 102]. Делая ставку на экосферу, важно подчеркнуть ее приоритетное значение, поскольку экологическая цивилизация, в конечном итоге, видится как «единая экосистема (экосфера), которая объединяет все сферы бытия человека в единый антропосоциоприродный комплекс, опираясь на принципы допустимого вмешательства в среду, сбережения жизни и культуроцентричности» [Резник 2022 (2) 154].

Подводя итог, важно отметить, что современная философская основа эколингвистики представляет собой сплав глубинно-интегрального экологического мышления с элементами постмодернизма (в западной традиции)

или элементами космизма (в русской традиции). Эколингвисту в своей исследовательской практике необходимо избрать подходящую экософию или же создать собственную философскую концепцию, комбинируя и дополняя существующие; главное, чтобы экософия была научно обоснованной и целесообразной. С опорой на тезис М. Хайдеггера о языке как «доме бытия» [Хайдеггер 1993: 203] и определяется задача современного человека говорящего и экологически мыслящего, которая заключается не только в сохранении своей обители, но и в совершенствовании этого дома – языка.

1.2. Проблема взаимодействия человека и природы в лингвистическом освещении: истоки и пути развития эколингвистической науки

1.2.1. От экологии языка Э. Хаугена до эколингвистики: обзор зарубежных исследований

Ученые выделяют три стадии в развитии экологии языка: 1) сложившаяся в XIX веке модель *язык – живой организм*, связанная с именем А. Шлейхера: под влиянием работ Ч. Дарвина и Э. Геккеля возникает представление о том, что жизнь естественного языка существенным образом не отличается от жизни всех других живых организмов [Шлейхер 1864]; 2) сформулированная в середине XX века концепция Л. Витгенштейна *язык – форма жизни:* «представить себе язык – значит представить некоторую форму жизни» [Витгенштейн 1985: 85]; 3) период, начинающийся с трудов Э. Хаугена [Курашкина 2015 (1): 147]. Предлагаются и другие три этапа в истории возникновения и развития науки об экологии языка: 1) появление во второй половине XIX в. *экологии*, которая стала фундаментом для экологизации научного знания, в том числе экологизации лингвистики; 2) возникновение во второй половине XX в. науки *экология культуры*; 3) становление в конце XX в. собственно языковой экологии, берущей начало с трудов Э. Хаугена [Коровушкин 2011: 61].

Термин *экология языка* (*языковая экология*) был применен Э. Хаугеном в одноименном докладе («The Ecology of Language», август 1970 г.) и позднее в статье с идентичным названием [Haugen 1972]. В определении ученого экология языка – это наука о взаимодействиях между любым отдельно взятым языком и его средой, где под средой следует понимать общество, использующее данный язык в качестве одного из своих кодов [Haugen 1972: 325]. Язык функционирует как посредник в цепи взаимоотношений между человеком, обществом и природой как социальной и естественной средой обитания человека. Таким образом, экология языка основывается на биоморфной метафоре, т.к. язык предстает как часть экосистемы, в которой он формируется и эволюционирует, подобно любому живому организму, удовлетворяя при этом все потребности своих "пользователей" [Курашкина 2015 (1), 2016 (2)].

Понятие *среды* (*environment*) в данном контексте восходит к работе Э. Сепира «Язык и среда» (1912 г.), в которой автор применяет его для обозначения физических и социальных факторов, составляющих окружение любого общества. Под *физической средой* ученый понимает «географические особенности, такие как топография страны, <…> климат, количество осадков и то, что может быть названо хозяйственной основой жизни людей – флора, фауна, минеральные ресурсы» [Сепир 1993: 271]. При этом физическая среда отражается в языке только через *среду социальную*, которая включает в себя разнообразные общественные факторы, формирующие образ жизни и мышления каждого отдельного индивида [Sapir 2001: 14]. И физическая, и социальная среда оставляют ощутимый след в словарном составе языка, который воспринимается как «комплексный инвентарь всех идей, интересов и занятий, привлекающих внимание данного общества» [Сепир 1993: 272].

За сто лет до Э. Сепира В. фон Гумбольдт указывает на связь между разнообразием человеческих языков и работой человеческого духа [Гумбольдт 2000], в чем видит огромный потенциал для развития мира идей и силу, пронизывающую всю историю человечества [Гумбольдт 1985: 376]. Во взаимодействии человека и языка природа видится В. фон Гумбольдтом важным

связующим звеном. «Язык при этом не просто переносит какую-то неопределенную массу материальных элементов из природы в нашу душу; он несет в себе еще и то, что предстает нам во всей совокупности бытия как форма» [Гумбольдт 2000: 81]. Язык, обладая внутренней формой, выступает как деятельность (*Energeia*), созидающий процесс (*Erzeugung*), необходимый для интерпретации окружающего мира.

Аналогично тому, как революционные идеи Ч. Дарвина оказали влияние на развитие науки о языке в XIX в., так и системно ориентированная экология XX в. повлекла за собой становление нового направления на стыке биоцентричной науки и лингвистики [Курашкина 2016 (2)]. Идеи Э. Хаугена нашли развитие в трудах его последователей в 80-е гг. XX в. (см., напр., [Bolinger 1980; Denison 1982; Finke 1983; Haarmann 1980, 1986; Trampe 1990]).

Перенос понятий и методов экологии на изучение языка вдохновляет группу немецких исследователей на разработку *экологической лингвистики* (*ökologische Sprachwissenschaft, ecological linguistics*). В частности, В. Трампе применяет метафору экосистемы, отмечая существование взаимосвязи между языком и окружающей средой, т.е. внешним миром [Trampe 1990: 155]. В таком случае жизненные формы представляют собой системы взаимообмена между языком и внешним миром (*language-world systems*) [Finke 1983: 61], а языковая модель В. фон Гумбольдта *ergon-energeia* органично встраивается в эту концепцию [Курашкина 2016 (2)]. В работах П. Финке метафора экосистемы распространяется на культурные системы в целом [Finke 1983], а экология языка дополняется *культурной экологией* (*cultural ecology*), которая имеет дело с эволюцией *культурных экосистем* (*cultural ecosystems*), берущих начало от экосистем природных, где язык является “недостающим звеном” между двумя видами экосистем, несущими как природные, так и культурные черты [Finke 2001: 85–87, 87–88] (ср. интерпретацию экологии культуры у Д.С. Лихачева). По мнению П. Финке, культурная эволюция является преемницей эволюции природной. Поскольку происхождение экосистемной организации нашего культурного окружения из природной среды четко прослеживается, это позволяет автору вести

речь о более продвинутой концепции культурной экологии, а именно, *эволюционной культурной экологии* (*evolutionary cultural ecology*). Ученый выдвигает три центральные гипотезы в своем видении эволюционной культурной экологии: 1) существование культурных экосистем; 2) знание природы, помогающее в познании культур; 3) обращение с культурными экосистемами происходит более рационально и разумно, нежели обращение с природными экосистемами [Finke 2001: 86–87].

Новое видение *языковой* (*лингвистической*) *экологии* (*linguistic ecology*) было предложено М. Халлидеем в 1990 г. на конференции в Салониках, а понятие *экологии* стало восприниматься в биологическом смысле. В трактовке М. Халлидея экологические проблемы могут изучаться лингвистикой по признакам деконструируемой реальности, отраженной в языковой системе (в первую очередь, в грамматике) [Halliday 2001: 179–181]. Несмотря на то, что трансформирование языковой системы не находится во власти ученых, изменение означивания мира (изменение мировоззрения – *a change in ways of meaning*) может способствовать решению экологических проблем [Halliday 2001: 199]. Задача лингвистов видится в наблюдении за происходящими изменениями и выявлении наилучших направлений и моделей этих изменений [Курашкина 2016 (2)]. Так, по наблюдениям М. Халлидея, в оппозиции *big – small* мотив большего, а, значит, лучшего (мотив роста или расширения) доминирует в грамматике (*how big, how fast, how long* вместо *how small, how slow, how short*); на привилегированное положение человека указывает система английских местоимений – *he*/*she* для обозначения людей и *it* для всех существ, не обладающих сознанием. Социальные различия аналогичным образом встроены в языковую систему и передаются от родителей детям посредством приоритетного выбора грамматических моделей (см. подр. [Halliday 2001: 194–195, 197]). В этой связи М. Халлидей «призывает работать, в первую очередь, над внешним грамматическим слоем, заменяя военный дискурс на мирный, а дискурс займа на дискурс сбережения. Преодолеть идеологию роста и социальных различий, вошедших во внутренние слои

грамматики, не просто, но оба трансформационных процесса должны протекать одновременно» [Halliday 2001: 197–198].

Позднее для «изучения той роли, которую играет язык в экологических вопросах и решении проблем окружающей среды, был предложен термин *инвайроментальная лингвистика* (*environmental linguistics*), однако термины *лингвистическая экология* или *языковая экология* по-прежнему остаются доминирующими» [Курашкина 2016 (2)]. В первую очередь экологические проблемы исследуются с помощью критического дискурс-анализа (M. Jung, A. Gerbig, R. Alexander, A. Goatly, J. Døør, J. Chr. Bang – по [Fill 2001: 46–48]), в том числе принимается во внимание экофеминистский взгляд на экологический дискурс, в котором критике подвергается гендеризация объектов и употребление метафоры насилия в языке описания природы (*the rape of the land, virgin forest, penetrating Mother Earth,* etc.) (см., напр., [Berman 2001: 265–267]).

Кроме этого, проводится критический анализ языковой системы с целью выявления в ней экологических и неэкологических признаков (М. Халлидей). Критике подвергается и языковой антропоцентризм, который не способен сформировать биоцентрическое мировоззрение, и коммерционализм языка, представляющий мир с позиций природопользования и коммерческой деятельности человека. Однако желание создать «язык природы» (*nature language*), отличный от человеческого, с лингвистических позиций неосуществимо по той причине, что язык по своей сути антропоцентричен [Jung 2001: 276].

При этом языковые изменения в угоду экологичности не всегда оправданы. Как подчеркивает П. Мюльхойслер, важно изучать те способы, с помощью которых языки, отличные от большинства европейских (например, языки стран Океании), усиливают и маскируют различные аспекты, связанные с окружающей средой [Mühlhäusler 2001 (1): 37].

В конечном итоге предлагаемые стратегии решения проблемы взаимодействия между языком и природной средой сводятся к следующим: 1) создание более экологически корректного, биоцентрически ориентированного языка (ср. «язык природы»), что само по себе проблематично ввиду отсутствия

представления о том, каким должен быть такой язык; 2) обучение говорящих особому отношению к языку, который отнюдь не является нейтральным дескриптивным инструментом (*Greenspeaking* & *Greenwriting*); 3) продвижение законоинформирующих дискурсов.

К 90-м гг. XX в. «экологическая лингвистика и экология языка сложились как самостоятельные, но связанные между собой направления. В 1995 г. на конференции в Клагенфурте А. Филл дает старт систематическому исследованию современной эколингвистики и сотрудничеству ученых, занимающихся вопросами экологии и языка.

Впервые термин *эколингвистика*, по данным Х.Г. Коуто [Couto 2014], встречается в 1979 г. в работе психолога К. Зальзингера, вкладывающего в это понятие учет окружающей среды, в которой употребляется язык [Salzinger 1979]. Второе упоминание термина *эколингвистика* (*l'écolinguistique*) фиксируется в работе «Человек говорящий» (1985 г.) французского ученого К. Ажежа [Ажеж 2003: 233], где он определяет, что в будущем этой науке «предстоит изучить, каким образом интегрируются в язык окультуренные "естественные" ориентиры: стороны света, особенности ландшафта и жилища, космические феномены» [Курашкина 2015 (1): 148–149].

Современное видение эколингвистики строится на «натурализованной и реалистической философии науки и вбирает в себя всё существующее разнообразие экологических направлений. *Гипотеза расширенной экологии* (*Extended Ecology Hypothesis*) позволяет рассматривать язык вне метафорической концепции, т.е. не только как социальный и культурный продукт и инструмент для выражения мысли или коммуникации, но как видоспецифический способ регулирования метаболической активности (или интерактивности) в реальном времени [Steffensen, Fill 2014: 17–18]. Ориентация на данную гипотезу означает, что экология человека расширяется путем интегрирования ценности и значимости в экологические структуры и в результате человеческое поведение насыщается смыслом (*sense-saturated*) (см. подр. [Steffensen 2011]). Такое видение языкового функционирования вполне соответствует концепции живых систем, согласно

которой «лингвистическая область устроена как область онтогенетических координаций действий» [Матурана, Варела 2001: 187]. «Основная функция языка как системы ориентирующего поведения» в данном контексте «заключается не в передаче информации или описании независимой вселенной <…>, а в создании консенсуальной области поведения между системами, взаимодействующими на языке, путем развития кооперативной области взаимодействий» [Матурана 1995: 131–132].

Таким образом, неметафорический подход к языку лежит в основе натурализованной лингвистики, которая должна образовать «золотую середину» между двумя полюсами: сводящим язык к биологии и воспринимающим язык без соотнесения с биологией [Steffensen 2011: 204]. В свете изложенного С.В. Стеффенсен и А. Филл предлагают следующее определение *эколингвистики* [Steffensen, Fill 2014: 21]: это наука о процессах и деятельностной активности, с помощью которых человеческие существа (индивидуумы и группы) используют физическую среду для создания расширенной, наполненной смыслом экологии, которая поддерживает их траектории существования; одновременно это наука о пределах указанных процессов и деятельностной активности (организменных, общественных и экосистемных), т.е. о реализации возможностей поддержания здорового существования как для человека, так и для других уровней жизни» [Курашкина 2015 (1): 150– 151].

А. Стиббе [Stibbe 2015: 8] интерпретирует составляющие эколингвистики несколько иным образом. «*Экологическая составляющая* подразумевает жизнеобеспечивающие отношения между людьми, другими живыми организмами и физической средой, ориентированные на защиту систем, от которых зависит благосостояние и выживание как человека, так и других форм жизни. *Лингвистическая составляющая эколингвистики* включает в себя использование всего многообразия лингвистических теорий для языкового анализа с целью выявления жизненных сценариев (*stories-we-live-by*), предопределяющих человеческое поведение и образ мыслей, в стремлении пересмотреть или изменить

нежелательные когнитивные модели, сформировавшиеся в той или иной культуре» [Курашкина 2015 (1): 151].

Таким образом, взяв старт с экологии языка Э. Хаугена (1970 г.) и дополнившись экологической лингвистикой М. Халлидея (1990 г.), современная зарубежная эколингвистика продолжает свои научные изыскания на двух базовых уровнях (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Зарубежные лингвистические направления, связанные с экологией [Курашкина 2021 (1): 112]

ЭКОЛИНГВИСТИКА	
Экология языка	Экологическая лингвистика (критический и позитивный дискурс-анализ)
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУКА / ФИЛОСОФИЯ ГАРМОНИИ	

Формирующийся третий уровень связан с будущей трансформацией эколингвистики в трансдисциплинарную науку (см. подр. [Finke 2018]) или философию взаимодействия и гармонии. Ближе всех философии гармонии соответствует китайская эколингвистика. Как отмечают китайские ученые, «конечной целью анализа экологических дискурсов является изучение непрерывных жизненных отношений между людьми, человеческими и нечеловеческими формами жизни, а также между людьми и окружающей средой, что имеет отношение ко всей экосистеме» [У, Ди 2023: 234]. Опираясь на «идеи о “близости к природе”, “единстве Неба и человека”, “следовании природе”, “человеческой доброте” и т.д.», заложенные в традиционной китайской культуре, философия гармонии выходит за пределы текстов. «Интеграция традиционной китайской мысли в теоретические и практические рамки эколингвистики позволяет не только достичь глубокой гармонии контекстуального смысла на разных уровнях, но и отчетливо подчеркнуть важность языка в решении экологических проблем» [Там же: 235–236].

Что касается первых двух уровней бытования эколингвистики, то они представляют собой ее базовые отрасли, безусловно, имеющие точки пересечения.

Последователи Э. Хаугена придерживаются мнения о том, что существует взаимосвязь между лингвистическим и биологическим разнообразием. Используя термин *экология* метафорически (организмическая метафора), Э. Хауген рассматривает языки как виды. В этой связи для экологии языка одной из первостепенных задач является защита как культурного, так и языкового разнообразия [Mühlhäusler 1995]. Так, П. Мюльхойслер демонстрирует трагические последствия замещения языков доминирующим английским [Mühlhäusler 2003: 78]. В первую очередь утрачиваются дискурсы, в которых содержится все богатство накопленного опыта людьми, живущими в гармонии со своей окружающей средой. Они вытесняются чужеродными дискурсами негармоничного (неустойчивого) общества, такими как дискурс экономического роста, потребительства, неолиберализма и т.п. Подобные примеры проливают свет на опасности моноязычия и монокультуры и показывают, что для решения глобальных проблем важно наличие множества языков и, следовательно, множественности взглядов на мир.

Несмотря на то, что экологическая лингвистика М. Халлидея воспринимает экологию буквально, как поддерживающие жизнь отношения между людьми, другими организмами и физическим окружением, она также в лице своего основателя признает разнообразие видов как необходимое условие экологического благосостояния, а разнообразие языков как неотъемлемую часть культурного, экосоциального благоденствия [Halliday 2007: 13]. Традиционно экологическая лингвистика имеет дело с дискурсами экологической направленности, но на самом деле изучаемые дискурсы отличаются многообразием: рекламный, экономический, инвайроментальный, энергетический, дискурс устойчивого развития, дискурс климатических изменений и т.п. Что касается методов исследования экологического дискурса, то используется инструментарий теории фреймов, когнитивной лингвистики, теории идентичности, системно-функциональной лингвистики [Forte 2020: 2]. Однако наиболее востребованными на сегодняшний день выступают методы критического дискурс анализа (КДА).

В различных работах предпринимаются попытки представить классификацию экологического дискурса. Так, Дж. Дризек, в понимании которого экодискурс – это способ постижения мира, выделяет радикальные и реформистские экодискурсы [Dryzek 2005]. К разновидности *радикальных экодискурсов* относятся дискурс зеленого радикализма (кардинальная трансформация промышленной политики и человеческого сознания для достижения гармоничных отношений с природой) и севайвализм (от англ. *survive* – выживать) (экономический рост и рост населения должны удерживаться в рамках экосистемных возможностей). *Реформистские экодискурсы* – это дискурсы решения проблем с помощью грамотной государственной политики (экологическая модернизация, экономический и зеленый рационализм) и дискурс устойчивого развития. Отдельно характеризуется так называемый «*прометеевский дискурс*», связанный с постоянной эксплуатацией и подчинением природы (см. подр. [Dryzek 2005]).

А. Стиббе предлагает свое видение всей совокупности анализируемых дискурсов: их можно классифицировать по отношению к экософии на экологически деструктивные (эконегативные), амбивалентные (не противоречащие экософии, но, по сути, не являющиеся конструктивными) и экологически позитивные (экосозидательные или гармоничные) [Stibbe 2014].

Экодеструктивные дискурсы легко определяются по своей активной оппозиции к экософии. Например, М. Халлидей [Halliday 2001: 192] подвергает критике дискурсы экономического роста относительно своей экософии, которая зиждется на инвайроментальных ограничениях роста, ставя перед собой цель увеличения продолжительности человеческой жизни. Один из способов сопротивления и даже преодоления подобных дискурсов – это развитие критической языковой осведомленности (*Critical Language Awareness*) об их потенциально негативном воздействии [Fairclough 1992]. К примеру, знание о манипулятивном воздействии рекламного дискурса может помочь потребителям противостоять ему, развивая критическое мышление, связанное с приобретением рекламируемых товаров.

К *амбивалентным дискурсам* относятся различного рода инвайроментальные консервационные дискурсы, дискурсы устойчивого развития и «зеленого камуфляжа». Так, например, если в инвайроментальных дискурсах игнорируется вопрос о перераспределении или сокращении потребления, то они подвергаются критике, как не соответствующие экософии. Отдельные экодискурсы могут вызывать критику за представление природы и населяющих ее видов в качестве объектов или потребительских ресурсов, нежели как имеющих внутреннюю ценность [Stibbe 2014].

Экопозитивные дискурсы, согласующиеся с исследовательской экософией, концентрируются на положительных сторонах человеческой деятельности и отличаются уважительным отношением к природе и идеей гармоничного сосуществования со всем живым на планете Земля. А. Стиббе исследует поэзию хокку и научно-популярные жанры как образцы экопозитивного дискурса, вселяющие уважение к природе [Stibbe 2014].

Тем не менее, даже самые положительные дискурсы всегда оцениваются критически, т.к. бывают внутренне противоречивыми или же имеют случайные побочные эффекты, выявляемые в ходе анализа. Так, например, позитивные сценарии, касающиеся отношений «человек-животное», зачастую оказываются несколько покровительственными: животные предстают как дети («братья меньшие»), которых нужно защищать, а стойкое неприятие некоторых видов животных трудноискоренимо по причине глубоко и прочно обосновавшихся культурных кодов, влияющих на сложившиеся сценарии (см., напр., [Stibbe 2003]).

Для анализа экологически лояльных дискурсов Дж. Мартин и Д. Роуз в 2003 г. вводят термин *позитивный дискурс-анализ* (ПДА), который предлагает способы гармоничного использования языка, способного создать альтернативные подходы к тому, что исследователи воспринимают как негативные или разрушительные дискурсы [Stibbe 2018: 169]. Внедрение понятия *позитивный* дискурс-анализ, как утверждает Р. Водак, отнюдь не подразумевает, что термин *критический* негативен, а предложение альтернатив есть не что иное, как элемент критики [Wodak, Chilton 2005: XVI]. Вместе с тем, подавляющее большинство работ в

области КДА имеет отношение к негативной оценке дискурсов, которые не совпадают с убеждениями исследователя. При сходстве процедур анализа двух типов дискурса различия заключаются в их практическом применении: позитивные дискурсы поддерживаются обществом охотнее. Кроме того, в сценариях, которыми мы живем, могут сохраняться некоторые негативные идеи, как то мужской шовинизм, особое положение человека как вида, гомофобия и т.п. Именно по этой причине необходимы как позитивный, так и критический подходы к дискурс-анализу [Forte 2020: 13].

Если эколингвистика сосредоточится не только на изучении сочетания грамматических и семантических особенностей определенного дискурса, но и на влиянии некоторых дискурсов на человеческое поведение и в целом на обеспечивающие жизнь экосистемы, то гораздо эффективнее окажется не столько анализ сугубо экологического дискурса, сколько анализ любого вида дискурса, выполненный в экологическом русле [Alexander, Stibbe 2014].

Резюмируя, важно отметить, что и экология языка, и экологическая лингвистика, составляющие ключевые отрасли эколингвистики, имеют схожее видение взаимоотношения «человек – природа». Будущее развитие интегральной дисциплины может проходить как в статусе трансдисциплинарной науки, так и в статусе философии взаимодействия и гармонии с природой.

1.2.2. Основные направления в отечественных экоисследованиях

Становление эколингвистики в России происходит в 90-е – 2000-е гг. рубежа XX–XXI вв. сразу по двум генеральным направлениям: 1) прямое продолжение и развитие идей Э. Хаугена и М. Халлидея, 2) трансформация теории культуры речи в *языковую* / *лингвистическую экологию* (*лингвоэкологию*) для «сохранения национально-исторических традиций своих культур и охраны этнического менталитета, воплощенного в языке» [Савельева 1997: 11] с тем, чтобы «одновременно осмыслить место и роль языка в современной жизни, а также

принципы языковой политики и направленность языкового обучения» [Курашкина 2016 (2)].

Большую роль в экологизации культуры, как известно, сыграл академик Д.С. Лихачев (см. подр. [Лихачев 1985]). Постепенно превратившись в термин гуманитарной области знания, *экология культуры* стала означать: 1) «заботу о полнокровной жизни культурной среды как системы взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов: образования, фундаментальных наук, музейного, архивного и библиотечного дела, искусства всех видов и форм и т.д.»; 2) «необходимость бережного отношения к сохранности той культурной сферы, которая была выработана творческим трудом предшествующих поколений, контроль за преемственностью общекультурных традиций» [Сущенко 2011: 125]. Позднее Ю.М. Лотман также соотносит феномен культуры с экологией, полагая, что это «своеобразная экология человеческого общества или атмосфера, которую создает вокруг себя человечество, чтобы существовать дальше» [Лотман 2005: 470–471].

Одним из первых отечественных лингвистов, положивших начало употреблению таких терминов, как *экология языка* и *лингвистическая экология*, был Л.И. Скворцов (см., напр., [Скворцов 1988, 1994, 1996]). Определяя предмет лингвоэкологии, в который входит «культура мышления и речевого поведения, воспитание лингвистического вкуса, защита и “оздоровление” литературного языка, определение путей и способов его обогащения и совершенствования, эстетика речи» [Скворцов 1994: 82], Л.И. Скворцов приравнивает лингвистическую экологию к культуре языка и речи, применяя к традиционным проблемам последней экологический подход. Ученый, в частности, говорит об *экологии слова*, которая предполагает «заботу об очищении русского языка от засоряющих его просторечных, диалектных, жаргонных слов, обсценной лексики (вульгаризмов и мата), от ненужных (функционально неоправданных) иноязычных заимствований, от типичных ошибок и отклонений от литературной нормы в устной и письменной речи» [Скворцов 2003: 295], а также заботу о сохранении и очищении окружающей речевой среды от разного рода «загрязнений» и «заражений» и борьбу с

«лингвистическим нигилизмом», т.е. недооценкой гуманитарных знаний [Курашкина 2016 (2)].

Лингвоэкология XXI в. признана наиболее разработанным российским направлением, у истоков оформления которого в самостоятельную дисциплину стоит профессор А.П. Сковородников. Многократно уточняя и редактируя дефиницию лингвоэкологии, автор определяет ее как междисциплинарную гуманитарную науку, «предметом изучения которой является состояние языка как сложной семиотической системы **с *экологических позиций*** (курсив А.П. Сковородникова – *Н.К.*) (метафорически «здоровье языка»), обусловленное социальными, историческими, политическими и другими экстралингвистическими факторами, влияющими негативно или позитивно на язык и языковое сознание его носителей; пути и способы защиты языка от негативных влияний среды его обитания, с одной стороны, и его обогащения и совершенствования, с другой» [Сковородников 2019 (1): 13]. Именно А.П. Сковородникову принадлежит заслуга в создании особых лингвоэкологических терминов, обозначающих всевозможные языковые и речевые деструктивные явления. Так, с опорой на теорию злокачественной агрессии (некрофилии) Э. Фромма вводится понятие *лингвонекрофилии* как разновидности «речевой / языковой агрессии, для семантического наполнения которой характерны интенции ненависти, клеветы, очернения, презрения, глумления, кощунства и уничижения», выражающиеся в высказываниях, нарушающих любые принятые этические нормы (см. подр. [Сковородников 2019 (2)]). К другим ярким иллюстрациям авторских лингвоэкологических терминов можно отнести следующие: *загрязнители языка / речи, Красная книга или красный список слов, лингвогомеостаз, лингводигрессия, лингвосиндром, лингвотоксины, лингвоценоз, лингвоцинизмы, лингвоэмиссия, языковая реанимация, языковой анабиоз* и т.п. [ЭРС 2017].

Ключевым понятием лингвоэкологии выступает *лингвоэкологичность*, «под которой понимается определенное состояние языковой (речевой) среды, характеризующееся особым образом взаимодействия её элементов, реализуемыми ими коммуникативными стратегиями, открытостью намерений, ценностной

ориентацией, нормативностью, обратно пропорциональной количеству и степени присутствующих в ней лингвотоксичных элементов, а также иных элементов, представляющих угрозу для языковой среды» [Потеряхина 2015: 5–6].

Еще в 1992 году А.П. Сковородников выделяет первоочередные задачи, на решение которых в первую очередь должна быть направлена лингвоэкология [Сковородников 1992]. Эти проблемы не утратили актуальности и сегодня, хотя и требуют некоторых дополнений. Вот наиболее существенные из них: 1) забвение семантически ценных слов и фразеологизмов, приводящее к оскудению словарного запаса большой части русскоговорящих людей [Сковородников 2013, 2014]; 2) «вопрос о лексико-фразеологической “реанимации”, то есть восстановлении в качестве функционирующих единиц слов и фразеологизмов, *действительно* вышедших из употребления даже носителями элитарной речевой культуры» [Сковородников 2013: 198–199], с учетом идеи «языкового расширения» [Солженицын 2000]; 3) «феномен идеологической и оценочной амбивалентности в осмыслении и толковании ключевых слов-концептов российского политического дискурса» [Сковородников 2013: 200–202] и связанное с данным феноменом «манипулятивное использование общественно-политических терминов» [Сковородников 2014: 147]; 4) феномен «языковой русофобии»; 5) синдром заимствований; 6) вульгаризация языка, «рост его инвективности, жаргонизации, циничности»; 7) эвфемизация речи; 8) проблема языковой нормы и ее кодификации, а также этико-речевая компетенция и соответствующие нормы; 9) «отношение к русской классической литературе и качество ее преподавания», связанное с состоянием русской речи и языка; 10) исследование творческих механизмов языка и их популяризация (см. подр. [Сковородников 2013: 198–210, Сковородников 2014: 145–153]).

В настоящее время актуальные проблемы, охватываемые лингвоэкологией, нарастают, что обусловливает возникновение новых подотраслей в ее составе. Несмотря на разные подходы, все они решают «одну важную задачу – бороться с языковыми и речевыми недугами, очищая языковое сознание от вредоносных факторов, не забывая при этом отмечать положительную динамику

языкотворческих процессов и внедрения в национальное языковое сознание позитивных когнитивных структур» [Курашкина 2022 (1): 37]. Речь идет о таких подотраслях как: лингвотоксикология (А.П. Сковородников, Г.А. Копнина, Е.М. Хакимова), лингвокреативология (лингвистика креатива) (А.П. Сковородников, Г.А. Копнина, Н.Н. Кошкарова), лингвоэкология эмоций (В.И. Шаховский, Н.Г. Солодовникова), педагогическая лингвоэкология (Е.А. Сущенко), этическая лингвоэкология (К.А. Андреева) (см. Таблицу 2).

Таблица 2 – Российские лингвистические направления, связанные с экологией [Курашкина 2021 (1): 113]

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ	ЭКОЛИНГВИСТИКА
Лингвотоксикология	Экология перевода
Лингвокреативология (лингвистика креатива)	Критический анализ экологического дискурса
Эмотивная лингвоэкология	*Натурлингвистика*
Педагогическая лингвоэкология	
Этическая лингвоэкология	

Выделенная подотрасль лингвоэкологии под названием *лингвотоксикология* (раздел лингвотравматологии) изучает *лингвотоксины*, т.е. группу явлений, наносящих вред как языку, так и языковому сознанию носителей языка «вплоть до трансформации их картины мира» [Сковородников, Копнина 2017: 29]. Автор и его последователи относят к лингвотоксинам неоправданные иноязычные заимствования, неудачное словотворчество, ярлыкообразование, вульгаризацию языка и речи, лингвоцинизмы, бюрократизацию языка, избыточную аббревиацию (см. подр. [Сковородников, Копнина 2017, Сковородников 2024]). В связи с повсеместным распространением обсценной лексики, наносящей «коммуникативный ущерб», вводится понятие *лингвоэкологическое право человека* [Брусенская, Куликова 2018], которое тесным образом «связано с правом человека на защиту своей чести и достоинства» [Трошина 2020: 40]. Подобные вопросы могут рассматриваться с привлечением юрислингвистов. Находит свое осмысление и такой феномен как *токсичный медиатекст* и явление *медиабулимии*,

понимаемое как «избыточное, неконтролируемое потребление медийного контента» [Хакимова 2023: 135] (см. подробнее [Хакимова 2023, Хакимова и др.2026]).

Полагая, что у стилистики креатива, как подраздела лингвистики креатива, есть «значительные соприкосновения в предметном поле» [Сковородников, Копнина 2014: 103] с лингвоэкологией, А.П. Сковородников и Г.А. Копнина по сути вводят еще одну подотрасль в состав данной научной дисциплины, который можно назвать *лингвокреативологией*. А.П. Сковородников видит необходимость в изучении «проблематики совершенствования языка и его речевого воплощения, включая изучение и популяризацию языкового творчества» [Сковородников 2014: 143–144]. Базовым понятием лингвокреативологии является *лингвокреатема* как языковая / речевая инновационная единица, в качестве которой «может выступать слово, словосочетание, предложение, фрагмент текста (прежде всего сложное синтаксическое целое)» [Сковородников, Копнина 2014: 101]. Авторы также вводят антонимичный термин *псевдолингвокреатема* для обозначения разновидности речевого недочета (см. подр. [Сковородников, Копнина 2014, Сковородников 2024]). Н.Н. Кошкарова, в свою очередь, предлагает термин *новообразование* для описания новых слов российской действительности, полагая, что он является результатом когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности (см. подробнее [Кошкарова 2015, 2016]). Таким образом, лингвотоксикология и лингвокреативология являют собой два дополняющих друг друга подраздела, призванные, по замыслу А.П. Сковородникова, изучать «способы и средства защиты языка и речи от негативных воздействий, с одной стороны, и пути и средства их обогащения и развития, с другой» [Сковородников 2013: 196].

Эмотивная лингвоэкология как «наука об охране здоровья языка, языковой среды, окружающей человека, как части природы и здоровья самого человека говорящего» [Шаховский 2016: 12] возникает на стыке лингвистики эмоций и лингвоэкологии, становясь ответвлением последней и выводя на первый план терапевтическую (коммуникативно-экологическую) языковую функцию. Данное

направление зиждется на метафоре *экология = здоровье*. Среди ключевых терминов, раскрывающих сущность эмотивного направления, выделяется *экологичность*, подразумевающая «бережное отношение к кому-либо или чему-либо, а также здоровье» [Солодовникова 2020: 714]. Одной из задач эмотивной лингвоэкологии видится поиск «таких форм общения, которые не причиняли бы вреда партнерам по коммуникации», в связи с чем изучается вопрос «экологичности использования слов, как защитных масок эмоций» [Солодовникова 2019: 10]. В целом критериями экологичной (здоровой) коммуникации выступают искренность, доброжелательность и этичность.

На аналогичной метафоре (*экология = здоровье*) базируется направление по оздоровлению современной школьной языковой среды – *педагогическая лингвоэкология* (ПЛЭ). ПЛЭ дает возможность «решать языковые / речевые проблемы формирования языковой личности» и обеспечивать «развитие безопасной лингвистической жизнедеятельности субъектов образовательного процесса» [Сущенко 2014: 223]. Результатом исследовательской работы Е.А. Сущенко, в частности, является «создание структуры технологии ПЛЭ-сопровождения индивидуального образовательного маршрута обучаемого» и индивидуального сопровождения педагога [Там же].

Возникновение *этической,* или *нравственной, лингвоэкологии* предопределено расширением термина *экология* (ср. *экологию культуры* в интерпретации Д.С. Лихачева) и общей озабоченностью неблагополучным состоянием социально-культурной ситуации современного общества и, соответственно, состоянием речевой культуры [Андреева 2012: 14]. Этическая концептосфера включает в себя порядка пятидесяти базовых положительных этических концептов человека нравственного (например, *вера, любовь, добро, правда, гармония, мудрость, справедливость*), ядром же выступает концепт *Душа* (см. подр. [Андреева и др. 2017]). Изучение репрезентации этических концептов в текстах художественной литературы ведет к переосмыслению общечеловеческих понятий, возрождению утраченных нравственных ценностей и уважения к лингвокультурному наследию народа и, в конечном итоге, к «гармонизации

экологии Души» [Андреева 2012: 12]. Таким образом, данная подотрасль лингвоэкологии основывается на метафоре *экология = гармония* (здоровье) *Души*.

Концептосфера *моральные ценности* также исследуется в научном экологическом дискурсе. В ее состав входят десять моральных концептов, таких как «добро, совесть, справедливость, дружба, любовь, ответственность, благоразумие, честность, долг и верность» [Хомутова, Нохрин 2017: 22]. Примечательно, что моральные ценности и средства их вербализации в указанном типе дискурса изучаются с применением интегрального подхода, что позволяет представить их как «интегральное единство когнитивного, языкового, культурного и социального секторов» [Нохрин 2019: 5]. Использование английского, немецкого и русского корпусов научных дискурсов по экологии дает возможность выстроить иерархию моральных ценностей и создать универсальную модель данной концептосферы с тремя вариантами реализаций (см. подр. [Нохрин 2019]).

В русле лингвоэкологии движутся изыскания Т.В. Гридневой, которая предлагает рассматривать паремии и фразеологизмы как экологические явления, требующие к себе бережного отношения [Гриднева 2019]. Автор указывает, что единение с окружающим миром находит отражение в семантике пословиц таких тематических групп, как Вселенная, дом, Родина, народ, язык, а также во фразеологизмах с компонентами-зоонимами и фитонимами [Гриднева 2019: 132]. По своей сути это не что иное, как экопозитивные сценарии, которыми руководствуется этнос, выстраивая гармоничные взаимоотношения с окружающим пространством.

Интерес представляет разработанная методика *эколингвистического мониторинга* языкового пространства, под которым понимается «специально организованная и постоянно или длительное время действующая система сбора и анализа экстралингвистической и собственно лингвистической информации, проведения дополнительных информационно-аналитических обследований (опросы населения и т.п.) и оценки (диагностики) состояния и тенденций развития языка, например, в конкретном регионе» [Шамне, Шовгенин 2010: 154]. Авторы предлагают ряд концепций и моделей эколингвистического мониторинга,

демонстрируя его многоступенчатый и междисциплинарный характер, имеющий длительный срок реализации (см. подр. [Шамне, Шовгенин 2010: 157–160]). Так, с помощью методов опроса и интервьюирования информантов, проживающих в Волгоградской области, составлено «комплексное описание внесоциальных и социальных факторов, организующих фон развития языков и языкового взаимодействия в регионе» [Шамне 2011: 145].

Как было отмечено ранее, лингвоэкология имеет точки пересечения с *культурой речи*, а контакты лингвоэкологии с *лингвистикой информационно-психологической войны* (ИПВ) являются еще одним свидетельством междисциплинарности науки. Будучи частью политической лингвистики, лингвистика ИПВ совпадает с лингвоэкологией в своем проблемном исследовательском поле. Такие явления как политическое ярлыкообразование, изменение лексического значения идеологем в сторону токсичности, развитие амбивалентной оценочно-экспрессивной коннотации у ряда слов, навязывание «западнизмов» и пр., волнуют как лингвистов-экологов, так и лингвистов-политологов. В результате на лингвистическом фронте идет борьба за экологичность сознания, за экологию культуры, языка, образования, воспитания и т.п., за экологию человека как вида (см., напр., [ЛИПВ 2020, ЛИПВ 2021, ИВЦМ 2023]).

В первое десятилетие XXI в. работы в сфере *эколингвистики* предлагают осмысление идей зарубежных коллег (см., напр., [Иванова 2007 (3), Ионова 2010, Полухин 2009, Шамне, Шовгенин 2011: 6–24]). На данный момент к подотраслям эколингвистической сферы относятся: 1) критический анализ экологического дискурса и 2) экология перевода.

Критический анализ экологического дискурса представляет собой развитие идей М. Халлидея (см., напр., [Иванова 2007 (1), Красильникова 2005]). Данную отрасль эколингвистики, как полагает Е.В. Иванова, следовало бы назвать *изучением экологического дискурса* [Иванова 2007 (2): 136], где термин *экологический* маркирует основное направление в дискурсивном исследовании, а

именно «вопрос об отношениях между живыми существами и окружающим их миром» [см. Бергман 1999].

Под *экологическим дискурсом* (экодискурсом) понимают «множество текстов различных функциональных стилей и жанров – от монографий до произведений популярной и художественной литературы – как выражение в языке экологических тем и проблем. Это связный, устный или письменный текст, обусловленный ситуацией общения на экологические темы» [Иванова 2007 (1): 6]. Все чаще к понятию дискурса применяется лингво-синергетический подход, позволяющий рассматривать его смыслопорождающую энергию в синергетических категориях системности, способности к самоорганизации, гомеостатичности, нелинейности, незамкнутости, неустойчивости, эмерджентности, интердискурсивности, симметричности / ассиметричности (см. подр. [Самкова 2014]). Определяется «общий экологический дискурс, основная тема которого – отношения между живыми организмами и окружающим их миром, и его частные дискурсы как конституенты вышестоящей единицы» [Фадеева 2011: 61].

Квинтэссенцию собственно *эколингвистики* в отечественных работах составляет критический дискурс-анализ. Наряду с эколого-политическими видами дискурса (алармистский, дискурс глобализации, пацифистский дискурс, дискурс устойчивого развития), разработанными Д.В Ефременко [Ефременко 2006], вводятся в оборот дискурсы экологической катастрофы и коэволюции [Орешкина, Коняшкин 2018]. По утверждению авторов, концепция устойчивого развития не ведет с необходимостью к исцелению природных недугов, коэволюция природы и человека видится иллюзорной, а сохранение уже существующего состояния окружающей среды требует от человечества масштабных изменений в сферах управления, образования и политики [Орешкина, Коняшкин 2018: 142].

Воспринимая мир посредством метафорических образов, являющихся реализацией древних экологических архетипов [Гимазетдинова 2005, Курашкина 2018, Иванова 2021], человек пребывает в неразрывной связи с природой (на ранних стадиях существования – в благоговении и гармонии). (О понятии экологического архетипа см. подробнее 2.2. Глава 2). Следуя такой логике, Д.В.

Токмаков отмечает важную роль архетипов в современном дискурс-анализе. Ученый утверждает, что природная катастрофа, представляющая угрозу для человека, способствует активизации архетипа *угроза жизни* [Токмаков 2019: 178], вербализующегося при помощи концептуальных метафор. Так, для современного экологического дискурса СМИ актуальна метафорическая модель «Глобальное потепление – преступление»: она формирует определенный уровень экологического сознания, эксплуатируя коллективные символы и эмоционально-оценочную лексику [Громорушкина 2019: 98]. Исследовательское поле для дискурс-анализа постоянно расширяется, что обеспечит в будущем как возникновение новых подвидов экологического дискурса, так и способов вербализации экоархетипов в разнообразные метафоры.

В настоящее время в отечественном научном дискурсе разрабатываются эколингвистические принципы преподавания иностранных языков [Шелестюк 2021, 2023]. Эколингвистический подход при обучении иностранным языкам предполагает, что распространение языка международного общения не должно нарушать «исконные языковые традиции наций <…>, обеспечивать языковое и культурное разнообразие, культурно богатый, но единый мир» [Шелестюк 2023: 138]. В этой связи выдвигается идея изучать иностранный язык (прежде всего, английский) на базе учебников принимающих стран, отталкиваясь от родной лингвокультуры «как основного кода хранения и передачи опыта социума» [Там же: 146].

Экология перевода претендует на статус самостоятельной науки, взяв за точку опоры экологию языка в понимании Э. Хаугена (здесь работает метафора *экология – это гармония* (качество) *перевода*), отчего, скорее, тяготеет к лингвоэкологии. Концепция экологии перевода Л.В. Кушниной и ее последователей в целом совпадает с научными взглядами тюменской научной школы под руководством Н.Н. Белозеровой (см. [Белозерова, Лабунец 2012, Белозерова 2013]), однако дополняется авторской теорией переводческого пространства, связанной с его гармонизацией [Кушнина, Пылаева 2014: 72]. Л.В. Кушнина предлагает переводческую стратегию, учитывающую семь полей

переводческого пространства, в том числе природно-биологическое поле (где происходит возникновение экосмысла). Такой подход способствует адекватному отражению взаимодействия «человек–природа» в текстах, а использование понятий *экоконцепт* и *экосмысл* позволяет ученым создать синергетическую модель перевода, в которой текст понимается как «открытая саморазвивающаяся система смыслов, транслирующих в тексте эколингвистические составляющие» [Кушнина, Плюснина 2018: 78].

Теория гармонизации переводческого пространства, разработанная Л.В. Кушниной, совершенствуется в работах ее последователей. Так, Е.М. Пылаевой разработаны параметры эколого-переводческого анализа художественного текста с «экологическими» компонентами [Пылаева 2014]. Для сравнения: в Китае на основе существующей философской концепции гармонии человека и среды обитания сформировалась *экотранслатология*. Экологический перевод осуществляется с опорой на теории адаптации и выбора: «переводчик адаптируется к экологической среде перевода и делает выбор при переводе текста» [Фоменко 2023: 145], что обеспечивает «естественное вхождение текста перевода в новую культурную среду» [Там же: 146].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что из двух параллельно развивающихся линий притяжения экологии и лингвистики наиболее прочные позиции занимает лингвоэкология, связанная с «оздоровлением» языка. Эколингвистика проходит этап становления, в ходе которого уже сформировались экология перевода и критический анализ экологического дискурса, видящий в качестве своей основной темы отношения между живыми организмами и окружающей средой.

1.2.3. О выборе термина для наименования междисциплинарной лингвистической отрасли знания XXI века

Представляя многоаспектность языковых исследований, объединенных экологической проблематикой, нельзя обойти стороной проблему наименования соответствующих дисциплин и их научного статуса. Начнем с эколингвистики, как

ее трактуют в зарубежных трудах. В самых общих чертах лингвистическая составляющая эколингвистики подразумевает сложный анализ языковых механизмов, посредством которых создаются, воспроизводятся, распространяются или отвергаются те или иные мировоззрения. Экологическая сторона должна укладываться в соответствующий экофрейм для определения роли вышеупомянутых мировоззрений в сохранении или подрыве жизнеобеспечивающих условий [Stibbe 2014].

Безусловно, существуют и другие интерпретации того, чем призвана заниматься эколингвистика. Это может быть применение экологической метафоры к языковым контактам и развитие идеи лингвистического разнообразия, аналогичного биоразнообразию (см, напр., [Bastardas-Boada 2005]). Или же внедрение собственно экологических концепций в лингвистическую теорию с целью создания «метамодели» для упорядочения всего, что известно о языке и коммуникации в единую теорию языка [Boguslawska-Tafelska 2013]. Для других исследователей эколингвистика представляет собой анализ текстов, связанных с экологической проблематикой. В то же время для КДА, который трактует экологию в геккелевском смысле, объектом анализа становятся такие дискурсы, которые напрямую связаны с взаимодействием людей, прочих живых организмов и природным окружением.

Несмотря на то, что с 1995 г. научные течения, связующие лингвистику с экологией, сосуществуют под одним зонтичным термином, четкого общепринятого определения самой интегральной дисциплины в зарубежных исследованиях не сформулировано. Однако такое определение необходимо, и ряд ученых предпринимает попытки очертить с разной степенью широты границы этой науки.

Уже процитированное определение С.В. Стеффенсена и А. Филла (см. 1.2.1.) характеризует эколингвистику с позиции натурализованной философии науки. А. Стиббе и Р. Александер расценивают экологическую составляющую науки в геккелевском понимании взаимодействия между организмами и экосистемами. Эколингвистика в их интерпретации – это «изучение влияния языка на жизнеобеспечивающие отношения между людьми, другими видами и окружающей

средой» [Alexander, Stibbe 2014: 104]. В подобной трактовке А.В. Кравченко усматривает явное расхождение между тем, «чем эколингвистика хочет быть и чем она на самом деле является» [Кравченко 2019: 27]. По его мнению, эколингвистика не ставит вопрос о биосоциальной функции языка, в то время как без учета данной функции не представляется возможным претендовать на холистический подход к языку и его феноменам [Там же].

В то же время для А. Стиббе эколингвистика, прежде всего, имеет дело с дискурсами, как некими семиотическими средствами, которые исследуются для координации человеческой деятельности и мировоззрений, создавая особые модели реальности, т.е. сценарии, по которым мы живем (*stories we live by*) [Alexander, Stibbe 2014]. Иными словами, это когнитивные структуры, широко распространенные в той или иной культуре и потому влияющие на образ мыслей и поведение людей. Один из таких сценариев, например, *прибыль – это хорошо* (*profit is good*) поддерживает бездумное извлечение выгоды в ущерб людям и окружающей среде (см. подр. [Stibbe 2020]). Обращаясь к исследованию эконарратива, А. Стиббе охватывает широкий спектр разноплановых текстов (мифы о сотворении мира, поэзию хокку, современные подкасты, документальные фильмы об изменении климата, рекламу пищевой продукции и многое другое), верифицируя их на предмет соответствия своей экософии и предлагая поиск альтернатив в случае причинения ими вреда экологии, продвигая при этом экогармонизированные сценарии (см. подр. [Stibbe 2024])

При таком подходе задача каждого члена общества (эколингвиста в первую очередь) заключается в осознанном подходе к выбору языка, используемого для описания окружающего мира, и поиске гармоничных способов применения языка для воплощения в жизнь того мира, который мы хотели бы видеть. Для успешного решения этой задачи эколингвисту необходимо: 1) определить сценарии, по которым мы живем; 2) провести критический анализ, который приведет к поиску более гармоничных сценариев; 3) погрузиться в реальный мир, где можно на себе испытать все, что не может передать даже самый яркий и выразительный язык [Stibbe 2019].

Следует признать, что эколингвистика, за небольшим исключением, не находит своего определения и в отечественных исследованиях.

В отечественной научной литературе не прекращаются терминологические дискуссии о правомерности употребления понятий *лингвоэкология* и *эколингвистика* как синонимичные или тождественные (см., напр., [Белозерова, Лабунец 2012, Копнина 2014, Коровушкин 2011, Кравченко 2014, Курашкина 2015 (1), Пузырев 2013, Сиротинина 2013]). Точки над i расставляет А.П. Сковородников, призывая не создавать «синонимию терминов», а «соотносить термин “лингвоэкология” со значением словосочетания “экология языка”, а термин “эколингвистика” – со значением словосочетания “язык экологии” (лингвистика экологии)» [ЭРС 2017: 115]. Отсюда следует, что лингвоэкология (=экология языка) занимается языковыми проблемами с позиции экологии. Эколингвистика же изучает язык разных экологий, а в центре внимания оказываются языковые проблемы всех экологических наук, рассматриваемые с лингвистических позиций [Сковородников 2019 (1): 13].

В очередной раз соотнося оба термина, важно обратить внимание на то, что «последователи Э. Хаугена воспринимают экологическую составляющую метафорически, поэтому в качестве исследовательского объекта видят *здоровье / нездоровье* языка. Последователи М. Халлидея интерпретируют экологическую составляющую в биологическом смысле и изучают роль языка в жизнеобеспечивающих системах взаимодействия человека, других видов и окружающей среды» [Курашкина 2022 (1): 42]. Необходимость в объединяющем термине теряет актуальность, поскольку «”зонтиком” для лингвоэкологии является экология, а для эколингвистики – лингвистика» [Сковородников 2019 (1): 13]. Но в строгом смысле этого слова *зонтиком* и для лингвоэколога, и для эколингвиста должна быть лингвистика, коль скоро обе группы исследователей работают с языком и языковым сознанием.

Небезынтересна и точка зрения А.В. Кравченко, полагающего, что подлинно холистический подход к языку, а именно понимание, что «*язык составляет особенность человеческой экологии*» (курсив А.В. Кравченко – *Н.К.*), с

неизбежностью приведет к отсутствию необходимости в подразделах лингвистики, как то био-, социо-, этно-, психо-, эко- и т.п. лингвистик [Кравченко 2019: 27]. В неопределенном будущем это станет интегральной «теорией языка как частью наук о живом» [Там же]. Однако на деле отказ от лингвистических подразделов, в свою очередь, приведет к «зонтичности» самой лингвистики, какой она, в принципе, и является на сегодняшний день. А в каждом из подразделов останутся как свои философские (теоретические), так и эмпирические составляющие.

Научный статус эколингвистики балансирует между двумя полюсами: от самостоятельной междисциплинарной науки (В.П. Коровушкин), как синкретичной (М.И. Конюшкевич), так и трансдисциплинарной (P. Finke), и научного направления (Е.М. Пылаева) до междисциплинарной отрасли языкознания (М.В. Басинская, Н.Н. Кислицина, А.П. Сковородников) / междисциплинарной отрасли знания (A. Stibbe) и платформы для изучения различных языковых явлений (do Couto). В отдаленной перспективе эколингвистике прочат статус экологического мировоззрения или философии взаимодействия и гармонии (A. Fill, H. Penz). Что касается современного состояния эколингвистики, то это, скорее всего, междисциплинарная лингвистическая отрасль знания, сродни социолингвистике, психолингвистике и т.п., имеющая в основе ряд экософий, объект и предмет исследования, методологию, скомбинированную из лингвистической и смежных с ней отраслей знания, в связи с чем трудно поддающаяся четкому определению и являющая размытые границы своего бытования.

Несмотря на нерешенные проблемы, упомянутые выше, у эколингвистики есть много вариантов будущего развития. Один из них видится в появлении новых исследований, основанных на хорошо продуманных экософиях, которые найдут практическое применение в преодолении дискурсов, позиционирующих экологически деструктивное и социально несправедливое общество, в активизации экологических архетипов как основных ориентиров для создания гармоничных жизненных сценариев. По наблюдению В.Г. Костомарова, «…в плачевном состоянии находится не язык – он как был, так и остается богатым, с

неисчерпаемым великолепием выразительных средств, – а мы, его носители, те, кто этим языком сегодня пользуется» [Костомаров 1994: 3]. Именно по этой причине и эколингвистам, и лингвоэкологам важно воздействовать на языковое сознание людей, пробуждая в них забытые в нашем техногенном обществе связи с *οἶκος* – общим домом человечества.

1.2.4. Натурлингвистика как подотрасль эколингвистического знания

Как было показано в предыдущих параграфах, основная задача лингвоэкологов состоит в борьбе за “здоровье” языка, отсюда возникают ответвления, занимающиеся оздоровлением той или иной сферы человеческой жизнедеятельности. К эколингвистике тяготеет экология перевода (несмотря на метафоричность восприятия экологии) и критический анализ экологического дискурса. При этом ни в России, ни за рубежом не предпринимаются попытки проведения лингвистических изысканий в области природной экологии, как это было задумано у К. Ажежа [Курашкина 2021 (1): 112]. Эколингвисты практически не занимаются вопросами языкового и культурного воплощения мира природы.

Время, в которое мы живем, характеризуется уходом от естественного мира в мир цифровых технологий, а окружающая среда и ее обитатели как никогда нуждаются в пристальном внимании, изучении и охране. Вопрос о взаимосвязях и взаимозависимости, существующей между биосистемами и культурно-языковым разнообразием, поднимается в работах целого ряда эколингвистов. Так, П. Мюлхойслер, исследующий языки народов Океании, показывает, что вымирание животных или исчезновение растений со временем ведет к утрате их языковых номинаций или употреблению упрощенных названий [Mühlhäusler 1992, 1996, 2001 (2)]. Вместе с тем, «каждый отдельно взятый язык представляет собой отражение истории существования и адаптации человека к среде обитания и способы постижения постоянно меняющегося мира» [Курашкина 2021 (1): 113]. Именно язык играет «определяющую роль в структурировании когниции» [Бородай 2013: 49].

На отрыв современного техно-человека от природы обращает внимание И.Г. Лебедев, отмечая, что в результате этого процесса исчезает понимание «экологических корней значений названий объектов живой природы» [Лебедев 2009: 7] и потребность в их языковом сохранении [Курашкина 2021 (1): 113].

Показательны в этом отношении результаты психолингвистического эксперимента, проведенного с участием информантов – носителей английского (американский вариант) и русского языков в возрасте от 17 до 65 лет. Участникам эксперимента было предложено ответить на вопрос: *Как вы думаете, почему птица так называется?* Несмотря на наличие иллюстраций птиц (не всегда цветных), информанты полагались на здравый смысл, интуицию или предлагали свои переосмысления орнитонимов. Если орнитонимы с прозрачной мотивированностью (как то *горихвостка* или *woodcreeper*) не вызывали затруднений, то интерпретация орнитонимов с утраченной мотивированностью дала весьма неожиданные результаты. Информация о показаниях языкового сознания носителей языка в сопоставлении с имеющейся этимологией орнитонимов отражена в специальном словаре [Савенко 2012]. Вот только некоторые примеры, иллюстрирующие проявление креативных мыслительных способностей, приводящих к индивидуальным интерпретациям при отсутствии экологических знаний о представителях орнитофауны: *аист* – от *ай-ай* (звукоподражание); *жаворонок* – это птица, которая появляется, когда жарко, или птица, которая похожа на ворона; *иволга* – птица, которая живет на иве или обитает у реки Волга; *jackdaw* (галка) – птица, как-то связанная с Джеком; *wheatear* (каменка) – птица, которая питается пшеницей или живет в колосьях пшеницы (см. подр. [Савенко 2012]).

Приведенные экспериментальные данные неудивительны – Homo technicus довольствуется симулякрами, т.е. заменой реального знаками реального, с азартом вовлекаясь в процесс порождения гиперреального (см. подр. [Бодрийяр 2013]), а экспериментирование с такой искусственной реальностью делает пропасть между природой и человеком все более непроходимой. Если Ж. Бодрийяр вводит в оборот термин *симулякр* в конце 70-х гг. XX в., то о подобной имитации несуществующего

Н.К. Рерих говорит еще в начале XX в.: «вместо шагов к настоящей природе стараемся обмануть себя фальшивыми, нами же самими сделанными ее подобиями» [Рерих 2005: 35]. Между тем, по мнению ученого, для заботы о здоровье природы требуется сознание того, «что самый тщательный кусок натурального пейзажа все же лучше даже вовсе не самого плохого создания рук человека» [Там же: 35–36].

К сожалению, текущее состояние дел, касающееся влияния человека на природный мир, не столь оптимистично. В Красной книге Российской Федерации (том «Животные») [см. Красная книга РФ 2021] закреплены 443 вида, среди которых есть представители животного мира, находящиеся под угрозой исчезновения не только на территории России, но и в целом на Земле. Из них 127 видов – это представители орнитофауны, пребывающие в разных статусах в естественной среде обитания: от уязвимых (вследствие сокращения численности популяции) до находящихся под критической угрозой исчезновения.

С целью воспитания экологического сознания и экологической культуры посредством всестороннего изучения и сохранения в языке экоинформативных номинаций, связанных с миром природы, включая пропаганду природоориентированных моделей поведения, предложено новое направление для внедрения в состав эколингвистики. Это лингвистика мира природы (натурлингвистика < лат. *natura* природа), о необходимости появления которой впервые заявлено в 2021 г. [Курашкина 2021 (1)]. С тех пор автором проделана работа по конкретизации круга натурлингвистических проблем и методов исследования.

Рабочее определение *натурлингвистики*: это подраздел эколингвистики как междисциплинарной лингвистической отрасли знания, который направлен на изучение экоинформационного потенциала и экологичности лексики природного мира. В круг решаемых проблем также входит поиск экоориентированных поведенческих моделей, отраженных в языке и культуре. Натурлингвистика «может использовать понятия *экология* и *окружающая среда* как метафорически, так и в биологическом смысле» [Курашкина 2021 (1): 113].

Далее необходимо отметить наиболее важные терминопонятия. В натурлингвистическом ключе понятия *экология* и *окружающая среда* могут быть использованы как в метафорическом, так и в биологическом смыслах. Для объективации природного мира, необходимого в процессе его научного изучения, во многих работах используется термин *объект природы*. Как правило, под объектом природы понимают естественную экологическую систему, «природный ландшафт и составляющие его элементы, сохранившие свои природные свойства» [Крассов 2014: 28]. Составляя неотъемлемую часть окружающей среды, природные объекты находятся «в состоянии естественной природной взаимосвязи» [Там же: 29]. Рассуждая в таком ключе, «натурлингвистику можно было бы представить иначе – как *лингвистику природных объектов*. Однако, на наш взгляд, употребление термина *объект природы* лишает представителей природного мира собственного активного начала, делая из них не только объекты для изучения, но и эксплуатации. Натурлингвистика, т.е. *лингвистика мира природы*, видится нейтральным термином по отношению к изучаемым природным реалиям, а вместо объектов природы предпочтительнее выбор таких формулировок как *компоненты природной среды*, *природные явления, природный мир*, *представители / обитатели мира природы*» [Курашкина 2021 (1): 113–114].

К *компонентам природной среды* относятся такие группы составляющих, как околоземное космическое пространство (космосфера), атмосфера, земля, недра, почвы, водоемы (в том числе подземные), флора и фауна, а также микроорганизмы. Все это является жизнеобеспечивающими факторами для существования экосистем. *Представители (обитатели) мира природы* – это, прежде всего, живые существа, относящиеся к животным, растениям или микроорганизмам. *Природные явления* рассматриваются как всевозможные изменения, происходящие в природном мире.

Объектом изучения в рамках предлагаемого направления является лингвистически опосредованная и отраженная в языковых единицах разного уровня природа, равно как и все ее составляющие, находящиеся во взаимодействии

с человеком. Под природой (природным миром) в широкой трактовке понимается вся совокупность естественных материальных элементов планеты Земля.

Предмет натурлингвистики представляет собой множество взаимосвязанных языковых единиц разного уровня. Языковые единицы, которые несут в своем значении экологическую информацию о природном мире, предложено именовать *лингвонатуремами*. Это родовой термин по отношению к уже существующим видовым обозначениям компонентов природной среды, таких как космонимы, геонимы, гидронимы, флоронимы, зоонимы, орнитонимы, инсектонимы, ихтионимы и т.п.

1) Лингвонатуремы предстают в виде прямых и косвенных номинаций природного мира в различных языковых системах. Интерес представляют как номенклатурные единицы (номены), так и народные названия. Номены, в частности, выполняют ряд важных функций: номинативную, классификационную, информативную, коммуникативную и когнитивную. Роль кумулятивной и когнитивной функций в данном контексте значительна, поскольку, благодаря ей, становится возможной накопление и передача знаний в сфере экологии новым поколениям.

2) Лингвонатуремы служат основой для метафоризации и фразеологизации, поэтому важно изучать способы метафоризации мира природы, составляющие базис древнего и современного мифического мышления (метафоры и мифы, которыми мы живем). Переосмысления могут отталкиваться от любой ассоциации и связываться с бытующими традициями, суевериями и т.п. Например, некоторые метафорические переосмысления номинаций представителей животного мира ведут к образованию устойчивых, если не стереотипных, инвективов или идиом, связанных с негативными ситуациями: чем больше власть человека над определенным видом животного, тем более унизительные для животного стереотипы формирует языковое сознание, ибо таков результат оппозиции Человеческое – Нечеловеческое (животное) в действии.

3) Лингвонатуремы являются вербальными проявлениями экологических архетипических концептов, через которые трансформируются экоархетипические

формулы бытия. Экологические архетипы, к которым относятся архетип Вселенского закона, архетип единства и цикличности бытия, архетип «дом», архетип принадлежности к роду, архетипы мужественности и женственности, формируются архетипическими смыслами экологического свойства и находят реализацию в паремиях, фразеологических единицах, фольклорных текстах и других культурно-языковых слоях.

4) Лингвонатуремы существуют в культуроносных текстах, которые необходимы для воскрешения в культурной памяти глубинных символов, эталонов, обычаев, ритуалов и других знаков, имеющих тесную взаимосвязь с природой. Существуют разнообразные культурные коды, отражающие специфику мировосприятия носителей определенного языка, в том числе зооморфный культурный код, в котором животные выступают в качестве эталонных носителей человеческих характеров и опыта, наработанного этносом [Курашкина 2021 (1): 114].

5) Лингвонатуремы присутствуют в содержании любых экологических текстов (экотекстов). В понятие *экотекст* в широком смысле вкладывают «озвученное или фиксированное на письме речетворческое произведение, идейно-содержательную основу которого образуют авторские представления о существующих и / или возможных связях человека с окружающей средой и происходящих в ней процессах» [Константинова 2014: 49]. В такой интерпретации на статус экотекста претендует «любой текст экологической тематики» [Пушина, Широких 2022: 744]. Это может быть официальный документ по вопросам экологии, научная статья, публицистика, религиозный текст, а также публикация экологической направленности, включая художественное произведение писателя-натуралиста и поэзию, воспевающую красоту природы. Появляется собирательный термин *эколитература* как «совокупность художественных и нехудожественных произведений, в которых автор делает акцент на взаимодействии человека с его окружающей средой» [Гречишкина 2014: 10]. В такой литературе «устанавливаются параллели между культурным, в том числе языковым, и биологическим разнообразием, предпринимаются попытки рассматривать их в

идентичных категориях» [Высоцкая 2004: 23]. Принимая разнообразные формы, эколитература испытывает на себе влияние научных концепций, не забывая о многовековом человеческом опыте, вылившемся в «мифы – сказания – тексты о природе» [Там же].

6) Лингвонатуремы могут переходить в разряд архаической лексики. В результате ухода некоторой части таких лексических единиц в силу разных причин из активного лексикона носителей языка возникает необходимость в создании натурлингвистических комментариев к текстам для их более глубокого и полного восприятия и понимания (см., напр., [Аксаков 2026]).

Научные исследования в рамках натурлингвистики важно проводить с опорой на всю имеющуюся совокупность лингвистических методов, необходимых для решения поставленных задач. В этом ряду одним из первых следует назвать метод дискурсивного анализа, неотъемлемой частью которого является интерпретация экологических смыслов, опирающаяся на исследовательскую экософию гармонии с доминантой экологичности. Экологичность понимается как «принцип сохранения и поддержания разнообразия биологических форм на основе гармонизации отношений человека с социоприродной средой» [Курашкина 2025: 5149]. На этой основе предполагается выделение экопозитивных дискурсов для их последующей популяризации в социокультурном пространстве. Не менее важен и лингвокультурологический анализ лингвонатурем для определения универсальных и культурно-специфических особенностей изучаемых единиц в контексте «природа – социум – культура». Языковые единицы считаются экологичными, «если они являются отражением тесных взаимосвязей человека со средой обитания и другими живыми существами, и несут в своем значении приобретенные знания и опыт взаимодействия» [Там же].

В случае утраченных мотивационных связей в природных номинациях необходимы методы этимологической и семантико-мотивационной реконструкции для восстановления их экоинформативности. Если исследователь имеет дело с метафоризованными лингвонатуремами или фразеологическими единицами с компонентом-лингвонатуремой, то потребуется лексико-семантический анализ для

установления ассоциативных связей с природными референтами. Какой бы метод ни был избран для достижения исследовательских целей, в обязательном порядке необходимо привлечение сведений о биологии и экологии изучаемых природных реалий [Курашкина 2021 (1): 115], поскольку для натурлингвистики большое значение имеет принцип экологической информативности, т.е. достоверности сведений об обитателях мира природы.

Предназначение натурлингвистики видится в реализации следующих функций: 1) охранная (сберегающая) функция как в языковой, так и в экологической сферах. Сохраняя для потомков ту или иную лексическую единицу во всем многообразии ее проявления, эколингвисты, тем самым, закладывают основы для бережного отношения к соответствующим представителям природного мира. Рассуждения, проводимые в аналогичном русле, находим у П. Финке, который полагает, что для обеспечения защиты и восстановления стабильности и богатства природных экосистем, необходимо подвергать анализу и менять культурные экосистемы, ответственные за наносимый природе ущерб, потому что проблемы окружающей среды – это, прежде всего, проблемы нашего сознания [Finke 2001: 89];

2) созидательная (креативная) функция, состоящая в приумножении и усовершенствовании накопленного лингвистического багажа, что становится возможным только с опорой на принципы гармонии и красоты, в том числе красоты природы, отраженной в слове. Эти принципы ставятся во главу угла современной экософии, выдвигающей правила и ценностные ориентиры, связанные с состоянием исследуемой природы;

3) просветительская функция, направленная на популяризацию экологической информации, заложенной в лингвонатуремах, равно как и на пропаганду гармоничных сценариев или мифов, которыми мы живем, имеющихся в языке и культуре, но забываемых в техногенном обществе, что чревато не только потерей аутентичности, но и естественной среды обитания жителей нашей планеты [Курашкина 2021 (1): 115].

Настоящее исследование, проводимое в натурлингвистическом ключе, ориентировано на одних из самых ярких представителей животного мира – птиц. На примере орнитолексики, которая активно функционирует в косвенных номинациях, метафорических и фразеологических конструкциях, демонстрируется культурный опыт и способы восприятия человека сквозь призму орнитосферы. Расширение номинативного пространства данного пласта конкретно-предметной лексики обеспечивает тесные связи орнитосферы с флорой и техносферой, что свидетельствует о неразрывной связи природных и культурных экосистем.

Функционал орнитономенов и непосредственно экология птиц, запечатленная в виде систематизированных мотивах номинации, призваны обеспечить лингвистическую и культурную преемственность в плане передачи экознания новым поколениям носителей языка. Нельзя обойти стороной вокализации птиц и способы их языкового выражения, поскольку они являются фундаментом для звукоподражательных номинаций, с одной стороны, и ярким свидетельством давних эколого-коммуникативных взаимодействий человека и птицы, с другой.

Активное использование экологически насыщенных языковых единиц, содержащих орнитообразы, может оказывать стимулирующее воздействие на формирование экологического сознания и экологической культуры.

Последующие главы раскрывают исследовательский процесс в движении от ментальных образований (экоархетипов-концептов), несущих экологические смыслы в своих вербализациях, к конкретной экологической информации, содержащейся в языковых единицах.

Выводы по главе 1

Вся история взаимодействия человека и природы – это история возникновения и укрепления потребительской парадигмы, преследующей активное изучение и эксплуатацию природы, в рамках которой упрочилось доминирующее положение человека.. В то же время эстетическое восприятие природы, закладываемое лучшими мыслителями рассмотренных исторических эпох в

общечеловеческое мировоззрение, становится основной предпосылкой для формирования экологического мышления, сознания и экологической деятельности, столь актуальных для современной науки.

Появившись в 1866 г. как биологическая дисциплина, связанная с изучением взаимоотношений организмов со средой обитания, экология в XX в. преобразуется в сложный междисциплинарный комплекс знаний, включающий в себя обширный диапазон природных, технических, социальных и моральных факторов. Термины *экология* и *экологический* расширяют свои синтаксические и семантические связи, охватывая большой спектр глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество в своих взаимодействиях с окружающей средой.

В современном обществе проявляется тенденция к формированию экоантропоцентрической парадигмы, предполагающей восстановление и поддержание гармонии в отношении «природа – социум». На этой волне происходит экспансия экологии на другие научные отрасли знания, результирующаяся в появлении смежных дисциплин (палеоэкология, радиоэкология, медицинская экология, космическая экология, эколингвистика и т.п.), что является свидетельством процесса экологизации науки в целом. С увеличением творческого начала в решении экологических проблем возрастает и экологическое значение возникающих научных направлений.

Для продуктивной и целенаправленной деятельности, связанной с преодолением проблем экологического характера, необходима опора на экологическое сознание. В широком смысле экосознание предстает как система мировоззрений, направленная на особый способ восприятия природного мира, создание и поддержание сбалансированного жизненного пространства для человека и других биологических форм. Экологическое сознание – это необходимый структурный элемент общественного сознания, и его формирование невозможно без гармонизации мыслительного процесса с внешним миром. Сохранение и восстановление красоты Мироздания должно стать приоритетным в деятельности экочеловека (Homo ecologicus), который характеризуется целостностью мировоззрения, потребностью жить в гармонии с

окружающими людьми и природой, экологичностью сознания, творческой активностью. При благоприятном развитии событий человеческая миссия видится в управлении природными эволюционными процессами с целью достижения гармоничного отношения «человек – природа – космос».

Будучи интегральным по своей сути, эколингвистическое знание зиждется не только на естественнонаучных и собственно лингвистических обоснованиях соотношения «человек – природа», но и на философском осмыслении происходящих в Универсуме процессов.

Рассматривая вектор изменений концепций природы в разные исторические периоды, можно провести их корреляцию с архетипами во взаимоотношении человека с Универсом и существующими парадигмами научного знания. Созерцательный архетип мироотношения свойственен античности, что согласуется с допарадигмальным, т.е. донаучным этапом. Активистский архетип, возникший в недрах религиозной философии Средних веков, оказывается самым устойчивым и охватывает несколько парадигм: от донаучного периода до современной постнеклассической парадигмы. Коэволюционный архетип мироотношения связан с концепциями современной постнеклассической парадигмы научного знания.

Одной из первых реакций на вызов глобальных угроз современности становится экологическая этика. Это направление философских исследований рассматривает в качестве моральных человеческих проблем не только благополучие самого человека, но и его ответственность за благо всех будущих форм жизни. В рамках социальной экологии создаются предпосылки для появления экологии культуры и экологии науки.

Наиболее влиятельное экофилософское течение, известное как глубинная экология, складывается в XX в. трудами А. Нейса. Понятие *экологии* подразумевает все человеческое бытие в его тесной связи со всем, что происходит на планете. Центральной становится идея биоцентрического эгалитаризма, указывающая на необходимость равного для всех права на жизнь. Будущее глубинно-экологического течения видится автором в поддержании жизненно благоприятных условий для всей экосферы, т.е. в формировании экочеловека.

Современные эколингвистические исследования опираются на разнообразные философские или этические основы, поэтому термин А. Нейса *экософия* по-прежнему актуален. В широкой интерпретации экософия – это философия экологической гармонии, в которой содержатся нормы и правила о ценностных приоритетах, касающихся состояния экосистем, в то же время допускающие гибкость и вариативность в зависимости от реальных факторов.

Формирующаяся интегральная парадигма научного знания предполагает интегральное мышление. В основе предлагаемой К. Уилбером интегральной модели лежит всесекторно-всеуровневая карта, которая позволяет оценить любое событие с четырех сторон: внутренняя, внешняя, индивидуальная и коллективная стороны. В этом ключе интегральная экология сможет принять во внимание множество инвайроментальных факторов, что будет способствовать более эффективному решению экологических вопросов.

Отечественный экофилософский подход, имеющий точки пересечения с биофилософией, также нацелен на создание благоприятных условий для долгой и благополучной жизни людей как в биосфере, так и за ее пределами. В основе экофилософского мировидения лежит следование экологическому (нравственному) императиву как стратегии развития биосферы на основе природной стратегии. Это означает, что миром должен править Разум, который согласовывает свои действия с логикой Природы. Экофилософия также отталкивается от жизненного императива, подразумевающего следование принципам Гармонии и Красоты в качестве практической цели, реализуемой в индивидуальной и общественной жизни.

Современная философская основа эколингвистики – это некий синтез глубинно-интегрального экологического мышления с элементами постмодернизма (в западной традиции) и элементами космизма (в русской традиции). В своей исследовательской практике эколингвисту необходимо руководствоваться наиболее соответствующей его позиции экософией либо создавать собственную концепцию, которая была бы научно обоснованной и целесообразной. В данной работе поддерживается экософия гармонии с доминантой экологичности,

подразумевающей разнообразие форм жизни и сбалансированное единство человека и природы.

Зарубежная эколингвистика предстает как «зонтичный» термин для широкого спектра подходов, преследующих разнообразные цели. По своей сути это междисциплинарная отрасль знания, имеющая в основе ряд экософий, объект и предмет исследования, методологию, скомбинированную из лингвистической и смежных с ней отраслей знания. К базовым отраслям эколингвистики относятся экология языка, развиваемая последователями Э. Хаугена, и собственно экологическая лингвистика, берущая начало с работ М. Халлидея.

Основываясь на организмической метафоре (язык – часть экосистемы, подобная живому организму), экология языка занята охраной языкового и культурного разнообразия. Экологическая лингвистика по традиции занимается изучением разного рода дискурсов, применяя методы критического и позитивного дискурс-анализа. Резюмируя результаты эколингвистического подхода к анализу дискурса, можно отметить следующие наиболее важные характеристики. Во-первых, делается акцент на дискурсах, оказывающих влияние не только на взаимодействие людей друг с другом, но и на их взаимодействие с жизнеобеспечивающими экосистемами. Во-вторых, изучается, каким образом сочетаются совокупности лингвистических средств для создания определенных мировоззрений или культурных кодов (например, код, представляющий безграничный экономический рост как возможную и желаемую цель для человеческих сообществ). В-третьих, критерии для анализа мировоззренческих установок базируются на экософии, которая может восходить как к научному пониманию процесса взаимодействия организмов друг с другом и окружающей средой, так и к этическому представлению о том, почему и чье выживание и процветание имеет первостепенное значение. В-четвертых, внимание в исследованиях сосредоточено либо на экологически деструктивных дискурсах, которые работают против принципов экософии, на амбивалентных дискурсах, двояко интерпретируемых с точки зрения избранной экософии, либо на экологически позитивных дискурсах, находящихся в гармонии с экософскими

ценностями. В-пятых, исследования направлены на практическое применение полученных результатов, вследствие чего повышается уровень осведомленности общества о роли языка в экологическом разрушении или защите.

Базовые направления эколингвистики сходятся на единообразном видении взаимоотношения «человек – природа», а будущее интегральной дисциплины видится в качестве платформы для изучения всевозможных языковых явлений в рамках единой парадигмы. Ей также прочат статус трансдисциплинарной науки или философии взаимодействия и гармонии с природой.

В отечественной лингвистической науке представлены две независимые дисциплины, несмотря на имеющиеся пересечения в предметном поле: лингвоэкология и эколингвистика. Наиболее сформированной наукой, имеющей обширные междисциплинарные связи, признана лингвоэкология. Понимая экологический компонент в метафорическом ключе (экология = здоровье языка), лингвоэкология преследует важную цель – заниматься изучением, реабилитацией и реставрацией «здоровья» языка. Аналогичным образом оздоровлением языка заняты подотрасли лингвоэкологии, к которым относятся: лингвотоксикология, лингвокреативология, лингвоэкология эмоций, педагогическая лингвоэкология и этическая лингвоэкология.

Отечественная эколингвистика переживает этап становления, в ходе которого происходит постепенная систематизация теоретических и эмпирических знаний. К зарекомендовавшим себя подразделам относятся экология перевода и критический анализ экологического дискурса. Экология перевода претендует на статус самостоятельной науки, взяв за основу метафорическую интерпретацию экологии (экология – это гармония / качество перевода).

Исследовательское поле для отечественного дискурс-анализа постоянно расширяется, что обеспечивает появление новых подвидов экологического дискурса и разнообразия способов вербализации экологических архетипов в нетривиальные метафоры. Основная тема любого вида экологического дискурса – это отношения между живыми организмами и окружающей средой, т.е. экологическая составляющая понимается не метафорически, а в исходной геккелевскоой интерпретации.

Для лингвистики, работающей на стыке с экологией, актуальна терминологическая проблема, касающаяся наименований ее подотраслей. Не менее актуальна проблема дефинирования эколингвистики: попытки создать рабочее определение предпринимаются, однако на сегодняшний день эта задача не решена. Нерешенным остается и вопрос разработки специальных исследовательских методов. Вместе с тем, по признанию исследователей, эколингвистика является типичным результатом интегральной парадигмы научного знания. Имея солидную основу в виде экофилософии, эта междисциплинарная лингвистическая отрасль знания способна оказать влияние на формирование экологического сознания в современном социуме.

При всех своих достижениях эколингвистика предпочитает заниматься экокритикой, раскрывая языковые модели, ответственные за описание экологических проблем в среде человеческого обитания и связанными с ними вопросами выживания всего живого. На сегодняшний день при катастрофическом отрыве современного человека от мира природы отсутствуют системные исследования, направленные на изучение этого мира в языковом и культурном воплощении с тем, чтобы выявить, сохранить и передать последующим поколениям экологические знания и поведенческие модели, транслирующие гармоничные отношения «человек – природа».

Учитывая, что главенствующую роль в структурировании когниции играет язык, видится необходимость в обособлении натурлингвистики (лингвистики мира природы) в качестве эколингвистического подраздела. Натурлингвистика ориентирована на изучение экоинформационного потенциала и экологичности лексики природного мира. В круг решаемых проблем также входит поиск экоориентированных поведенческих моделей, отраженных в языке и культуре. Уход от формулировки *объект природы*, которая предполагает не только изучение, но и эксплуатацию представителей природного мира, предлагаются такие нейтральные понятия как *компоненты природной среды*, *природные явления, природный мир*, *представители / обитатели мира природы*.

Базовой языковой единицей, несущей в своем значении экологическую информацию о природном мире, можно считать *лингвонатурему*. Это родовой термин по отношению к уже существующим видовым обозначениям компонентов

природной среды, таких как космонимы, геонимы, гидронимы, флоронимы, зоонимы, орнитонимы и т.п.

Предметы изучения натурлингвистики могут составить: прямые и косвенные номинации природного мира; вербализации экологических архетипических концептов; метафорические переосмысления природных номинаций; культуроносные тексты, имеющие тесную взаимосвязь с природой; любые тексты экологического свойства (экотексты) и, шире, эколитература; натурлингвистическое комментирование текстов, содержащих архаическую лексику, связанную с миром природы.

Лингвистика мира природы способна осуществлять охранную (сберегающую) функцию в сферах экологии и лингвистики, равно как и созидательную (креативную) функцию. Не менее важна и просветительская функция, направленная на популяризацию экологической информации, заложенной в лингвонатуремах, равно как и на пропаганду природоориентированных сценариев, имеющихся в языке и культуре.

ГЛАВА 2. СИМВОЛИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОРНИТООБРАЗОВ

2.1. Символизация орнитонимов

Мифологическое пространство, созданное древним человеком, наполнено символическим языком. Оно зиждется на бинарных оппозициях *верх–низ*, *справа–слева*, являющимися отражением «космоса в нашем виртуальном сознании» [Бенуас 2006: 50].

Способность птиц летать над землей (вправо–влево) и с неба на землю и наоборот (верх–низ) гармонично вписывается в созданное человеком мифологическое пространство бытия, что, по сути, делает эти крылатые создания универсальными символами. Образ летящей в небе птицы (крест), равно как и солнце, уподобляемое ей в древнем сознании, задают некие пространственно-временные ориентиры в безмерном космическом континууме [Курашкина 2020 (1): 282]. Недаром ряд орнитосимволов связан с культом солнца. Это так называемые «солнечные» птицы, например: *орел*, который мог, не повредив зрения, пристально смотреть на солнце и проникать в суть вещей; птица *лебедь*, которая сопровождала солнечного бога Аполлона в Гиперборею, связывая северные и средиземноморские земли; мифический *феникс* (пурпурная цапля), который возрождаясь из пепла, символизирует воскрешение [Бенуас 2006: 54]. Полагают, что формируемые «значения слова-символа *птица* объединены не только солярной семантикой, но и древним представлением о времени. В этом объединяющем смысловом пространстве энантиосемичные пары естественны: *птица* – это день (-) и ночь (+); солнце (-) и звёзды (+); бог (+) и человек (-); бессмертие (-) и смерть (+); брак, плодовитость (+) и война, смерть (-). Причина энантиосемии заключается в символическом значении солнечного огня как источника жизни и смерти, любви и ненависти одновременно» [Якушевич 2019: 311].

Занимая вершину Мирового Древа, птица устанавливает связь с высшими уровнями бытия, благодаря чему символизирует проявления высших состояний и

выступает символом ангелов. Язык птиц в данном контексте следует понимать как язык ангелов, проецирующийся в человеческом мире через ритмизированную речь (согласно исламской традиции, Адам в земном Раю говорит стихами, а священные книги написаны ритмизированным языком) [Генон 2002: 82]. Позднее «птичий язык» находит реализацию в ауспициях (гаданиях по полету птиц), которые должны были сближаться как с «языком птиц» в прямом смысле, так и с «языком божественным» как волеизъявлением богов, данные через предзнаменования. Птицы в этом случае также исполняют роль ангелов-вестников [Там же: 83]. Авгурии птиц, т.е. предсказания, полученные от самой природы, некогда пользовались большой популярностью. Особое значение придавалось ауспициям. Греки, по свидетельству Цицерона, не выделяли особых авгуральных птиц и использовали в этом качестве почти все виды [Смышляева 2005: 62]. Что касается римлян, то у них появляются специальные птицы-предсказатели, которых нельзя назвать многочисленными (в основном это были крупные ястребиные птицы). Так, например, согласно Ливию, «царствование Ромулу подарили грифы (vultures)» [Там же: 65]. Коллегия авгуров (< лат. *augur* < *avis*, птица, т.е. жрецов, предсказывающих будущее по поведению птиц [БТСРЯ 2000: 25]) просуществовала вплоть до эпохи Империи, однако с течением времени птицегадание превратилось в формальную процедуру, и сами авгуры уже не верили в полученные предсказания (отсюда выражение *улыбка авгуров*) [CA 1989: 8].

Практически во всех религиях обнаруживает себя культ териоморфных богов или же наделение их зооморфными атрибутами. Так, египетский бог Тот предстает в образе человека с головой ибиса, глава греческого пантеона богов, Зевс, обычно принимал облик лебедя или орла, в германской мифологии представителем Водана выступает ворон и т.п. Птицы, в свою очередь, служат неизменными атрибутами, символами или посланниками богов и героев, которые повелевают ими, как например, лебедь и ворон для Аполлона, гуси для Юноны, лебеди и воробьи для Афродиты, петух для Гермеса, Асклепия, Марса и т.д. (см. подр. [Орел 2008: 524–552]).

По мере христианизации варварских народов в Западной Европе, когда язычество «растворяется» в новой религии, за птицами, которые каким-то образом помогали Христу, закрепляется статус святых (священных) или чистых; другие же свергаются с пьедестала за неугодное Богу поведение, входя в разряд дьявольских (демонических) или нечистых. Соответственно, такие святые птицы, как *голубь* или *ласточка* символизируют высокие духовные и нравственные ценности, в то время как дьявольские *ворон, коршун, сова, сорока, сыч* или *ястреб*, являя собой воплощение зла, становятся символами человеческих грехов и пороков. В современной культуре, по признанию исследователей, «сосуществуют библейское и древнегреческое видение сообщества птиц» [Герасимова 2019: 443]. Такое комбинированное видение орнитосимволизма оказывает влияние на интерпретацию многих метафоризованных орнитонимов и фразеологических единиц с орнитокомпонентом (см. Главу 3).

2.1.1. О природе символа

Человек живет в мире символических форм, которые помогают ему ориентироваться в пространстве бытия: древнему человеку знаки-символы маркировали «наличие в окружающей среде предметов и присутствие живых существ» **[**Бенуас 2006: 8]; современному человеку не менее важно означивать свое окружение, придавая символическое значение любым явлениям и объектам, так что «потенциальным символом способен выступить весь космос» [Курашкина 2018 (2): 115]. А «единство человека с космосом» – это и есть «приобщение его к символическому миру» [см. ФС 2018].

В понятие *символ* вкладываются самые разнообразные смыслы, поэтому, прежде всего, целесообразно остановиться на сути этого феномена.

По данным словаря В.В. Похлебкина, символом считается «любой знак, имеющий геометрическую или иную условную форму и отражающий в этой абстрактной форме то или иное понятие, связанное у человека с получением определенных знаний» [Похлебкин 2001: 377]. Возникнув в результате познания человеком окружающего мира, символы на самых ранних стадиях развития

человечества были общепонятными даже в отсутствие языковых контактов. Несколько иначе определяет символ С.С. Аверинцев: «символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и <….> он есть знак, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа» [Аверинцев 2006: 386]. Уникальность символа заключается в том, что «предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, немыслимые один без другого» [Там же: 386–387].

Ю.М. Лотман усматривает в интерпретации символа две классификационные основы: 1) это «знак, значением которого является некоторый знак другого ряда или другого языка», что придает рациональность символическому значению; 2) это знаковое выражение «высшей и абсолютной незнаковой сущности», когда «содержание <….> играет роль как бы моста из рационального мира в мир мистический» [Лотман 1992: 191].

Совершенно очевидно, что понятия *образа, символа* и *знака* связаны между собой, но не взаимозаменяемы. На это обстоятельство обращает внимание Н.Д. Арутюнова, указывая, что символ, занимая свое собственное место в семантической системе языка, служит при этом «семантическим мостиком, переброшенным от *образа* к *знаку*» [Арутюнова 1999: 337]. Отсюда часто имеют дело и с символическими образами, и с символическими знаками.

Символ в отличие от знака «несет в себе сжатую информацию о значении символизируемого», что обусловлено «наглядно-образной формой предметного тела символа» [Антонов 1992: 37]. Знак же рассматривается как формальный символ, потому что его связь с обозначаемым объектом конвенциональна. Символ также можно определить как «двуединый образ» (предметно-чувственный и идеальный) [Там же: 40]. С семантической точки зрения символ предстает как «структурированное семиотическое понятие», и состоит из означаемого, означающего и семиотической связки, благодаря которой обеспечивается «возможность взаимонезависимого развития сторон символа и, в конечном счете, их конвенционализации» [Арутюнова 1999: 340].

Быть символом, по Ю.М. Лотману, означает обладать и в плане выражения, и в плане содержания «некоторым единым замкнутым в себе значением и отчетливо выраженной границей, позволяющей ясно выделить его из окружающего семиотического контекста» [Лотман 1992: 192]. По мнению Н.Д. Арутюновой, преобразоваться в символ означает «приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения» [Арутюнова 1999: 338]. При этом восхождение к символу определяется «факторами экстралингвистического порядка» [Там же: 338]. В итоге символ становится «конденсатором всех принципов знаковости и одновременно выводит за пределы знаковости» [Лотман 1992: 199].

По мысли М.М. Бахтина, «содержание подлинного символа через опосредствованные смысловые сцепления соотнесено с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума» [Бахтин 1986: 381]. Подлинный символ «с бесконечной перспективой бесконечных проявлений и воплощений» [Лосев 1995: 119] будит воображение и открывает простор для ассоциаций. Вместе с тем, как утверждает М.М. Бахтин, «всякая интерпретация символа сама остается символом, но <….> несколько приближенным к понятию» [Бахтин 1986: 382].

Символ «стремится обозначить вечное и ускользающее», поэтому зачастую имеет «неотчетливые трансцендентные смыслы» [Арутюнова 1999: 339]. Истинный символ, как его понимает К.Г. Юнг, суть выражение интуитивной идеи; он обозначает «неизвестную, трудно познаваемую и, в конечном счете, никогда полностью не известную величину» [Юнг 1998 (2): 330], т.к. связан «либо с бессознательным, либо с не полностью осознаваемым» [Юнг 1998 (1): 87].

Э. Фромм в толковании символа исходит из трех вычленяемых им символических групп: 1) условные символы, 2) случайные символы, 3) универсальные символы [Фромм 1992: 186–188]. Условные символы – это те же формальные символы, у которых связь с обозначаемым объектом конвенциональна (большинство слов естественного человеческого языка, флаги, эмблемы и т.п.);

сфера их распространения ограничена группой людей, принявших данные конвенции. Случайные символы также характеризуются конвенциональностью связи между событием и символом, но эту связь устанавливает сам человек, поэтому такие символы индивидуальны. Что касается универсальных символов, то в них устанавливаемая связь с обозначаемым объектом «внутренне присуща самому символу», в основе чего лежит «ощущение тесной связи между чувством и мыслью, с одной стороны, и физическим состоянием – с другой» [Фромм 1992: 188]. Этот вид символов универсален, поскольку воспринимается всеми людьми одинаково, что сближает его истолкование с вышеприведенным юнгианским определением.

В трактовке одного из основоположников русского символизма Вяч. Иванова символ предстает как универсальный феномен, некий «кирпичик» мироздания, комбинация которых создает символический алфавит, или миф. В этой связи миф видится как «динамический вид (modus) символа, – символ созерцаемый как движение и двигатель, как действие и действенная сила» [Иванов 1974: 594–595]. А реалистический символизм служит «формой сохранения и в какой-то мере развития на современном уровне мифа, как глубинного содержания символа, понятого в качестве реальности» [см. Бычков 2010].

У П. Флоренского символ подразумевает «реальность, которая несет в своей энергии энергию другой, высшей по ценности, по иерархии реальности», являясь, тем самым, «окном в высшую реальность» [Флоренский 2000 (2): 478]. Символ в определении А.Ф. Лосева – это «идейная, образная или идейно-образная структура, содержащая в себе указание на те или иные, отличные от нее предметы, для которых она является обобщением и неразвернутым знаком» [Лосев 1970: 10].

Несмотря на многообразие подходов к его интерпретации, «исчерпать суть символа невозможно по той причине, что он находит свою материализацию во всем сущем человеческого бытия» [Курашкина 2018 (2): 115–116], связуя вместе все уровни реальности. Таким образом, истинная символика «коренится в самой природе», т.е. «вся природа в целом есть лишь символ трансцедентных реальностей» [Генон 2003: 58].

Безусловно, мироздание есть мир символов, постигая которые, человек тем или иным образом конструирует реальность. На самом деле, пространственный образ мира «включает себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой “здравый смысл” [Лотман 2010 (2): 334]. Вместе с тем, «в мировосприятии современного культурного человека символов становится все меньше и меньше» по той причине, что «внутри наших знаковых систем они десимволизируются, теряют свое непосредственное “сознательное” содержание и превращаются в знаки, строго говоря, уже “неизвестно чего”…» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 101–102]. Несмотря на данное обстоятельство, символы имеют способность к возрождению, хотя и в новом качестве, теряя прежние соответствия со своими «праобразами».

2.1.2. Общие характеристики и разновидности орнитосимволов

Говоря об орнитосимволах, следует отметить, что им присущи те же характеристики, что и другим символам. Так, символу свойственна двойственность, влекущая за собой энантиосемию его словесного выражения: «любой символ может иметь, по крайней мере, две противоположные интерпретации, которые должны слиться, чтобы он обрел свой полный смысл» [Бенуас 2006: 46]. Например, символическая амбивалентность *ворона* «складывается под влиянием библейских сюжетов о Всемирном потопе; с одной стороны, он выражает мудрость, долголетие и память рода, а, с другой стороны, связь с потусторонним миром, кровавую битву, смерть, зло» [Курашкина 2018 (2): 116]. Снотолковательная традиция, в частности, опирается на негативную сторону символизма ворона: обладая зловещим криком и оперением черного цвета, ворон демоничен, связан с царством мертвых, со смертью и выступает вестником зла.

По своей структуре символы могут быть элементарными, простыми и сложными. Из элементарных символов складывается «символическое ядро культуры» (по Ю.М. Лотману); элементарные и простые символы характеризуются «значительно бóльшими смысловыми потенциями» [Лотман 1992: 193], нежели

символы сложные. В этом отношении орнитосимволы тяготеют к простым или элементарным символам.

Символы варьируют свое прочтение в зависимости от культурной принадлежности. В этой связи можно вести речь о «диалектах всеобщего языка символов» [Фромм 1992: 189] или же о вариантах «инвариантной сущности» символа [Лотман 1992: 193]. Так, *аист* «в северных странах связан с праздником воскресения и весеннего плодородия; в Китае – это символ долголетия» (также как и журавль) [Бидерманн 1996: 13].

Будучи многоплановым и амбивалентным, символ характеризуется многозначностью, что можно поставить в зависимость как от различных переживаний, ассоциирующихся с одним и тем же явлением, так и с совмещением различных культурно-исторических представлений об объекте или явлении. Многозначность проявляется, в частности, в том, что у одного и того же символизируемого объекта могут сочетаться противоположные значения, что приводит к символической омонимии. Например, прослеживается двойственное отношение к библейскому разделению птиц на чистых и нечистых [Курашкина 2018 (2): 117]. В славянской традиции к нечистым относятся, главным образом, дневные и ночные хищные птицы. К чистым (святым) птицам относят аиста, голубя, ласточку или лебедя. Некоторые виды занимают промежуточное (нейтральное) положение, как например: дятел, скворец или гусь (см. подр. [Гура 1997]). Можно подкрепить сказанное некоторыми примерами из снотолковательной традиции. Так, будучи древнегреческим эротическим символом (священная птица Афродиты), голубь ассоциируется с любовными отношениями, возможным замужеством, домашним счастьем и благополучными вестями. В пору христианства голубь наделяется чертами святой птицы (за весть об окончании Всемирного потопа), в чьем обличьи предстает человеческий дух, что укрепляет позитивное истолкование сновидческого образа. Или же гоготание гусей долгое время трактовалось как положительный знак (реализация символа бдительности), т.к. согласно легенде, гуси спасли Рим. Впоследствии доминирующим толкованием характерной гусиной вокализации становятся

сплетни, драки и другие неприятности. В целом домашние гуси в противовес диким служат орнитовоплощением горожан, склонным к сплетням и клевете. Значительное давление на трактовку орнитосимвола оказало современное восприятие птицы как воплощения глупости.

Наблюдается вариативность символизируемого объекта при сохранении символики варьирующихся образов, что выражается в символической синонимии. Например, птицами, оживляющими птенцов своей кровью, могут быть *пеликан, дятел* и *аист*, но символизируют они одно и то же: Христа, искупившего кровью грехи человечества [Курашкина 2018 (2): 117].

Символ следует рассматривать с культурно-исторических позиций, учитывая изменения, связанные с его переосмыслениями в разные эпохи. Например, в пору язычества «солнце уподоблялось летящей в небе птице, и крест как ее схематическое изображение стал одним из солярных символов» [Голан 1993: 100]. Христианство же, сохранив солярное изображение, опирается на символику креста как атрибута наказания [Похлебкин 2001: 217]. Или же упомянутый *аист* в античности символизирует любовь детей к родителям, т.к. это птица Геры (Юноны), покровительницы материнства, также – это хранитель домашнего очага [ЭС 2005: 455]. В христианскую эпоху связывается со счастливыми событиями благодаря параллели, проводимой между «поеданием змей птицей и уничтожением сатанинских созданий Христом и его учениками» [Бидерманн 1996: 13]. В целом благодаря принадлежности к рангу святых птиц *аист* соотносится с весенним обновлением природы и символикой плодородия, а в снотолковательной традиции в появлении этого орнитообраза видят позитивную прогностику предстоящих событий.

Выполняя кросскультурную функцию, символ неразрывно связан с мифом, «приходя из прошлого и уходя в будущее» [Лотман 1992: 192]. В мифологическом (архетипическом) сознании символизации подвергаются, в первую очередь, птицы, связанные с бытом и культурной деятельностью человека. Это своеобразный центр мифологической сферы, который наполнен культурно-специфическими символами. Внешний слой заполняют сакральные, универсальные орнитосимволы,

близкие к архетипам; они связаны с космогоническими сюжетами, которые позднее вытесняются сюжетами религиозного характера. Внутренний слой составляют индивидуальные орнитосимволы, которые имеют связь с личным опытом познания отдельно взятого индивида.

Характеризуя орнитосимволы, следует резюмировать, что они охватывают «все слои мифологического (архетипического) сознания: 1) универсальный, 2) культурно-специфический, 3) индивидуальный. В основе универсальных орнитосимволов заложен образ птицы как таковой: этот образ общепонятен и не имеет выраженной культурной специфики. Такие символы в большей степени тяготеют к элементарным, если судить о степени их смысловой потенции» [Курашкина 2018 (2): 118]. Птица как универсальный символ – это «символ вселенской Души (вздымающийся вверх огонь) и божественной Сущности» [Маковский 2012: 84]; она «символизирует потусторонний мир и вечность, равно как знамение и предсказание будущего» [Там же: 183–185].

Культурно-специфические орнитосимволы связаны с конкретными образами различных видов птиц, имеющих важное значение в той или иной культуре. Именно данный вид орнитосимволов может отличаться вариативностью своего содержания и выражения [Курашкина 2018 (2): 118**]**. Например, *павлин* всегда считался символом Солнца в Индии; в исламе эта птица символизирует космос, а также Солнце и Луну; в христианстве же со времен средневековья павлин является олицетворением тщеславия и высокомерия [Бидерманн 1996: 195].

«Индивидуальные орнитосимволы сочетают в себе символические образы первого и второго порядка, т.е. черты универсальности и культурной специфичности, неся одновременно печать личностных переживаний. Таким образом, индивидуальные орнитосимволы могут быть связаны и с птицами вообще, и с определенными представителями орнитофауны, демонстрируя сложный тип символа в силу возможного разрыва между выражением и содержанием. Иллюстрациями данного вида символов отчасти служат онейрические (< греч. *ὄνειρος,* сновидение, сон [Вейсман 1889: 887], т.е. сновидческие) воплощения

орнитообразов, почерпнутые из снотолковательных текстов» [Курашкина 2018 (2): 118].

Вместе с тем, не стоит забывать, что индивидуальные символы в силу своей субъективной природы в меньшей степени поддаются аналитическому обобщению. По этой причине примеры с онейрическим воплощением орнитообраза можно принять в качестве демонстрации индивидуальных символов с большими оговорками. Что касается универсальных и культурно-специфических видов орнитосимволов, то они довольно хорошо изучены и представлены в систематизированном виде в словарях и энциклопедиях символов. В настоящей работе, в частности, использованы следующие источники орнитосимволики [Бауэр и др. 1995, Белова 1999, Бидерманн 1996, Купер 1995, Похлебкин 2001, Тресиддер 1999, ЭС 2005, Chevalier et Cheerbrant 1990, Cirlot 2001].

В эпоху «деградированных мифологий» [Назиров 1995] происходит вырождение орнитосимволов: многие из них переходят в разряд орнитоэмблем, олицетворяя конкретные понятия, другие становятся квазисимволами (термин В.Н. Телия), в которых орнитоним «ассоциативно ”замещает” некоторую идею» [Телия 1996: 243]. Такие орнитоквазисимволы, встречаясь, в частности, во фразеологических единицах, создают устойчивый «портрет» человека, отражая национально-специфические и культурные особенности фразеообраза (см. подр. 3.2.2.).

2.2. Понятия экологического архетипа и экологического архетипического концепта

По отношению к природе «человек руководствуется не только сознанием, но и во многом находящимися в глубинных слоях его психики архетипическими образами, имеющими преимущественно символический характер» [Антипов 2013: 96]. Формирование экологического сознания – есть результат «развития духовной жизни в целом, в которой значительно влияние бессознательных состояний и процессов, включая коллективное бессознательное» [Гимазетдинова, Солодухо 2008: 4–5]**.** В этой связи можно вести речь о коллективном экологическом

бессознательном, основной структурной единицей которого выступает экологический архетип [Курашкина 2018 (1): 37]. Считается, что впервые термин *архетип* был использован К.Г. Юнгом в докладе, сделанном в июле 1919 г. на совместном заседании Аристотелевского общества, Духовной ассоциации и Британского психологического общества в Бедфордском колледже Лондонского университета. Идея архетипа, по признанию самого К.Г. Юнга, заимствована им у Августина Блаженного [Юнг 1998 (1): 335], где греч. *ἀρχή* = начало, *τύπος* = отпечаток, форма, образ → буквально *предсуществующая форма*. «Архетипическая структура экологического бессознательного является психическим наследием, которое осталось современным людям от представителей архаической эпохи» [Антипов 2013: 96], в которой для древнего человека не было ничего, кроме спокойного и ничем не затронутого господства природы. Под влиянием кризисных ситуаций происходит “запуск” и воплощение архетипов, в том числе, архетипа экологического. На этом и основано формирование качественно нового отношения современных людей к природе и к самим себе [Курашкина 2018 (1): 37], поскольку зрелое экологическое «эго» несет в себе чувство этической ответственности перед планетой в силу синергийного взаимодействия: когда нужды планеты становятся нуждами каждого индивида [Roszak 1992: 320–321].

Рассматривая архетип как «наиболее общие, фундаментальные и общечеловеческие мифологические мотивы, изначально лежащие в основе восприятия сложных объектов и спонтанно определяющие человеческое мышление и поведение» [Маслова 2013: 6], ученые усматривают его тесную связь с мифом. При этом мир архетипов должен оставаться осознанным по той причине, что в нем «человек является еще природой и связан там со своими корнями» [Юнг 2001: 346]. Единство с природой подразумевает, в первую очередь, единение человека с землей, на которой он обитает. Именно поэтому экологический архетип *Дом* (от греч. *οἶκος*) – в виде образа *Родина* выступает одним из древнейших и главенствующих, потому что «нацеливает на само существование человеческого рода в окружающем пространстве, заставляя человека в различных формах

деятельности оставаться в рамках системы “общество” – “окружающая среда”» [Гимазетдинова, Солодухо 2008: 122]. В развитии концепции Н.М. Солодухо А.Х. Гимазетдинова констатирует «амбивалентность проявления экологического архетипа: “экологический оптимизм’ и “экологический пессимизм”...<…> В западном мировоззрении в целом наблюдается «отрыв экологического сознания от “экологического” архетипа и “зарационализированность” экологической проблематики, а в восточном сознании экологический архетип просвечивает, экологическое сознание проявляет симптомы архетипичности» [Гимазетдинова 2005: 21].

«Существование экологического архетипа подтверждается его проявлением в мифах и религиях, где выявляются экологические мотивы покровительства родного дома со стороны духов, божеств с их природно-территориальной привязанностью, <…> в мифических представлениях о мировых катастрофах, периодах или циклах гибели и становления мира и др.» [Гимазетдинова 2005: 8]. Если обратиться к диалектике мифа то, по мысли М.М. Маковского, она заключается в том, что «человек как бы “растворяет” себя в природе, сливается с ней и овладевает силами природы лишь в воображении…». <…> это «вселяет уверенность в осуществимость всего желаемого, укрепляет волю и сплачивает первобытный коллектив», одновременно создавая чувство гармонии (сопричастности) с мировым Целым [Маковский 1996: 15, 20].

На основе реконструкции и семантического анализа посвятительных обрядов, мифологических и фольклорных сюжетов, принадлежащих различным национальным культурам, В.В. Флоренская [Флоренская 2010] воссоздает базовые архетипы единства человека и природы, которые обладают катарсическим, эмоционально-этическим потенциалом, что имеет большое значение для восстановления экологического сознания человека современности. Автором выделены шесть базовых архетипов: архетип единства и цикличности бытия, архетип Родины, архетип принадлежности человека к роду, архетип вселенского закона, архетип созидательной женственности и архетип созидательной мужественности. Данные архетипы единства человека и природы можно

структурировать по двум содержащимся в них компонентам: “я” в мире и внутреннее “я”. Поскольку границы между архетипами не отличаются четкостью, это «создает эффект “перетекания”, обусловленный ассоциативным взаимообменом их характеристик» [Флоренская 2010: 10].

Исходя из вышеизложенного, все существующие архетипы по их отприродной инстинктивной сути можно отнести к экологическим [Курашкина 2018 (1): 38]. Как «изначальные модели мировосприятия» экологические архетипы актуализируются в сознании «в качестве конкретных архетипических образов и мотивов» [Иванова 2021: 6]. В.А. Маслова называет их архетипами природы, подразумевая такой способ мировидения, в котором «духовный мир любой нации определяется окружающей природой» [Маслова 2013: 7]. Подобные архетипы также можно назвать глубинными, т.е. универсальными, т.к. они «рождаются в опоре на бесспорные природные образы <….> и социокультурные функции, присущие всем древним обществам», выступая как «онтологические корни возникающих впоследствии понятий» [см. Щепановская 2019]. Архетипы можно рассматривать через «сознательную логику древнего мышления, проступающую в мифологии как древнейшем мировоззрении, хотя сейчас уже плохо-доступную – то есть во многом как *прото-идею*, в более древнем смысле понятия архетип» [см. Там же]. К глубинным архетипам или базовым мифологемам автор относит «все общечеловеческие мифологические образы, функции, понятия и идеи, которые обладают внутренним единством образа и смысла» [Щепановская 2012: 35] (см. подр. [Щепановская 2011: 92–229]).

В настоящем исследовании изучение реализации экологических архетипов осуществляется с опорой на идеи В.В. Флоренской, которая считает, что их правильное использование «с целью экологизации сознания современного человека может способствовать активизации важнейших функций коллективного природоохранительного мировоззрения: коммуникативной (объединяющей); телеологической (формирующей цель экологически ориентированного поведения); аксиологической (формирующей ценностную составляющую экологически ориентированного поведения)» [Флоренская 2010: 20].

Как следует из логики повествования, архетипическое мышление вполне доступно современному человеку благодаря универсальным символам культуры. Архетипы содержат в себе смыслоформирующие коды, ориентируясь на которые сознание человека организует свое развитие, сообразуясь с существующим образом мироустройства. Оказываясь в мире коллективных образов, человек находит их соответствия в собственной мифологической реальности [Курашкина 2018 (1): 39]. Тем не менее, «без катарсической, эмоциональной составляющей архетипа единства человека и природного мира <…> экологическая осведомленность остается второстепенным, пассивным знанием» [Флоренская 2010: 20]. Поэтому экоориентированная идеология «найдет отклик в общественном сознании только в том случае, если будет опираться на архетипические алгоритмы, представляющие собой универсальные образцы мировосприятия и мироупорядочения» [Там же: 19].

Рассуждая о взаимосвязи языка и экологического сознания общества, исследователи приходят к выводу о том, что «смыслообразующие и конструктивные особенности языка способны не просто обозначать и символизировать уже имеющиеся явления социальной реальности, но и производить соответствующие им концепты» [Хряпченкова 2013: 4], что позволяет значительно расширить возможности использования языковых знаний для решения проблем социального круга. Отмечено, что «экологический архетип отражает отношение человека к окружающему миру и оказывает влияние на формирование экологического сознания. Получая отражение в сознании, экологический архетип реализуется в виде экологического концепта» [Иванова 2021: 6], который способен найти вербализацию с помощью «системы семантических структур разного уровня сложности и абстрактности» [Огнева 2013: 46]. В свою очередь, экологическому концепту присуща функция передачи экологических смыслов, состоящих как из «содержания языковых реализаций, так и ментального содержания, не выраженного языковыми единицами» [Там же: 39].

Концепт может быть приравнен к коллективному архетипу культуры (концепт-архетип) [Колесов 2004; Алефиренко 2006], когда подразумевается «его

изначальное эмпирическое существование в образном виде», которое позднее получает «умозрительные, отрефлектированные очертания», что являет собой «движение от сущности как существования – к имени» [Большакова 2010: 55]. С другой стороны, концепт становится архетипическим, если он имеет отношение к «первоосновным метаконцептам, определяющим становление национального менталитета» [см. Большакова 2012]. В терминах Ю.С. Степанова это константы культуры [Степанов 2004]. Соответственно, «в силу своей глубинной инвариантности, архетип можно обозначить как некую *константу*, которая, в свою очередь, представляет собой базовый устойчивый *концепт*», т.е. «архаический глубинный концепт» (курсив А.Ю. Большаковой – *Н.К.*) [см. Большакова 2012].

Архетипический концепт как термин впервые вводится В.И. Карасиком, который называет им «активно транслируемые, закрытые для модификации, непереводимые в иные формы выражения и не допускающие критического восприятия концепты, т.е. архетипические ментальные образования особого типа / класса, имеющие специфические характеристики, обладающие способностью внедряться в сознание участников общения, отключать критическое восприятие и активно распространяться» [Карасик 2003: 43]. Архетипический концепт также видится «продуктом индивидуального восприятия мира через призму коллективного наследия опыта предыдущих поколений», представляя собой «сложное ментальное образование» [Савельева 2008: 8, 2]. По мнению У.А. Савельевой, такой концепт содержит, во-первых, «размытый оценочно-маркированный образ, не поддающийся рациональной рефлексии, базирующийся на дуальной категоризации мира и проявляющийся как след коллективного опыта в индивидуальном сознании»; во-вторых, ему присуща «ориентация на важнейшие витальные ценности бытия (жизнь – смерть, опасность – защищенность, хорошо – плохо, свой – чужой) и вытекающая отсюда универсальность для человечества»; в-третьих, архетипический концепт носит «бинарный оценочный характер, выражающийся в неделимой диаде положительной и отрицательной оценок» [Там же: 2].

Если план содержания архетипического концепта образуется «совокупностью объективных и субъективных знаний и мнений о некоем объекте, включающей в себя существенные и несущественные (эмоциональные, экспрессивные, оценочные, ассоциативные, образные) признаки», то «репрезентантом архетипического концепта в языке (т.е. планом выражения) становится слово благодаря своему многоуровневому строению» [Богданова 2006: 8]. Первые два уровня – «это уровень значений слов и уровень скрытых значений (коннотаций); третий, глубинный уровень представлен архетипическими смыслами» [Богданова, Звездакова 2015: 33], которые складываются «из мифообразующих структурных элементов, имеющих обобщенный чувственно-образный характер» [Богданова 2006: 8]. «Именно архетипические смыслы формируют смысловое пространство архетипического концепта, являясь его минимальными единицами» [Богданова, Звездакова 2015: 33]. Они отмечены множественностью и многообразием языковых способов выражения. «Взаимодействуя друг с другом в смысловом пространстве архетипического концепта, архетипические смыслы способны образовывать дихотомические пары» [Богданова 2006: 22].

Нельзя не согласиться с В.М. Русаковым, который полагает, что «структурно архетипический концепт, в сущности, родственен архетипу» [Русаков 2010: 52]. Однако свое содержание архетип обретает, только проникая в сознание, поэтому правильнее «говорить об архетипическом содержании и архетипических смыслах, но не о собственно архетипах как таковых» [Там же].

Поддерживая концепцию Н.М. Солодухо о стержневом экологическом архетипе «Дом», Е.В. Иванова отмечает, что он реализуется в соответствующем «экологическом архетипическом концепте и воплощает отношение человека к окружающей среде и месту своего обитания» [Иванова 2013: 94].

Развивая идеи В.В. Флоренской об архетипах единства человека и природы, которые попадают в разряд экологических, можно вести речь не об одном, но о шести экологических архетипических концептах (концептах-экоархетипах), которые находят свою дальнейшую реализацию в виде экологических

архетипических смыслов и их языковых репрезентаций. К исследуемым далее концептам-экоархетипам относятся: концепты-экоархетипы Вселенского закона, единства и цикличности бытия, принадлежности к роду, дом, концепт-экоархетип мужественности и концепт-экоархетип женственности.

2.3. Языковое воплощение экологических архетипических концептов

Как уже отмечалось, современная эколингвистика использует существующее многообразие лингвистических теорий для языкового анализа с целью выявления жизненных сценариев (*stories-we-live-by*) или мифов, которыми мы живем (*myths we live by*), предопределяющих человеческое поведение и образ мыслей, в стремлении пересмотреть или изменить нежелательные когнитивные модели, сформировавшиеся в той или иной культуре. Языковая система, в особенности ее семантический уровень, позволяет человеку менять свое отношение к окружающему миру [Курашкина 2020 (1): 281], поскольку «язык служит не только для репрезентации существующих фактов, но и для выражения желаемых изменений» [Finke 2018: 414]. С другой стороны, влияние на экологизацию сознания осуществимо благодаря способности языка «формировать социальную реальность в соответствии с утвердившимися в социуме образцами поведения» [Хряпченкова 2013: 9].

Подобные образцы социального поведения, укладывающиеся в универсальные экоархетипические схемы, прослеживаются в таком малом фольклорном жанре как народные приметы и во всем паремиологическом фонде.

2.3.1. Проявление экоархетипических смыслов в паремиях, содержащих орнитообразы

Паремии относятся к такого рода культуроносным явлениям, которые способны повлиять на восстановление взаимоотношения «человек – природа», выкристаллизовывавшееся веками и запечатленное в виде «готового руководства к действию», т.е. в виде стереотипных поведенческих моделей, способных

актуализироваться, отталкиваясь от архетипической основы. Опыт преломления мифологем сквозь призму юнгианских архетипов (см. подр. [Серёгина 2009]) указывает на возможность изучения паремий и с точки зрения проявления в них экоархетипических смыслов.

Настоящий параграф посвящен исследованию экоархетипических смыслов, заложенных в концептах-экоархетипах, проявляющих себя в паремиях с компонентом-орнитонимом. Использованные пословицы и поговорки отобраны методом сплошной выборки из разноязычных словарей: [Даль 1981–1982, Зимин 2008, МЖРФ 1979, Критская 1963, ФРФС 1963, DPF 1823, Maloux 2006, Кунин 1984, Ray 1817, TWB 1912, ODP 2008]. Общее количество паремиологических единиц с компонентом-орнитонимом составляет 396 (192 русских, 90 французских и 114 английских паремий).

Мифологическое пространство, в котором жил древний человек, наполнено символическим языком и строится на бинарных оппозициях «сакральный – профанный», «верх – низ», «божественный – дьявольский», «свой – чужой», «мужественный – женственный», «герой – антигерой» и т.п. (см. подробнее [МНМ 1997 (1): 398, Цивьян 2006: 5–6]), которые проецируют мировой порядок, закладывающийся в космогонических мифах.

Ориентируя человека в мифологическом пространственно-временном континууме, птицы оказываются вовлеченными в оппозицию «сакральный – профанный». «Структура космоса, воплощается мировым древом, на вершине которого птица занимает свое логическое место» [МНМ 1997 (1): 399, 404–405]. А мировое древо отделяет мир космический (освоенный, «свой») от мира хаотического (неосвоенного, «чужого») и является местом пересечения макрокосма (вселенной) и микрокосма (человека) [Курашкина 2020 (1): 282].

«Птицы – не просто часть природы и часть Божественного мира. Они гонцы и вестники обоих этих миров» [Эндрюс 2000: 118–119]. Соединяя сакральный и профанный миры, птица исполняет роль «связного между *верхним* и *нижним* мирами» [Цивьян 2006: 264] и «одновременно выступает в качестве посланника богов (гонца из вечности) и вестника будущего. См., например, вестничество,

связанное с полетом: рус. *Журавль **летает высоко**, да **видит далеко**, Сорока нам на хвосте **весть принесла***; вестничество, связанное с голосовым поведением: рус. *Старый ворон **даром не каркает**, Кукушка **кукует**, **горе вещует***, англ. *A little bird **told** me* (птичка рассказала); вестничество, связанное с появлением птицы в определенное время года: англ. ***March birds** are best* (мартовские птицы – самые лучшие), ***One crow** does not make a **winter*** (одна ворона не делает зимы), ***One swallow** makes not a **spring, nor one woodcock a winter*** (одна ласточка не делает весны, а один вальдшнеп не делает зимы).

Служа ориентирами в мифологическом пространстве бытия, птицы, равно как и их паремиологические образы, вовлекаются в оппозицию «свой – чужой». В паремиях это, как правило, виды птиц, занимающие разные биологические ниши, см., например, рус. ***Ворона сове** не оборона*, англ. *The **nightingale** and the **cuckoo** sing both in one month* (и соловей, и кукушка поют в одно и то же время), фр. Le ***hibou** chant au **rossignol*** (сова поет соловью).

От «чужих» приходится обороняться, т.к. они представляют опасность, нарушая гармонию «своего», привычного мира, см., например, рус. *Смирную собаку и кочет бьет, И воробей на кошку чирикает. Каркает ворона и на беркута.*

«Свое» бытие и «чужое» бытие могут маркироваться по-отдельности, что подчеркивает значимость каждого, см., например, рус. *И кулик **свою сторону** знает (прилетает)*; «своих» или «чужих» узнают по голосу: рус. *Всякая птица **своим голосом (свои песни)** поёт, У всякой пичужки **свой голосок***, фр. *A la **chante** on connaît l'oiseau* (птицу узнают по пению), *Tel bec, tel **chant*** (каков клюв, такая и песня), англ. *A bird may be known by its **song*** (птицу узнают по пению); «чужих» узнают по полету: рус. *Это **другого полета** птица*; «своих» или «чужих» узнают по внешнему виду: рус. *Не все сорочьи дети, **в одно перо не уродятся***, фр. *Les oiseaux de **même plumage** s'assemblent sur même rivage* (птицы одного оперения собираются на одном берегу), англ. *Every bird is known by its **feathers*** (птицу узнают по перьям), *Birds of a **feather** flock together* (птицы одного оперения собираются вместе); «своих» или «чужих» узнают по локусу обитания / рождения: рус. ***Не на***

том кусте *сидишь,* ***не те песни*** *поешь,* англ. ***Hatched*** *in the* ***same nest*** (вылупились в одном гнезде).

Оппозиция «свой – чужой» коррелирует в паремиях с диадой «свобода – плен» и находит реализацию в свободолюбивом орнитообразе (для птицы ветка – это «своя» стихия), помещенном в клетку («чужое» пространство), см., например, рус. *Птичке* ***ветка*** *дороже золотой* ***клетки****, Не надобна соловью золотая* ***клетка****, ему лучше зелёная* ***ветка***, фр. *La (plus) belle* ***cage*** *ne nourrit pas l' oiseau****, Mieux vaut être oiselet*** ***en bocage,*** *que grand oiseau* ***en cage,*** англ. *Nightingales (A nightingale) will not sing in a* ***cage****, A fine* ***cage*** *won't feed the bird* [Курашкина 2020 (1): 282–283].

Экоархетипические смыслы концепта-архетипа «Дом»

Экологические архетипы, прежде всего, подразумевают единение человека с определенным локусом обитания в пространственно-временном континууме. Если космос – есть мир-континуум для «своих», то мир – это пространство, которое «отделяется от <…> другого пространства, где живут "чужие", неизвестные, где наши законы не признаются и где, может быть, законов нет вообще, где нам страшно» [Степанов 2004: 86–87, 138].

Кроме того, дом, т.е. освоенная человеком территория обитания, представляет собой жилище как уменьшенную модель мироздания, где «реальность выступает как имитация небесного архетипа; искусственные объекты (поселения, храмы, жилища) становятся сакрально значимыми, так как отождествляются с "центром мира"» [Щукина 2003: 14–15]. Таким образом, освоенное пространство осознается древним человеком как территория существования, отграниченная от остального мира.

Будучи стержневым экологическим концептом-архетипом, *дом* отличается универсальностью и интернациональностью, пластичностью и атемпоральностью [Петрова 1999: 59–61]. Этому концепту-экоархетипу присущи такие архетипические функции, как «жизнеобеспечивающая и спасительная; защитная; нормативно-этическая; социально-консолидирующая; смыслообразующая;

функция идентификации; исцеляющая и обновляющая (восстанавливающая); сберегающая» [Климова 2000: 136].

В паремиях с орнитокомпонентами концепт-экоархетип *дом* реализуется на основе оппозиции «свой – чужой», локализуя, как правило, ограниченную территорию обитания, а именно, *жилище* в образе *гнезда*. В первую очередь, жилище выполняет функцию защиты и убежища как «свое», безопасное и гармонически организованное пространство. Кроме того, это место, дающее живительную энергию, см, например, рус. *Всякая птичка* ***свое гнездо*** *бережет, Никакая сорока в* ***своё гнездо*** *не гадит, В добру пору воробью ненастье, коли* ***стреха*** *под боком, Всяк кулик* ***своё болото*** *хвалит,* фр. *(C'est un) vilain oiseau que celui qui salit* ***son nid***, *À chaque oiseau* ***son nid*** *est beau, Selon* ***l'oiseau le nid,*** *selon la femme le logis,* англ. *Every bird thinks* ***his own nest best***, *It is an ill bird that fouls* ***its own nest*** (каждая птица считает свое гнездо самым лучшим; только плохая птица пачкает свое гнездо).

«Свое» жизненное пространство, обеспечивающее безопасность, само нуждается в защите от «чужих»: рус. *В своём* ***гнезде*** *и ворон (ворона) коршуну глаз выклюет, На* ***своём пепелище*** *и курица бьёт, И петух на* ***своём пепелище*** *храбрится*, фр. *Un coq est bien fort (est roi)* ***sur son fumier***, англ. *A (Every) cock is valiant /proud* ***on his own dunghill*** (петух храбрится на своей навозной куче).

Отсутствие гнезда-дома, вынуждает беззащитное создание к скитанию в мире «чужих»: фр. *Un homme sans abri est* ***un oiseau sans nid***, ***Il n'y a plus que le nid*** *l'oiseau n'y est plus* (бездомный человек как птица без гнезда; больше нет гнезда, и птицы больше нет). В русских паремиях бездомье прочно закреплено за образом кукушки и ее характерным голосовым поведением: *О том кукушка и* ***кукует****, что* ***своего гнезда нет****, За то кукушка* ***без гнезда****, что в Благовещенье его завила* [Курашкина 2020 (1): 283–284].

Подытоживая, необходимо обозначить основные экологические смыслы архетипического концепта «дом», вербализующиеся при помощи лексемы *гнездо*: необходимость охранять свой дом (где понятие дом экстраполируется на среду обитания всех живых организмов); дом (как сбалансированная среда обитания)

предоставляет защиту и заряжает живительной энергией; бездомье (как отрыв от мира природы) пагубно влияет на живые существа.

Концепт-экоархетип «дом» представляет собой такой смысловой и пространственно-энергетический центр, который притягивает к себе другие архетипические образы и смыслы.

Экоархетипические смыслы концепта-архетипа принадлежности к роду

С концептом-экоархетипом *дом* сближается архетипичесий концепт *принадлежности человека к роду*, преломляющийся в сознании, как и вышеозначенный, посредством оппозиции «свой – чужой». По всей вероятности, эта диада связана с явлением тотемизма в племенном обществе, под которым подразумевается «деление племени на группы, связанные родством по женской или мужской линии», каждая из которых «верит в свое таинственное родство» с каким-либо классом материальных предметов (чаще всего с каким-либо видом животных или растений) [Токарев 1990: 51]. Замыкаясь внутри себя и выбирая тотемное животное, первобытный коллектив определяет свое единство, одновременно противопоставляя себя всем чужеплеменникам.

В исследуемых паремиях концепт-экоархетип *принадлежности человека к роду* реализуется в следующих орнитообразах: рус. ***Орёл орла*** *плодит, а* ***сова сову*** *родит,* ***Сорока от сороки*** *в одно перо родится, Знай* ***сорока сороку****, а* ***ворона ворону****, Не каркивал* ***соловей*** *по-вороньему*, ***Ворон ворону*** *глаза не выклюнет, а хоть выклюнет, да не вытащит*, фр. *On n'a jamais vu* ***une pie*** *avec* ***un corbeau****,* ***Corbeau*** *contre* ***corbeau*** *ne se crèvent jamais les yeux* (никто не видел сороку вместе с вороном; ворон ворону глаза не выклюнет), англ. ***Hawks*** *will not pick* ***hawk's*** *eyes out*.

Опасность потери своего рода маркируется в соответствующих паремиях, см., например, рус. *Полюбится (покажется) сова, лучше ясного сокола, Пой лучше хорошо щегленком, чем дурно соловьем*. Подчеркивается важность принадлежности «своим» и «своему» месту обитания: рус. *На что вороне большие хоромы,* ***знай ворона своё гнездо (свой куст)***. В то же время попытка перебраться

к «чужим» осуждается коллективом «своих», тем более, если в результате субъект оказывается изгоем: рус. *Не летать было* ***вороне*** *в высокие хоромы, От* ***ворон*** *отстала, а к* ***павам*** *не пристала*, фр. ***Geai*** *pare des plumes du* ***paon*** (сойка в павлиньих перьях) [Курашкина 2020 (1): 284].

Экологические смыслы архетипического концепта принадлежности человека к роду сходны со смыслами, передаваемыми концептом-экоархетипом «дом»: необходимость защищать свой род; принадлежность к своему роду обеспечивает надежную защиту от «чужих»; потеря своего рода представляет опасность для субъекта.

Экоархетипические смыслы концепта-архетипа Вселенского закона и концепта-архетипа мужественности

При мифологизации образа тотема в ряде случаев этот образ наделяется чертами культурного героя-демиурга, входящего «существенной частью в более сложный образ племенного бога» [Токарев 1990: 76], за которым чаще всего скрывается «древний дух покровитель племенных возрастных инициаций» [Там же: 332]. Как воплощение Бога герой является центром мироздания, а частичная зооморфность многих культурных героев обусловлена их связью с тотемными предками (например, Ворон у индейцев Северной Америки) [МНМ 1997 (2): 26]. Рассматривая архетип *героя* вместе со своим двойником-трикстером с архетипической точки зрения, К.Г. Юнг расценивает трикстера как *тень* героя: он «и нечеловек, и сверхчеловек, и животное, и божественное существо» [Юнг 1996: 347].

В анализируемых паремиях оппозиция «герой (демиург) – антигерой (трикстер)», представляющая собой одновременную реализацию концепта-архетипа *Вселенского закона* и концепта-архетипа *мужественности*, прослеживается в образах птиц-антагонистов. В русских пословицах и поговорках наблюдается противопоставление следующих орнитообразов: ***Вороне соколом*** *не бывать,* ***Сокол*** *с лёту хватает, а* ***ворона*** *и сидячего не поймает*, ***Сокол*** *с места, а* ***ворона*** *на место, Хоть под небеса летай, а всё* ***сове соколом*** *не быть.* Для

французов птицы-антагонисты – это сарыч и ястреб-перепелятник: *D'une* ***buse*** *on ne saurait faire un* ***épervier*** **/** *On ne peut faire d'une* ***buse*** *un* ***épervier*** (из сарыча никогда не сделать ястреба-перепелятника), а для англичан – коршун и ястреб: *A carrion* ***kite*** *will never make a good* ***hawk*** (коршун-падальщик никогда не станет хорошим ястребом).

В исследуемых пословицах и поговорках герой предстает в образах птиц, традиционно составляющих квинтэссенцию мужского начала. В русских паремиях это орел и сокол: *Всем птицам птица* ***орёл***, ***Орлом*** *глядит,* ***орлом*** *летает,* ***Сокол*** *мал, да удал, Птицу по перьям знать,* ***сокола*** *по полёту, Высоко* ***сокол*** *загоняет серу утицу.* В английской и французской традициях герой являет себя в образе орла или ястреба: фр. ***L'aigle*** *ne chasse point de (aux) mooches, À* ***l'aigle*** *seul il est permis de regarder le soleil,* ***L'aigle*** *n'engendre pas la colombe* (орел не ловит мух, только орлу дозволено смотреть на солнце; орел не плодит голубей), англ. *An empty hand is no lure for* ***a hawk****,* ***A goshawk*** *beats not at a bunting* (пустой рукой не приманишь ястреба; ястреб-тетеревятник не будет тратить силы на овсянку, т.е. мелкую птицу).

В ряде паремий на авансцену выходит антигерой, как теневая сторона героя. Для русской культуры – это может быть ворона, сорока, коршун или сова (худые птицы): рус. ***Ворона*** *не оборона, а* ***сорока*** *не без порока,* ***Ворона*** *за море летала, да вороной и вернулась,* ***Коршуна*** *узнают по полету, ловкого человека по походке,* ***Сова*** *не принесёт добра.*

В английской культуре функцию антигероя выполняют ворона, орел (позже стервятник) или коршун: *A* ***crow*** *is never the whiter for washing herself often, No carrion will kill a* ***crow****, Where the carcase is, there shall the* ***eagles*** **(*vultures*)** *be gathered together, A hungry* ***kite*** *sees a dead horse afar off* (ворона не становится белее от частого мытья; ни одна падаль не погубит ворону; где труп, там и орлы (стервятники) соберутся; голодный коршун видит мертвую лошадь издалека). Французский паремический антигерой – это ворон: *Nourris un (le)* ***corbeau,*** *il te crèvera l'œil (les yeux), Le* ***corbeau*** *ne peut être plus noir que ses ailes* (корми ворона, а он и глаз тебе выклюнет; ворон не может быть чернее своих крыльев).

Любопытно, что герой являет в одном лице и черты антигероя, что подчеркивает его двойственную сущность: рус. ***Сокол*** *–* ***вороньи*** *перья, Плох* ***сокол****, что на* ***воронье*** *место сел, Видом* ***орёл****, а умом* ***тетерев****, Царь птицам* ***орел****, а* ***сокола*** *боится*, фр. *Ce (il) n'est pas* ***un aigle*** (он не орел).

Двойственность героя приводит к тому, что его статус легко меняется: находясь в стане «чужих», он становится антигероем: рус. *На чужой стороне и* ***сокола*** *зовут* ***вороною***. Антигерой же в подобных условиях становится «своим», уподобляясь герою: рус. *На чужой сторонушке рад своей* ***воронушке*** [Курашкина 2020 (1): 284–285].

Обобщая, выделим основные экологические смыслы архетипических концептов вселенского закона и мужественности, находящие вербализацию: 1) в виде орнитонимов, образующих оппозиции (например, *сокол – ворона, сокол – сова* для русской культуры, *сарыч – ястреб-перепелятник* для французской культуры, *коршун – ястреб* для английской культуры) – необходимость поддержки лучших представителей своего рода; 2) в виде орнитонимов, символизирующих мужское начало (например, *орел*, *сокол* для русской культуры, *орел, ястреб* для английской и французской культур) – важность сохранения и приумножения образцовых социальных качеств; 3) в виде орнитонимов, символизирующих теневую сторону мужественности либо ее двойственную сущность (например, *ворона, сорока, коршун, сова* для русской культуры, *ворона, стервятник, коршун* для английской культуры, *ворон* для французской культуры) – двойственность обеспечивает адаптивность к меняющимся биосоциальным условиям.

Экоархетипические смыслы концептов-архетипов мужественности и женственности

Гендерная асимметрия (оппозиция), прослеживаемая в паремиях, есть не что иное, как реализация концептов-архетипов *мужественности и женственности*, уходящих корнями к возрастным посвятительным обрядам (инициациям), которые рассматриваются как свод «кодирующих программ», закладывающих в неофита проверенную временем информацию [Флоренская 2010: 15], т.е. мифы племени,

которые может знать только достигший определенного возраста человек. Следует отметить, что инициация юношей имела большее значение, поскольку социальная разница между мальчиком и взрослым мужчиной оказывалась более значительной, нежели между девочкой и взрослой женщиной. Так складывается оппозиция «мужчина–женщина», в которой приоритет отдается мужчине, а женщина предстает как его alter ego или вторая, подчиненная половина.

В паремиях, содержащих орнитонимы, концепты-архетипы мужественности и женственности просматриваются сквозь образы домашних птиц, олицетворяющих мужское и женское начало, и реализуются посредством оппозиции, подчеркивающей гендерную асимметрию с яркой выраженной подчиненной ролью женщины. См., например, рус. ***Курице*** *не петь* ***петухом****, Не к добру* ***курица петухом*** *запела,* ***Павино*** *убранство* ***павлинова*** *не чета*, фр. *Ce n'est pas à la* ***poule*** *à* ***chanter*** *devant (avant)* ***le coq*** (курице не следует петь петухом), англ. *It is a sad house where the* ***hen crows louder*** than ***a cock*** (плох тот дом, в котором курица кудахчет громче петуха).

Мужское начало находит свое персональное олицетворение в образах петуха или селезня: рус. *Драчливый* ***петух*** *голенаст живет, Хвост крючком, так* ***селезень****,* фр. ***Les bons coqs*** *sont toujours maigres* (хорошие петухи жирны не бывают), англ. *There's many a* ***good cock*** *come out of a tattered bag* (много хороших петухов выходит из разодранной в клочья сумки, т.е. из петушиных боев).

Женщина предстает в образах курицы, утки (гусыни) или кукушки как ограниченный или горемычный человек: рус. ***Курица*** *не птица, прапор (комиссар) не офицер, а баба не человек, Не* ***кукушка*** *кукует, а жена горюет*, фр. *Née de* ***géline*** *aime à grater* (родился курицей, люби скрести), англ. *A whistling woman and a* ***crowing hen*** *are neither fit for God nor men* (женщина, которая свистит, и курица, которая поет петухом, не угодна ни Богу, ни мужчине).

На что способна женщина с точки зрения мужчины, так это на досужие пересуды: рус. *Скажешь* ***курице****, а она и всей улице, Где* ***утка****, там и мутка*, англ. *Where there are women and* ***geese*** *there wants no noise, Many women many words****, many geese*** *many turds* (где соберутся женщины и гуси, там много шума; много женщин,

много сплетен – много гусей, много навоза), хотя иногда и пытается примерить на себя мужскую роль или настоять на своем, например, рус. *И* ***курица петухом*** *поёт, Ночная* ***кукушка*** *денную перекукует*, фр. *C'est l'histoire du* ***merle*** *et de la* ***merlesse*** (это история самца и самки черного дрозда – о мелкой ссоре по одному и тому же поводу), англ. *The cock crows but the* ***hen goes*** (петух кукарекает, а курица идет).

Если за женщиной и признаются положительные характеристики, то исключительно на фоне слабого или недостойного мужчины: фр. ***Mariage d' épervier*** (свадьба ястреба-перепелятника – когда жена лучше мужа), англ. ***A good goose*** *indeed, but she has* ***an ill gander*** (у хорошей гусыни гусак плохой).

Несмотря на существующую асимметричную оппозицию, мужчина и женщина призваны дополнять и гармонизировать друг друга, образуя единое целое, что поддерживается в паремиях образами тех же домашних птиц (например, гуся и гусыни): англ. *What's sauce for* ***the goose*** *is sauce for* ***the gander****, As deep drinketh* ***the goose,*** *as* ***the gander****,* ***Goose, and gander, and gosling,*** *are three sounds but one thing* (что хорошо гусыне, то хорошо и для гусака; гусыня пьет на той же глубине, что и гусак; гусыня, гусак и гусенок – три разных звука, но одно целое), или же образами малиновки и крапивника (городской и деревенской ласточек) в англоязычной паремии: ***The robin and the wren*** *are God's cock and hen;* ***the martin and the swallow*** *are God's mate and marrow* (малиновка и крапивник – божья пара; городская и деревенская ласточки – божья чета) [Курашкина 2020 (1): 285–286].

Резюмируя, отметим основные экологические смыслы архетипических концептов мужественности и женственности, находящие языковое воплощение в виде орнитонимов, номинирующих домашнюю птицу: 1) образующих оппозиции (например, *петух – курица* для русской, английской и французской культур, *павлин – пава* для русской культуры) – представители мужского пола играют доминантную роль, т.к. ответственны за продолжение своего рода; 2) символизирующих мужское начало (например, *петух* для русской, английской и французской культур, *селезень* для русской культуры) и женское начало (например, *курица, утка* для русской культуры, *курица, гусыня* для английской и французской культур) – биологическая природа женщин и мужчин неодинакова, что обусловливает их разные социальные

роли; 3) символизирующих гармоничную пару (например, *гусь и гусыня, малиновка и крапивник* для английской культуры) – гармонизация отношений внутри пары дает жизненную опору и способствует продолжению своего рода.

Экоархетипические смыслы концепта-архетипа женственности

Концепт-архетип женственности сопряжен с юнгианским архетипом *матери*, восходящим к образу Великой Богини – Вселенской Матери, объединяющему и первоначальный хаос (женское начало мира), и космос (созидательное начало). В паремиях архетипический концепт матери реализуется в образе птицы-наседки, а материнская забота проявляется по отношению к потомству (яйцо или птенец), см., например, рус. *Не уносится, как* ***кура с яйцом****, Добрая* ***наседка*** *одним глазом зерно видит, другим глазом коршуна,* фр. ***La mère*** *n'est pas l'oiseau qui pundit* ***l'œuf****, mais l'oiseau qui l'a fait éclore* (мать – это не та птица, которая отложила яйцо, а та, которая его высидела), англ. ***One chick*** *keeps* ***a hen*** *busy* (и один цыпленок доставляет курице хлопот).

На первом месте для матери – здоровье и благополучие потомства, т.е. сохранение и продолжение «своего» рода (англ. *Every bird must hatch its own eggs* – каждая птица должна насиживать свои яйца): певчие птицы перестают петь, когда появляются птенцы (фр. *Quand* ***le rossignol*** *a vu ses petits****, il ne chant plus*** – когда соловей увидит своих птенцов, он больше не поет). Немаловажным является и передача накопленного опыта, которую всегда осуществляли старейшины: фр. ***Poussin chante*** *comme* ***le coq*** *lui apprend* (цыпленок поет так, как его учит петух), англ. **As** ***the old cock crows,*** *so doth (does)* ***the young*** (как старый петух поет, так и молодой ему вторит).

Неосмотрительность или небрежность матери чревата потерей принадлежности потомства к «своим»: рус. ***Овсянке*** *на радость,* ***кукушка яичко*** *снесла* (т.е. в гнездо овсянки), *Высидела* ***курица утят*** *и сама не рада,* фр. *Être comme une* ***poule*** *qui a couvé* ***des œufs de cane*** (чувствовать себя курицей, которая высидела яйца утки), англ. *Out of* ***a white egg*** *often comes a* ***black chick*** (из белого яйца часто появляется черный цыпленок).

Отношения «мать – дитя» не всегда складываются гармонично, хотя мать всегда готова видеть свое создание самым лучшим: рус. *Нет певчего для* ***вороны*** *супротив родного* ***воронёнка****, Учило* ***яйцо курицу****, да болтуном и осталось,* фр. ***Les oisons*** *mènent paître* ***les oies*** (гусята ведут гусей пастись), англ. *Every mother thinks her* ***own gosling a swan*** (каждая мать считает своего гусенка лебедем), ***The crow*** *thinks her* ***own bird*** *fairest* (ворона считает своего птенца самым красивым).

В то же время реализуется формула «плохая мать – плохое дитя» как оборотная сторона или «тень» образа заботливой матери: рус. *От* ***худой курицы худые яйца***, фр. *De* ***mauvais corbeau, mauvais œuf*** (от плохого ворона плохое яйцо), англ. ***Bad hen, bad eggs*** (плохие куры – плохие яйца), *As good be* ***an addled egg*** *as an* ***idle bird*** (ленивая птица также хороша, как протухшее яйцо) [Курашкина 2020 (1): 286].

Выделяя экологические смыслы архетипического концепта женственности, следует отметить, что они вербализуются посредством орнитонимов, номинирующих как домашнюю птицу (например, *курица, гусыня*), так и другие виды орнитофауны (например, *ворона, соловей*): необходимость проявлять заботу о потомстве, обеспечивая продолжение своего биологического рода; важность передачи накопленного опыта подрастающему поколению; пренебрежение родительскими обязанностями чревато биологической потерей потомства или формированием низких социальных качеств будущих членов общества.

Рассмотренные паремии, содержащие орнитообразы, демонстрируют проявление пяти экологических архетипических концептов, которые отталкиваются от оппозиций «сакральный – профанный», «свой – чужой», «герой – антигерой», «божественный – дьявольский», «мужественный – женственный», уходящих корнями как в космогонические мифы, так и в древние инициации. Передаваясь из поколения в поколение, паремии транслируют смыслы экологического свойства, закрепляя в языковом сознании природоориентированные модели поведения.

2.3.2. Экоархетипичность орнитоморфного представления времени

Время, именуемое греческими философами движущимся подобием вечности, не обходится без орнитоморфизации. Гармонично вписываясь в пространственно-временной континуум, птицы выполняют функцию временны*ы*х индикаторов, коль скоро, согласно А. Эйнштейну, измерять время может любая система, которая «автоматически повторяет один и тот же процесс» [Эйнштейн 1965: 416]. Число таких повторившихся процессов ученый называет временем, измеренным часами [Там же], в роли которых могут выступать разные представители орнитофауны.

Сельские жители, в первую очередь, полагались на точность таких живых индикаторов времени, к которым относятся петух и курица. Этологические модели этих птиц дали основу для формирования в языке устойчивых ФЕ, связанных с начальной и конечной точками на временной оси, маркирующими трудовой день. Правило русского крестьянина гласит: *С курами ложись, с петухом вставай*. Начало трудового дня определяется по вокализации петуха (*петухи* – пение петухов как признак раннего утра, ср. англ. *cock-crow* в аналогичном значении), а определение времени осуществляется по его троекратному пению: в полночь (*первые петухи* – первый час ночи), перед зарей (*вторые петухи* – второй час ночи) и на заре (*третьи петухи* – четыре часа утра) – приблизительное время указано для летнего периода в средней полосе европейской части России. Путники, отправляющиеся в дорогу, ждут первых петухов; деревенские женщины принимаются за работу (доить коров, месить тесто и т.п.) после вторых петухов, вместе с третьими петухами все население начинает свою рутинную работу. Соответственно, в языке закрепляются такие темпоральные фразеологизмы, как: *до первых петухов* (за полночь), *до вторых петухов* (до глубокой ночи), *до третьих петухов* (до рассвета), *до поздних петухов* (до глубокой ночи), *встать до петухов* (очень рано, затемно; фр. *avant que le coq chant*), *встать с петухами* (очень рано утром; фр. (*se lever) au chant du coq, se lever comme / avec les poules*), *проспать петухов* (встать после восхода солнца). Все они дают ориентировочное

представление о начале определенных действий или событий не только для русского, но и для западноевропейского сельского жителя.

Окончание трудового дня также маркируется поведением кур и петухов – отправной точкой служит момент, когда птица устраивается на насест (*ложиться / засыпать с петухами* – очень рано вечером, с заходом солнца; *с курами ложиться* – очень рано, как только стемнеет; фр. *se coucher comme / avec les poules*); ср. англ. *to sit longer than a hen* в значении *засиживаться в гостях*.

Помимо домашних птиц в качестве «живого» будильника, дающего старт новому трудовому дню, выступает пение жаворонка. Пик активности этой птицы приходится на утренние часы: в июне жаворонок начинает петь в интервале 2.30 – 2.50, т.е. между вторыми и третьими петухами. В силу вступает следующее правило: *Go to bed with the lamb, and rise with the lark* (букв. Ложись с ягнятами, вставай с жаворонком), а ФЕ (англ.) *be up / get up /rise with the lark* / (фр.) *se lever au chant de l'alouette* указывают на начало утренней активности человека.

Время сумерек, как условная граница дня и ночи, отмечено ориентирами от птиц, ведущих ночной образ жизни: (англ.) *owl-light* (букв. совиный свет – *сумерки*); *сова Минервы вылетает в сумерки* / *полночь*. Традиционное восприятие пограничного состояния между светом и тьмой, бодрствованием и сном окутано мистикой и ассоциируется с разгулом нечистой силы и всевозможных разбойников-татей (воров).

Современные человеческие хронотипы (*жаворонок, сова, голубь*) появляются при смене жизненного уклада, связанного с урбанизацией большей части населения и отрыва от природных ориентиров.

Безусловно, народные наблюдения, лежащие в основе темпоральных ФЕ, несколько упрощают реальную картину, фиксируемую орнитологами (см. подр. [Диатропов, Диатропов 2017]), но с успехом выполняют свою хроноориентирующую функцию.

Природное время детерминировано и направляет человеческую деятельность, а чувство времени неразрывно связано с восприятием природных циклов [Арутюнова 1997: 51–52]. Птицы включены в цикличность бытия и

ориентируют человека относительно начала и (или) окончания суточных и сезонных циклов. Так, например, начало майского или июньского дня (но не утра) может маркировать щебечущая ласточка, а его окончание – пение соловья (приблизительно с 9 часов вечера до 4 часов утра): *Ласточка день начинает, а соловей вечер кончает*. Ласточка и соловей также намечают ориентировочные границы весеннего времени года: *Ласточка весну починает, а соловей кончает*. При этом начало весеннего цикла и связанных с ним сельскохозяйственных работ ожидали с особым вниманием, т.к. от этого зависело благополучие всего календарного года: *Где ласточке ни летать, а к весне опять прибывать*; (фр.) *au retour des hirondelles* (букв. по возвращении ласточек, т.е. ранней весной). О людях также могли говорить: появляется с ласточками, т.е. приезжает ранней весной (фр. *venir avec les hirondelles*), и исчезает с ласточками, т.е. уезжает осенью (фр. *partir avec les hirondelles*). Соловей же поет с момента прилета до середины июня, при этом его активная песенная фаза приходится на май, что позволяет по вокализации этой птицы определить текущий месяц годового цикла: *Малая птичка соловей, а знает май*.

Птицы ориентируют человека относительно неких ключевых временны́х моментов в календарном цикле. Так, в русском языке есть любопытное устойчивое сочетание *воробьиная ночь*, которое указывает на самую короткую летнюю ночь, связанную с солнцестоянием (в интервале 20-22 июня). Для язычества это очень важная временна́я точка, связанная с культом солнца (праздник Ивана Купалы, который с принятием христианства был смещен на 7 июля – Рождество Иоанна Крестителя) и магическими ритуалами. Однако согласно древнерусской мифологии, *воробьиная* (*рябиновая*) *ночь* наступает 1 сентября (14 сентября по новому стилю) и связана с разгулом нечисти и одновременно уничтожением нечистой силы в небесной битве (другое значение – *ночь с сильной грозой или зарницами*). Черт воробьев-домоседов меряет четвериками: «сколько выпустит на волю из-под гребла, столько и разлетится по своим по застрехам, а всем остальным – тут и смертушка!» [Коринфский 1901: 383]. Представления о количестве и сроках наступления воробьиной ночи варьируются и тесно переплетаются с народными

поверьями: в одних местностях считается, что воробьиная ночь обязательно бывает один или три раза в год; в других – она бывает раз в шесть или семь лет. В этом контексте предполагают связь названия *воробьиный* / *рябиновый* с рябиной и цветом неба во время грозы (рябой) [СМ 1995: 115].

Сходным образом работает английское устойчивое сочетание *halcyon days* (букв. дни зимородка), восходящее к античной легенде, согласно которой зимородок выводил птенцов в гнезде, плавающем по морю. Это особый период времени, длящийся 14 дней до и после точки зимнего солнцестояния (около 22 декабря), когда море остается совершенно спокойным. Впоследствии так стали именовать любую счастливую пору; мирные, спокойные дни.

Стоит упомянуть, что календарные предсказания птиц можно также рассматривать как индикацию определенных временны*х* сроков или биологических циклов, которые разбиваются на линейные отрезки с указанием на начальную стадию процесса (начало весны и посевных работ: *Когда прилетают ласточки – время сеять просо*), некий интервал (сезон) деятельности (обычно весенне-летний: *Когда ласточки гнезда лепят на южной стороне избы – холодное лето будет*) и финальную стадию процесса (начало осени и сбор урожая: *Если журавли улетают на юг поодиночке – к неурожаю*).

Подводя итог, важно отметить, что орнитоморфное представление времени органично вписано в концепты-экоархетипы Вселенского закона и единства и цикличности бытия, несущие такие экоархетипические смыслы, которые связуют человеческую жизнедеятельность с природными темпоральными ритмами, выполняя синхронизирующую функцию.

2.3.3. Проявление экоархетипических смыслов в народных приметах с участием птиц

Приметы, как и паремии, относятся к малому фольклорному жанру, но в отличие от них имеют ярко выраженную функцию краткосрочного или долгосрочного предсказания-прогноза. Существуют различные подходы к

построению типологии народных примет (см., например, [Knapp 1939, Пермяков 1970]), однако по своей тематике они могут быть сведены к трем основным группам: сельскохозяйственные, погодные (метеорологические) и бытовые (суеверные) приметы [Кулькова 2011: 13]. Границы между этими группами отличаются условностью, поэтому возможны пересечения. В основу сельскохозяйственных и метеорологических примет положены многовековые наблюдения за природными циклами, поэтому их использование позволяло рассчитывать на урожай различных культур и на ожидаемую погоду. Кроме того, большая часть примет ориентирована на церковный календарь (поэтому их еще называют календарными), согласно которому было предписано выполнять те или иные работы. И сельскохозяйственные, и метеорологические приметы нередко переплетаются с суевериями, основанными на древних поверьях, позднее перешедших в разряд религиозных представлений. Так, зная, что Благовещение – это богом благословенный день, старались оградить себя от каких-либо дел, сверяясь с поведением «братьев меньших», которые по-своему чествуют этот праздник: *На Благовещенье птица гнезда не вьет, девка косы не плетет*.

В данном параграфе взяты за основу народные приметы русского, английского и французского языков [Даль 1981–1982, Ермолов 2013, Зимин 2008, Коринфский 1901, Рыженков 1992, Swainson 1873, Inwards 1898], в которых птицы выполняют прогностическую функцию.

Участие птиц в народно-фенологических приметах обусловлено доминирующим мотивом вестничества и включенности в биологические циклы. В силу восприятия времени как регулярного чередования явлений (дня и ночи, смены времен года, жизни и смерти) люди погружались в цикличность земных событий, зависящей от цикличности феноменов мироздания. Сельское хозяйство, по словам М. Элиаде, это всего лишь «одна из областей, к которым применима символика периодического возрождения» [Элиаде 2000: 63]. Таким образом, благодаря цикличности происходящего древний человек «непрерывно живет во вневременном настоящем» [Элиаде 2000: 78], занимаясь повторением архетипических действий при наступлении определенных сроков. Ориентирами в

этих сроках служат календарные приметы, представляющие собой реализацию экологического архетипического концепта единства и цикличности бытия или сезонности.

Основным архетипическим образом птицы, реализуемом в приметах сельскохозяйственного цикла, выступает весеннее вестничество (*птица – предвестница весны*) [Курашкина 2022 (2): 172]. В таких приметах-прогнозах птицы приравниваются к божествам, управляющим ходом смены времен года (птицы приносят весну с собой): (рус.) *Прилетел кулик из-за моря, вывел весну из затворья; Ласточка весну начинает, а соловей кончает*; *Увидел грача – весну встречай;* (англ.) *The third of April comes with the cuckoo and the nightingale* (Третье апреля (16.04. *Прим.* – везде вторая дата дана по новому стилю) наступает с кукушкой и соловьем, т.е. эти птицы возвращаются).

Несмотря на то, что в разных географических широтах сроки появления весенних птиц варьируются и ассоциируются с днями празднования конкретных святых, одна прилетевшая птица никогда не является гарантом наступления весны, что отмечено во многих языках. Так, греческий прогноз о том, что *одна ласточка не делает весны,* распространился на многие европейские языки, например, (лат.) *Una hirundo non facit ver,* (англ.) *One swallow does not make a spring*, (нем.) *Eine Schwalbe macht keinen Friihling*, (фр.) *Une hirondelle ne fait pas le printemps*.

Включенность птиц в циклы вечного обновления диктует проявление такого архетипического образа как вестничество, связанное с плодородием (*птица – предвестница урожая*). Большое значение придается срокам и характеру возвращения птиц с зимовья, а сама примета-прогноз тяготеет к разряду долгосрочных метеорологических. Такие приметы еще называют климатологическими, т.к. фиксация прилета и начала токования какого-либо вида птиц проводилась для определенного региона со свойственными ему климатическими условиями. См., например, (рус.) *Сколько раз бухало будет бухать (выпь пробухает), по столько кадей хлеба вымолотишь с овина*; (англ.) *If the hedge-sparrow is heard before the grape-vine is putting forth its buds, it is said that a good crop is in store* – Если завирушка запоет до того, как распустится виноградная

лоза, ожидается хороший урожай (характерно для юга Англии). Время сева определенных культур также сверяется по прилету конкретных видов птиц, например, (рус.) *Когда летят первые журавли, тогда пора сеять горох; Когда прилетают ласточки – время сеять просо*; (англ.) *Cuckoo oats and woodcock hay Make a farmer run away* – Если овес не посеять до появления кукушки, а сено не убрать до появления вальдшнепа в октябре, фермер останется в убытке.

Важная роль в прогнозе урожайности будущего года отводится кукушке. Суеверия, связанные со сроком ее прилета и началом кукования, ложатся в основу ряда сельскохозяйственных примет: (рус.) *Кукушка кукует до Егория* (23.04. / 6.05.) *– к неурожаю и падежу скота*; *Если кукушка куковала на голый лес – будет голодный год, а на опушившийся – урожайный*; (англ.) *When the cuckoo comes to the bare thorn, Sell your cow and buy your corn But when she comes to the full bit, Sell your corn and buy your sheep* – Когда кукушка прилетает рано (еще нет листвы), продавай корову и покупай зерно; когда кукушка прилетает поздно (есть листва), продавай зерно и покупай овец; (фр.) *Si lou coucou vé nud, Belco dé paillo, paou de gru* – Если кукушка прилетает на голые деревья, будет много соломы (сена), но мало зерна. Если кукушка не прекращает кукования в положенный срок, т.е. к середине лета, не уродится зерно: (англ.) *If the cuckoo does not cease singing at mid-summer, corn will be dear*. У многих народов, помимо известного гадания о сроках жизни по кукованию, принимаются во внимание обстоятельства, при которых была услышана первая кукушка [Simpson, Roud 2003: 85]: *lucky if to your right, unlucky if to your left or behind you, or if you have not yet eaten; if you have money in your pocket at the time, you will have plenty all year (especially if you turn it or jingle it), but if not, you will stay poor, etc.* (счастливый знак, если кукование звучит справа, несчастливый знак – если слева или позади, или же если слышите кукование на голодный желудок; если в кармане есть деньги, они будут водиться весь год (особенно если позвенеть монетами в кармане), если окуковали на пустой карман, весь год будете пребывать в бедности и т.п.) [Курашкина 2022 (2): 172–174].

Третья сфера, в которой проявляется архетипичность образа птицы в приметах сельскохозяйственного цикла, связана с предвестием определенных

погодных условий (*птица – метеоролог*). Данный вид примет-прогнозов также сопряжен с погодными приметами, которые с полным правом можно назвать синоптическими. Они учитывают способность птиц улавливать изменения метеорологических величин, поэтому в большей степени имеют под собой научную, нежели суеверную основу. См., например, (рус.) *Трясогузка возвратилась раньше обычного – к теплой весне; Кукушка станет куковать – мороза больше не видать*; *Соловей поет всю ночь – будет солнечный день;* (англ.) *When there are many more swifts than swallows in the spring, expect a hot and dry summer* – Когда весной прилетает гораздо больше стрижей, чем ласточек, ожидается жаркое и сухое лето.

По поведению птиц судят о приближающейся непогоде: (англ.) *If the swan flies against the wind, it is a certain indication of a hurricane within twenty-four hours, generally within twelve* – Если лебедь летит против ветра – это верный признак урагана, которого следует ожидать в течение 24 часов, но главным образом в течение двенадцати часов; (фр.) *Quand les canards battent de l'aile dans le ruisseau, Bientôt le laboureur aura de l'eau* – Когда утки хлопают крыльями и плещутся в ручье, к сырой погоде. Определенное поведение птиц также указывает на погоду без осадков, что важно при планировании сельскохозяйственных работ: (англ.) *Cranes soaring aloft and quietly in the air foreshows fair weather* – Журавли, летящие тихо высоко в небе, предвещают ясную погоду; *When quails are heard in the evening, expect fair weather next day* – Когда перепела кричат вечером, следующий день ожидается погожим [Курашкина 2022 (2): 174].

Резюмируя, нельзя не вспомнить слова А.Н. Афанасьева о том, что в былые времена человек полностью полагался на милость природы, от чего «зависело все его благосостояние, все средства его жизни» [Афанасьев 1865 (1): 27], организуя свою хозяйственную деятельность в соответствии с природными ритмами сезонности. Делая акцент на основных экологических смыслах архетипического концепта единства и цикличности бытия, реализуемого в приметах календарно-хозяйственного цикла, следует отметить, что птицы играют в них роль прогнозистов-предсказателей. Во-первых, птицы ориентируют на начало

сельскохозяйственных работ, т.к. их прилет служит индикацией начала весеннего периода (*предвестники весны*). Во-вторых, определенное поведение птиц, в том числе сроки их прилета или отлета, свидетельствует о будущем урожае / неурожае жизненно важных культур (*предвестники урожая*). В-третьих, поведение птиц подсказывает характер погодных условий, от которых также зависит успех сельскохозяйственной деятельности человека (*предвестники погоды*).

Структурно приметы как правила прогнозирования будущих ситуаций или действий, имеют сходство с продукционными моделями представления знаний в интеллектуальных системах, где формулы правил продукции сводятся к следующему: 1) если выполняется условие А, то следует вывод Б, основанный на знаниях. По этой модели организованы практически все долгосрочные и краткосрочные приметы-прогнозы, например, *If cranes appear in autumn early, (then) a severe winter is expected* (климатологическая примета); *Если ласточки летают низко, будет дождь* (синоптическая примета). Таким образом, приметы, в которые облекался накопленный опыт наблюдений, передавались через поколения в виде своеобразных алгоритмов или матриц, которые задавали этносу программу действий на календарный год. Сегодня прогностические правила-приметы представляют интерес, в первую очередь, с познавательной и эколого-просветительской точек зрения.

Выводы по главе 2

Мифологическое пространство, в котором жил древний человек, наполнено символическим языком и строится на бинарных оппозициях «сакральный – профанный», «верх – низ», «божественный – дьявольский», «свой – чужой», «мужественный – женственный», «жизнь – смерть» и т.п., которые проецируют мировой порядок, закладывающийся в космогонических мифах. Образ птицы, который задает пространственно-временные ориентиры в континууме бытия, вписывается в созданное мифологическое пространство, делая эти крылатые существа универсальными символами.

Осмыслить природу символа человечество пытается издавна, однако символ, обозначающий нечто вечное и постоянно ускользающее (по Н.Д. Арутюновой), поворачивается к исследователям разными гранями, проявляя неясные трансцендентные смыслы. При всем богатстве своих реализаций символы – это те семиотические опоры, на которых человек строит окружающую его реальную и гиперреальную действительность. Универсальные, т.е. понятные всем символы (в трактовке Э. Фромма) способны быть проводниками в архетипические сферы. В целом благодаря символам можно постичь «не поддающиеся разуму смыслы» (по Н.Ф. Алефиренко), которые скрепляют социум в этнокультурном пространстве.

Орнитосимволы отмечены амбивалентностью, культурно-специфической вариативностью и историчностью. Будучи элементарными, развивают многозначность и выполняют кросскультурную функцию. На статус орнитосимволической универсальности претендует символ недифференцированной птицы, т.е. птицы вообще. Символы целого ряда конкретных видов квалифицируются как культурно-специфические, так как отношение к ним формируется исторически в разных этнических и культурных традициях. Что касается символов индивидуального порядка, то они вбирают в себя черты универсальности и культуроспецифичности вкупе с личностным опытом конкретного индивида, но при этом не поддаются обобщению.

Наблюдаемое в современном мире вырождение истинных символов компенсируется появлением квазисимволов, в которых имя реалии получает символьное прочтение (интерпретация В.Н. Телия). Богатый арсенал квазиорнитосимволов содержится в паремиологическом фонде любого языка.

Мир архетипов тесным образом связан с мифами и мифологическим мышлением, подразумевающими слияние человека с природой. Экологические архетипы, о необходимости активизации которых в современных условиях говорят философы, культурологи и эколингвисты, актуализируются в сознании в виде архетипических образов, имеющих в основном символический характер. Количество архетипов варьируется в зависимости от типизированных ситуаций, проявляющихся в жизни, а их насчитывается довольно много. Будучи

отприродными и инстинктивными по своей сути, все возможные архетипы квалифицируются экологическими. В этой связи В.В. Флоренская говорит об архетипах единства человека и природы, В.А. Маслова об архетипах природы, а Е.М. Щепановская о глубинных (универсальных) архетипах.

Экологические архетипы проявляются в виде архетипа Вселенского закона, архетипа единства и цикличности бытия, архетипа принадлежности к роду, архетипа «дом», архетипа мужественности и архетипа женственности. Представленные экоархетипы есть формулы бытия, отражающие гармоничное отношение человека к окружающему миру, которые способны влиять на формирование экологического сознания. Преломляясь в сознании, экологические архетипы находят реализацию в виде экологических архетипических концептов или концептов-экоархетипов, которые мыслятся как архаические глубинные модусы мировосприятия, родственные культурным константам, Минимальными единицами экоархетипического концепта, создающие его смысловое пространство, выступают экоархетипические смыслы. Они отмечены множественностью и многообразием языковых способов выражения. Таким образом, экологический архетипический концепт является переходным звеном к экологическому сознанию и далее к имени концепта, т.е. к слову. Следовательно, язык представляет собой тот инструмент, который может служить делу восстановления и активизации нарушившихся связей человека и биосферы.

Концепты-экоархетипы находят реализацию в паремиях и народных приметах как языковых структурах, заряженных экоархетипическими смыслами и способных передавать накопленные знания о природе через поколения, органично встраиваясь в триаду «природа – социум – культура». Тем самым они демонстрируют образцы экоориентированного социального поведения. По своей сути паремии несут в себе отражение того мирового порядка, который закладывается в космогонических мифах и возрождается в архетипических образах единства человека и природы. Культура почитания и обожествления животных, в частности птиц, инициированная в космогонических мифах, не исчезает из культурного наследия, но существует в нем как готовый к актуализации потенциал.

Рассмотренные паремии содержат в себе реализацию таких экологических архетипических концептов, которые посредством орнитообразов связывают

человека с тем или иным местообитанием на пространственно-временной оси. Отсюда ключевым концептом-экоархетипом видится *дом*, который притягивает к себе другие архетипические смыслы, в том числе смыслы, транслируемые концептом-экоархетипом *принадлежности человека к роду*, обусловливающие восприятие «своего» и «чужого» бытия. Основные экологические смыслы данных концептов-экоархетипов связаны с: необходимостью охранять свой дом и род как среду обитания, поскольку дом / свой род (сбалансированная среда обитания) предоставляет защиту, а бездомье и потеря своего рода, воспринимаемые как отрыв от мира природы, пагубно влияют на живые существа.

Кроме того, в паремиях, содержащих орнитообразы, наблюдается реализация концепта-экоархетипа *Вселенского закона*, сопряженного с концептом-экоархетипом *мужественности*. Образы птиц – культурных героев (например, *сокол, орел, ястреб*) оттеняются при этом антагонистичными представителями орнитофауны (например, *ворона, сова* или другая нечистая птица), а зачастую сами демонстрируют свою амбивалентную сущность и, следовательно, способность перемещаться от «своих» к «чужим». Основные экологические смыслы архетипических концептов вселенского закона и мужественности связаны с необходимостью поддержки лучших представителей своего рода, сохранения и приумножения образцовых социальных качеств, а также адаптации в сложном меняющемся мире.

Наконец, паремии являются отражением двух полярно-асимметричных концептов-экоархетипов *мужественности* и *женственности*, фиксирующих различия между мужским и женским началом в образах домашних птиц (например, *петух – курица, селезень – утка, гусь – гусыня* и т.п.), но гармонично соединяемых ради продолжения «своего» рода. Основные экологические смыслы, передаваемые с помощью данных концептов, имеют отношение, во-первых к представителям мужского пола, которые несут ответственность за продолжение своего рода; во-вторых, к представительницам женского пола, на которых лежит обязанность, связанная с заботой о здоровье и благополучии потомства; в третьих, к

биологической природе женщин и мужчин, обусловливающей их неодинаковые социальные роли.

В современных условиях, когда коллективное сознание подвержено активному воздействию со стороны целенаправленно созданных для управления и манипуляций мифов, обращение к народной мудрости видится актуальным. Паремии несут в своих структурах смыслы экологического свойства, закрепляя в языковом сознании природоориентированные модели социального поведения.

Птицы издавна служат человеку ориентирами в пространственно-временном континууме, выполняя функцию курьеров или посредников между верхним и нижним мирами. Эти крылатые создания включены в цикличность бытия и информируют человека относительно начала и (или) окончания суточных и сезонных циклов, равно как относительно неких ключевых моментов в календарном цикле, т.е. выполняют миссию индикаторов времени. Орнитоморфное представление времени органично вписывается в концепты-экоархетипы Вселенского закона и единства и цикличности бытия. Экоархетипические смыслы, транслируемые данными концептами, выполняют синхронизирующую функцию, связывая человеческую жизнедеятельность с природными темпоральными ритмами.

Календарные предсказания птиц также можно рассматривать как индикацию определенных временны*ы*х сроков. Экологический архетипический концепт, проявляющийся в народных приметах, которые задают этносу программу действий на весь год, это также концепт-экоархетип единства и цикличности бытия или сезонности. Как показано в работе, образ птицы проявляет себя в трех ипостасях: 1) предвестница весны, 2) предвестница урожая, 3) предвестница погоды. Все эти проявления объединены мотивом вестничества и воспринимаются практически во всех культурах одинаково благодаря соединению в человеческом восприятии физических свойств птиц, их образа жизни и мифологической или библейской символики. Основные экологические смыслы, передаваемые с помощью концепта-архетипа сезонности, связаны, во-первых, с необходимостью ориентироваться на прилет конкретных видов птиц, согласуя с ним начало весенних полевых работ; во-

вторых, с важностью наблюдений за сроками прилета или отлета птиц для прогнозирования урожая или неурожая определенных культур; в-третьих, с необходимостью наблюдений за поведением птиц, ориентирующим относительно погодных условий, под влиянием которых находится вся хозяйственная деятельность человека.

Все три плана вовлеченности птицы в начало нового сезона работ обусловливают включение сельскохозяйственных, метеорологических и суеверных примет-прогнозов в общий бытийный цикл, создавая алгоритмы действия, согласованные с природными циклами. Не уступая по своему потенциалу паремиям, формулы-прогнозы полезны для современной просветительской работы в области экологии как языковые структуры, содействующие экологизации сознания.

ГЛАВА 3. ОРНИТОМЕТАФОРЫ КАК СПОСОБЫ ПОЗНАНИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

3.1. Мифологическое мышление как основа метафоризации

Мифологическое мышление, которому свойственна символичность, является отличительной чертой древнего человека, имеющего тесные связи с миром природы. Мифология в таком контексте представляет собой «своеобразную символическую (знаковую) систему, в терминах которой воспринимался и описывался весь мир» [Токарев, Мелетинский 1997: 13]. Миф как «трансцендентально-необходимая категория мысли и жизни», «жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность», «подлинная и максимально конкретная реальность» [Лосев 1991: 24, 27] возникает из многотысячелетнего обращения к общедоступным природным образам. Само слово *миф* (греч. *μύθος*) восходит к корню *mutus* (бессловесный, безмолвный), что подчеркивает бессловесную природу вещей, которые не могут быть выражены иначе, нежели символическим образом [Бенуас 2006: 107]. Иными словами, миф этимологически связан с особой синкретичной формой мировосприятия, опирающейся на чувственность и сверхчувственность. Отсюда имеют место «антропоморфизация природы, универсальная персонификация, анимизм, метафорическая идентификация объектов природных и культурных» [Мелетинский 2001: 24]. Как утверждает Дж. Кэмпбелл, «культура все еще черпает источники силы в мифологии, и общая картина человеческой жизни, и каждый ее этап оживают благодаря намекам, которые заключаются в символах» [Кэмпбелл 2018: 54]. Вместе с тем, мифология как «эмоционально окрашенное событийное осмысление феноменов мира» [Дьяконов 1990: 84] дополняет рациональное мышление, ориентируя на целостный подход к мировосприятию, не допуская при этом никаких элементов неупорядоченности [Мелетинский 2000: 169].

Логика мифа рассматривает мироустройство с его пространственно-временными координатами как зиждущееся на бинарных оппозициях образование

[Топоров 1997: 162]. Среди таких оппозиций *мифологическое* / *реальное* возникает при переходе от мифологии к истории, где мифология понимается как «сказание о богах и обожествленных героях, о происхождении мироздания и жизни на Земле» [БТСРЯ 2000: 546] в противовес истории, трактуемой с позиции актуальной памяти коллектива. На волне историзма развиваются такие значения слова *миф* как «вымысел, ложь; оторванное от действительности изложение каких-либо событий, основанное на их некритическом, ошибочном истолковании» [БТСРЯ 2000: 546]. Однако мифологические модели сохраняются в исторических описаниях, более того, прослеживается установка на сохранение мифологического и реального и на их симбиоз, т.к. коллективная память народа внеисторична: «вместо событий – категории, вместо исторических лиц – архетипы» [Элиаде 2000: 52]. Так происходит вечное возвращение, которое, по мысли М. Элиаде, выступает основой длительности и преемственности любого человеческого общества, ибо миф претендует на реальную историю того, что «произошло у истоков времени, и предоставляет образец для поведения человека» [Элиаде 1996: 22], т.е. выполняет функцию наставника.

В интерпретации К. Юнга мифы представляют собой воплощение архетипических образов, отражающих то или иное отношение к окружающему миру и повседневной жизни: именно «архетипы создают мифы, религии и философии, оказывающие воздействия на целые народы и исторические эпохи, характеризующие их» [см. Юнг 1991]. И если общество поддерживает свои мифы, «оно черпает силы в самых здоровых и богатых слоях человеческого духа» [см. Кэмпбелл 2002].

Миф обнаруживает тесную связь с языком: о такой взаимообусловленности свидетельствует, в частности, Э. Кассирер, говоря, что лингвистическое мышление пропитано мышлением мифическим, а настоящая мифологически-магическая сила языка проявляет себя в артикуляционно оформленном слове, которому «подчинена определенная область бытия» [Кассирер 2002: 55]. Продолжая мысль, можно сказать, что при выражении мифологических смыслов неизбежной становится метафоризация языка, т.е. принцип мифологического отождествления

трансформируется в метафору (ср. у Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского: «мифологический текст в условиях немифологического сознания <…> порождает метафорические конструкции» [Лотман, Успенский 2010: 536]). Если отождествление в мифе возникает из экспрессивного опыта на основе случайного совпадения, эмоций, событий и ситуаций, то при метафоризации происходит внезапное обнаружение сходства разнородных идей, восстановление связи всех вещей [Борко 2014: 24]. Недаром П. Рикёр видит в метафоре силу, способную «ломать существующую категоризацию, чтобы затем на развалинах старых логических границ строить новые» [Рикёр 1990: 442].

Когда эколингвисты изучают метафоры или любые другие когнитивные и лингвистические явления, они вскрывают сценарии, которые формируют как жизнь индивида, так и всего общества в целом. А. Стиббе, предложивший термин *сценарии, по которым мы живем* (*stories we live by*), полагает, что подобные когнитивные структуры появляются между строк в текстах, окружающих нас в повседневной жизни. Это могут быть новостные репортажи, объявления, разговоры с друзьями, прогнозы погоды или учебники. Иными словами, они проявляются в различных дискурсах, не анонсируя себя в качестве сценариев (см. подр. [Stibbe 2015]).

Согласно теории социальных представлений [Rateau et al 2012], помимо метафор, которыми мы живем [Лакофф, Джонсон 2004], на защиту или разрушение жизнеобеспечивающих экосистем влияет большой спектр ценностных установок и взглядов, бытующих в социокультурном пространстве. В свете данного подхода исследователи задаются вопросом: «Как использовать языковые особенности для передачи тех сценариев, по которым мы живем?» [Stibbe 2015: 185–186]. Источником анализа экологичности жизненных сценариев становятся тексты, поскольку изучение ментальных моделей возможно только через язык.

М. Миджли в этой связи говорит о мифах, которыми мы живем (*myths we live by*), подразумевая под ними вымышленные модели, сети мощных символов, предлагающие определенные способы интерпретации мира. Такой символизм представляет собой неотъемлемую часть человеческого мышления: то, как мы

представляем себе окружающий мир, определяет, что мы в нем считаем важным [Midgley 2003: 1, 2].

При всех имеющихся отличиях от древних мифов (см. подр. [Антипов 2012: 27]) мифы, которыми мы живем сейчас, сохраняют связь с первообразами, а современное коллективное сознание мифологизировано специально создаваемыми для управления массами мифами. Это, прежде всего, «мифы идеологические, отражающие общественные настроения и составляющие важную часть современной политической мифологии» [Питина 2002: 29]. Так, М. Миджли выделяет три мифа, по-прежнему определяющих интеллектуальные и моральные устои современного западного общества: миф об общественном договоре, миф о прогрессе и миф о всемогущей науке [Midgley 2003: 6].

В качестве неких аналогов мифических героев называют персонажей «комиксов», которые соответствуют идеалам определенных слоев общества [Баташева 2014: 29]. Или же на основе архетипа героя современными технологиями искусственно создается привлекательный имидж политического деятеля, транслируемый в массовое сознание для формирования позитивного восприятия политика [Антипов 2012: 28–29].

Несмотря на то, что с течением времени содержание, равно как и многообразие мифов может меняться, человеческая потребность в мифотворчестве остается неизменной. Преодоление мифов дается нелегко, поэтому экологическому мышлению приходится бороться с реалиями общества, организованного по принципу конкуренции, для реализации проектов по спасению окружающей среды и выстраивания модели общества, нацеленного на сотрудничество со всеми обитателями Земли.

С другой стороны, познание мира, равно как и самопознание, невозможно представить без метафорического мышления. Благодаря теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафоричность рассматривается как неотъемлемое свойство человеческого сознания. В отличие от мифа метафорическое мышление тяготеет к условности, смысл которой неоднозначен и вариативен. С точки зрения мифологии метафора эмоциональна и целостна, а в

собственно метафорическом смысле она всегда индивидуальна и одновременно универсальна [см. Видгоф 2005].

В общем и целом метафоры структурируют человеческое восприятие, мышление и деятельность [Лакофф, Джонсон 2004: 25], посредством метафор выражает себя архетипическое содержание [см. Юнг 1991]. В свете современных воззрений метафора видится как «воплощение переосмысленного образа реальности, проступающего через ‘толщу’ языковых наслоений и определяющего порядок проведения работы с сокровенными смыслами» [Самигуллина, Мурясов 2023: 18]. Уподобляясь открытой книге, которую «можно читать бесконечно под тем или иным углом зрения», метафора, «с одной стороны, принадлежит сознанию, а с другой стороны, – языку» [Там же: 18].

С эколингвистической точки зрения наиболее существенным в метафорах является их деструктивный, амбивалентный или созидательный характер по отношению к избранной экософии. Некоторые теоретики разделяют подобные метафоры довольно четко: метафоры, которыми мы живем, и метафоры, от которых мы умираем (см., напр. [Goatly 2001, Nerlich and Jaspal 2012]). Однако было бы изрядным упрощением полагать, что некая метафора деструктивна во всех ситуациях: важно изучать контексты ее употребления. Так, анализируя различные исследования концептуальных метафор, А. Стиббе показывает как области-цели (*природа, планета, экосистемы*) структурируются с помощью разнообразных областей-источников (*сад, остров, космический корабль, часы, произведение искусства, библиотека, паутина, сообщество, организм, божество* и т.п.), выразимых посредством пяти основных категорий: локации, механизмы, товары, организмы и сети [Stibbe 2015: 68]. Далее оценивается степень деструктивности в том плане, насколько метафоры представляют человека как часть природы или в отрыве от нее, вызывают ли уважение к другим видам, демонстрируют ли озабоченность инвайроментальными проблемами в целом. В данном ключе эколингвистика может стать проводником к тем метафорам, которые поощряют поведение, направленное на защиту жизнеобеспечивающих экосистем, и

способствовать их закреплению в коллективном сознании как метафор созидательных.

Обратимся к орнитометафорическим конструкциям, возникшим благодаря тесным взаимосвязям человека с миром птиц в результате антропоморфизации, флороморфизации и техноморфизации орнитонимов.

3.2. Антропоморфизация орнитонимов

Метафорическое мышление основывается на двух базовых человеческих способностях: способности к анализу и к сравнению [Берестнев 2007: 51]. Такое мышление видит мир сквозь призму антропоморфизма, зооморфизма или техноморфизма. Животные ближе человеку как по формам бытия, так и по формам телесности, отсюда происходит давнее отождествление природы Homo sapiens с животным началом.

Метафоризация орнитонимов усиливает номинативные и функциональные возможности данных лексем. В данном параграфе рассматриваются орнитонимы, участвующие в метафорических конструкциях, и ФЕ с компонентом-орнитонимом, характеризующие человека. Эмпирический материал составили 52 русских, 42 английских и 40 французских метафорообразующих орнитонимов, на основе которых формируются различные метафорические конструкции, зафиксированные в словарях [БТСРЯ 2000, Даль 1981–1982, Зимин 2008, Кунин 1984, МАС 1985–1988, Никитина 2004, Ожегов 1986, Мюллер 1978, НФРС 2008, ФРФС 1963, CCDI 1997, LDOCE 2006, Maloux 2006, Robert 2008, Spears 1991, WCCD 1999]. Биологические данные большей частью заимствованы из справочников-определителей птиц таких как, например, [Демянчик 2003, Рябицев 2008] и др.

Отмечая регулярно воспроизводимый перенос «птица → человек», говорят о формировании орнитоморфной метафоры, ядром которой становится антропоморфный орнитоним. Например, *сова* (*owl*) как исходный орнитоним – это 1) хищная птица с большими глазами и крючковатым клювом, ведущая

сумеречный образ жизни [БТСРЯ 2000]; 2) *owl* как антропоморфный орнитоним – угрюмый, мрачный человек [WCCD 1999].

Если рассмотреть смысловую структуру зоонима в целом в других терминах, то она складывается из *зоосемизма* (прямая номинация животного) и *зооморфизма* (вторичная, переносная номинация для характеристики объекта, уже имеющего название). При этом зооморфизм совпадает с зоосемизмом по вторичным признакам, которые либо присущи данному животному, либо приписываются ему тем или иным этносом. Иными словами, зооморфизмы (в нашем случае антропоморфные орнитонимы) являются этноспецифичными, из чего следует, что они ориентированы на экстралингвистические объекты, хотя по своей природе и статусу являются сугубо лингвистическими явлениями (см., напр. [Солнцева 2004: 9–11, Гукетлова 2009: 7–8]).

В процессе антропоморфизации задействованы орнитонимы со стертой мотивированностью, например, *ворон, ласточка, орел, сорока*. Именно орнитонимы-символы, а не «новые этимологически прозрачные или звукоподражательные названия обыкновенно оказываются в отдельных языках источником новой номинации понятий» [Булаховский 1948: 124]. При этом отмечают «смысловую двуплановость номинанта» [Солодуб 1989: 4], которая обусловливает высокую степень экспрессивности непрямого словоупотребления [Булгаков 1998: 41]. При метафорическом употреблении оценочные коннотации орнитонима базируются на трех составляющих, связанных друг с другом: ассоциативном потенциале слова, его внутренней форме и эмотивном отношении говорящего к объекту действительности [Маркелова, Хабарова 2005: 22]. Именно эти составляющие обеспечивают экспрессивную функцию и воздействующую силу оценок-коннотаций, реализуемых в контексте. Например, в различных отзоонимных производных, содержащих антропонимический компонент, отмечено наличие эмоционально-оценочной, социумно-коллективной и национально-этнической информации индивидуального, группового или этнического характера (см. подр. [Иванова, Чанышева 2010: 303–308]).

Метафорообразующие орнитонимы развивают ассоциативно-образную мотивированность, которая актуализирует признак, как правило, не фиксируемый толковыми словарями у мотивирующего слова. «Важнейшим источником образности и экспрессивности антропоморфных орнитонимов выступает языческая и христианская символика птиц» [Курашкина 2013: 54] вкупе с многовековыми эколого-хозяйственными контактами человека и представителями орнитофауны.

Приступая к анализу орнитоморфной метафоры, следует определить ее отношение к сравнению. Известно, что метафора воспринимается как сжатое сравнение, и эта традиция берет начало в античности: «Сравнение <…> та же метафора, но отличающаяся присоединением [вводящего слова]; поэтому она не так приятна, ибо длиннее; и она не утверждает, что “то есть это”, и [наш] ум этого не ищет» [Аристотель 1978 (2): 194]. Для того «[чтобы] хорошо переносить [значения, нужно уметь] подмечать сходное [в предметах]» [Аристотель 1983: 672]. Подобное отношение к метафоре широко распространено и в настоящее время (см., например, [Балли 1961: 221, Телия 1977: 199–200, Арутюнова 1999: 354, Миллер 1990: 236]). Основным приемом создания метафоры, таким образом, видят в сокращении компаративной связки [см. Туровский 1988], вместе с которой метафора лишается основания сравнения и «отказывается <…> от всех модификаторов», делая их имплицитными [Арутюнова 1999: 355]. Следовательно, формирование метафорического образа опирается на ментальную операцию сравнения. Однако «сравнение механистично, тогда как метафора креативна; сравнение выявляет подобие, метафора маскирует последнее для большей яркости и необычности ментальной картинки» [Самигуллина 2008: 122].

В ряде случаев орнитоморфные метафоры разворачиваются в сравнительные конструкции, эксплицируя основание сравнения и стирая грань между двумя языковыми феноменами: *сорока* (*magpie; pie*) – болтливый человек, сплетник, сплетница → *стрекотать / трещать как сорока* (*chatter like a magpie; bavarder (babiller, jacasser, jaser) comme une pie*); *goose* – дурак, дура; простофиля → *as silly as a goose* (букв. глупый как гусь); *owl* / (*un vieux*) *hibou* – угрюмый, мрачный

человек → *as grave as an owl* (букв. мрачный как сова) / *vivre comme un hibou* (букв. жить как сыч) и т.п.

По мнению Э. Ортони, «тот факт, что метафоры часто употребляются для сравнения – если это факт – не значит, что метафоры являются сравнениями», по той причине, что метафора – это «тип употребления языка, в то время как сравнение – тип психологического процесса» [Ортони 1990: 222]. Как справедливо отмечает Дж. Серль, существует множество метафор, которые не соотносятся со сравнениями, точно передающими их значение [Searle 1991: 531–532], равно как имеется множество сравнительных конструкций, не способных «сжаться» до метафоры, например, *coot* (лысуха) – соматический признак: белая бляшка, напоминающая лысину + представление о птице как неразумном существе → *простак; глупый или странный человек (особенно старый)* ≠ *as bald as a coot* (букв. лысый как лысуха) – только соматический признак; (он) *прост как дрозд* ≠ (он) *дрозд*; (il est) *chaud comme une caille* ≠ (il est une) *caille* и т.п.

Из примеров можно сделать вывод о том, что существуют определенные ограничения на переход от сравнительной конструкции к метафоре. Так, по мнению Н.Д. Арутюновой, не могут отказаться от семантического посредника те сравнения, которые требуют «экспликации своих оснований» [Арутюнова 1999: 281], например, *as* ***red*** *as a turkey-cock* (букв. красный как индюк) демонстрирует эксплицированный соматический признак, в то время как метафора *turkey-cock* имеет в качестве имплицитного основания сравнения этологический признак птицы. Не метафоризируются сравнения, относящиеся к преходящим состояниям объекта, в особенности сравнения, следующие за глагольным сказуемым, выражающим характерное действие [Арутюнова 1999: 281], например, *сидит как курица на яйцах* ≠ *курица* или *to sing like a lark* (букв. петь как жаворонок) ≠ *lark*.

Для успешного решения исследовательских задач представляется целесообразным рассматривать сравнения как часть метафорических конструкций. При таком взгляде на вещи не метафора являет собой «усеченную разновидность сравнения, а сравнение входит в состав широкой сферы средств метафорической интерпретации действительности» [см. Глазунова 2000]. Недаром размышляя над

сущностью многоликой и противоречивой метафоры, А.С. Самигуллина вскрывает такие разные ее ипостаси следующим образом: «метафора предстает перед нами как вместилище рационального и иррационального; как средство непрямой коммуникации; как орудие коммуникативной игры; как подобие в обличии тождества; как аномальное проявление языка; как явление а) лингвистическое, б) когнитивное, в) явление, обусловленное культурой его породившей, т.е. как “объемный” феномен, расположившийся в трех пространственных измерениях одновременно» [Самигуллина 2008: 146].

3.2.1. Пути антропоморфизации орнитонимов

Анализ лингвистического материала дает возможность выделить три наиболее продуктивных способа антропоморфизации метафорообразующих орнитонимов.

1) Перенос биологических особенностей птицы на человека. Под биологическими особенностями птицы подразумеваются: а) *соматические признаки*, т.е. внешний вид птицы; б) *эколого-этологические признаки*, т.е. биотоп, способ гнездования, способ кормодобывания и особенности рациона, характерные повадки; в) *вокальные признаки* как часть этологии, т.е. характерная вокализация или оценка голосовых данных птицы. Далее показаны орнитонимы, вводящие отмеченные признаки в состав антропоморфных метафор.

а) соматические признаки: *воробушек* / *воробышек; ворона; гагара; павлин* / *peacock; птаха, птичка* / *bird; пигалица; цапля; цыпка* (*цыпонька, цыпочка*), *chick* (цыпленок), *poulet* / *poulette* / *poulot* (цыпленок); *corbeau* (ворон); *hen* / *poule* (курица); *jay* (сойка); *quail* (перепелка); *wryneck* (вертишейка) (всего 18 единиц).

Примеры: *ворона* – характерная деталь части тела: большой клюв: «большой рот ее <вороны> пригодился в укор тому, кто имеет дурную привычку, слушая, разевать рот» [Максимов 2001: 237] → *зевака, ротозей* [Ожегов 1986]; *разиня, рохля* [Даль 1981]; *рассеянный, невнимательный человек* [МАС 1985–1988];

hen / *poule* – особь женского пола: самка петуха или любой птицы отряда куриных → *женщина* (болтливая или глупая) [Мюллер 1978] → *хозяйка дома, жена, подружка* [НФРС 2008], (вокатив) *птичка, цыпочка, лапочка* [ФРФС 1963]; ср. также *quail* (перепелка) → *любая особа женского пола* [Spears 1991].

б) эколого-этологические признаки: *воронье; гусь; дятел; жаворонок; клуша; кукушка; пава; петух* / *cockerel* / *cock; пустельга; сова* / *owl; стервятник* / *vulture* / *charognard / vautour* (стервятник) / *l'oiseau de proie* (хищная птица); *chicken* (цыпленок) / *poussin* (цыпленок, птенец); *épervier* (ястреб-перепелятник); *étourneau* (скворец); *faucon* (сокол); *hawk* (ястреб); *kite* (коршун); *magpie* (сорока); *night-jar*, *night-hawk* (козодой); *rook* (грач); *sea-gull* (чайка); *stormy petrel* (буревестник); *turkey-cock* (индюк) (всего 32 единицы).

Примеры: *стервятник* / *vulture* / *charognard / vautour* (стервятник) / *l'oiseau de proie* (хищная птица) – способ кормодобывания: хищная птица-падальщик → *алчный, жадный человек* [БТСРЯ 2000] / *хищник* [WCCD 1999; LDOCE 2006] / *мясник, торгующий подпорченным мясом* / *сторонник силовой политики*, «*ястреб*» / *жестокий человек* [НФРС 2008].

в) вокальные признаки: *канюк; сорока* / *magpie* / *jacasse, pie; canary* (канарейка); *jackdaw* (галка) (всего 7 единиц).

Примеры: *сорока* / *magpie* / *jacasse, pie* – оценка голосовых данных: громкое стрекотание; голосом предупреждает об опасности всех обитателей леса → *пустоплет* [Даль 1982]; *болтливый человек, сплетник, сплетница* [МАС 1985–1988]; *шумный человек* [БТСРЯ 2000] / *болтун(ья)* [WCCD 1999]; ср. также англ. *jackdaw* в значении *болтун, ворчун*.

г) комбинации указанных биологических особенностей: *глухарь; гоголь; пичуга* / *пичужка; свиристелочка* (всего 4 единицы).

Пример: *гоголь* – этолого-соматический признак (окраска всей птицы + характерные повадки): у самца щегольской наряд: черная, с зеленым блеском голова с круглым белым украшающим пятном между глазом и клювом, шея и грудь белые, спина и хвост черные + во время брачных демонстраций закидывает шею и голову назад → *щеголь, франт, волокита* [Даль 1981].

2) Перенос биологических особенностей птицы на человека в сочетании с орнитосимволикой наблюдается для следующих метафорообразующих орнитонимов: *голубь (голубчик, голубка, голуба, голубушка), горлица (горлинка)*; *голубки* / *dove; turtle-dove / a pair of turtle-doves / colombe* / *mon petit pigeon* / *des tourtereaux; карга* (ворона); *кукушка; ласточка (ластушка, касатка, касатушка, касатик); лебедь (лебедушка, лебедочка, лебедка, лебедок, лебедчик)* / *swan; орел* / *aigle; сокол (соколик, соко́лич); сычевка* (*owl*); *pie-grièche* (сорокопут); *vieille chouette* (старая неясыть) (всего 22 единицы).

Примеры: *сычевка* (*owl*) – этолого-соматический признак (характерная деталь части тела + время активности): развитый лицевой диск + ночной и сумеречный образ жизни → символика: нечистая, дьявольская природа происхождения совы и сыча у славян [Гура 1997: 573, 585]; ассоциируются со смертью, мраком и ночью [ЭС 2005: 474] → (бранное слово) *злая баба, хрычевка* [Даль 1982]; *угрюмый, мрачный человек* [WCCD 1999].

Встречаются случаи, когда метафора основывается исключительно на символических образах птиц в отвлечении от их биологии: *гусь; кукушка; селезеночка* / *duck; colombe* (голубка); *dove* (белый голубь); *raven* (ворон) (всего 7 единиц).

Примеры: *dove* – символика: чистая, святая, любимая Богом птица; в виде голубя Святой Дух сошел с небес во время крещения Иисуса + признанный символ мира [ЭС 2005: 460–461] → *чистый, невинный человек* [WCCD 1999]; ср. фр. *colombe* (голубка) – невинная девушка + сторонник мира и политики примирения.

3) Перенос ложного представления о биологических особенностях птицы на человека наблюдается, например, в случае со страусом:

ostrich (страус) – эколого-этологический признак (характерные повадки): считается, что птица в момент опасности прячет голову в песок; на самом деле страус ложится на землю и вытягивает шею, пропадая из поля зрения → *человек, пытающийся игнорировать неприятные ситуации* [WCCD 1999; LDOCE 2006] (всего 4 единицы).

Отмечены метафоры-характеристики глупца или простофили. 1) Перенос возрастной биологической особенности птицы на человека → молодой, неопытный, глупый (о человеке), например, *птенец* / *птенчик*; *цыпленок, chick* / *chicken* (цыпленок) / *un béjaune* (желторотик, птенец); *gosling* (гусенок) / *oison bridé* (раскосый гусенок) (всего 6 единиц).

2) Также имеет место подмена истинного биологического признака представлением о птице как о глупой твари: глупая тварь → простак, глупец, ничтожество (о человеке), например, *витютень* (*вяхирь*); *дятел*; *кулик*; *тетеря*; *goose* (гусь) ср. фр. *oie, oiselle, oison* в тех же значениях; *gull* (чайка); *loon* (краснозобая гагара); *owl* (сова); *pigeon* (голубь) ср. фр. *pigeon* и *pigeonneau* (молодой голубь) в том же значении; *turkey* (индюк) ср. фр. *dindon* в том же значении; *snipe* (бекас), *woodcock* (вальдшнеп). Примечательно, что французский язык демонстрирует бóльшее разнообразие орнитонимов, используемых для обозначения простофили, болвана, дурака, как например: *bécasse* (вальдшнеп), *bécassine* (бекас), *buse* (сарыч), *butor* (выпь), *grue* (журавль), *pierrot* (воробышек), *serin* (чиж) (всего 24 единицы).

Встречаются комбинированные способы антропоморфизации орнитонимов-символов, когда перенос биологического признака сочетается с представлением о птице как неразумном существе: *гагара; гусак; попугай* / *parrot* / *perruche; bird* / *oiseau* (птица); *coot* (лысуха); *cuckoo* (кукушка); *jay* (сойка) (всего 10 единиц).

Пример: *jay* (сойка) – вокальный признак (оценка голосовых и имитационных данных): известный пересмешник с характерным громким трескучим криком + представление о птице как неразумном существе → *глупый болтун; простак* [WCCD 1999].

Способы расширения метафорической номинации

В образовании метафоры участвуют два субъекта: основной субъект референции и вспомогательный обобщенный субъект, имеющие как эксплицитные, так и имплицитные формы выражения. При этом характер

вспомогательного субъекта (имплицитный или эксплицитный) – носителя признака – определяется главным субъектом [см. Глазунова 2000]. В связи с тем, что сходство между человеком и птицей способно охватывать целый комплекс характеристик, сопоставление может потребовать разъяснений той или иной метафорической номинации. На помощь приходит признаковое слово, выраженное прилагательным. Признаковое слово, во-первых, имплицирует класс вспомогательного субъекта, во-вторых, подсказывает признак основного субъекта [Арутюнова 1999: 355].

В ряде случаев признаковое слово дублирует определяющий признак основного субъекта, приводя тем самым к усилению метафорического переноса: *гусь* ***порядочный*** / ***хороший;*** *гусь* ***лапчатый; желторотый*** *птенец; сокол* ***ясный; глухой*** *тетерев* / ***глухая*** *тетеря*; *a* ***queer*** / ***strange*** / ***odd*** / ***weird*** *bird* / *un* ***drôle*** *d'oiseau; a* ***spring*** *chicken; cock* ***of the roost*** / ***of the walk*** / *coq* ***de paroisse*** / ***du village*** / ***un bon coq****; an* ***old*** *coot; an* ***old*** *hen; a* ***night*** *owl* (всего 21 единица).

Примеры: *a* ***queer*** / ***strange*** / ***odd*** / ***weird*** *bird* (человек со странностями, чудак [LDOCE 2006]); ср. фр. *un* ***drôle*** *d'oiseau* в аналогичном значении ← *bird* (странный человек [Spears 1991,WCCD 1999] / *oiseau* (тип, субъект [НФРС 2008]) – соматический признак (оперенное существо, способное летать) + глупая тварь → необычность и глупость создают ассоциативные связи со странным поведением.

В большинстве случаев происходит расширение метафоры посредством признакового слова, выступающем аналогом метафоризованного основания сравнения, которое и подсказывает признак основного субъекта: ***необстрелянный*** *птенец;* ***ленивая*** / ***сонная*** *тетеря; a* ***gay*** / ***lively*** / ***funny*** *bird; a* ***dolly*** *bird; a* ***downy*** *bird* (всего 8 единиц).

Пример: *a* ***dolly*** *bird* (букв. симпатичная, привлекательная птичка) хорошенькая, нарядная девушка, «куколка» [Кунин 1984] – соматический признак (окраска оперения): птицы часто ярко окрашены, потому вызывают эстетические чувства у людей ← *bird* (женщина, девушка [LDOCE 2006, Spears 1991]) – соматический признак (яркое оперение) + эстетическое впечатление.

Расширение метафоры наблюдается, когда признаковое слово основывается исключительно на биологическом признаке основного субъекта: *a* ***night*** *bird* / *oiseau de* ***nuit****; an* ***old*** *bird; birds of* ***a feather****; a bird of* ***passage*** / *oiseau de* ***passage***; *a* ***slick****-chick; a* ***gone*** *gosling* / *goose; a* ***plucked*** *pigeon; a* ***cold*** *turkey* (всего 11 единиц).

Примеры: *a* ***night*** *bird* (букв. ночная птица) ночной гуляка, полуночник [Кунин 1984]); ср. фр. *oiseau de* ***nuit*** в значении *темная личность* – эколого-этологический признак (время активности): активны в сумеречные и ночные часы ← *bird* (парень; человек [Мюллер 1978]) / *oiseau* (тип, субъект [НФРС 2008]).

Весьма востребованными оказываются метафоры, отражающие устойчивые ассоциативные связи, закрепленные в сознании носителей языка и во многом культурно обусловленные. В таких устойчивых фразеологических сочетаниях «в полной мере проявляется символический статус метафорических конструкций» [см. Глазунова 2000]. Важно отметить, что представленные выше орнитоморфные метафоры по большей части относятся к регулярно воспроизводимым сочетаниям.

Нижеследующие иллюстрации орнитоморфных ФЕ уникальны тем, что не претерпевают заметных структурных изменений и активно используются носителями разных культур, поскольку отражают общечеловеческие духовные ценности. При этом вид птицы как основной субъект, участвующий в образовании устойчивого сочетания в одной культуре, в другой культуре может оказаться совершенно иным.

Признаковое слово в составе устойчивой орнитометафорической конструкции, выраженное прилагательным или посредством генетивной конструкции, может опираться как на биологическую характеристику птицы, так и на метафоризованный признак: ***важная*** *птица* / *un* ***bel*** *oiseau;* ***вольная*** *птица* / *пташка; птица* ***высокого полета****;* ***крупная*** *птица;* ***невелика*** *птица;* ***перелетная*** *птица* / *a bird of* ***passage****;* ***ранняя*** *пташка* / *an* ***early*** *bird;* ***стреляная*** *птица* / ***старый*** / ***стреляный*** *воробей* / ***пуганая*** *ворона* / *an* ***old*** *bird;* ***редкая*** *птица*. / *a rare bird* / *oiseau rare* / ***белая ворона*** / ***a white crow*** / ***merle blanc*** /***a black swan*** (всего 22 единицы).

Примеры: ***важная*** *птица* (важный человек [Ожегов 1986, ФСРЛЯ 1991]); ср. лат. *avis ex avibus* (букв. птица из птиц) о людях, которые кичатся знатным происхождением или положением в обществе [КЛВ 2008: 468]; ср. фр. *un* ***bel*** *oiseau* (букв. красивая птица) в аналогичном значении – метафоризованный эколого-этологический признак (характерные повадки): демонстративному поведению самцов некоторых видов птиц свойственны «важные», горделивые позы, равно как и особый брачный «наряд».

Во многих языках благодаря влиянию латыни имеется устойчивая метафорическая конструкция ***редкая*** *птица* (лат. *rara avis*, англ. *a rare bird*, фр. *oiseau rare*) как образное определение кого- или чего-либо необычного, редко встречающегося [Ашукин, Ашукина 1988: 300] либо как характеристика необычного, странного человека или человека редкого таланта или способностей [Spears 1991]. Данная метафора проявляет себя в двух вариантах: 1) изменяется признаковое слово (*белый* – ***alba*** *avis*); 2) изменяется и признаковое слово, и основной субъект, формирующий метафору (***белая ворона, a white crow***; ***merula alba, merle blanc*** (белый черный дрозд); ***a black swan*** (черный лебедь). Для французского языка, в котором орнитоним *ворона* выступает относительной этнографической лакуной и почти не используется во фразеологических единицах, привычной птицей является *дрозд* [Муравьев 1980: 73–74]. В основе обоих вариантов лежит соматический признак (окраска оперения): птица-альбинос, встречающаяся редко; черный лебедь – когда-то редкость для европейских стран, поскольку является эндемиком Австралии; сейчас в качестве парковой птицы встречается по всему миру.

В составе устойчивых метафорических конструкций принимают участие орнитонимы самых разнообразных представителей орнитофауны: *ворона* ***в павлиньих перьях***; ***вареная*** *курица*; ***мокрая*** *курица* / *une poule* ***mouillée*** / ***laitée***; ***подсадная*** *утка* / *a* ***stool*** *pigeon*; ***гадкий*** *утенок* / *an* ***ugly*** *duckling*; ***старый*** *сыч* / *un vieux hibou; a* ***fighting*** *cock; an* ***old*** *cock; a* ***dead*** *duck; a* ***lame*** *duck* / *canard* ***boiteux***; *an* ***old*** *duck; a* ***queer*** *duck; a* ***sitting*** *duck; hirondelle de* ***theâtre***; ***fin*** *merle* / ***villain*** *merle* / *un vilain oiseau; a* ***fallen*** *sparrow; a* ***culture*** *vulture* (всего 25 единиц).

Примеры: ***подсадная*** *утка* (подосланный провокатор [ФСРЛЯ 1991]) – охотничий прием: подсадная утка – это специально выведенная и подготовленная домашняя утка или помесь домашней утки с диким кряковым селезнем; обученная птица начинает издавать звуки, которыми привлекает внимание селезня, а расположившийся в укрытии охотник выстреливает в приблизившихся к подсадной утке птиц (см. подр. [Русанов 1975]). Ср. в аналогичном значении ***a stool*** *pigeon* (букв. голубь для приманивания диких голубей) (провокатор, осведомитель [WCCD 1999; Spears 1991]) – охотничий прием: в качестве подсадных часто используют сбитых голубей, устраивая их в естественной позе на земле или деревьях для привлечения других птиц → ассоциация с «чужим» человеком среди своих.

Орнитоморфные сравнения

Рассмотрим *орнитоморфные сравнительные конструкции,* в которых орнитоним используется в качестве эталона сравнения, а признаки, являющиеся основанием сравнения, выражены эксплицитно и в основном не свойственны птице как биологическому виду, например, (he is) *as proud / vain as a peacock*. Выступая эталоном сравнения в составе такой конструкции, сами орнитонимы не антропоморфизируются. Основание сравнения в данных конструкциях выражено прилагательным, а сходство между человеком и птицей устанавливается по признаку, связанному: 1) с соматикой птицы 2) с этологией птицы, 3) птице приписываются человеческие черты (метафоризованное основание сравнения).

а) Соматические признаки: *бела как колпица* / *blanc comme un cygne; белый* / *седой как лунь; когтища, что у орлища; красна*, *что райская птица; as black as a crow* / *noir comme un corbeau* / *comme geai; as plump as a partridge* / *rond comme une caille; as gaudy as a peacock; léger comme l'oiseau; mouillé comme un canard; maigre comme un coucou* (всего 14 единиц).

Примеры: *as plump as a partridge* (букв. пухлый как куропатка) [Кунин 1984] – форма всей птицы: туловище куропатки округлое, пышное; ср. фр. *rond comme une caille* (букв. круглый как перепел) → *пухлая, толстенькая* (о женщине).

б) Эколого-этологические признаки: *as tame as a chicken; like a headless chicken; as busy / fussy as a hen with one chick; as fierce as a goose; as hungry as a hawk;* (*as) high as a kite; amoureux comme un moineau / un coq; effronté comme un moineau* (всего 9 единиц).

Примеры: *as hungry as a hawk* (букв. голодный как ястреб) [Кунин 1984] – способ добывания пищи: ястреб-тетеревятник убивает больше жертв, чем может съесть; иногда убивает и съедает даже собственных птенцов; в народе имеет скверную репутацию «крылатого» волка [Кайгородов 1923: 83; Флинт, Сорокин 1999: 73]; ср. рус. *голодный как волк → очень голодный, ненасытный* (о человеке).

в) Вокальные признаки: *переимчив как скворец; as garrulous as a magpie / bavard (babillard) comme un pie / bavard comme un perroquet / un merle* (всего 5 единиц).

Примеры: *as garrulous as a magpie* [Кунин 1984] / *bavard (babillard) comme un pie* [ФРФС 1963] (болтливый как сорока) – оценка голосовых данных: характерное стрекотание; ср. также фр. *bavard comme un perroquet / un merle* (болтливый как попугай / черный дрозд) в аналогичном значении.

г) Комбинации вышеуказанных признаков: *глух как тетерев* (*как мошник*) / *sourd comme une bécasse; as free as a bird / libre comme l'oiseau; as sick as a parrot; as graceful as a swan; as red as a turkey-cock / rouge comme un coq* (всего 9 единиц).

Примеры: *глух как тетерев* (*как мошник*) [Даль 1982]; имеется в виду *глухарь*, которого В.И. Даль именует *глухим тетеревом* (ср. *глухая тетеря*); возможно объединение двух названий в одно обусловлено внешней схожестью молодых птиц и самок у тетерева и глухаря [Лебедев 2009: 200] – вокально-этологический признак (особенности, сопровождающие вокализацию): на фазе «скрежетания» при токовании не слышит; ср. фр. *sourd comme une bécasse* (букв. глухой как вальдшнеп) → *тугоухий человек.*

Основание сравнения может быть выражено глаголом, тогда сходство птицы и человека устанавливается по выполняемым действиям с опорой на эколого-этологический или вокальный (реже соматический) признаки, присущие птице: *клевать как* ***птичка*** */ eat like a* ***bird****, eat like a* ***sparrow*** */ manger comme un* ***moineau*** */*

*avoir un appétit d'**oiseau**; to do smth like a **bird**; vivre / être comme l' **oiseau** sur la branche; шуметь как **воробьи** на дождь; сидеть, нахохлившись, как **воробей**; comme un **pierrot** sans plumes; один как **выпь** на болоте / like a **shag** on a rock; ворковать, как **голуби** / s'aimer comme deux **tourterelles**; с нас беда / лейся беда / с него все, как с **гуся** вода / like water off **duck**'s back / comme l'eau sur les plumes d'un **canard*** и т.п. (всего 69 единиц).

Примеры: *важничать, как петух на навозной куче* [Зимин 2008] – этологический признак (характерные повадки): петух известен своей гордой осанкой; на своем дворе чувствует себя полноправным хозяином [см. Нравы птичьего двора]; ср. англ. *as proud as a cock on his own dunghill*, фр. *être hardi comme un coq sur son fumier* (букв. быть смелым, как петух на своем навозе) < лат. *Gallus in suo sterquilinio plurimum potest*: (каждый в своем доме или своем деле себя хозяином чувствует) → *о тщеславном человеке, зазнайке* [Зимин 2008]; ср. также англ. *to cock* в значении *важничать, похваляться.*

Как и в случае с метафорами, сравнения образуются на основании биологического признака, свойственного птице, в сочетании с мифопоэтическим представлением о ней: *как ворон крови зырит (ждет) / как ворон, кровь чует; каркать, как ворона; как сорока: где посидит, там и накостит; сидеть / глядеть как сыч; as blind as an owl; être larron comme une chouette* (всего 8 единиц).

Примеры: *as blind as an owl* (букв. слепой как сова) [Кунин 1984] – соматический признак (особенность зрения) + ложное представление о зрении: известно, что совы прекрасно видят в темноте, но то, что совы днем ничего не видят – это большое заблуждение. Благодаря способности к сокращению размера зрачка совы отлично адаптируют свое зрение как к очень сильному, так и очень слабому свету (подобно кошкам). Птицы отлично видят предметы даже при сильном солнечном освещении [Кайгородов 1923: 6]; по-видимому, несколько хуже видят в темноте ястребиная и полярная совы, воробьиный сычик и другие виды, охотящиеся в сумерках и днем [см. Пукинский 1977] + символика: будучи существом, ведущим ночной образ жизни, сова являет собой «символ слепоты безверия» [Тресиддер 1999: 346]; представления о том, что птица боится дневного

света, сделали ее также символом Сатаны – Князя Тьмы [Орел 2008: 364] → *подслеповатый* (о человеке); также *о том, кто не видит и не понимает происходящего вокруг.*

Нередки примеры, когда основанием сравнительной конструкции является биологический признак, комбинированный с наивным представлением о птице как неразумном существе: *глядит как гусь на зарево; надулся как индюк / индейский петух; повторять, как попугай* / *repeat like a parrot* / *learn like a parrot* / *parler (réciter, répéter) comme un perroquet; хлопать глазами как сыч; être embarrassé comme une poule qui a trouvé un couteau* / *comme une poule devant un peigne* (всего 9 единиц).

Существуют орнитоморфные сравнительные конструкции, в которых птице приписываются человеческие черты, и можно говорить о метафоризованном основании сравнения, в качестве которого выступают такие прилагательные, как *безумный, глупый, веселый, мудрый, пьяный, счастливый*, *храбрый* и т.п. Некоторые исследователи полагают, что создаваемый образ в данном случае является частично мотивированным (см., напр., [Самигуллина 2008: 120–121]). Орнитоним, служащий эталоном сравнения в подобных конструкциях, приобретает антропоморфные черты: *верна, что* ***горлица*** / *(as) true as a* ***turtle*** *to her mate; прост как* ***дрозд*** / *franc comme un* ***merle****; весела как вешний* ***жавороночек*** / *as cheerful (gay, happy) as a* ***lark****; храбер, как* ***тетерев*** *на току; as game as a* ***cockerel****; (as) stupid as an* ***owl****; (as) crazy as a* ***loon*** (*as a* ***coot****); pur comme une* ***oie****; chaud comme une* ***caille*** и т.д. (всего 36 единиц).

Любопытна ассоциация ряда видов птиц с алкогольным опьянением человека, в основе которой лежит определенный этологический признак, подкрепляющийся суеверными представлениями или магическими практиками, например, *as drunk as a fowl* (букв. напившаяся как домашняя птица) [Кунин 1984] – эколого-этологический признак (особенности рациона и характерные действия): заболевшие домашние птицы (например, при отравлении) много и часто пьют; могут опьянеть от забродивших ягод; *soûl comme un grive* (букв. пьяный как дрозд) [ФРФС 1963] – эколого-этологический признак (особенности рациона и

характерные действия): по весне птицы-любители ягод могут наесться забродивших плодов, от чего хмелеют и падают на землю; аналогичное поведение может наблюдаться и зимой при поедании мороженых плодов; *as drunk / tight as an (boiled) owl* (букв. пьяный как (вареная) сова) [Кунин 1984] – эколого-этологический признак (характерные повадки): некоторые совы в дневное время впадают в оцепенение [см. Пукинский 1977] + народное поверье: в средние века в Йоркшире употребляли в пищу сырые яйца домового сыча (Little Owl) для избавления от алкогольной зависимости; если сырые яйца или совиную похлебку давали детям, то это оберегало их от пристрастия к алкоголю в будущем [см. Frost 2010]. Не исключается и влияние ночного образа жизни сов, что создает параллель с образом жизни людей, злоупотребляющими алкоголем [Антонова 2010: 154].

Ряд русскоязычных орнитонимов входит в состав адвербиальных и адвербиально-атрибутивных метафорических конструкций, где они функционируют как наречия наряду с глагольными лексемами, употребляющимися в прямом значении. Метафорический статус таких конструкций обусловливается формой наречия, которое призвано характеризовать действия или состояния человека. Данные орнитоморфные метафоры не содержат прямого сравнения, но уточняют характер протекания предикативного действия [см. Глазунова 2000], например, *лететь* / *нестись* ***птицей*** [БТСРЯ 2000] = *лететь* / *нестись, как* ***птица***, т.е. очень быстро – этолого-соматический признак (способность к полету благодаря крыльям): возможность свободного и быстрого перемещения в пространстве. Орнитоним в составе таких конструкций не антропоморфизируется, т.к. является, по сути, имплицитным эталоном сравнения.

Далее представлены метафорические конструкции, в которых закреплены орнитонимы, указывающие на характерные особенности движений, состояний или голосовые данные, приписываемые человеку: *держаться* / *ходить* ***гоголем****; идти* ***гуськом****; налететь* / *броситься* ***коршуном****; смотреть* / *глядеть* ***орлом****; выступать* / *выглядеть* ***павой****; ходить* ***павлином*** / ***петухом****;* ***петухом*** *налететь на кого-либо; петь* / *кричать* ***петухом****; идти* ***петушком****; ходить* ***селезнем****;* ***скворечьим*** *напевом петь; лететь* ***соколом****; смотреть* ***соколом****; заливаться / разливаться / петь*

соловьем / ***соловушкой***; *сидеть / смотреть* ***сычем***; *жить* ***сычем***; *ходить* ***уточкой***; *сидеть* ***уточкой*** (всего 20 единиц).

Аналогичную функцию выполняют адвербиально-атрибутивные метафорические конструкции, в основе которых присутствуют русскоязычные орнитонимы, осуществляющие перенос характерного способа перемещения птиц и их голосового поведения на человека: *ходить* ***по-гусиному***; *ходить* ***по-журавлиному***; *петь* / *кричать* ***по-петушьи***; *носиться* ***по-стрижиному***; *ходить* ***по-утиному*** (всего 5 единиц).

Представленные адвербиальные и адвербиально-атрибутивные метафорические конструкции в основном характеризуют манеру передвижения человека, которая, как точно подмечено, напоминает способ перемещения конкретных представителей орнитофауны. Орнитометафора также распространяется на манеру общения человека и то, как он смотрит на окружающий мир.

Дериваты антропоморфных орнитонимов

Наиболее распространенными и высокопродуктивными оказываются «атрибутивные метафорические конструкции, основной субъект которых выражен орнитонимным прилагательным. Это дериваты, создающие орнитоморфную характеристику человека, по сходству с внешним обликом птицы (соматический признак) или манерой ее поведения (эколого-этологический признак)» [Курашкина 2013: 55]. Орнитонимные дериваты выполняют функцию имплицитного эталона сравнения, как например, ***гусиная*** *походка = походка, как у* ***гуся***, т.е. переваливающаяся – эколого-этологический признак (характерные движения): из-за коротких, несколько отставленных назад ног большинство гусеобразных ходит по суше довольно медленно, вперевалку [ПЗ 2008: 64]; ***pigeon****-toed* (букв. с пальцами голубя) [WCCD 1999]) – соматический признак (характерная деталь части тела): у голубя, как почти у всех птиц, четыре пальца – один палец обращен назад, а три – вперед; при ходьбе голубя пальцы лапок направляются внутрь → *с пальцами ног, обращенными внутрь*.

Далее представлены некоторые другие атрибутивные метафорические конструкции: *с* ***воробьиный*** *нос* / *короче* ***воробьиного*** *носа; с* ***гулькин*** *нос;* ***гусиная*** *кожа* / ***goose****-flesh* / *skin* / *pimples* / *bumps* / *chair de* ***poule****; гусиные лапки* / *crow's feet* / *des pattes d'****oie****; журавлиные ноги;* ***журавлиная*** *походка* / *поступь* / ***журавлиный*** *шаг;* ***птичья*** *память* / ***bird****brain*, ***bird****brained* / ***chicken****-head* / *cervelle d'****oiseau*** /*tête* (*cervelle*) *de* ***moineau*** / *tête de* ***linotte****; лебединая грудь* / *шея* / ***swan****-neck* / *cou de* ***cygne****; лебединая поступь;* ***лебединая*** *песня* / *a* ***swan*** *song* / *chant de* ***cygne****; совиные глаза* / ***owlish*** / *des yeux de* ***hibou****; утиный нос* / *нос* ***уточкой****; утиная походка* / ***duck****-legged;* ***ястребиный*** *взор* / *взгляд* / ***hawk****-eyed;* ***ястребиный*** *нос* / ***hawk****-nosed;* ***pigeon****-eyed;* ***pigeon****-hearted* / ***pigeon****-livered;* ***pigeon****-toed;* ***ravenous***(*ly*); *voix de* ***rossignol*** / *avoir le gosier d'un* ***rossignol*** и т.д. (всего 107 единиц).

Меньшую продуктивность демонстрируют оторнитонимные глаголы, которые дают орнитохарактеристику человека, отталкиваясь от птичьих повадок. Полученные дериваты также содержат имплицитный эталон сравнения, как например, *to* ***raven*** *about* (набрасываться, пожирать с жадностью; рыскать в поисках добычи) = *действовать как* ***ворон*** – эколого-этологический признак (способ добывания пищи и особенности рациона): известная птица-падальщик + символика: дьявольская, кровожадная птица; *paonner* [НФРС 2008] ← *paonner* (распускать хвост) ← *paon* (павлин) – этологический признак (характерные действия или движения): аналогия с манерой павлина распускать надхвостье → *чваниться, кичиться*.

См. некоторые другие иллюстрации глагольных дериватов: *советь; соловеть; cailleter; caner; to cock up; to crane out* / *over* / *down; to cuckoo; to duck* / *ducking; to goose* / *goose; groveler; to lark about* / *around*, *to skylark; to quail; to owl; paonner; to raven about (after)* / *ravener; seriner; to snipe at / sniper; to swan (around)* и т.д. (всего 28 единиц).

Не меньшее распространение имеют «дериваты (как глаголы, так и прилагательные) от антропоморфных орнитонимов, в которых уже используются метафоризованные характеристики птицы для описания человеческих черт. Полученные дериваты фактически дублируют те ассоциативные связи, которые

послужили основой для формирования исходного антропоморфного орнитонима» [Курашкина 2013: 57], как например, *сорочить* [Даль 1982] / *jacasser* [НФРС 2008] = чесать язычок, болтать пустяки / болтать, трещать ← *сорока* (пустоплет [Даль 1982], болтливый человек, сплетник, сплетница [МАС 1985–1988]) / *jacasse* (сорока, болтунья [НФРС 2008]); *goosey* [Мюллер 1978] ← *goose* (дурак, дура; простак, простушка; простофиля [WCCD 1999; LDOCE 2006]) – представление о птице как неразумном существе → *глупый, тупой человек*; (в обращении к ребенку) *глупышка, дурашка.*

Далее представлены некоторые другие примеры таких производных: (*про*)*воронить; голубить* / *голубиться*; *канючить; кукушкины дети; орлиный взор* / *взгляд* / *avoir des yeux (regard) d'aigle; павлиниться* / *павлинничать* / *to peacock, peacocky* / *peacockery* / *play the peacock; петушить* / *петушиться; попугайничать* / *попугайство, попугайничество/ to parrot, parrotry, parrot fashion; соколиный взгляд; сорочить* / *jacasser; canarder; to chicken out, chicken-hearted; dindonner* / *se laisser dindonner; dovish, dovishness* / *dove-eyed; ducky; goosey; hen-hussy* / *hen-party* / *hen night* / *to henpeck, henpecked; to pigeon* / *pigeonner; vulturine, vulturous* и т.д. (всего 57 единиц).

На основании вышеизложенного можно заключить, что орнитонимные производные, создающие метафорический перенос внешнего облика и поведенческих моделей птиц на аналогичные характеристики человека, отличаются довольно высокой продуктивностью. Орнитоморфные прилагательные выполняют функцию имплицитного эталона сравнения (*утиный нос = нос, как у утки*), в то время как орнитоморфные глаголы, предполагая метафорический перенос этологического признака птицы на поведение человека, содержат фактор сравнения в имплицитной форме (*to duck = to act like a duck*). Большое распространение получают дериваты, созданные на основе антропоморфных орнитонимов (*ворона* (человек-ротозей) → *проворонить*; *dove* (чистый, невинный человек) → *dovish*).

Полученные данные согласуются с позицией А.С. Самигуллиной и Р.З. Мурясова, которые считают, что категория предметности «не свободна как от

глагольных, так и от признаковых характеристик, которые наиболее рельефно обнаруживают свое присутствие в процессе метафоризации» [Самигуллина, Мурясов 2023: 44], свидетельством чему являются зоонимы, меняющие свою частиречную принадлежность, становясь глаголами или прилагательными.

3.2.2. Орнитоморфные образы человека во фразеологии

Устойчивые ассоциации с тем или иным образом птицы создаются благодаря существующему параллелизму животного мира и мира человеческого. Формирующиеся ассоциации между поведением человека и птицы являют собой одновременно и опыт многовекового наблюдения людей над различными представителями орнитофауны в процессе практической деятельности, и результат влияния мифологических представлений. Орнитонимные ФЕ рассматриваются как культуроносные единицы, в которых закреплены характерные особенности человека (личностные и социальные качества) и поведенческие модели, распространимые на Homo sapiens в целом.

Цель настоящего подпараграфа видится в представлении объемных орнитообразов человека, базирующихся на ФЕ русского, английского и французского языков, к которым благодаря широкому подходу отнесены идиоматические выражения, паремии, рассматриваемые как устойчивые сочетания «с переосмысленным значением» [Кунин 1984: 3]. Для составления языковых «портретов» людей в образе птиц привлечен материал из следующих источников: [БТСРЯ 2000, Даль 1981–1982, Жуков 2006, Зимин 2008, Когут 2014, Критская 1963, Кунин 1984, МАС 1985–1988, МЖРФ 1979, НФРС 2008, ФРФС 1963, ФСРЛЯ 1991, CCDI 1997, LDOCE 2006, Maloux 2006, ODP 2008, Ray 2013, Robert 2008, Spears 1991, WCCD 1999]. Анализу подверглись следующие орнитонимы, фигурирующие в ФЕ исследуемых языков, а именно: *воробей, ворон, ворона, гусь, голубь, дрозд, жаворонок, журавль, индюк, кукушка, курица, лебедь, орёл, павлин, петух, сова, сокол, соловей, сорока, утка, ястреб* (всего 21 наименование). Данные наименования встречаются в выборке ФЕ рассматриваемых языков более 3 раз, т.е.

выделены на основании их абсолютной частоты. Также рассматриваются ФЕ с участием орнитонима *птица*, скрывающим собирательный образ недифференцированного представителя орнитофауны.

Далее показаны некоторые орнитоморфные образы человека, в которых нашли обобщение ассоциации и признаки, ставшие основой для их формирования.

Антропоморфизация фразеообраза «птица»

Человек-птица: ласковый вокатив (рус. *птичка*); простушка, дурочка (фр. *oiselle*), старикашка / старушонка (англ. *an old bird*); ***внешность***: маленький носик (рус. *птичий нос*), маленькое личико (рус. *птичье лицо*), ребенок, девушка или женщина (рус. *птаха*), парень, женщина, девушка (англ. *bird,* фр. *oiseau*), хорошенькая, нарядная девушка (англ. *a dolly bird*); ***личностные качества***: жестокий человек (фр. *l'oiseau de proie*), человек, приносящий беду (фр. *oiseau de mauvais augure*), темная личность, подозрительный, неприятный человек (фр. *oiseau de nuit,* фр. *un vilain oiseau*), странный человек, чудак (англ. *(a queer / strange / odd) bird* / *birdy*, фр. *oiseau rare, un drôle d' oiseau*), весельчак (англ. *a gay / lively /wise / funny / weird / old bird*), беспечный, беззаботный, несерьезный человек (рус. *птичка божья, жить как птица божия* / *как птица поднебесная, витать как птица,* англ. *as glad as a fowl of a fair day,* фр. *(vivre comme) l'oiseau sur la branche, Les oiseaux du ciel ne sèment ni ne moissonnent et le Pere celeste les nourrit)*, ночной гуляка (англ. *a night bird*), свободный, ни от кого не зависящий (рус. *вольная птица* / *пташка,* англ. *(as) free as the bird,* фр. *libre comme l'oiseau*), долго не засиживающийся на одном месте (англ. *a bird of passage*, фр. *oiseau de passage*), рано встающий и рано принимающийся за работу (рус. *ранняя пташка, Ранняя птица нос очищает, а поздняя глаза продирает, Ранние пташки росу пьют, а поздние – слезы льют,* англ. *an early bird, The early bird catches the worm / Early birds pick up the crumbs / worms*), опытный и осторожный (англ. *an old bird, Old birds are not to be caught with chaff,* фр. *On ne prend pas l'oiseau à la crécelle*), со своими индивидуальными привычками, наклонностями, поведением (рус. *У всякой пташки свои замашки, Всякая птица своим голосом (свои песни) поет* / *У всякой*

пичужки свой голосок, В одно перо и птица не родится, Всякая птица своим пером красуется, фр. *Tel oiseau, tel nid*), хитрец (англ. *a downy bird*), схожие между собой (одного склада) люди (англ. *Birds of a feather (flock together),* фр. *Les oiseaux de même plumage s'assemblent sur même rivage / Les oiseaux de même plumage volente n troupe*); ***социальные качества***: о человеке судят по делам и поступкам (рус. *видна птица по полету, Птицу узнают в полете, человека в работе,* англ. *A bird may be known by its song / A bird is known by its note and a man by his talk / Every bird is known by its feathers / Every bird must hatch its own eggs,* фр. *L'oiseau l'on connaît au chanter*), человек, занимающий видное общественное положение, влиятельный (рус. *крупная / важная птица, птица высокого полета,* фр. *un bel oiseau*), не имеющий прав или должного обеспечения (рус. *жить на птичьих правах / на птичьем положении,* фр. *être comme l'oiseau sur la branche*), незначительный по положению, но внушающий опасение или восхищение другими своими качествами (рус. *Невелика птичка / Мала птичка, да ноготок востёр*), незначительный человек (рус. *не велика птица*), человек редкого таланта или способностей (англ. *a rare bird*, фр. *oiseau rare*), семейные ценности (рус. *Глупа та птица, которой гнездо своё не мило, Всякая птичка свое гнездо бережет,* англ. *Every bird likes its own nest / It is a ill bird that fouls its own nest,* фр. *Vilain oiseau celui qui salit son nid, À chaque oiseau son nid est beau*).

Антропоморфный образ птицы складывается как довольно противоречивый и неоднозначный и во многом зависимый от общехристианской или общекультурной символики. При этом довольно прозрачными в человеческих «портретах» остаются биологические и этологические характеристики, свойственные птицам.

Антропоморфизация фразеообразов домашних птиц

Вполне закономерно, что домашние птицы, находящиеся под пристальным вниманием человека, дают почву для богатых антропоморфных характеристик. К таковым относятся: *гусь, индюк, курица, петух, утка* (всего 5 антропоморфных фразеообразов). Далее представлены некоторые примеры таких фразеообразов.

Человек-гусь: ***внешность***: морщинки у глаз (рус. *гусиные лапки*, фр. *des pattes d'oie*), кожа с мелкими пупырышками (рус. *гусиная кожа*, англ. *goose-flesh / goose-skin / goose pimples*), длинная и тонкая шея (рус. *гусиная шея*), важная, переваливающаяся походка (рус. *гусиная походка*); ***личностные качества***: глупый, недалекий, кичливый (рус. *гусак*, англ. *goose / goosey, (as) silly as a goose*, фр. *oie* / *oiselle* / *oison, bête comme une oie*), беспамятливый (рус. *гусиная память*), чистый, невинный, в том числе о наивной молоденькой девушке (фр. *petite oie blanche, pur comme une oie*); доброго нрава (англ. *Good goose does not bite*), свирепый, злой (рус. *Ровно у гусака: сердце маленькое, а печенка большая*, англ. *as fierce as a goose*); ***социальные качества***: ненадежный, не вызывающий доверия, плутоватый (рус. *гусь порядочный* / *хороший* / *хорош гусь*), обещающий многое сделать (рус. *На словах ты, как гусь на воде*), склочный (сравнение с шумными женщинами и их пересудами) (англ. *Three women and a goose make a market / Where there are women and geese there wants no noise*), семейные ценности (англ. *Goose, and gander, and gosling, are three sounds but one thing*).

Утка-человек: ласковый женский вокатив (рус. *селезёночка*, англ. *duck* / *ducky*); ***внешность***: нос с приплющенным кончиком (рус. *нос уточкой* / *утиный нос*), походка вперевалку (рус. *утиная походка*, *ходить уточкой*, англ. *duck-legged,* фр. *marcher / se dandiner comme un canard*), с гордо поднятой головой (рус. *ходить селезнем, Хвост крючком, так селезень*), сорванный голос или фальшивая нота (фр. *canard* / *faire un canard* / *canarder*); ***личностные качества***: хороший пловец (англ. *swim like a duck*, фр. *nager / plonger comme un canard*), трусливый (фр. *faire la cane*), странный (англ. *a queer duck*), ловко укрывающийся от опасности (фр. *nager / plonger comme un canard*); ***социальные качества***: человек, у которого все быстро получается (фр. *C'est une cane, il n y a que le bec à ourler*), человек, идущий не той дорогой, что остальные, неприспособленный к жизни, неудачник, бездарный политик, не избранный на новый срок, но исполняющий прежние обязанности политический деятель (англ. *a lame duck*, фр. *canard boiteux*), конченый человек, особенно политический деятель (англ. *a dead duck*), беззащитный, не

подозревающий о своей участи (англ. *a sitting duck*), женщина-сплетница (рус. *Где утка, там и мутка*).

Наделяя человека орнитоморфными чертами, язык стремится отразить те позитивные или негативные проявления, которые наблюдаются во внешнем облике и повадках обитателей птичьего двора. Образующиеся ассоциации довольно устойчивы, что обеспечивает их воспроизводимость в различных контекстах для описания личностных и социальных человеческих качеств.

Антропоморфизация фразеообразов птиц, связанных с человеческими поселениями

По полноте и точности создаваемого языкового образа не уступают вышеописанным ФЕ, содержащие названия птиц, места обитания которых связаны с человеческими поселениями. Это представители отрядов воробьеобразных (*воробей, ворон, ворона, голубь, дрозд, жаворонок, сорока*), курообразных: *павлин* (держат как декоративную птицу), ястребо- и соколообразных: *ястреб-тетеревятник, сокол-сапсан* (с глубокой древности используются в качестве ловчих птиц) (всего 10 антропоморфных фразеообразов). Далее следуют некоторые примеры таких фразеообразов.

Человек-ворон: ***личностные качества***: прожорливый (англ. *ravenous*), смелый при защите своей собственности (рус. *В своём гнезде и ворон коршуну глаз выклюет*); кровожадный, жестокий, несущий зло, пророчащий беду (влияние символики) (рус. *зловещий ворон, как ворон крови ждёт /зырит; жаден, как ворон крови,* англ. *raven*, фр. *corbeau de mauvais augure, Nourris un corbeau, il te crèvera l'œil*); корыстолюбивый (страсть к наживе), алчный, жадный (рус. *Где падаль, там и во́роны,* англ. *ravenous*); мудрый (знание и опыт, приобретаемые с годами) (рус. *Старый ворон даром / мимо не каркает*); дар пророчества, оборачиваемый против провидца (рус. *Всякому б ворону на свою голову каркать, Ворон каркал, да и докаркался / голову прокаркал*); ***социальные качества***: поддержка друг друга людьми, связанными корыстными интересами (рус. *Ворон ворону глаз не выклюет*

/ не выклюнет, (*а хоть выклюнет, да не вытащит),* фр. *Corbeau contre corbeau ne se crèvent jamais les yeux*).

Явное или скрытое присутствие в образе птицы черного цвета безоговорочно превращает ее в негативный символ. Ворон с незапамятных времен обратил на себя внимание зловещим видом, а пристрастие к падали, в том числе к павшим на поле брани, сделало его мрачным символом неминуемой смерти и предметом различных суеверий. В английском языке орнитоним *ворон* выступает относительной этнографической лакуной и практически не используется в ФЕ, потому более привычным хищником является *ястреб* (*hawk*). По всей вероятности, причину следует искать в греко-римской традиции, которая не включила ворона в число эпических падальщиков [Смышляева 2005: 105].

Человек-сокол: ***личностные качества с ярко выраженной гендерной характеристикой***: мужчина или юноша, отличающийся удалью, отвагой, красотой; (ласковый вокатив) милый, любезный друг, жених, мóлодец или сын мóлодца (рус. *сокол ясный, соколик, сокóлич, смотреть соколом, Сокол мал, да удал*); земной человек, которому при всех достоинствах могут быть свойственны пороки или ограничения (рус. *И сокол выше солнца не летает*), человек с ясными, зоркими глазами (рус. *очи соколиные* / *сокольи, соколиный взгляд*, *смотреть соколом*); ***социальные качества***: принятие социумом как образцового человека, о чем свидетельствуют его благородные поступки (рус. *Знать сокола по полету*, *(а добра молодца по поступи), Где бы ни летал сокол, везде ему свежий мосол*); сторонник силовой политики (фр. *faucon*). Встречается сочетание амбивалентных качеств, скрывающихся под маской доброго молодца-сокола: *Рожею сокол, а умом тетерев*.

Орнитоним *сокол* является стержневым для многих русских ФЕ, в то время как в английском и французском языках он почти не образует устойчивых сочетаний. По всей вероятности, образ этой птицы не вызывает положительных ассоциаций у англичан и французов. Так, по утверждению В.Л. Муравьева, в звучании слова *faucon* можно обнаружить определенный элемент какофонии [Муравьев 1980: 75]. Неудивительно, что французский *сокол* вносит диссонанс в

позитивный орнитоморфный образ человека, выполняя функцию *ястреба,* т.е. политика, предпочитающего действовать с позиции силы. Орнитонимы *ястреб* и *коршун*, в свою очередь, фигурируют только в русских и английских ФЕ, причем исключительно как олицетворение безжалостности и корыстолюбия» [Курашкина 2018 (2): 120]. Однако, как гласит английская пословица, коршуну ястребом не бывать: *A carrion kite will never make a good hawk.*

Антропоморфизация фразеообразов труднонаблюдаемых птиц

Таких птиц, как *кукушка, сова, соловей* довольно трудно наблюдать в природе из-за их скрытого образа жизни, потому ФЕ отражают лишь наиболее заметные характеристики этих птиц: общий внешний вид или голосовое поведение и некоторые другие повадки. То же можно сказать о *журавле, лебеде* и *орле* (всего 6 антропоморфных фразеообразов). Рассмотрим некоторые примеры таких фразеообразов.

Человек-соловей: *личностные качества*: превосходный певец, обладатель прекрасного чистого голоса (англ. *sing like a nightingale*, фр. *rossignol, voix de rossignol, avoir le gosier d'un rossignol*), пустой краснобай (рус. *заливаться / петь соловьем, разводить соловьев, Слово молвит – соловей поет, Соловей поет, себя тешит, Поет, что соловушка, да пуста головушка*).

Примечательно, что в английском и французском языках подмечены свойства человеческого голоса, непревзойденного по своим качествам, в то время как в русском языке голосовые данные птицы перенесены на пустые, но красивые речи не менее «пустых» людей.

Человек-орел: *внешность*: тонкий нос, изогнутый книзу (рус. *орлиный нос,* англ. *aquiline nose*); ***личностные качества***: талантливый, великий человек, который по определению не должен заниматься мелкими, рутинными делами (рус. *орел, Орёл мух не ловит*, англ. *Eagles don't catch flies***,** фр. *L'aigle ne chasse point de (aux) mooches,* фр. *À l'aigle seul il est permis de regarder le soleil*); гордый, смелый, благородный (рус. *орел, Орлом глядит, орлом летает, Орла узнаешь по полету, а молодца по обороту*, англ. *Eagles fly alone (but sheep flock together),* фр. *aigle*);

проницательный (рус. *орлиный взор*, англ. *an eagle eye / eagle-eyed / eagle-sighted*, фр. *avoir des yeux / regard d'aigle*); кровожадный (рус. *Орёл клегчет, крови ищет*, англ. *swoop like an eagle, Where the carcase is, there shall the eagles be gathered together*); ***социальные качества***: непревзойденный лидер (рус. *Всем птицам птица орёл*, фр. *se croire un aigle / se prendre pour un aigle*).

Нередко в человеке соседствуют высокие стремления или гордый вид с низким интеллектом (*тетерев*) либо со слабыми физическими возможностями (*курица*): *Молодец, что орел, а ума, что у тетерева, Видом орел, а умом тетерев, Думка орлячья, да папоротки курячьи*. Подобное противоречие кроется в самом амбивалентном образе орла.

Ряд орнитообразов вызывает к жизни исключительно особенности внешнего вида человека (передавая их на базе метафорического переноса) и характеристику личностных качеств, заканчивая чертами характера, схожими с птичьими поведенческими моделями либо опирающимися на символику. Сюда относятся такие орнитообразы, как *воробей, жаворонок, соловей*. Другие орнитообразы охватывают наряду с личностными и социальные человеческие качества, также перенесенные с этологических особенностей определенных видов либо символически насыщенные, как например, *ворон, голубь, курица, петух, орел, ястреб*.

3.3. Флороморфизация орнитонимов

Помимо регулярно воспроизводимого переноса «птица → человек», ведущего к формированию орнитоморфной метафоры с ядром в виде антропоморфного орнитонима, не менее регулярным является перенос «птица → растение». Об этом свидетельствует существование «большого количества номенклатурных (научных) названий растений и номинаций, относящихся к народной ботанической номенклатуре, в которых устанавливается сходство со всевозможными феноменами окружающей действительности» [Курашкина 2022 (3): 389]. В подобных случаях «в процессе соотнесения в принципе несоотносимых

вещей подобие начинает восприниматься в категориях тождества» [Самигуллина 2008: 39]. Таким путем реализуется «метафорическое переосмысление названия растения с опорой на различные морфологические характеристики птиц, а складывающиеся номинации относятся к разряду орнитоморфных флоронимов» [Курашкина 2022 (3): 389], в то время как сами орнитонимы получают статус флороморфных.

К использованным в работе материалам относятся английские, русские и французские ботанические словари и справочники разных лет [Анненков 1878; Арьянова 2006–2008; БЭСЛР 2015; Коновалова 2000; Плантариум 2007–2024; Britten, Holland 1878; Duke James et al 2002; Gledhill 2002; Hensel 2008; Savoy 1900; Standardized Plant Names 1942; Toussaint 1906].

Общее количество научных орнитоморфных флоронимов, полученных методом сплошной выборки, составило: 38 латинских родовых имен и 72 видовых прилагательных, 20 английских родовых имен и 18 видовых прилагательных, 20 русских родовых имен и 13 видовых прилагательных, 13 французских родовых имен и 13 видовых прилагательных; количество народных орнитоморфных флоронимов, задействованных в работе, равно 170 в английском, 150 в русском, 100 во французском языках.

Орнитоморфные флоронимы в научной номенклатуре

Формальным началом ботанической номенклатуры принято считать публикацию работы К. Линнея «Species plantarum» (1753), а «первые номенклатурные правила были приняты Международным конгрессом ботаников и закреплены документально в 1867 г.» [Гельтман, Соколова 2013: 231]. К. Линней заложил основы научной классификации растений, распределив 7 300 видов по 1098 родам [Gledhill 2002: 10–11], и основы научной номенклатуры, выделив пять таксономических уровней: разновидность, вид, род, семейство и класс [Sosef et al 2020: 17]. В результате сформировалась биноминальная номенклатура, например, в таксономическом названии *Pteridium aquilinum* родовое имя выражено существительным *Pteridium* (папоротник), а видовую принадлежность отражает

эпитет *aquilinum* (орлиный); род *Pteridium* входит в семейство *Dennstaedtiaceae* (денштедтиевые), класс *Polypodiopsida* (многоножковые) [см. Плантариум 2024].

Современная ботаническая номенклатура растений, водорослей и грибов регулируется соответствующим Международным кодексом [Гельтман, Соколова 2013: 230–231], поэтому все «эти живые организмы при широком подходе попадают под понятие *флоронима* как языковые номинации представителей флоры» [см. Курашкина 2022 (4)]. *Флора* интерпретируется как «исторически сложившаяся совокупность таксонов растений, произрастающих или произраставших в прошлые геологические эпохи на данной территории» [см. БЭС 1986].

Флорономены (номенклатурные названия растений), как и орнитономены, реализуются в номинативной, классификационной, информативной, коммуникативной [Кузнецова 2009: 16], кумулятивной и когнитивной функциях [Курашкина 2020 (2): 15]. Таким образом, номенклатурные единицы важны «не только для описания и систематизации флоры, но и для извлечения ценной экологической информации о взаимосвязи и взаимодействии человека с окружающим миром» [см. Курашкина 2022 (4)].

Ряд флорономенов с орнитокомпонентом представляет недифференцированную птицу. Так, видовой эпитет *птичий* маркирует те растения, семена или плоды которых служат излюбленным кормом многих представителей орнитофауны: *Polygonum* ***aviculare*** (*горец* ***птичий***, *renouée* ***des oiseaux***), ***bird*** *vetch* (*Vicia cracca*), *mouron* ***des oiseaux*** (*Stellaria media*), *european* ***bird*** *cherry* (*Prunus padus*), *sorbier* ***des oiseaux*** / ***des oiseleurs*** (*Sorbus* ***aucuparia***). Название Диоскорида ***Ornithogalum*** (***птицемлечник***, ***ornithogale***) (букв. птичье молоко) для растения, выделяющего клейкий сок (птичий клей) используется для обозначения чего-то удивительного, редкого, как белый дрозд или белая ворона (всего 4 эпитета и 3 родовых имени).

Многие флорономены становятся орнитоморфными «благодаря компоненту, связанному с тем или иным атрибутом недифференцированной птицы: это могут быть глаза, гнездо, гребень (хохолок), зоб, клюв, крылья, лапы, перья (пух), шпоры,

яйцо. Метафорический перенос по сходству частей растения с указанными орнитоатрибутами проявляет себя с разной частотой в обоих элементах таксономического названия» [см. Курашкина 2022 (4)]. Далее представлены примеры таких видовых эпитетов и родовых имен [см. Там же]:

1) сходство с глазами птицы*:* ***birds eye*** *primrose* (*Primula farinosa*) – в середине маленького цветочка имеется маленькое желтое пятнышко, похожее на глаз птицы (всего 1 эпитет);

2) сходство с гребнем (хохолком) птицы (допускается сходство с гребнем или хохолком других живых существ): ***pectinatus*** *-a -um*; ***pectinifer*** *-era -erum*; ***phalliferus*** *-a -um*; *clavaire* ***à crêtes*** (*Clavaria coralloides*) – вид грибов, плодовое тело которого разделено на многочисленные уплощенные «веточки», на концах с расщепленными на тонкие короткие «зубцы», подобно гребню; ***Ctenolophon***; ***Eulophia***; ***Lophophora***; ***гребенник*** *обыкновенный* (*Cynosurus cristatus*); ***хохлатка*** *полая* (*Corydalis cava*) (всего 10 эпитетов и 9 родовых имен);

3) сходство с птичьим зобом (допускается сходство с зобом других живых существ): ***strumarius*** *-a -um*, ***strumosus*** *-a -um*; ***strumi-***; *дурнишник* ***зобовидный*** (всего 4 эпитета);

4) сходство с птичьим клювом: ***ornithorhynchus*** *-a -um*; ***rostratus*** *-a -um;* ***rostrus*** *-a -um;* ***Rhynchanthus*** (букв. клювный цветок); ***Rhynchosia***; ***Rhyncho****spora* (всего 8 эпитетов и 5 родовых имен);

5) сходство с крыльями птицы (допускается сходство с крыльями других летающих существ): а) наличие крыловидных частей у растения: ***alaris*** *-is -e*); ***alatus*** *-a –um;* ***pteranthus*** *-a -um*; ***-pterus*** *-a -um*; ***с крылаткой, крылатый***, ***winged***, ***ailé***; *Caryo****pteris*** (букв. орехокрылый); *Heli****pterum*** (букв. солнечное крыло); ***Ptero****carya*; ***белокрыльник*** *болотный*; б) различное количество «крыльев»: ***bialatus*** *-a -um*; ***dipterus*** *-a -um*; ***Dipteronia***; ***Tripterygium;*** ***pentapterus*** *-a -um*; в) отсутствие «крыльев»: ***apterus*** *-a –um*, ***бескрылый***; ***Aptenia*** (всего 14 эпитетов и 9 родовых имен);

6) сходство с птичьими лапами: ***ornithopodioides***, ***pedifidus*** *-a -um*; ***birds foot*** *deervetch* (*Lotus corniculatus*); ***Ornithopus*** *perpusillus* (***птиценожка*** *маленькая,* ***ornithope*** *délicat*) (всего 4 эпитета и 3 родовых имени);

7) сходство с птичьими перьями (пухом): ***penna-***, ***penni-*** (оперенный); ***pinnati-***, ***pinnatus*** *-a -um* (перистый лист); ***plumarius*** *-a -um*, ***plumatus*** *-a -um*; ***plumosus*** *-a -um;* ***ptilo-***; ***plumeus*** *-a -um*; ***juliformis*** *-is -e* (покрытый пухом); ***Pennisetum***; ***Pteris*** – перистый (греческое название для папоротника); ***Pteridium***; ***цистоптерис*** и другие виды ***папоротников*** (от *папоротки* – крылья); ***Gnaphalium*** (от греч названия растения с мягкими «войлочными, пуховыми» листьями) (всего 18 эпитетов и 4 родовых имени);

8) сходство с птичьими шпорами: ***plectro-***, ***plectrus*** *-a -um*; ***Plectranthus*** (шпороцвет) (всего 2 эпитета и 1 родовое имя);

9) внешнее сходство с птичьим гнездом: ***nidus;*** ***nidus-avis***; ***Nidularium***; ***Neottia nidus-avis*** (***гнездовка*** *настоящая,* ***bird's-nest*** *orchid,* ***néottie nid d'oiseau***) – на всех заявленных языках осуществлен перевод латинского названия растения, у которого многочисленные переплетенные корни напоминают по форме гнездо (всего 5 эпитетов и 3 родовых имени);

10) сходство с формой яйца (допускается сходство с формой яйца других яйцекладущих существ): ***ovalis*** *-is -e*; ***ovatus*** *-a -um*; ***ovifer*** *-era -erum*, ***oviformis*** *-is -e* (всего 7 эпитетов).

Орнитоморфизация флорономенов также идет по пути сближения с атрибутами определенных видов птиц (*аиста, воробья, ворона, вороны, голубя, гуся, жаворонка, журавля, лебедя, орла, павлина, петуха, попугая, страуса, фазана, цапли*) на основе их морфологического сходства:

1) сходство частей растений с шеей и клювом птицы: а) шея ***аиста***, форма его головы и клюва: ***ciconius*** *-a -um*; ***Pelargonium*** (от греч. πελαργος – голова аиста); ***Erodium*** *cicutarium*, где *Erodium* от греч. *ερωδιος* – цапля или аист – в названии изначально заложена двойственность (***аистник*** *цикутный*, ***heronbill*** (клюв цапли), ***érodium*** *commun*); эти птицы схожи, если брать во внимание длину клюва, поэтому в разных языках орнитокомпонент взаимозаменяем; б) шея и клюв ***журавля***:

cranberry, ***клюква*** (*Vaccinium macrocarpum*); спелые семенные коробочки растений рода ***Geranium*** (от греч. γερανιον – название Диоскорида), ***герань***, ***cranesbill*** (букв. журавлиный клюв), ***gruinus*** *-a -um* (журавлеподобный); ср. *аистник* в народе именуется *журавельником*; в) шея ***лебедя***: ***Cycnoches*** (***цикно́хес***, ***swan*** *orchid*, ***cycnoque***); г) клюв ***воробья***: плоды *тимелеи* ***воробьиной*** (***Passerina*** *arvensis* / *Thymelaea* ***passerine***, *thymélée* ***passerine***, ***sparrow****-wort*) (всего 6 эпитетов и 14 родовых имен);

2) сходство частей растений с гребнем (головой) ***петуха: caput-galli*** – петушья голова; ***cockscomb***, *amarante* ***crête de coq*** (*Celosia* ***cristata***) – подобие гребешков или кисточек; *Rhinanthus* ***crista galli*** (***петушиный гребешок***, ***cockscomb*** *rattleweed*, *rhinanthe* ***crête de coq***) – хохлатые прицветники (всего 4 эпитета и 2 родовых имени);

3) сходство частей растений с перьями / крыльями птицы: а) перья ***страуса***: ***Struthiopteris***, ***страусник*** / ***страусопер*** *обыкновенный* (*Matteuccia* ***struthiopteris***); б) крылья ***орла***: ***Pteridium aquilinum*** (***орляк*** *обыкновенный*, *fougère* ***aigle***) (всего 3 эпитета и 4 родовых имени);

4) сходство частей растений с лапами, когтями, шпорами птицы: а) лапы ***гуся***: ***Chenopodium*** (***chénopode***) – листья многочисленных видов разветвлены (лапчатые); *Potentilla* ***anserina*** (***лапчатка гусиная***, *potentille* ***des oies***); б) лапка ***голубя***: *Geranium* ***columbinum*** (*герань* ***голубиная***, *géranium* ***colombin*** / *géranium* ***des colombes***); в) шпора (нога) ***петуха***: *Echinochloa* ***crus-galli*** (***cockspur***, *echinochloa* ***pied-de-coq***); г) шпора (лапа) ***жаворонка***: ***шпорник***, *forking* ***larkspur***, ***pied d'alouette*** *des champs* (*Consolida regalis = Delphinium consolida*); д) когти ***орла***: ***Aquilegia*** *vulgaris* – сходство нектарников (всего 8 эпитетов и 9 родовых имен);

5) сходство цвета частей растения с цветом глаз птицы: а) черный глаз ***вороны***: ***вороний глаз*** *четырехлистный* (*Paris quadrifolia*); б) глаз ***фазана***: ***pheasant's eye*** (*Adonis vernalis*.); ***pheasant's-eye*** *adonis* (*Adonis automnalis*); *summer* ***pheasant's eye*** (*Adonis aestivalis*) – цветок ярко-красный с блестящим черным центром (всего 1 эпитет и 2 родовых имени);

б) сходство цвета частей растений с цветом оперения птицы: а) цвет оперения ***ворона*** / ***вороны***: ***coracinus*** *-a -um*; ***воронец*** *колосовидный* (*Actaea spicata*); *black* ***crow****berry*, ***вороника*** *черная* (*Empetrum nigrum*); б) цвет оперения ***голубя*** / ***вяхиря***: ***palumbinus*** *-a -um* – свинцового цвета (как оперение вяхиря); ***colombinus*** *-a -um*; *Scabiosa* ***columbaria*** (*скабиоза* ***голубиная***, *scabieuse* ***colombaire***) – отличается пышными цветками голубого цвета с сиреневым отливом; *Tricholoma* ***columbetta*** (*рядовка* ***голубиная***, ***dove-coloured*** *tricholoma*, *tricholome* ***colombette*** – растрескивающаяся шляпка похожа на голубиные перья; в) цвет оперения ***канарейки***: ***canarinus*** *-a -um*, ***canarius*** *-a -um*; г) цвет оперения ***павлина***: ***pavonicus*** *-a -um*; ***pavonius*** *-a -um*; *Tigridia* ***pavonia*** (*тигридия* ***павлинья***, ***peacock*** *flower*); д) цвет ***петушиного гребня***: *common corn****cockle*** (*Lychnis githago = Agrostemma githago*); ***coquelicot*** / ***cocolico*** / ***coricoco*** (*Papaver rhoeas*) – это ономатопея, обозначающая петушиный крик, но название дано из-за ярко-красных цветов мака самосейки; е) цвет оперения ***попугая***: ***psittacinus*** *-a -um*; ***psittacorum*** [см. Курашкина 2022 (4)] (всего 16 эпитетов и 4 родовых имени).

Ряд флорономенов формируется по метонимической модели, закрепляя в названиях пищевые предпочтения воробьеобразных и домашних птиц, например, ***chickpea*** (***Cicer*** *arietinum*), ***chickweed*** (*Stellaria media*) – семена являются излюбленной пищей цыплят; ***duckweed*** (*Lemna minor*) – ряской питаются гуси, утки и куры; ***воробейник*** *полевой* (*Lithospermum arvense*) – семена сорного растения служат кормом для зерноядных птиц (всего 6 эпитетов и 7 родовых имен).

Метонимическая модель орнитоморфизации флорономенов применяется при наличии связи между прилетом определенного вида птицы и началом цветения того или иного растения, например, ***hirundinarius*** *-a -um* (*Vincetoxicum* ***hirundinaria,*** *ластовень* ***ласточкин***) – русский эквивалент является калькой латинского номена *hirundinaria*, который впоследствии стал видовым эпитетом; *great* ***celandine*** (***swallow****wort*) (***Chelidonium*** *majus*), *grand* ***chélidoine*** и *lesser* ***celandine*** (*Ranunculus ficaria*); *Lychnis flos-****cuculi*** (***кукушкин*** *цвет обыкновенный* / (*лихнис* ***кукушкин*** *цвет*, *lychnis fleur* ***de coucou***) (всего 6 эпитетов и 4 родовых имени).

Некоторые флорономены с компонентом-орнитонимом опираются на ассоциативно-метафорическую основу, восходящую к поверьям или символике. «Вышеприведенный пример флоронимов, номинирующих растение рода ***Chelidonium*** с орнитокомпонентом *ласточка* истолковывается Плинием также с опорой на поверье о том, что птицы возвращают зрение своим птенцам соком этих растений. Аналогичным образом устанавливается ассоциативная связь между флоронимом ***Hieracium*** *pilosella* (***ястребинка*** *волосистая*, *mouse ear* ***hawk****weed,* ***epervière*** *piloselle*) и поверьем о том, что ястребы используют сок растения для поддержания остроты зрения.

Такой морфологический признак растений, как цвет, формируя родовое имя орнитоморфного флоронима, может нести в себе черты глубоко укоренившейся в культуре символики, связанной с делением птиц на чистых и нечистых. Примерами служат русские флоронимы ***вороний глаз*** *четырехлистный* и ***воронец*** *колосовидный*, ядовитые ягоды которых по цвету схожи с представителями «черного» семейства (нечистых врановых птиц): *черный → нечистый → ядовитый (несущий смерть*)» [см. Курашкина 2022 (4)]. Созданный подобным образом флороним получает прочную символическую основу, выводящую его на архетипическую орбиту действия Вселенского закона, где действуют силы Добра и Зла.

Подводя промежуточный итог, следует отметить, что орнитоморфные флорономены формируются как по метонимической модели (птичий = поедаемый птицами или птичий = прилет птицы к началу цветения растения), так и по метафорической модели (перенос морфологических признаков птицы на морфологические признаки растения). При этом имеет место сопряжение метафоризации с этнокультурными мифопоэтическими представлениями.

Орнитоморфные флоронимы в народной ботанической номенклатуре

К особенностям народной ботанической номенклатуры стоит отнести широкое использование однокомпонентных имен (***голубок***, ***colombette***). Вместе с тем, «встречаются как расширенные за счет оторнитонимного эпитета названия

(***куриные*** *хвостики,* ***гусиная*** *трава*), так и флоронимы, расширенные за счет признака, связанного с птицей, как то цвет или запах (*курятник* ***вонючий,*** *poule* ***blanchette***)» [Курашкина 2022 (3): 390].

К другой особенности относится «отсутствие однозначности» [Меркулова 1967: 7]. «Объединяющим номинационным признаком становится произвольно выбранная (отличная от номен-образующего), но заметная характеристика растения. Наличие такого многообразия видов, объединенных одним флоронимом, можно объяснить действием лингвогеографического фактора» [Курашкина 2022 (3): 390]. Например, (англ.) ***bird's-eye (s)*** / ***bird-eye*** / ***eyes*** (1) Cardamine pratensis, сердечник луговой; (2) Veronica buxbaumii = Hebe buxbaumii, вероника Буксбаума; (3) Veronica hederifolia, вероника плющелистная; (4) Myosotis arvensis, незабудка полевая; (5) Myosotis palustris, незабудка болотная; (6) Anagallis arvensis, очный цвет полевой; (7) Sagina procumbens, мшанка лежачая; (8) Geranium Robertianum, герань Роберта; (9) Nepeta glechoma, котовник; (10) Stellaria holostea, звездчатка лесная; (11) Primula farinose, первоцвет мучнистый; (12) Briza media, трясунка средняя [Britten, Holland 1886: 43]. У всех вышеперечисленных растений имеются мелкие яркие цветки, обычно голубого или желтого цвета, что позволяет установить ассоциативно-метафорическую связь с глазами птицы.

Отдельно взятый вид растения, как правило, имеет множество народных названий, среди которых могут встретиться и орнитоморфные номинации, например: (Vicia cracca) – (рус.) ***воробьиный,*** ***гусиный***, *дикий,* ***журавлиный***, *мышиный, полевой, синий горошек*, (англ.) ***bird's*** *tares,* ***bird*** *vetch, cow vetch,* ***crow*** *vetch*. При этом также отмечается территориальное варьирование народных флоронимов. Так, Vicia cracca в разных областях России именуется по-разному: ***воробьиные*** *стручки* (нижег.), ***воробьиные*** *цветки* (влад.), *горох* или *горошек* ***воробьиный***, ***гусиный***, *дикий*, ***журавлиный***, *мышиный, полевой, синий* (большая часть России), ***вороничий*** *горошек* (подол.), ***гусинец*** (волог.), *грабелька* (курск.), ***журавник*** (вор.), ***зяблица*** (кал.), ***чибесиный*** *носок* (курск.), ***галочьи*** *стручки* (яросл.), *мышиное семя* (астр.) и т.п. [Анненков 1878: 379].

Примечательно, что у одного и того же растения в народной номенклатуре наблюдается соотнесенность с названиями разных видов птиц, например, (Lychnis flos-cuculi): (рус.) ***кукушкин*** *цвет****, кукушкина*** *трава****, кукушкины*** *слезки****,*** *клей* ***сорочий***; (англ.) *ragged* ***robin***, ***cuckoo****-gilliflower*; (фр.) *fleur* ***de coucou,*** *pain* ***de coucou***. Несмотря на то, что орнитоним *кукушка* является объединяющим элементом в данном народном названии, встречаются и орнитоэлементы, связанные с *сорокой* и *зарянкой*. Подобное явление нередко, т.к. традиционно народные флоронимы различали растения второсортные, ненужные человеку, а зачастую и ядовитые, иными словами, народ предпочитает отказаться от таких растений в пользу животных [Дубровина 1991: 5].

«Морфологические характеристики растений (форма отдельных частей, размер, цвет и т.п.) отражаются в народнономенклатурных названиях с помощью орнитонимического кода, ключом к которому может быть как метафоризация, так и метонимизация» [Курашкина 2022 (3): 395]. Орнитоморфные флоронимы, образованные по метонимической модели, в первую очередь, отражают пищевые предпочтения птиц. Орнитокомпонент, указывающий на излюбленный корм, в русском языке, как правило, представлен в виде оторнитонимного эпитета, где название вида может быть не дифференцировано (***птичий*** *салат*), однако наблюдается и соотнесенность с конкретным представителем орнитофауны (***воробьиное*** *семя*). В английском языке практикуется формирование орнитоморфного флоронима посредством сложения (орнитоним + номинация растения или его части – ***bird****seed* или притяжательный падеж орнитонима + название продукта – ***bird's*** *cheese-and-bread*); французский язык дает комбинации флороним + родительный падеж орнитонима (*millet des* ***oiseaux****, pois de* ***pigeon***).

Таким образом, эпитет *птичий* означает *поедаемый птицами*, например, (рус.) ***птичий*** *горец,* ***птичья*** *гречиха,* (англ.) ***bird's*** *knotgrass*, (фр.) *renouée* ***des oiseaux*** (Polygonum aviculare), горец птичий, спорыш; (рус.) ***птичий*** *салат*, (фр.) *herbe aux* ***oiseaux*** (Stellaria media), звездчатка средняя; (англ.) ***bird's*** *bread*, (фр.) *pain* ***d'oiseau*** (Sedum acre), очиток едкий – считалось, что птицы кормятся листьями этого растения, но они часто заняты поиском насекомых в его кустах; (англ.) ***bird's***

cheese and-bread / ***bird's*** *bread and cheese* (Oxalis acetosella), кислица обыкновенная; (фр.) *millet des* ***oiseaux*** (Panicum milliaceum), просо обыкновенное (всего 30 единиц).

Довольно обширен круг флоронимов, в которых орнитокомпонент соотнесен с названиями домашних птиц, для которых тот или иной вид растений является кормовым: (англ.) ***chicken****'s-meat* /***chicken****weed* / ***chick****weed* / ***chicken****wort* (Stellaria media), звездчатка средняя; (фр.) *herbe aux* ***poules*** (Lithospermum), воробейник; *herbe aux* ***poulets*** (Stellaria media), звездчатка средняя; *pain de* ***poulet*** (Lamium purpureum), яснотка пурпурная (всего 20 единиц).

Среди данной группы отмечены народные флоронимы, маркирующие ядовитые растения, которые могут вызвать отравление у домашних птиц, как например, (рус.) ***куриная*** *слепота*, (англ.) ***henbane*** / *black* ***henbane,*** (фр.) *mort aux poules* (куриная смерть) (Hyoscyamus niger) – семена белены черной ядовиты. Или же (англ.) ***cock****-drunks* /***cock****-drink* / ***hen*** *drunks* – плоды рябины обыкновенной (Sorbus aucuparia) способствуют интоксикации [Курашкина 2022 (3): 393] (всего 7 единиц).

В народной номенклатуре закрепляются пищевые пристрастия и других видов птиц: а) воробьев (фактически всех мелких воробьиных птиц, питающихся зерном или семенами травянистых растений) – (рус.) ***воробьева*** *каша* / *кашка* (Capsella bursa pastoris), сумочник пастуший; (англ.) ***sparrow****-tongue,* (фр.) *langue* ***de passereau*** (Polygonum aviculare), горец птичий, спорыш; б) голубей (фактически служит кормом скоту и птицам) – (англ.) ***pigeon*** *pea*, (фр.) *pois* ***de pigeon*** (1) Pisum arvense = Pisum sativum, горох полевой (посевной); (2) Vicia ervilia, эрвилия посевная (боб дикий); (3) Cajanus cajan, каянус индийский (голубиный горох); в) журавлей (хотя многие птицы и звери используют данные плоды в качестве корма) – (рус.) ***журавлѝха*** (Oxycoccus), клюква; г) канареек (и вообще всех певчих птиц, содержащихся в неволе) – (рус.) ***канареечное*** *семя*, (англ.) ***canary*** *grass* / ***canary****-seed*, (фр.) *alpiste* ***des canaries*** / *blè* ***des canaries*** (Phalaris canariensis), канареечник канарский; д) попугаев (и других декоративных птиц) – (англ.) ***parrot****-weed* (Bocconia frutescens), боккония кустарниковая (семена); (фр.) *graine* ***de perruche***

(Celtis micranthus = Trema micrantha), крапива ямайская (семена); е) щеглов – (фр.) *herbe à la* ***chardonneret*** (Senecio vulgaris), крестовник обыкновенный (семена); ж) куропаток – (англ.) ***partridge*** *berry* (Mitchella repens), митчелла ползучая (ягоды) (всего 23 единицы). Несмотря на проявленную в составе орнитокомпонента специфичность корма, «птичьи» названия являются в большей степени обобщающими, нежели индивидуализирующими.

В силу того, что народные флоронимы имеют традицию маркировать несъедобные или ядовитые для человека растения, которые при этом могут служить кормом для птиц или зверей (а иногда просто приписываются им в качестве корма), обнаруживается достаточное количество подобных номинаций, включающих, в том числе, орнитосоставляющие. Например, (рус.) ***воронья*** *ягода* / ***сорочья*** *ягода* (Paris quadrifolia), вороний глаз; (англ.) ***crow-****flower* (1) Ranunculus acris, лютик едкий; (2) Caltha palustris, калужница болотная; (фр.) *herbe* ***aux corneilles***, (рус.) ***вороньи*** *ягоды* (Lysimachia vulgaris), вербейник обыкновенный; (англ.) ***cuckoo-bread***, (фр.) ***pain de coucou*** (1) Oxalis acetosella, кислица обыкновенная; (2) Cardamine pratensis, сердечник луговой; (англ.) ***cuckoo-cheese*** / ***cuckoo-cheese-and-bread*** / ***cuckoo*** (***cuckoo's***)***-meat*** (Oxalis acetosella), кислица обыкновенная; (англ.) ***cuckoo's victuals*** (1) Oxalis acetosella, кислица обыкновенная; (2) Geranium robertianum, герань Роберта; (3) Stellaria holostea, звездчатка лесная (всего 20 единиц).

В данных флоронимах эпитет *птичий* (*сорочий, вороний, кукушкин*) означает *поедаемый только птицами, но не людьми*, поскольку практически все растения имеют разную степень токсичности.

По метонимической модели также создаются народные флоронимы, запечатлевшие лекарственные свойства растений посредством номинации болезни, которую они способны исцелить. Ярким примером служит собирательный народный флороним *куриная слепота* или *курослеп* (нарушение сумеречного зрения у человека, сопоставляемого со зрением курицы): под эту номинацию попадает не один вид растений, имеющих свойство бороться с данным глазным недугом, как то лютик едкий (Ranunculus acris), лютик многоцветный (Ranunculus

polyanthemus), очный цвет полевой (Anagallis arvensis) [Курашкина 2022 (3): 393]. По данным специального исследования, 18 из 32 растений с наименованием *куриная слепота* считаются лекарственными, хотя не все они применяются для лечения этого заболевания [Моисеева 2014: 14].

Еще одна группа орнитоморфных флоронимов, имеющих в основе метонимический перенос, увязывает начало цветения растения с прилетом определенного вида птиц. По модели «птичий – прилет птицы = цветение растения» образуются такие народные названия, как например: (рус.) ***ласточкина*** *трава*, (англ.) ***swallow***-*wort*, (фр.) *herbe* ***de l'hirondelle*** (Chelidonium majus), чистотел большой; (англ.) ***nightingales*** (1) Geranium robertianum, герань Роберта; (2) Arum maculatum, аронник пятнистый; (англ.) ***wake robin*** (Arum maculatum), аронник пятнистый.

В случае с кукушкой образование флоронима идет по модели «кукушкин – прилет кукушки и / или период кукования птицы (приблизительно с апреля по июнь) = цветение растения», например: (рус.) ***кукушечьи слезки*** / ***кукушечьи слезы*** / ***кукушкины тапочки*** / ***кукушкины лапки*** / ***кукушник*** (Iris ruthenica), ирис русский; (англ.) ***cuckoo orchis*** (Orchis mascula), ятрышник мужской; ***cuckoo*** (***cuckoos***) ***bread-and-cheese*** (1) Crataegus oxyacantha, молодые побеги боярышника колючего; (2) Oxalis acetosella, кислица обыкновенная; ***cuckoo's shoe*** (Viola canina), фиалка собачья; (фр.) ***fleur de coucou*** / ***pain de coucou*** (1) Lychnis flos-cuculi, кукушкин цвет; (2) Primula officinalis, первоцвет весенний.

Среди флоронимов, связанных с кукушкой, обнаруживаются названия, образованные по метафтонимической модели (синтез метафоры и метонимии), когда цветение растения в весенний период (к прилету птицы или в период кукования) (***кукушкин***) интегрируется с метафорой, отражающей морфологическую особенность данного растения (***умывальничек / рукомойничек***) – (Cypripedium calceolus), башмачок настоящий (желтый) – цветок похож на кувшинчик с крышечкой. Другие примеры подобного рода: (рус.) ***кукушкины башмачки*** (Aconitum volubile), борец вьющийся; ***кукушкины сапожки*** / ***кукушкин сапожок*** / ***кукушкин башмачок*** / ***кукушкины лапти*** (Cypripedium macranthum),

башмачок красный; ***кукушкины сапожки*** (1) Cypripedium guttatum, башмачок пестрый – цветки в форме башмачка; (2) Iris ruthenica, ирис русский; ***кукушкины тапочки*** / ***кукушкины лапки*** (Iris ruthenica), ирис русский; (англ.) ***cuckoo's shoes and stockings*** / ***cuckoo-buttons*** (Cardamine pratensis), сердечник луговой – цветки посветлее – это чулочки, а розоватые или более темно окрашенные – это туфельки; ***cuckoo-spit*** (Cardamine pratensis), сердечник луговой – на стеблях видна похожая на слюну пена, в которой живут личинки цикад-пенниц.

Часть растений, расцветающих к прилету кукушки, совмещают метонимическую модель образования названия с метафорической, отталкиваясь от культурных символов и ритуальной формы поведения. Символика кукушки амбивалентна: с одной стороны, она тяготеет к дьявольским птицам, приносящим несчастье, избежать которые можно, зная поверья и соблюдая определенные ритуалы, с другой стороны, может быть вестницей грядущих жизненных перемен. Неудивительно, что многие «кукушкины» растения отмечены разной степенью токсичности (т.е. представляют опасность для людей или животных), а также являются сорными. Так, к ядовитым растениям, чей орнитокомпонент в названиях связан с кукушкой, относятся: (рус.) ***кукошник*** / ***кукушечник*** (Cypripedium guttatum), башмачок пестрый; ***кукушечник*** / ***кукушка*** / ***кукушкина капуста*** / ***кукушкина кула́*** (Veratrum), чемерица; ***кукушкины сережки*** (Cypripedium macranthum), башмачок красный; (англ.) ***cuckoo*** / ***cuckoos*** (1) Hyacinthoides non-scripta, эндимион неописанный; (2) Cardamine pratensis, сердечник луговой; ***cuckoo-babies*** / ***cuckoo cock*** / ***cuckoo-pint*** / ***cuckoo-pintle*** / ***cuckoo-point*** (Arum maculatum), аронник пятнистый; ***cuckoo's-caps*** (Aconitum), аконит; (фр.) ***grand coucou*** / ***coucou*** (1) Narcissus pseudonarcissus, нарцисс ложный (желтый); (2) Primula elatior, первоцвет высокий; (3) Primula officinalis, первоцвет весенний.

Ряд растений оказываются ядовитыми при употреблении в большом количестве; в народе же используются в качестве противоядия при различных отравлениях, например: (рус.) ***кукушкин клевер***, (англ.) ***cuckoo-bread*** / ***cuckoo (cuckoos) bread-and-cheese*** / ***cuckoo's sour*** / ***cuckoo-sorrel*** / ***cuckoo-spice*** / ***cuckoo-***

flower, (фр.) ***pain de coucou*** (Oxalis acetosella), кислица обыкновенная; ***cuckoo-buds*** (Ranunculus bulbosus), лютик луковичный.

Сорные растения, связанные с прилетом и / или кукованием птицы по периоду цветения: (англ.) ***cuckoo-grass*** (Luzula campestris), ожика полевая; ***cuckoo-hood*** (Centaurea cyanus), василек синий; ***cuckoo thistle*** (Carduus), чертополох; (фр.) ***pain de coucou des blés*** / ***pain de coucou jeune*** (Oxalis stricta), кислица прямостоячая (всего 65 единиц).

Народные флоронимы, созданные на метафорической основе, демонстрируют очень высокую степень продуктивности, что находит подтверждение в исследованиях других авторов (см., например, «метафоризация доминирует как универсальный продуктивный способ номинации <…> растений» [Питина 2021: 133]). Орнитокомпонент в составе таких флоронимов также может быть связан и с недифференцированной птицей (птицей вообще), и с конкретным видом.

Рассмотрим примеры народных орнитоморфных флоронимов, созданных по метафорической модели «атрибут недифференцированной птицы – часть растения»:

1) сходство частей растений с клювом или языком птицы: а) сходство стручков или семян с клювиком птицы: (фр.) ***bec à l'oiseau*** (Cardamine pratensis), сердечник луговой; б) внешнее сходство листьев или семян с птичьим язычком: (англ.) ***bird's tongue*** (1) Stellaria holostea, звездчатка лесная; (фр.) ***langue d'oiseau***; (2) Polygonum aviculare, горец птичий, спорыш (всего 4 единицы, представляющие 6 видов растений);

2) сходство частей растений с глазами птицы*:* (англ.) ***bird's-eye (s)*** / ***bird-eye*** / ***eyes*** (1) Cardamine pratensis, сердечник луговой; (2) Veronica buxbaumii = Hebe buxbaumii, вероника Буксбаума; (3) Veronica hederifolia, вероника плющелистная и т.д. (всего 3 единицы, представляющие 12 видов растений);

3) сходство частей растений с гребнем (хохолком) птицы: (рус.) ***хохлатка*** (1) Corydalis cava, хохлатка полая; (2) Delphinium elatum, живокость высокая; (3) Corydalis bracteata, хохлатка желтая (всего 1 единица);

4) сходство частей растений с перьями / крыльями птицы: а) наличие «крыльев» у растения: (рус.) ***белокрыльник*** (Calla palustris), белокрыльник болотный; ***крылатник*** (Hedysarum sibiricum), копеечник сибирский ***папорник / папорот / папороть / папортник / папоротник*** (1) Dryopteris filix, щитовник мужской; (2) Dryopteris filix mas, папоротник мужской; (3) Athirium filix femina, папоротник женский и любые виды папоротников; б) нежная и тонкая текстура листьев, схожая с пером: (англ.) ***featherfoil***, (фр.) ***plumeau*** / ***plume d'eau*** / ***plumeau d'eau*** (Hottonia palustris), турча (готтония) болотная (всего 11 единиц);

5) сходство частей растений с птичьими лапами: (рус.) ***нога птичья, птиценожка***, (англ.) ***bird's-foot***, (фр.) ***pied d'oiseau*** (1) Lotus corniculatus, лядвенец рогатый; (2) Ornithopus perpusillus, сераделла маленькая (всего 4 единицы);

6) сходство частей растений с птичьим гнездом или яйцами: а) внешнее сходство с птичьим гнездом (спутанные корни или собранные в пучок цветки): (англ.) ***bird's nest*** (1) Daucus carota, морковь огородная; (2) Pastinaca sativa, пастернак посевной; (рус.) ***гнездовник, птичье гнездо***; (фр.) ***nid d'oiseau***; (3) Neottia nidus-avis, гнездовка настоящая; (4) Monotropa hypopitus = Hypopitus multiflora, подъельник обыкновенный; б) сходство цветочных чашечек с овальной формой птичьих яиц: ***bird's eggs*** (Silene inflate), смолёвка (хлопушка) (всего 5 единиц);

7) сходство частей растений с птичьей поилкой: (фр.) ***cabaret des oiseaux*** (букв. птичий кабачок) (Dipsacus sylvestris), ворсянка лесная (всего 1 единица).

Тем не менее, большая часть исследуемых флоронимов метафорически связана с хорошо известными в народе представителями орнитофауны (примеры с домашними птицами см. в [Курашкина 2022 (3)]):

1) сходство частей растений с общим внешним видом птицы: а) сходство с голубями: (рус.) ***голубки***, (фр.) ***colombine*** (Aquilegia vulgaris), водосбор обыкновенный; б) сходство с орлом, сидящим с раскрытыми крыльями: (англ.) ***spread-eagle*** (Schomburgkia marginata = Schomburgkia crispa), шомбургкия (вид орхидеи); в) сходство с сидящей на шесте кукушкой: (рус.) ***кукушкин лен*** / ***кокушечник*** / ***кукушкин мох*** – мха зеленого листостебельного вид (всего 15 единиц);

2) сходство частей растений с шеей, клювом, языком птицы: а) шея аиста: (фр.) ***cou de cigogne*** (Erodium gruinum), аистник грабельный; б) шея лебедя: (англ.) ***swan-neck*** (Cycnoches), цикнóхес; в) клюв аиста, журавля или цапли (орнитокомпонент взаимозаменяем): (рус.) ***аистник*** / ***цапельник*** / ***журавелка*** / ***журавельник*** / ***клювики*** / ***журавлиный носок***, (англ.) ***heron's bill***, (фр.) ***bec de cigogne*** / ***bec de grue*** (Erodium cicutarium), аистник цикутный; (англ.) ***stork's-bill*** (Erodium moschatum), аистник мускусный; г) клюв ястреба: (англ.) ***hawk's-bill bramble*** (Rubus fruticosus), ежевика кустарниковая; д) клюв вороны / ворона: (англ.) ***crow-needle*** (Scandix pecten-veneris), скандикс гребенчатый; (фр.) ***bec de corbin*** / ***corbeau*** (Ranunculus arvensis), лютик полевой; е) клюв воробья: (англ.) ***sparrow-wort / sparrow-weed***, (фр.) ***langue de moineau*** (Thymelaea passerine), тимел*е*я воробьиная; ж) язычок воробья: (рус.) ***воробинка***, (фр.) ***langue de moineau*** (Passerina stelleri = Stellera chamaejasme), стеллера карликовая (всего 40 единиц);

3) сходство частей растений с глазами птицы*:* а) глаза сокола: (рус.) ***соколиные глаза*** (неидентифицированное растение); б) глаза фазана: (англ.) ***summer pheasant's eye*** (Adonis aestivalis), адонис летний; в) глаза куропатки: (фр.) ***oeil de perdrix*** (Adonis aestivalis), адонис летний; г) глаза кукушки: (англ.) ***cuckoo's eye*** (Geranium robertianum), герань Роберта (всего 4 единицы);

4) сходство частей растений с головой птицы: голова жаворонка или воробья: (фр.) ***tête d'allouette*** / ***tête de moineau*** (Centaurea jacea), василек луговой (всего 32 единицы);

5) сходство частей растений с перьями / крыльями / хвостом птицы: а) перья страуса: (рус.): ***страусово перо*** (Struthiopteris filicastrum), страусник обыкновенный; б) перья голубя: (рус.) ***голубок***, (фр.) ***colombette*** (Agaricus columbetta = Tricholoma columbetta), рядовка голубиная (гриб); в) перья совы: (англ.) ***old owl*** / ***owl's crown*** (Filago germanica), жабник обыкновенный; г) крылья орла: (рус.) ***орел*** (Begonia maculata), бегония пятнистая – форма листьев; (рус.) ***орляк***, (фр.) ***fougère-aigle*** (Pteridium aquilinum), папоротник-орляк; д) хвост павлина: (фр.) ***queue de paon*** / ***oeil de paon*** (Tigridia pavonia), тигридия павлинья (всего 15 единиц);

6) сходство частей растений с птичьими лапами, когтями и шпорами: а) лапка вороны или ворона: (рус.) ***воронья лапка***, (фр.) ***pied de corbeau*** / ***pied de corneille*** (Plantago coronopus), подорожник перистый; (англ.) ***crowfoot*** / ***crow's foot*** / ***crowtoe***, (фр.) ***pied de corbin*** (1) Ranunculus acris, лютик едкий, (2) Ranunculus bulbosus, лютик луковичный; б) лапа грифа: (фр.) ***pied de griffon*** (Helleborus foetidus), морозник вонючий; в) лапа орла или ястреба: (фр.) ***pied d'aigle*** (Aegopodium podagraria), сныть обыкновенная; (англ.) ***hawk's-feet*** (Aquilegia vulgaris), водосбор обыкновенный; г) когти или клюв орла: (рус.) ***орлики***, (фр.) ***aiglantine*** / ***aquila*** (Aquilegia vulgaris), водосбор обыкновенный; д) лапка голубя: (фр.) ***pied de colombe*** / ***pied de pigeon*** = (Erodium columbinum = Geranium columbinum), герань голубиная; (англ.) ***pigeon's foot*** (Geranium molle), герань мягкая; е) лапка и шпоры жаворонка: (рус.) ***жаворонкина ножка*** / ***шпорник***, (англ.) ***lark's-claw*** / ***lark's-foot*** / ***lark's-heel*** / ***lark's-toes*** / ***larkspur***, (фр.) ***pied d'alouette*** / ***talon d'alouette*** (Delphinium consolida), живокость посевная (всего 58 единиц);

7) сходство цвета частей растений с цветом оперения или цветом глаз птицы: а) цвет оперения вороны / ворона или сороки: (рус.) ***воронец*** (Actaea spicata), воронец колосовидный; (рус.) ***вороника***, (англ.) ***crow-berry*** / ***crow-peas*** (Empetrum nigrum), водяника, шикша; (рус.) ***сорока*** / ***сорóчина*** / ***сорóчка*** (Lonicera altaica), жимолость алтайская; б) цвет оперения голубя: (англ.) ***pigeon berry*** (1) Duranta erecta, дуранта прямостоячая; (2) Phytolacca Americana, лаконос американский; в) цвет оперения зарянки (малиновки): (англ.) ***ragged robin*** (1) Lychnis flos-cuculi, кукушкин цвет; (2) Lychnis diurna (dioica), дрёма двудомная; (3) Geranium robertianum, герань Роберта; г) цвет оперения попугая: (рус.) ***попугайная трава***, (фр.) ***herbe de perroquet*** (Amaranthus melancholicus = Amaranthus trikolor), амарант трехцветный; д) цвет надхвостья павлина: (англ.) ***peacock flower*** (Tigridia pavonia), тигридия павлинья; е) цвет оперения фазана: (англ.) ***pheasant lily*** (Fritillaria meleagris), рябчик шахматный; ж) цвет глаз вороны / сороки: (рус.) ***воронье око*** / ***сорочий глаз*** (Paris quadrifolia), вороний глаз; з) цвет глаз фазана: (фр.) ***oeil de faisan*** (Narcissus poeticus), нарцисс поэтический (белый) (всего 52 единицы);

8) сходство частей растений с гнездом птицы***:*** гнездо вороны: (англ.) ***crow's-nest*** (Daucus carota), морковь огородная (всего 2 единицы).

Отмечены народные флоронимы, опирающиеся на мифологизированную основу, в которых процесс метафоризации сопряжен с поверьями, обрядами, культурными символами, магической практикой или ритуально-игровыми формами поведения. Так, например, народные флоронимы (рус.) ***ястребинка*** (иногда ***сокольник***, ***сокольница***, ***соколья*** *трава*), (англ.) ***hawkweed / speerhawk***, (фр.) ***epervière*** / *herbe* ***à l'épervier*** (1) Hieracium pilosella, ястребинка волосистая; (2) Hieracium umbellatum, ястребинка зонтичная (всего 8 единиц) связаны с поверьем, берущим начало у Диоскорида, о том, что ястребы используют сок растения (или питаются семенами) для зоркого зрения. Люди применяют это растение в народной медицине: из цветов ястребинки готовят «глазное зелье», которым промывают глаза домашним животным [Коновалова 2000: 214–215]. Растение ***кукушкины*** / ***кукушьи слезки*** (Orchis maculata), ятрышник пятнистый – коричнево-бурые пятна на листьях, как следы кукушкиных слез; согласно поверью, используется в качестве противовоспалительного средства при лечении глазных заболеваний. В славянской культуре хорошо известен обряд крещения кукушки (кумление), при котором использовалось аналогичное растение *Orchis maculata* (ятрышник пятнистый, или пальчатокоренник пятнистый; в народе ***кукушкины*** *слезки*), позже хранившееся в доме на счастье. «Кукушку» изготавливали из этой травы по той причине, что она такая же рябая, как птица, а корень имеет магическую силу привязывать мужей [Соколова 1979: 200, 203]. Таким образом, ятрышник пятнистый – это и обрядовое растение.

Сердечник луговой (Cardamine pratensis) получил в народе название *кукушкина слюна* (***cuckoo-spit***) за наличие на стеблях растения пены, в которой отложены личинки насекомого. Такая необычная номинация имеет под собой основу в виде поверья, бытовавшего на севере Англии: пролетающая кукушка плюнула на цветок. По этой причине срывать такие цветы считалось дурным знаком [Britten, Holland 1886: 135]. Срабатывает символика кукушки как нечистой птицы. К вышесказанному стоит добавить ярко выраженный женский символизм

орнитообраза кукушки и брачную символику, также реализующуюся во флоронимах, номинирующих магические травы. Например, среди «кукушкиных» растений есть такие экземпляры, которые используются в качестве приворотного зелья при супружеской измене, для привлечения любви и возбуждения симпатии, см. например, (рус.) ***кукушкины*** / ***кукушьи слезки*** / ***кокушник*** / ***кукушница*** / ***кокуй*** (Orchis maculata), ятрышник пятнистый. Некоторые растения применяются в народной медицине при импотенции и бесплодии (***кукушкины башмачки*** (Aconitum volubile), борец вьющийся; (фр.) ***coucou*** (Orchis mascula), ятрышник мужской), как противозачаточные или абортивные средства (***кукушкины слезки*** (Orchis maculata), ятрышник пятнистый), при женских заболеваниях (***кукушечьи лапки*** (Coronaria flos cuculi), горицвет).

Некоторые растения издавна использовались в магической практике, так, корню алетриса мучнистого / корню единорога (Aletris farinose) приписывают магическую силу, потому что растение обладает легким наркотическим действием. Английский народный флороним связывает такое свойство с символикой вороны (нечистой птицей) – ***crow corn***. Мужская сексуальная символика воробья ложится в основу другого английского флоронима ***sparrow*** (Imperatoria ostruthium = Peucedanum ostruthium), горичник настурциевый, используемого как сильное возбуждающее средство (ср. русское народное название *царь-зелье* / *царский корень*).

Как следует из вышеизложенного, орнитонимы, встраиваясь в номинативную структуру флоронима, преобразуются на метонимической, метафорической или символической (либо комбинированной) основе, расширяя свои семантические возможности.

3.4. Техноморфизация орнитонимов

Создавая «вторую природу» в качестве непосредственной среды обитания, человек встраивает техносферу в биосферу, и мир техники начинает подчиняться объективным законам. Техносферу определяют как особую оболочку Земли, в которой протекает предметно-практическая деятельность человечества и

происходит техногенез, т.е. процесс изменения природных комплексов под влиянием производственной деятельности общества [Симоненко 1994: 25]. В современной философской литературе бытует понятие *тектуры* (от англ. *high technology* → русское общепринятое сокращение *хай тек*), т.е. культуры человека, утратившего связь с природой, например, в трактовке В.А. Кутырева данное понятие объясняется как культура «искусственного мира, постисторического, технологического человека» [Кутырев 2001: 54]. «Техносфера, которая оказывается более “естественной”, чем среда природная, дает толчок для формирования и упрочения в языке техноморфных метафор» [Курашкина 2023: 46]. Техноморфизация распространяется на представителей орнитофауны в виде регулярного метафорического переноса «птица → механизм / прибор / инструмент».

Анализ техноморфных орнитонимов, взятых из словарей разных лет [АРПС 1971, БАРПС 1991, БНТС 2007, Гарбовский 2008, НПС 2000, ОСТСРЯ, ФРПС 1970, ЭСВА 2005, Bowyer 2007, ERBPD], позволяет «рассмотреть не только основные модели, на которых строится процесс техноморфизации данного класса лексических единиц, но и проследить взаимовлияние природного и искусственного истоков в создании подобных иконических знаков» [Курашкина 2023: 47]. В исследовательское поле вошли 66 техноморфных орнитонимов английского языка, 63 русских и 54 французских лексических единиц терминологического свойства, выделенные методом сплошной выборки.

«В подавляющем большинстве случаев наблюдаются переносные наименования различных механизмов и приспособлений, поскольку в динамике отношений «человек – природа» искусственные системы выступают каналами взаимодействия, и инструментальный аспект в данном случае указывает на активное, творческое начало.

Целый ряд технических терминов связан с тем или иным атрибутом недифференцированной птицы: это могут быть глаза, гнездо, гребень, клюв, крылья, лапы, перья, яйцо» [Там же: 47]. Далее представим примеры реализации

метафорической модели «недифференцированная птица → механизм (приспособление) / прибор / инструмент»:

1) сходство механизма (приспособления) с общим внешним видом птицы: (рус.) *орнитоптер* – дрон в виде птицы; (англ.) *bionic bird* – дрон, использующий для полета подъемную силу крыльев; (фр.) *oiseau* – 1. контейнер датчика аэромагнитометра; 2. подвесная люлька (для штукатуров); 3. ручные носилки (каменщика) (всего 4 единицы);

2) сходство прибора с птичьим глазом: (англ.) *bird's-eye – тлв.* прожекторная лампа (всего 1 единица);

3) сходство механизма (или его части) / инструмента (приспособления) с клювом и языком птицы: (рус.) *клюв* (грузоподъемного крана) часть шарнирно сочлененной стрелы крана, увеличивающая радиус его действия и позволяющая перемещать груз по горизонтали при изменении вылета стрелы; (англ.) *bird's-mouth* – треугольный паз (для соединения деревянных элементов); (фр.) *bec* 1. наконечник; мундштук; сопло; горелка; 2. носок (ковша); 3. горловина (конвертера); 4. мостовой бык; ледорез; 5. поперечина тележки (подъёмного крана); конец стрелы (всего 10 единиц);

4) сходство механизма (или его части) / инструмента с гребнем птицы (допускается сходство с гребнем или хохолком других живых существ): (рус.) *гребенка* (входной площадки эскалатора) – деталь входной площадки, предназначенная для безопасного входа и схода пассажиров с лестничного полотна эскалатора; *гребень* (водослива) – верхняя часть водослива; (англ.) *combfilter* – гребенчатый фильтр (всего 15 единиц);

5) сходство механизма (или его части) / инструмента с перьями / крыльями птицы: (рус.) *бесхвостка* – название схемы самолета, у которого отсутствует горизонтальное оперение; (англ.) *tail* – возд. хвостовое оперение (самолета или ракеты); (фр.) *plume* d'enregistreur – пишущее перо регистрирующего прибора, перо прибора-самописца; (рус.) *крыло* / (англ.) *wing* / (фр.) *aile* /*ailette* – 1. крыло + разные виды крыла; (фр.) *aile* – 1. полка (угольника, углового прокатного профиля); 2. *геол.* крыло сброса; 3. *час*. зуб (триба) (всего 30 единиц);

6) сходство механизма (приспособления) с яйцом (допускается сходство с формой яйца других яйцекладущих существ): (фр.) *oeuf* – *эл*. орешковый изолятор (всего 3 единицы);

7) сходство механизма (приспособления) с гнездом птицы: (фр.) *nid* – *ав*. ангар (всего 2 единицы).

Таким образом, метафорическая модель «недифференцированная птица → механизм (приспособление) / прибор / инструмент» реализуется в 35% случаев от общего числа техноморфных орнитонимов.

«Помимо вышеозначенных примеров широко представлены номинации техносферы, связанные с конкретным видом птицы. Прослеживается соматическое или этологическое сходство механизмов и их частей с атрибутами хорошо известных в народе птиц, а именно: *аиста, ворона / вороны, голубя, гуся, журавля / цапли, ласточки, лебедя, кукушки, орла, орлана, петуха, попугая, сокола, стрижа, утки, ястреба*» [Курашкина 2023: 48]. Ниже следуют примеры реализации метафорической модели «птица (конкретный вид) → механизм (приспособление) / прибор / инструмент»:

1) сходство механизма (или его части) / инструмента с шеей и клювом птицы: а) шея журавля / цапли или аиста: (рус.) *журавль – уст*. длинный шест у колодца, употребляемый как рычаг для подъема воды; (англ.) *crane* / (фр.) *grue* – 1. подъёмный кран; 2. кран-балка небольшой грузоподъемности; 3. разные виды кранов; (фр.) *cigogne* (аист) – *mex*. коленчатый (кривой) рычаг; б) шея лебедя: (англ.) *swan-neck* / (фр.) *cou de cygne* (*en col de cygne*) – S-образное колено трубы; в) клюв утки: (англ.) *duckbill* / (фр.) *bec de canard automatique* – 1. механическая лопата с качающейся головкой; погрузочная машина с качающейся погрузочной головкой в виде утиного носа; 2. «утиный нос», самозагружающаяся головка (качающегося конвейера); г) клюв лебедя: (фр.) *bec de cygne* – изогнутый кран; д) клюв вороны или ворона: (англ.) *crow-bill* – хирургические щипцы; (фр.) *bec-de-corbeau* / *corbin* – 1. кусачки (для проволоки); долото с загнутым концом; 2. полукруглое долото / стамеска (всего 28 единиц);

2) сходство механизма (или его части) / инструмента с гребнем петуха: (англ.) *cockscomb* – цикля (ручной инструмент); (фр.) *coq* – *час*. мост баланса (способ работы баланса – колебания подпружиненного тела) (всего 3 единицы);

3) сходство механизма (или его части) / инструмента с перьями и хвостом птицы: хвост голубя / ласточки: (англ.) *dovetail* / *swallow-tail* / (фр.) *queue d'hirondelle* (*d'aronde*) – 1. ласточкин хвост (тип соединения), деталь в виде ласточкина хвоста; 2. деталь в соединении ласточкиным хвостом (всего 10 единиц);

4) «сходство механизма (или его части) / инструмента с лапами птицы: а) лапа вороны или ворона: (англ.) *crowfoot* – 1. стяжная скоба; монтажная скоба 2. ловильный инструмент (для буровых штанг); 3. электрод в виде лапки; 4. монтажная деталь для подвески осветительной арматуры; б) лапа утки: (англ.) *duckfoot* – 1. труба с коленом под прямым углом; 2. стрельчатая культиваторная лапа (всего 5 единиц);

5) сходство приспособления с гнездом: а) вороны / ворона / сороки: (англ.) *crow's nest* / (фр.) *nid de corbeau* (*de pie*) – *нефт*. 1. подкронблочная площадка (вышки); 2. *ист. мор.* воронье гнездо (наблюдательный пункт на мачте); б) утки: (англ.) *duck's nest* – запасной резервуар для бурового раствора (всего 3 единицы);

6) сходство инструмента / приспособления с сидящей птицей: (рус.) *сокол* (*соколок*) / (англ.) *hawk* – сокол (инструмент штукатура: щиток из дерева или металла с перпендикулярно прикрепленной ручкой, используемый как поднос для раствора) – удержание инструмента схоже с тем, как сокольник держит на руке охотничью птицу» [Курашкина 2023: 48–49] (всего 6 единиц);

7) сходство работы механизма (бой) с вокализацией кукушки: (рус.) часы с *кукушкой* / (англ.) *cuckoo*-clock / (фр.) *coucou* (всего 3 единицы);

8) сходство летательного аппарата или парусного судна с общим внешним видом птицы или частью ее тела: (англ. название по кодификации НАТО) *Cock* – советский тяжелый турбовинтовой транспортный самолет Ан-22 – (сходство носовой части с петухом); *Crow* – легкий многоцелевой транспортный самолет Як-12 (сходство V-образных подкосов крыла с крылом вороны); (фр.) *caneton* (утенок) – небольшая яхта (всего 5 единиц);

9) сходство летательного аппарата и некоторых видов вооружения с этолого-соматическими характеристиками птицы: а) маневренность, отличное зрение, высокая скорость полета и выносливость дневных хищных птиц (луней, орлов, соколов, ястребов и др.): (рус.) *орлан* – 1. многофункциональный беспилотный комплекс, способный быть в полете до 16 часов (дальность полета до 600 км); 2. противолодочная торпеда; *ястреб, коршун, орел* – виды противокорабельных ракет; (англ.) *Harrier* (лунь) – британский истребитель с вертикальным взлетом и посадкой; *Goshawk* (ястреб-тетеревятник) – британский учебно-боевой самолет Т-45; *Osprey* (скопа) – американский многоцелевой самолет с поворотным крылом Boeing / Bell V-22; *Hawkeye* (ястребиный глаз) – американский палубный самолет ДРЛО Grumman E-2C для раннего обнаружения воздушных и морских целей; *Sea Eagle* (морской орел) – управляемая ракета; *Black Bird* (черная птица) – американский стратегический самолет-разведчик сине-черной окраски Lockheed SR-71A – символика черного цвета, несущего смерть; б) способность крупных морских птиц преодолевать большие расстояния над водой в любое время и любую погоду: (рус.) *Альбатрос* – российский противолодочный гидросамолет (амфибия) А-40 для дальних операций в различных метеоусловиях в любое время года и суток; в) способность ряда воробьиных и стрижеобразных птиц летать на высокой скорости и большой высоте, меняя высоту полета (жаворонок, ласточка, стриж): (рус.) *стрижи* – авиационная группа высшего пилотажа ВВС России; (фр.) *Alouette* III (жаворонок) – французский легкий многоцелевой вертолет Aerospatiale SA316 / SA319; г) гнездовой паразитизм кукушки: (рус.) *кукушка* – дрон для разведки и атаки, подлетающий без звука и сбрасывающий до трех гранат; д) мелкая птица как легкая добыча для хищника: (англ.) (*Black / Blue / Silver*) *Sparrow* (воробей) – ракета-мишень класса «воздух-воздух» для испытаний противоракетных систем (всего 37 единиц);

10) сходство манеры полета летательного аппарата с полетом птицы: (рус.) *сокол*, *сова* – беспилотники с бионической маскировкой (внешнее сходство с данными птицами и их манерой полета); (фр.) *vol de canard* – строй гусем (всего 3 единицы);

11) сходство транспортного средства или другого приспособления / механизма с этолого-соматическими характеристиками птицы: а) способность ряда птиц летать на высокой скорости: (рус.) *сапсан* – высокоскоростной поезд (до 250 км/ч); *сокол*-250 – опытный российский высокоскоростной электропоезд двойного питания (до 250 км/ч); *ласточка* – высокоскоростной поезд (до 160 км/ч); *орлан* – дизель-поезд или скоростной рельсовый автобус (до 120 км/ч); б) способ кормодобывания: (фр.) *épervier* (ястреб-перепелятник) – накидная (рыболовная) сеть (всего 15 единиц).

В целом метафорическая модель «птица (конкретный вид) → механизм (приспособление) / прибор / инструмент» оказывается более продуктивной; она представлена в 62% случаев от общего числа техноморфных орнитонимов.

Что касается доли «метафорических переосмыслений, «отягощенных» символикой, то она мала (3 % от общего числа техноморфных орнитонимов), однако в качестве примера можно упомянуть английский термин (*weather)-cock,* сформированный на основании того, что в качестве флюгера использовалась фигурка петуха. Согласно общехристианской символике птицы, она напоминает об отречении Петра и одновременно о восходящем солнце как символе воскрешения Христа» [Курашкина 2023: 49]. Если обратиться к названию машины для перевозки арестованных (*воронок*) и некоторым разновидностям боевых летательных аппаратов (*Black Bird, Black Hawk*), то они базируются на символике черного цвета, ассоциирующейся со смертью, в сочетании с ярко выраженным негативным символизмом ворона, ястреба или любой другой хищной птицы.

Техноморфные орнитонимы отмечены деривационной продуктивностью. Способы образования производных от техноморфных основ находятся в зависимости от словообразовательных ресурсов конкретного языка. Следует выделить «конверсивное образование инструментальных глаголов в английском языке, как например, *to cock* (взводить курок; запускать механизм), *to crane* (поднимать подъемным краном), *to dovetail* (соединять ласточкиным хвостом) и т.п. Можно также отметить аффиксальный способ образования орнитонимных производных с инструментальной функцией» [Курашкина 2023: 49], например,

(рус.) *крылатая* ракета (несущие поверхности-крылья); *крыльчатый* движитель (судовой движитель, состоящий из вращающегося ротора и удлиненных лопастей-крыльев; (англ.) *winglet* (концевое крылышко) и т.п.

Подытоживая проведенное исследование, необходимо отметить, что мир природы и мир техники сосуществуют на основе взаимопроникающих связей, устанавливаемых посредством человека. Образующаяся триада Природа – Человек – Техносфера обусловливает бытование устойчивых ассоциаций, формирующих регулярный перенос признаков морфологического и этологического свойства на всевозможные технические изобретения человечества.

Выводы по главе 3

Мифологическое сознание является естественно-экологичным, потому что позволяет видеть весь мир своим домом. В противовес технологическим мифам (псевдомифам), ведущим к потере аутентичности духовно-исторического наследия и естественной среды жизнедеятельности того или иного народа, приобретает актуальность популяризация таких мифов или сценариев, которые ориентируют на гармоничные модели отношений человека и окружающей среды.

Мифологическое мышление рождает не только символы, но и метафоры. Если потенциальным символом способен выступить космос, то метафоричность видится характерной особенностью сознания человека, которому свойственно окружать себя символами.

Выражение мифологических смыслов требует метафоризации языка. Метафоры не только структурируют человеческое мышление, через них проявляет себя содержание экологического свойства.

Орнитоморфные метафорические конструкции, включающие в себя как собственно орнитометафоры, так и сравнения, позволяют проследить отношения «человек – птица», создававшиеся на эколого-хозяйственной и мифопоэтической основе на протяжении многих веков. Орнитонимы, творящие метафору, содержат

информацию об окружающей среде и выступают социокультурными индикаторами взаимоотношения «человек – природа».

Несмотря на то, что мотивированность орнитонимов, вовлеченных в метафорические образования, обусловлена различными ассоциативными связями, она, в первую очередь, опирается на биологические факторы, связанные с соматикой и этологией видов. Биологические характеристики представителей орнитофауны становятся основой для формирования мелиоративных и пейоративных человеческих качеств Ассоциации, скрепляющие метафорический перенос «птица → человек», включают в себя соматический компонент (при указании цвета оперения или другой внешней отличительной особенности – 30% от общего числа орнитометафор) и эколого-этологический компонент (при наличии описания характерных повадок, модели кормодобывания, времени или сезона активности и т.п. – 44% от общего числа орнитометафор). Восприятие голоса птицы человеком (как часть этологического компонента – 14% от общего числа орнитометафор) также не остается без внимания и приводит к ассоциациям, имеющим отношение к излишней разговорчивости и, реже – к характеристике человеческих вокальных данных, закрепляемых в орнитометафоре.

Поскольку к моменту образования вторичной номинации мотивированность исходного орнитонима в подавляющем большинстве случаев полностью утрачивается, для формирования нового образа отбирается такой мотивирующий признак, который в большей степени коррелирует с поведением человека. Им чаще всего оказывается этологический признак, представляющий собой птичьи повадки, перенесенные на человека, что вкупе с мифопоэтическими образами обусловливает устойчивость создаваемых ассоциативных связей. А наблюдаемые кросскультурные пересечения орнитообразов можно объяснить общностью их символических источников.

Кроме того, создается ложное представление о птицах как существах с ограниченным интеллектом (12% от общего числа орнитометафор), которое допускает антропоморфизацию ряда орнитонимов по ассоциациям: глупый → безумный, глупый → напыщенный, глупый + необычный → странный и т.п. В этом

смысле интересна позиция Ю.М. Лотмана [Лотман 2010 (1)], которая позволяет сделать вывод о том, что для креативного по природе человека любое животное, чье поведение ритуально и предсказуемо, предстает в образе глупого существа. Стоит добавить и тенденцию принимать доверчивость животных за их глупость, что способствует закреплению данной ассоциации в многочисленных метафорических образах. С точки зрения психологии, проецирование на птиц несуществующих в мире природы пороков и добродетелей можно объяснить процессом выборочного восприятия: человек воспринимает только то, что хочет воспринимать, считая свое видение объективным. Иногда подобная проекция является результатом ложного мировоззрения, а иногда люди верят в свою исключительность, считая других хуже по определению. Немалую роль в укреплении человеческой исключительности играют антропоцентрические воззрения.

Если орнитоморфные сравнения актуализируют в сознании существующие стереотипы восприятия действительности, то орнитометафоры призваны предлагать новые направления для сопоставления. В большинстве своем орнитоморфные метафорические конструкции давно стали привычными для носителей языка, по-прежнему оставаясь экологически информативными.

При анализе антропоморфных фразеообразов птиц становится понятным, что человек запечатлел в языке наиболее доступные наблюдению характеристики видов и их акустические способности. Несмотря на то, что в антропоморфизированных ФЕ содержатся орнитонимы, имеющие переносные значения, информация о птице как биологическом виде в большинстве случаев остается достоверной. В первую очередь, это относится к содержащимся в ФЕ наименованиям домашних, ловчих птиц и воробьеобразных, живущих бок о бок с человеком, что обусловлено доступностью данных видов для наблюдения. Образы птиц, ведущих скрытый образ жизни (такие как соловей, сова или кукушка), запечатлены во фразеологии исключительно благодаря своим ярким биологическим характеристикам (голосовое поведение одних видов, внешний вид или повадки других видов). Созданные в языке образы птиц уходят корнями в

языческую, греко-римскую и христианскую символику, поэтому изучение орнитонимной фразеологии невозможно без учёта этого фактора.

Основанием для создания как личностных, так и социальных человеческих качеств выступает сложившаяся в культуре символическая традиция восприятия той или иной птицы. Закрепление в языке мелиоративных и пейоративных орнитообразов человека во многом обязано распространению и упрочению христианства. Птицы, почитавшиеся некогда как божества, оказываются в ранге дьявольских (*ворон, ворона, коршун, сова, сорока, сыч, ястреб*), а представители орнитофауны, хорошо зарекомендовавшие себя в христианских притчах, почитаются как святые (*голубь, лебедь, соловей*). Амбивалентным оказывается *орел*, т.к. считается особо почитаемой, главной среди птиц, но одновременно имеет черты сходства с хищными и нечистыми ястребом и коршуном. К разряду нейтральных стоит отнести *сокола* как олицетворение мужской удали и отваги в русской культуре и в целом всяческих позитивных человеческих характеристик.

Антропоморфные орнитонимные фразеообразы выступают трансляторами важных культурных ценностей и одобряемых / неодобряемых социумом (гармоничных /дисгармоничных) моделей поведения, что делает содержащие орнитокомпонент ФЕ востребованными в современном обществе.

Флоронимы как номенклатурные единицы подвержены орнитоморфизации, являющейся результатом метафорического и метонимического переосмысления элементов флоры по модели «птица → растение». Орнитокомпоненты в таких флорономенах формируют родовое имя (*Aquilegia* vulgaris) или видовой эпитет (*canary* grass). Орнитоморфные флорономены реализуются в номинативной, классификационной, информативной, коммуникативной, кумулятивной и когнитивной функциях, транслируя экологическую информацию, способную повлиять на формирование экосознания и экокультуры.

Метафорическая модель «морфологические особенности птицы → морфологические особенности растения» является наиболее продуктивной для образования орнитоморфного номена (*Thymelaea* ***passerine***, *thymélée* ***passerine***, ***sparrow****-wort*) – 85% от общего числа эпитетов и родовых имен образовано по

данной модели. 10% случаев приходится на метонимические модели «птичий = служащий кормом для птиц» (*Polygonum* ***aviculare*** (*горец* ***птичий***, *renouée* ***des oiseaux***) и «птичий = зацветающий к прилету птицы» (*Vincetoxicum* ***hirundinaria,*** *ластовень* ***ласточкин***). Некоторые орнитоморфные флорономены (***Hieracium*** *pilosella*, *mouse ear* ***hawk****weed,* ***epervière*** *piloselle*) опираются на ассоциативно-метафорическую основу, восходящую к поверьям или символике (5%).

К числу важных особенностей народнономенклатурных флоронимов относится отсутствие однозначных соответствий: с одной стороны, отдельно взятый вид растения имеет богатое множество народных названий; с другой стороны, отдельно взятый народный флороним номинирует большое видовое многообразие растений.

В целом метафорический перенос *внешний вид птицы → внешний вид растения* можно назвать относительно универсальным механизмом образования народных флоронимов с орнитокомпонентом (51% номинаций от общего числа орнитоморфных народных флоронимов образованы по данной модели) при том, что в 10% случаев наблюдаются мифологизированные способы их формирования, когда имеет место взаимодействие вегетативного кода с кодом орнитонимическим (***ястребинка***, ***кукушкины*** *слезки* – связь с обрядами, поверьями и т.п.).

Помимо метафорического переноса к продуктивным способам образования орнитоморфного народного флоронима относится также метонимия, создающая номинации по моделям: а) *птичий = поедаемый птицами* (***canary*** *grass* / ***canary-seed***); б) *птичий = номинация болезни, которую растение исцеляет* (***куриная слепота***); в) *птичий – прилет птицы / начало пения птицы = цветение растения* (*herbe* ***de l'hirondelle***; ***nightingales***) – 39% номинаций от общего числа орнитоморфных народных флоронимов сформировано посредством метонимии.

Имеются флоронимы, образованные по метафтонимической модели, когда метонимические отношения «прилет птицы / начало пения птицы = цветение растения», совмещаются с метафорическим переносом «внешний вид артефакта → внешний вид растения», например, *кукушкин умывальничек / рукомойничек*

(Cypripedium calceolus), башмачок настоящий (желтый) – цветок похож на кувшинчик с крышечкой; зацветает к прилету кукушки.

Существование орнитоморфных флоронимов свидетельствует о наблюдательности и понимании природных взаимосвязей наших предков – чтобы разглядеть «птичьи» черты в соцветии или листке растения, недостаточно воображения – необходимо находиться в тесных гармоничных отношениях с окружающим миром и, в частности, хорошо разбираться не только во флоре, но и в орнитофауне.

Говоря об ассоциациях, которые служат основой для техноморфизации орнитонимов, важно отметить, что они связаны с биологией и экологией видов, отражая, в основном, легко наблюдаемые морфологические особенности птиц. По этой причине метафорический перенос «птица → механизм / прибор / инструмент» достаточно последователен и понятен, на что указывают участвующие в терминах орнитокомпоненты, как например, *duck**foot*** (лапа утки), ***bec**-de-corbeau* (клюв ворона) и т.п. Номинации техносферы, связанные с конкретным видом птицы, оказываются более востребованными и продуктивными (62% от общего числа техноморфных орнитонимов) по сравнению с номинациями недифференцированной птицы и ее атрибутов в составе технического термина (35%). При этом влияние общехристианской символики на формирование орнитотермина минимально (3 % от общего числа техноморфных орнитонимов).

Отношение к техноморфизму как к одной из фундаментальных метафор антропобытия все больше укрепляется в современной лингвистике. Однако влияние мира природы на техномир все еще остается возможным. Поскольку человек – выходец из природного мира, зооморфизация становится одним из первых результатов переноса признаков животного мира как на человека, так и на все его технопроизводные. И этот результат оказывается довольно устойчивым; свидетельством тому выступают исследуемые лексические единицы, которые при другом исследовательском ракурсе становятся зооморфными (орнитоморфными) техническими терминами.

Завершая главу, следует заключить, что метафорическое переосмысление номинаций представителей орнитофауны суть экологично, т.к. позиционирует неразрывную связь человека с природным миром, экстраполируя его бытие на антропо- и техносферы.

Далее перейдем к описанию экоинформационного потенциала научных названий птиц (орнитономенов).

ГЛАВА 4. ОТРАЖЕНИЕ МОРФОЛОГИИ, ЭТОЛОГИИ И ЭКОЛОГИИ ПТИЦ В МОТИВАХ НОМИНАЦИИ ОРНИТОНОМЕНОВ

4.1. Процессы категоризации и номинации

Согласно И. Канту, категории имеют всеобщий и необходимый характер – с их помощью можно мыслить данные в созерцании предметы окружающего мира [Кант 1964: 297]. Природа как объект научного знания становится сконструированной самим сознанием, ибо только рассудок (посредством своих категорий) способен сообщить объектам познания характер всеобщего и необходимого, т.е. подлинно научного знания [Дмитриев 1997: 107]. Поэтому, с точки зрения И. Канта, природа (как совокупность явлений) сообразуется с категориями, с их синтезирующей способностью. Иными словами, человек познает категории и через них познает мир.

4.1.1. Категоризация явлений
Лексико-семантическая категория *птица*

Категории в философии

В философском осмыслении *категории* суть «наиболее общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания» [ФЭС 1983: 151]. Учение о категориях, прежде всего, связано с Аристотелем, который впервые представляет их перечень, основываясь на довольно полном описании языковых высказываний. Выделенные им категории, такие как субстанция, количество, качество, отношение, время, место, положение, состояние, действие и претерпевание [Аристотель 1978 (1): 55–79], – это оригинальная философская система высказываний о сущем, которая оказала значительное влияние на инвентаризацию частей речи, членов предложения, сказуемых и предикатов [Булыгина, Крылов 1998: 216].

Следуя структуре греческого языка, Аристотель задает определенное категориальное членение мира, отсюда его учение о сущем (метафизика) дано «в структуре языка, в способах именования и предицирования, в синтаксических, грамматических и семантических формах» [см. НФЭ 2010]. В Средние века комментарии к «Категориям» Аристотеля находят широкое распространение. Например, Порфирий во «Введении к категориям Аристотеля» сохраняет все его десять категорий, однако сужает их до родовидовых отношений.

Новый этап в развитии учения о категориях связан с И. Кантом, которому принадлежит заслуга их классифицирования как априорных форм рассудка, характеризующих познающего субъекта и структуру его мышления [ФЭС 1983: 151]. В соответствии с видами суждений И. Кант строит свою классификацию четырех видов категорий, выделяя: 1) категории количества (единство, множество, целокупность), 2) категории качества (реальность, отрицание, ограничение), 3) категории отношения (присущность, причинность, общение), 4) категории модальности (возможность, существование, необходимость) [Кант 1964: 175]. По мнению философа, категории представляют собой первоначальные структурные логические формы рассудка; сами по себе они суть «вовсе не *знания*, а только *формы мышления* для того, чтобы из данных созерцаний порождать знания» [Там же 296].

Категории составляют структуру любой науки. В западноевропейской философии XIX в. прослеживаются «тенденции к построению замкнутой системы категорий, и к дифференциации систем категорий в соответствии с различными областями бытия и научного знания» [см. НФЭ 2010]. У Г. Гегеля категории сводятся к следующим видам: бытие (качество, количество, мера), сущность (основание, явление, действительность; причем в эту последнюю входят субстанция, причина и взаимодействие), понятие (субъект, абсолютная идея, объект) [ФЭС 1983: 151]. Далее, в марксистской философии категории интерпретируются как элементы открытой системы (всеобщие формы бытия), способной к пополнению вместе с расширением человеческого познания. Такая натуралистическая онтологизация категорий приводит к тому, что учение о

системе категорий превращается в «мировую схематику», которая навязывается естествознанию и гуманитарным наукам [см. НФЭ 2010].

В философии конца XIX в. происходит расширение области анализа категорий и усиливается тенденция к их регионализации. Так, у М. Хайдеггера существуют две возможности определения бытия: категории и экзистенциалы. Если категории – это бытийные определения «неприсутствиеразмерного сущего», «по-разному открытого для рассмотрения и обсуждения в логосе», то экзистенциалы эксплицируют структуру понимающего бытия [Хайдеггер 1997: 44, 45]. Таким образом, «трансцендентальная логика, которая и была учением о категориях, прекратила свое существование и превратилась в экзистенциальную герменевтику самопонимающего бытия» [см. НФЭ 2010].

Категории в лингвистике

В языкознании под *категорией* понимается «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства» или признака, составляющего основу «разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [Булыгина, Крылов 1998: 215].

В настоящее время в лингвистике сосуществуют две теории категорий: классическая аристотелевская и прототипическая. Суть классического подхода состоит в том, что: 1) категории – это некие «абстрактные вместилища с четкими границами»; 2) члены категории имеют набор существенных общих свойств, которые являются «необходимыми и достаточными условиями членства в конкретной категории»; 3) «члены категории обладают одинаковым статусом внутри категории» [Скребцова 2011: 86]. Выдвинутая Л. Витгенштейном идея «фамильного сходства» показала возможность существования категорий, в которых принцип наличия общих свойств у всех членов «семьи» не соблюдается (например, в категории *игра*) [см. Витгенштейн 1985]. Помимо этого было указано как на растяжимость границ категории, так и на неравенство ее членов.

Заслуга целостного формулирования альтернативной теории категорий принадлежит Э. Рош, взгляды которой оформились в теорию прототипов и категорий базисного уровня. Выделяются *природные (естественные) категории*, т.е. более или менее перцептивно обусловленные (такие как цвет, форма), и *семантические категории*, т.е. обусловленные понятийно, концептуально [Семантика… 1991: 47]. В свою очередь, естественные категории входят в категорию «предмет / предметности», которая наряду с категориями «форма», «размер», «цвет», «материал» и другими относится к числу базовых. Говоря о *лексико-семантических категориях*, подразумевают такие классы как, например, названия живых существ, названия профессий, названия государств и т.п. [Булыгина, Крылов 1998: 216]. Категоризация предметных знаний с помощью различных семантических категорий является незаменимым языковым средством объективации знаний о предметном мире [Уфимцева 1988: 110].

В каждой категории обнаруживаются психологически наиболее выделенные объекты, так называемые центры или *прототипы* (в терминах Э. Рош), обеспечивающие распознавание категории. Например, если воробьи выступают лучшими представителями класса птиц по сравнению с пингвинами, то это обусловлено тем, что воробьи «демонстрируют нечто вроде “усредненной” птицы (среднего размера, довольно нейтральной окраски и т.д.)» [Кубрякова 2004: 101]. По мнению Э. Рош, структура категории складывается как из объективных, так и субъективных признаков при сохранении универсальности принципов формирования категории [Rosch 1977: 39]. Например, наиболее типичной птицей для носителей английского языка и американской культуры по результатам экспериментов Э. Рош является малиновка (robin). Для русской культуры «суждения о типичности были бы заведомо иными (хотя сама малиновка всегда обладает одними и теми же признаками)» [Семантика… 1991: 52]. Вне всякого сомнения, «прототипический подход предполагает растяжимость границ и подвижность внутренней структуры категории, что позволяет легко вводить в нее новых представителей» [Скребцова 2011: 96].

Взаимодействуя между собой, категории представляют разные уровни абстракции. Суперординатный уровень включает субординатные категории, как например, суперордината *животное* включает категории *птица, млекопитающее, рептилия* и т.п. [Шафиков 2014: 70].Такие категории, как *птица* и *голубь* также различаются уровнями абстракции, где вторая категория является субординатной по отношению к первой. Считается, что положение базисного уровня (в нашем случае категория *птица* в иерархии *животное – птица – голубь*) остается константным в разных языках, чего нельзя сказать о положении суперординатных и субординатных категорий.

Так, живых существ, которые не имеют перьев, клювов и не откладывают яиц, но способных летать, нельзя отнести к категории *птица* (например, летучих мышей или жуков), потому что именно «перья, клювы и яйца считаются *необходимыми* (а не просто прототипическими) признаками понятия *птица*» [Вежбицкая 1996: 205]. В этом смысле *страус* и *пингвин*, имеющие перья, клюв и откладывающие яйца, являются птицами, хотя и нетипичными (нелетающими), поскольку способность летать, являясь одним из существенных категоризующих признаков, воплощается далеко не во всех представителях орнитофауны. У птиц есть крылья, клювы и перья, но эти признаки, как отмечает Е.С. Кубрякова, маркируют представителей данного класса на базисном (базовом) уровне [Кубрякова 2004: 110, 111]. Именно этот уровень позволяет свести многообразие мира к понятному и обозримому множеству, а люди способны оперировать базовыми признаками объектов, известными им из повседневного опыта. Наконец, выделение единиц базисного уровня является свидетельством того, что окружающий мир структурирован, а прототипы – это скоррелированные между собой признаки [Там же: 110]. С.Г. Шафиков в этой связи говорит о *повседневных категориях* (в отличие от категорий научных), которые характеризуются как наличием объектов категории, так и признаков, по которым некоторые объекты считаются принадлежностью категории [Шафиков 2007: 4].

Эксперименты Э. Рош показали, что к базисным относятся не только категории природных объектов, но и понятия более высокого уровня обобщения.

Если *воробей, ворона, голубь, орел, лебедь* и др. относятся к базисному уровню, то названия отрядов или семейств (*гагарообразные, соколообразные, совообразные, воробьеобразные; трясогузковые, врановые, славковые* и т.д.) принадлежат суперординатному уровню абстракции, а названия определенных видов (*чеканы, каменки, горихвостки, соловьи, дрозды* и т.п.) – субординатному уровню.

Приведенные примеры показывают, что базисный уровень отталкивается исключительно от человеческой психологии: восприятия, памяти, усвоения и т.д. [Lakoff 1987: 38]. Языковое означивание категорий реализуется на лексическом уровне. Репрезентация базового уровня категоризации осуществляется посредством лексем, поэтому номинации, представленные в научной систематике или лексикографических источниках, это и есть отраженный процесс категоризации различных предметов и явлений реального мира.

4.1.2. Nominatio rerum: философское осмысление

Выделенность человека из царства прочих тварей отмечена в Библии его способностью давать имена, свидетельствующей о проявлении разума. *Наименование* же есть *познавание* как «деятельность или действие, посредством которого познаем. Nomen (имя) = notio (понятие) = nota rei (признак вещи)» [Флоренский 2006: 284]. Это «первичное и элементарное познание, узнание в вещах их смысла, идеи и закрепление этого узнания в имени» [Булгаков 1998: 110]. Слово являет собой «познающий субъект и познаваемый объект, сплетающимися энергиями которых оно держится» [Флоренский 2006: 268], т.е. оно «подлежит основной формуле символа: оно – больше себя самого» [Там же: 269].

У слова, как считает М.Н. Эпштейн, есть две функции: формативная (Слово было Бог, через которое все начало быть) и информативная. «Те существа, которым человек дает имена, существуют независимо от этих имен. Слово Бога творит мир, слово человека сообщает о мире» [Эпштейн 2006: 182]. Отсюда следует, что человеческий язык «в контексте библейских представлений несет, прежде всего,

информативную – познавательную, именовательную – функцию, сообщая о мире, находящемся за пределами языка» [Там же: 182].

На протяжении многих веков лучшие умы человечества заняты поисками ответа на вопрос, на каком основании были поименованы звери и птицы: было ли имя, данное Адамом, «тем именем, которое *следовало* иметь животному исходя из его природы», или же оно было дано ad placitum [Эко 2009: 18], т.е. по установлению, конвенционально?

Многообразие предложенных в разное время версий можно объединить в пять групп:

1) Адам знал сущность вещей благодаря богоданному языку, который содержал в себе все языки. В этом языке «имелось имя для каждой вещи, будь то сущность или явление, и каждая вещь соответствовала своему имени» (Ибн Хазм – по [Эко 2009: 359]). Такой Язык Творца подлежит истолкованию, потому именования тварей и других элементов мироустройства приобретают символический смысл [Там же: 24]. Однако возможно, что «имена тварей звучали в человеке как их внутренние слова о себе, как самооткровения самих вещей» [Булгаков 1998: 35]. В то же время, образ вещи или сущности, как полагает А.Ф. Лосев, «активно вступает в окружающее инобытие, <…> активно общается с ним. Эта арена смыслового взаимообщения вещи со всякой другой вещью и есть ее имя» [Лосев 1993 (2): 804];

2) Адам называл тварей в соответствии с их природой (давая названия природных родов и видов), заложив тем самым основы номенклатуры. Такая позиция доминировала, согласно У. Эко, вплоть до XVII века [Эко 2007: 243–244];

3) Адам давал животным имена, воспроизводя звуки, которые они издавали. При помощи гласных звуков были названы птицы, полугласных – земноводные, немых – рыбы (И.П. Эрикус – по [Эко 2009: 197]). Эта идея подчеркивает иконичность первых человеческих слов и хорошо согласуется со звукоподражательным истоком языка;

4) Адам обозначал животных особой мимикой и жестами, которые напоминали форму, повадки и прочие их характеристики, что в совокупности

обеспечивало полный набор присущих им свойств (Ж. Барруа – по [Эко 2009: 118]). Данная версия указывает на эмоциональный исток языка и на связь первой речи с действием;

5) свои первые имена Адам присваивал земным и небесным тварям по действиям, которые они совершали, взаимодействуя друг с другом и окружающей средой.

В действительности наблюдатель может описать какую-либо сущность, только если имеется «еще одна сущность, от которой он может отличить первую, имея возможность наблюдать взаимодействия или отношения между ними» [Матурана 1996: 97]. И сама сущность, по мысли У. Матураны, является сущностью, если у нее есть некоторая область взаимодействий, включающая в себя «взаимодействия с наблюдателем, который может специфицировать для нее какую-то область отношений» [Там же: 98]. Отсюда возникает мысль о том, что только тварь «икс-в-действии» может быть поименована соответствующим образом [Эко 2007: 244–245], поскольку сами вещи или твари подсказывают движение. Мы понимаем смысл предложений, потому что можем вообразить себе краткие сюжеты, содержащиеся в них, даже когда они просто называют конкретную вещь [Там же: 244]. Тогда слово в узком понимании «должно рассматривать как свившееся в комок предложение и даже целую речь, а предложение – как распустившееся свободно слово» [Флоренский 1989 (1): 127].

Все вышеприведенные версии именований животных в той или иной мере возвращают исследователя к извечной проблеме происхождения языка, однако, это тема для отдельной дискуссии. Между тем, одна из основателей экологической биолингвистики О.Л. Силаева полагает, что в основе наименований предметов и явлений, скорее всего, лежал не один, а несколько принципов. Если в своих истоках номинация реалий окружающей среды могла происходить посредством подражания естественным звукам природы с их последующими видоизменениями, то по мере своего эволюционного развития человек приобрел способность «отражать звуковую среду на все более высоком уровне» [см. Силаева 2008].

В развитии темы именования вещей следует обратиться к богатому философскому опыту осмысления этой проблемы. Итак, для того чтобы воспринимать, ощущать или каким-либо образом ввести некий предмет в мыслительный процесс, необходимо дать ему имя, поскольку «мышление, восприятие, ощущение, чувствование и т.д. вещей *только и возможно при помощи их имен*» [Лосев 1993 (2): 813]. Акт называния становится выделением объекта в мире: по названию он опознается и, в свою очередь, данное название диктует свойства этого объекта. Имя, уточняет П. Флоренский, есть «сказуемое нашего переживания, оно есть именно то, что сказывается о несказанном, подлежащем раскрытию чрез имя» [Флоренский 2006: 121].

С.Н. Булгаков дает цепь определений слова, «послойно» приближаясь к его подлинной сущности как к двуединству различной предметной данности: соматическому, формально-смысловому, космо-логическому, символическому и, наконец, антропокосмическому [Резниченко 2012: 50–53]. Через человека «осознает себя весь космос», поэтому, «слова суть вспыхивающие в сознании монограммы бытия» [Булгаков 1998: 44]. Именно поэтому «всякое наименование содержит скрытое экзистенциональное суждение, в котором констатируется <…> соприкасание сознания и бытия» [Там же: 77].

Для А.Ф. Лосева «тайна слова заключается именно в общении с предметом и в общении с другими людьми. Слово <…> – мост между “субъектом” и “объектом”» [Лосев 1993 (1): 642]. Слово – это «постигнутая вещь, вещь, с которой осмысленно общается человек. А звуки и все прочее – лишь физический носитель этой понятой и в разуме явленной вещи» [Там же: 756].

Размышляя об образовании слов, основоположник зарубежного языкознания В. фон Гумбольдт полагает, что этот процесс может быть сведен к выбору звуков, «пригодных для обозначения определенных понятий, и к приданию этим звукам более или менее определенной формы» [Гумбольдт 2000: 110]. В такой интерпретации «слово есть индивидуальное оформление понятия» [Там же: 111]. Образование слова, как считает А.А. Потебня, это «весьма сложный процесс»: сначала имеет место «простое отражение чувства в звуке», затем – «сознание в

звуке» и, наконец, «сознание содержания мысли в звуке, которое не может обойтись без понимания звука другими» [Потебня 1999: 89]. Отсюда *назвать* что-либо означает «дать слово, в котором общечеловеческая мысль <…> усмотрела бы законную, т.е. внутренне-обязательную для себя, связь внешнего выражения и внутреннего содержания, или, иначе говоря, признало бы в новом имени – *символ*» [Флоренский 1989 (1): 129]. А символичность слова «требует вживания в именуемое» [Там же: 121].

При этом существует мнение, что «действие называния характеризует называющего (субъект) в большей степени, чем объект называния» [Цивьян 2006: 54]. И «сущность действительности не изменяется, если ей дают иное именование. Воздействию этого подвергаемся лишь мы сами» [Юнг 1996: 365].

Возвращаясь к наименованиям птиц, следует отметить, что, согласно нашему видению, «они являются отражением принципа именования по совершаемым действиям (тварь «икс-в-действии» по У. Эко): поющая птица (пение как вокальное поведение) вызывает к жизни звукоподражательное название (фононим); птица, демонстрирующая свое яркое оперение, становится обладателем имени, фиксирующим ее окраску (морфоним-колороним); птица, занятая кормодобыванием или гнездостроительством, получает соответствующее имя (фагоним или бионим); птица, постоянно встречающаяся в том или ином биотопе, будет названа в соответствии с ландшафтом ее пребывания и т.п.» [Курашкина 2020 (2): 17–18]. Нельзя не согласиться с суждением П. Флоренского: «то, что дается зрением, объективно по преимуществу», а «воспринимаемое слухом – по преимуществу субъективно» [Флоренский 2000 (1): 41]. Отсюда следует, что «звукоподражательные названия субъективны, а оттого неустойчивы и подвержены подновлениям и переосмыслениям. Названия же, данные по наблюдаемому (т.е. воспринимаемому зрением) действию в большей степени объективны и претендуют на определенную устойчивость в человеческом сознании» [Курашкина 2020 (2): 18]. Коль скоро звук – это «обнаружение самости, самость бытия» [Флоренский 2000 (1): 42], можно говорить о «первичности звукоподражательных имен, которые, вследствие своей иконичности, оказываются

менее долговечными по сравнению с именами, данными на символической, конвенциональной основе» [Курашкина 2020 (2): 18].

Стоит добавить, что слова, звуковое содержание которых напоминает реальный процесс, обозначенный ими, легче запоминаются, но они должны одновременно быть легко произносимыми. В противном случае такие «неудобные» наименования уходят из языка, заменяясь более удачными, либо становятся более удобными в произношении [Львов 2001: 6].

Метаморфозы имен (в том числе звукоподражательных), по мнению М.М. Маковского, обусловлены, помимо прочего, явлением табуирования [Маковский 2012: 9]. Именно животные чаще всего именовались бессмысленными словами, которые, как считалось, они не смогут понять. «Способность имен естественных реалий вызывать образ предмета объясняет суеверие, согласно которому даже непризывно произнесенным именем можно накликать его носителя» [Арутюнова 1999: 23]. Табу оказывает мощное влияние на закономерности звуковых изменений и отклонения от них в индоевропейском языке [Маковский 2012: 44]. Среди разнообразных способов табуирования автор называет полную замену одного слова на другое, метатезу (анаграмму), замену одного или нескольких фонетических элементов слова на другие (аллотезу), метафоризацию, сложение однозначных корней [Там же: 46]. Так, например, английское слово *bird* (птица) представляет собой сложение корней: и.-е. **bher-*, гореть >дышать + и.-е. **di-*/**dau-*, гореть >дышать (птица считалась вместилищем души): ср. англ. *breath* (дыхание) [Маковский 2012: 49]. Интересен и пример табуирования посредством метатезы: гот. *fugls* (птица), но греч. *γύψ* (vautour, стервятник), где последнее слово является табуированием и состоит из и-е. корня **gou-*, корова, бык + и-е. **pā-*, охранять, т.е. означает *охраняющий коров* (табуирующая метафора: о хищной птице, которая преследовала стада скота с целью охоты) [Там же: 51].

Итак, «именование предмета с помощью словесного знака есть, прежде всего, указание на тот существенный и разграничительный признак, который отчленяет один предмет от другого», а слово – это «тот языковой факт, благодаря которому в

сознании и языке различаются сами предметы и явления» [Колшанский 1977: 112, 113]. Выбор же номинационного признака и связанные с ним ассоциации варьируются в зависимости от языкового коллектива, создавая уникальные наименования для одних и тех же объектов.

4.1.3. Ключевые аспекты языковой номинации

Термин *номинация* трактуется одновременно и как процесс, и как результат данного процесса. В общем смысле этого слова *номинация* представляет собой «образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т.е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений» [Телия 1998: 336]. Изучение лексической номинации проводится, в первую очередь, в рамках лексикологического направления, которое исследует семиотические и ономасиологические стороны номинации. Большой вклад в ономасиологическое направление, начиная с середины XX в., внесли такие исследователи, как Э.С. Азнаурова, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Л.С. Ковтун, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, В. Матезиус, Б.А. Серебренников, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева и др.

Ономасиология в современной лингвистике имеет как узкую трактовку, согласно которой предстает как «учение о процессах называния словом и лексической объективации понятий», так и широкое истолкование как «области исследования всей номинативной деятельности в языке, отражающей и объективирующей членение мира в ходе познания его объектов и связей» [Кубрякова 1998: 345].

Отвечая на вопрос, почему то или иное явление действительности называется так, а не иначе, ученые увязывают номинацию с процессом познания, результирующееся в том, что «при осуществлении акта номинации выбираются отдельные характеристики именуемых сущностей» [Берестнев 2007: 18]. Выделяя определенные черты в объектах, человек «группирует их, классифицирует, давая

каждому классу обозначение», так что «благодаря классификации, созданию понятий и наименованию человек получает возможность ориентироваться в окружающем его мире» [Гак 1977 (1): 248–249]. Называя предмет или явление, слово «обозначает его как целое со всеми выявленными и невыявленными свойствами»; тем самым, словесный знак «служит именем не только единичного экземпляра, а названием всей совокупности подобных ему, давая имя всему классу» [Уфимцева 1977: 28].

Номинация как лингвистическая техника зависит от сложившейся лексической системы, которая может накладывать ограничения на словотворческую активность людей, но эта техника имеет «менталистическую основу» и реализуется в различных условиях [Серебренников 1977: 156, 159]. В то же время «первообразных наименований» (термин В.Н. Телия) как результата первичной номинации в современных языках крайне мало, очень незначительную долю занимают и абсолютно новые наименования. Словарный состав языка активно пополняется средствами словообразования, путем заимствований и создания вторичных номинаций. Поэтому лексическая номинация – это не только «единичный и разовый акт наречения некоторого элемента действительности», но и возобновляющийся всякий раз процесс, «в котором номинативные средства как бы заново разворачиваются в трехчленное отношение наименования» [Телия 1981: 97, 113]: (*действительность* – то, что именуется, *понятийное отражение* – гносеологический образ обозначаемого, *имя*), благодаря чему в языке появляются вторичные номинации.

Как отмечает Е.С. Кубрякова, характеризуя семиотические и прочие аспекты номинации, ученые-ономасиологи во многом предвосхитили идеи когнитивной лингвистики [Кубрякова 2004: 61], с позиций которой *номинацию* рассматривают как «когнитивный акт, процесс и результат объективированного осмысления действительности» [Там же: 58]. Так происходит наименование концепта, благодаря чему он (концепт) «становится воспроизводимым для сознания и более определенным содержательно» [Берестнев 2007: 17]. Проецируя взгляд на единицу номинации «как на фиксирующую определенную категорию познанного», теория

номинации (когнитивная ономасиология) становится отраслью когнитивной теории [Кубрякова 2004: 321], а номинативная деятельность ставится «на службу дискурсу и коммуникации» [Там же: 327].

4.1.4. Особенности конкретно-предметной лексики

Процесс познания любого предмета складывается из трех этапов: 1) вычленение предмета из окружающей действительности и его отделение от пространственного фона; 2) отождествление предметов, установление их идентичности самим себе; 3) сведéние предметов в классы большего или меньшего объема, т.е. классификация [Арутюнова 1999: 15, 19, 20].

Птицы, относящиеся к достаточно заметным (если не по внешнему виду, то повадками или голосовым поведением) живым существам, оказываются обособленными самой природой. Их названия относятся к конкретно-предметной лексике как к совокупности «имен естественных родов» [Арутюнова 1999: 22], «реальных предметов материального мира, видимых, ощутимых, осязаемых» [Уфимцева 1977: 63]. Наименования птиц отмечены абсолютной референцией, т.е. прямым отнесением к предмету, и путь к значению такой лексики лежит через референцию [Там же: 24].

Орнитонимы и, шире, зоонимы характеризуются таксономичностью, которая строится на родо-видовых отношениях. При этом, как отмечает Н.Д. Арутюнова, языковая таксономия выстраивается посредством «включения предметов в пересекающиеся между собой номинативные объединения, которые по мере своего укрупнения и отхода от естественных родов все более утрачивают стихийный характер, приближаясь к классификациям научным» [Арутюнова 1999: 21]. Отношения гипонимии и пересечение областей референции обеспечивает зоонимам отнесенность к классам разного объема и, соответственно, возможность разной номинации, например, *животные, птицы, воробьиные, вьюрковые, снегири.*

Зоонимы универсальны по денотату, но варьируются от языка к языку по форме выражения. Это имена естественных классов (родов), обладающие

денотативно-сигнификативным типом знакового значения [Уфимцева 1988: 125], которые выполняют одновременно две основные функции: номинативно-репрезентативную (обозначения и замещения предметов) и сигнификативную (обобщения) [Уфимцева 1977: 63]. Различия в этой лексической сфере зависят от степени индивидуализации имен животных, что определяется той ролью, которую обозначаемые животные играют в хозяйственно-экономической жизни и традициях носителей языка [Уфимцева 1988: 124].

Согласно оппозициям, выделенным А.А. Уфимцевой (одушевленность / неодушевленность, лицо / нелицо, счисляемость / несчисляемость, конкретность / абстрактность), названия особей предметной сферы *животный мир* основываются на совокупности таких категориальных семантических признаков, как *конкретность, одушевленность, счисляемость, нелицо*. Слова, подпадающие под данную совокупность признаков, выполняют собственно номинативную функцию *картирования* предметного мира (semantic mapping) [Уфимцева 1988: 124].

Кроме того, зоонимы относятся к идентифицирующим именам, которые в прямом смысле этого слова соответствуют обобщенному «инвариантному образу предмета» [Серебренников 1977: 150] или «стереотипу класса» [Арутюнова 1999: 22], поэтому семантика подобных номинаций «отображает субстанциональный чувственно ощутимый образ обозначаемого» [Телия 1998: 336]. Отмечая диффузность значения имен представителей животного мира, лингвисты указывают на имеющиеся затруднения в словарной интерпретации такой лексики. Ее толкование «напоминает словесный портрет, в котором существенные признаки объединены с несущественными, часто внешними чертами, позволяющими идентифицировать предмет как принадлежащий данному классу» [Арутюнова 1977: 200–201]. Ср. *Снегирь – небольшая певчая птичка семейства вьюрковых, серая, с красной грудью (у самцов)* [Ожегов 1986: 641].

Представляя воплощенный в слове образ мира, именно конкретно-предметная лексика создает основу для метафоризации и фразеологизации, формируя определенное отношение к тем или иным категориям естественных форм, связываемые с ними суеверия, традиции и т.п. Причем метафорическое

переосмысление идентифицирующей лексики может отталкиваться от любой ассоциации, как имеющей под собой эмпирическое основание, так и абсолютно случайной, не соотносящейся с признаком, положенным в основу номинации.

4.1.5. Имя в научной номенклатуре

Стремление упорядочить все природное разнообразие свойственно человеческому мышлению, и классификация представляется вершиной познания [Флоренский 1989 (1): 132]. Зоономенклатура есть «применение отличительных названий для каждой из групп организмов, выделенных в любой зоологической классификации» [Симпсон 2006: 11], в основу которой положена Линнеевская иерархия [Linnaei 1758]. В царстве животных выделяется тип хордовых (подтип позвоночные), куда относится класс птиц. В свою очередь, класс птиц делится на отряды, например, отряд совообразные, отряд воробьеобразные. Отряды складываются из семейств (семейство иволговые или семейство скворцовые отряда воробьеобразных), а семейства подразделяются на рода. Так, в семействе славковых отряда воробьеобразных есть род широкохвосток, пестрогрудок, сверчков, камышовок, пересмешек, славок и т.д. Род формируется из близкородственных видов: род славок представлен такими видами, как ястребиная славка, славка-черноголовка, садовая славка, серая славка, славка-мельничек, певчая славка. Таким образом, вид является основной таксономической единицей. В связи с тем, что процесс выявления родственных связей в классе птиц продолжается, могут использоваться дополнительные систематические единицы, как то подотряд, подсемейство, надсемейство и т.п. [Рябицев 2008: 17].

В классическом варианте приняты двойные названия (бинарная номенклатура), одно из которых – родовое, а другое – видовое [Там же: 17]. Например, в латинском научном названии *Picus vridis Picus* (дятел) – родовое имя, *viridis* (зеленый) – видовой эпитет. Многие родовые имена пришли в систематику из «народной» номенклатуры, где были «индивидуальными однокомпонентными названиями, в то время как видовые определения – это результат более позднего

словотворчества ученых» [Коблик, Фридман 2013: 862]. Большинство видов изначально имеют одно название, например, *филин*, *Ноорое*, однако в ряде случаев родовое имя опускается и используется только видовое название: *гусь-гуменник* → *гуменник*. Прилагательные *обыкновенный* / *common, европейский* / *European* / *Eurasian* также имеют тенденцию опускаться, что приравнивает орнитономен к родовому имени. Описание видов осуществляется в соответствии с систематическими номенклатурными сводками; в настоящей работе за основу взят список птиц РФ [Коблик и др. 2006] и обновленные списки видов [Коблик, Архипов 2014].

Разбирая номенклатурные единицы, необходимо остановиться на разграничении понятий *номен* и *термин*. У П. Флоренского *термин* – это «слово слов, как слово спрессованное, как сгущенный самый существенный сок слова» [Флоренский 2006: 241]. В терминоведении *термин* обозначает «общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [Лейчик 2009: 31–32]. *Термин* также является базовой научной единицей, чья функция – «номинировать объекты и процессы и одновременно служить средством познания окружающего мира» [Ивина 2003: 14]. В *термине* находят реализацию «механизмы познания той или иной специальной области знаний или деятельности, в нем репрезентированы структуры специального знания, которые служат отправной точкой в осмыслении профессионального пространства и способствуют оптимальной организации деятельности специалистов» [Голованова 2004: 66]. Иными словами, термины «вербализуют логическую модель определенной системы знаний или деятельности и выступают в качестве основных когнитивных ориентиров в рамках этих систем» [Голованова 2011: 95].

Современная *номенклатура* воспринимается как «совокупность однородных терминологических наименований, *номенов*» [см. Журавлев, Варбот 2018], в то время как *номен* – это «название (имя существительное), значение которого определяется с достаточно высокой четкостью и место которого в системе подобных наименований закреплено более или менее жестко; *термин* в ряду себе

подобных» [Там же]. Можно сказать, что «абстрактные, обобщенные понятия обозначаются терминами, конкретные и единичные – номенами» [Ходакова 2012: 411].

Существует и расширительное толкование *номенклатурного наименования:* это «терминологическое обозначение частного специального понятия какой-либо области знания, дисциплины или тематической области, которое состоит из двух лексико-синтаксических компонент, синтаксически главный из которых является термином, словом или словосочетанием общего языка и обозначает специальное родовое понятие данной области, а синтаксически подчиненный – является условным, внешним (для данной области знания и для обозначения соответствующего понятия) знаком <…> и служит для выделения из родового понятия именно данного частного понятия, фиксируемого в специальных описаниях, толкованиях, дефинициях и т.п.» [Шелов 2018: 231]. При таком подходе «номенклатура становится неотъемлемой частью терминологии, что снимает многочисленные вопросы о статусе номенклатурных единиц» [Курашкина 2020 (2): 14].

Коль скоро номены, как и термины, способны накапливать знания о познаваемом мире, зоономенклатура не может быть сведена к «этикетированию таксонов в классификации» [Симпсон 2006: 40]. Следовательно, номены реализуют свой потенциал, раскрываясь в номинативной, классификационной, информативной, коммуникативной [Кузнецова 2009: 16], кумулятивной и когнитивной функциях [Курашкина 2014 (1): 38, Курашкина 2020 (2): 15].

Таким образом, научная номенклатура – это «сгущенный опыт много-сот-летней истории человеческой мысли, уплотненное созерцание природы, и, конечно, есть главное достояние соответствующих областей знания, наиболее бесспорное, наиболее долговечное» [Флоренский 1989 (1): 128–129].

4.2. Систематизация орнитономенов на основе экоинформационного мотивирующего признака (на примере названий птиц отряда воробьеобразных)

Любой процесс номинации сводится к выбору признака для наименования объекта или явления действительности и его выражения во внешней форме наименования. С.С. Маслова-Лашанская указывает на наличие трех основных моментов, сочетание которых определяет структуру наименования: 1) реальный мотивирующий признак предмета, т.е. внеязыковая основа наименования; 2) языковое выражение мотивирующего признака; 3) способ создания нового имени на базе языкового материала, с помощью которого выражен мотивирующий признак [Маслова-Лашанская 1958: 27]. Мотивирующий признак, лежащий в основе номинации, выполняет гносеологическую функцию, т.к. закрепляет результаты познавательной деятельности человека.

Типологическое изучение связей между номинациями и называемыми реалиями осуществляется в рамках мотивологии как раздела лексикологии, рассматривающего «специфические проявления лексики в сфере взаимодействия языковой формы и семантики» [см. Голев 2000]. В компетенцию мотивологии входит задача выявления состояния и степени мотивированности слов на современном этапе развития языка, вследствие чего данный лингвистический раздел находится в активном взаимодействии с семасиологией, ономасиологией и этимологией. Одним из центральных понятий как мотивологии, ономасиологии, так и семасиологии является *мотивированность*, которая в общих чертах определяется как причинная связь между звучанием и значением слова [Гак 1977 (2): 34].

Традиционно выделяют фонетический, морфологический и семантический типы мотивированности [Ульманн 1970: 255], из которых можно вывести три основных вида номинаций: фонетически-мотивированные, структурно-мотивированные и семантически-мотивированные номинации.

Применительно к орнитонимам мотивирующий признак в основе номена определяет бытование двух классов орнитонимов: орнитонимов-символов (с утраченной мотивированностью), как например, *жулан, sparrow, grive*, и мотивированных орнитонимов (*зяблик, nuthatch, bec-croisé des sapins*). С учетом категоризации научных названий птиц, предложенной Дж. Джоблингом [Jobling 2010: 11], выделены следующие типы орнитонимов, опирающиеся на биологию и экологию видов, т.е. содержащие экоинформационные мотивирующие признаки: 1) орнитоморфонимы (соматически мотивированные), включающие морфонимы-колоронимы и морфонимы, характеризующие форму и величину птицы; 2) орнитофононимы (фонетически мотивированные); 3) орнитобионимы (экологически мотивированные); 4) орнитофагонимы (< греч. *φαγείν*, есть, пожирать) (эколого-этологически мотивированные); 5) орнитоэргонимы (< греч. *έργον*, труд, занятие) (эколого-этологически мотивированные); 6) орнитонимы с компонентом топонимом (топонимически мотивированные); 7) орнитонимы с компонентом эпонимом (эпонимически мотивированные); 8) орнитонимы-символы (с утраченной мотивированностью) [Курашкина 2014 (2): 101].

Мотивы номинации, выделенные для орнитоморфонимов: 1) доминирующая окраска оперения птицы, 2) окраска части тела, 3) форма и характерная деталь части тела, 4) форма всей птицы, 5) ее величина. Мотивы номинации для орнитофононимов: 1) звукоподражание, 2) оценка голосовых данных. Мотивы номинации для орнитобионимов: 1) биотоп, 2) вид растительности для гнездования, 3) место обитания или гнездования, не связанное с видом растительности, 4) способ гнездостроительства. Мотивы номинации для орнитофагонимов и эргонимов: 1) особенности рациона, 2) способ кормодобывания, 3) время прилета птицы в места гнездования или зимовки, 4) особенность полета, 5) время активности, 6) особенность подачи демонстративного пения, 7) особенности телодвижения, 8) поведение, связанное с кормодобыванием, 9) повадки птицы. Мотивы номинации для орнитонимов с компонентом-топонимом: 1) континент или страна распространения, 2) распространение относительно полюсов земного шара, 3) приуроченность к столицам государств,

крупным регионам или областям, горным системам, рекам и островам, 4) приуроченность к населенным пунктам региональной значимости, мелким рекам или горам, 5) частая встречаемость на обширном ареале обитания. Мотивы номинации для орнитонимов с компонентом-эпонимом указывают на связь с 1) именем первооткрывателя вида, натуралиста или коллекционера, 2) именем мифологического или библейского персонажа, 3) именем собственным или прозвищем широкого распространения [Курашкина 2014 (2): 101].

Мотивы номинации, реконструируемые для орнитонимов-символов, предстают в виде «комбинации разновероятных признаков, каждый из которых может претендовать на основу для формирования названия в разные исторические периоды» [Там же: 101].

Занимаясь изучением орнитонимии, исследователи сосредотачивают внимание на родовых именах, ссылаясь на отсутствие бинарных названий в лексикографических источниках (см., например, [Адилова 1996, Амелина 2012, Неронова 2000, Симакова 2004 и др.]). Из поля зрения выпадают и орнитонимы с компонентами-топонимами и эпонимами (***northern*** *wheatear*, *hypolaïs* ***russe***, ***Richard's*** *pipit*). В итоге видовые прилагательные, входящие в состав номена, игнорируются исследователями, в то время как на них приходится важная «уточняющая информация, играющая немаловажную роль при идентификации видов» [Курашкина 2014 (1): 39].

Далее проводится систематизация орнитонимов различной мотивированности, в которых признакообразующий компонент содержится в составе родового имени, его части и в видовом прилагательном. Подробная этимологическая и орнитологическая информация по орнитонимам с сохранившейся и утраченной мотивированностью дана в сравнительном словаре [Курашкина 2013].

4.2.1. Орнитоморфонимы

Обитаемая среда любого животного носит знаковый характер и включает в себя: 1) самих обитателей с их характерным соматическим фенотипом (телесными

видовыми признаками) и признаками поведения; 2) предметные следы их деятельности [Правоторов 2004: 187–188]. Оптические знаки играют важную роль в жизни птиц, поскольку визуальный сенсорный канал является для них ведущим, в связи с чем птицы имеют прекрасно развитые глаза. Помимо демонстрации различных поз, характерных для оптической коммуникации птиц, цвет несет не менее информативную нагрузку.

Во-первых, благодаря окраске оперения формируется характерный облик птицы, облегчающий распознавание особей своего вида. Создание неповторимого облика птицы обеспечивается также благодаря яркой окраске отдельных участков оперения и наличию украшающих перьев (хохлы, воротники и т.п.) [Ильичев и др. 1982: 34]. Во-вторых, любое отличие в окраске – это самый надежный способ опознания противоположного пола на большом расстоянии. У многих птиц половой диморфизм проявляется, прежде всего, в окраске оперения (*половой дихроматизм*): менее заметная окраска самок обусловлена эволюционным приспособлением к необходимости скрытного нахождения в гнезде во время насиживания птенцов, в то время как яркая и заметная окраска самцов выступает как одна из форм привлечения внимания самок при демонстративном поведении [Паевский 2007: 28–29]. У некоторых видов принадлежность к мужскому полу устанавливается по более ярким тонам одной и той же цветовой гаммы, что и у самок (например, у овсянок, жаворонков, зябликов яркость брачного наряда достигается обнашиванием кончиков перьев) [Там же: 30–31]. У других видов существует заметный контраст в облике самца и самки (например, самка черного дрозда имеет темно-бурый цвет). Если окраска обоих партнеров почти одинакова (как, например, у крапивника), самке в брачный период приходится вести себя особым образом, с тем чтобы избежать агрессии со стороны самцов [Тинберген 1993: 36]. Также для ряда видов птиц существенны сезонные изменения в окраске: помимо демонстративного, брачного наряда могут существовать летний, осенний или зимний наряды [Рябицев 2008: 8].

Орнитоморфонимы с компонентом-колоронимом

На основании орнитонимических исследований ученые делают вывод о том, что орнитонимы-колоронимы, появившиеся в результате «подобия в передаче зрительных ощущений» [Вежбицкая 1996: 234] какому-либо цвету спектра, занимают доминирующие позиции среди прочих номенов в английском и тюркских языках [Гинатулин 1973: 25, Сетаров 1984: 15]. В русском языке морфонимы-колоронимы составляют примерно 30% из 460 родовых имен [Лебедев 2009: 175].

Орнитономен содержит компонент-колороним и в видовом прилагательном, и в родовом имени или его части. Если родовые имена, как правило, фиксируют общую соматику птицы, то видовые эпитеты уточняют цвет или рисунок ее оперения [Jobling 2010: 11]. В целом видовые эпитеты отражают отличительные признаки близких видов по внешнему облику, окраске и другим морфологическим параметрам, например, *краснозобый, большой, хохлатый* и т.п. [Коблик, Фридман 2013: 865].

Таким образом, доминирующая окраска оперения птицы в орнитономене представлена видовым эпитетом. Далее приведены некоторые примеры цветовых эпитетов, характеризующих виды, самцы и самки которых внешне неразличимы или эти различия выражены слабо (при слабо выраженном половом диморфизме эпитеты обозначают доминирующую окраску самца): (англ.) ***tawny*** *pipit*, где *tawny* = рыжевато-коричневый; темно-желтый [Мюллер 1978: 753] – у взрослых птиц общий тон верха светлый коричнево-серый; низа – беловато-рыжий [Брикетти 2004: 201]; (лат.) *Chloris* ***chloris***, где *chlōris* = греч. *χλωρίς* < греч. *χλωρός*, зеленый, зеленовато-желтый [ЛРС 2008: 138] – это желтовато-зеленая птичка размером с воробья [Демянчик 2003: 372] (всего 1 лат., 7 рус., 3 англ., 4 франц. эпитета).

Эпитеты-колоронимы, характеризующие виды, отмеченные половым диморфизмом, указывают на доминирующую окраску оперения самца: (рус.) *горихвостка-****чернушка*** – второй элемент составного наименования в роли эпитета, (англ.) ***black*** *redstart*, где *black* = черный [LDOCE 2006: 141], (фр.) *rougequeue* ***noir***

(черный) – самец характерного облика с пепельно-черной тональностью оперения, контрастирующей с рыжеватым хвостом [Брикетти 2004: 217] (всего 4 лат., 2 рус., 3 англ., 6 франц. эпитетов).

Видовые прилагательные ряда номенов, претендуя на обозначение окраски всей птицы, по сути, фиксируют только окраску части тела. Рассмотрим примеры вида, не имеющего внешних различий: (лат.) *Motacilla* ***alba***, где *alba* /*albus* = белый [ЛРС 2008: 44], (рус.) ***белая*** *трясогузка*, (англ.) ***white*** *wagtail* – окраска низа тела птицы (у самца лоб, бока головы и шеи, а также вся нижняя сторона тела (за грудью) чисто-белые [Бёме 2006: 129]), (фр.) *bergeronnette* ***grise***, где *grise* = серая [НФРС 2008: 502] – окраска верха тела и боков [Брикетти 2004: 207, Бёме 2006: 129] (всего 7 лат., 2 рус., 6 англ., 8 франц. эпитетов).

У видов с ярко выраженным половым диморфизмом эпитет характеризует окраску самца, указывая при этом на преобладающий цвет части тела: (лат.) *Acanthis* ***flammea***, где *flammea, flammeus,* пылающий, яркий; ярко-красный < *flamma* = пламя, огонь [ЛРС 2008: 329], (фр.) *sizerin* ***flammé***, где *flammé* = похожий на пламя, яркий [НФРС 2008: 447] < лат. *flamma* – в эпитетах отражается окраска передней части тела и головы самца [Рябицев 2008: 572] (всего 4 лат., 1 рус., 1 англ., 3 франц. эпитета).

Эпитеты-колоронимы могут указывать на общий рисунок оперения (*полосатый, пестрый* и т.п.). Примеры вида со слабо выраженным или отсутствующим половым диморфизмом: (лат.) *Muscicapa* ***striata***, где *striata, striātus* = бороздчатый, изборожденный морщинами (в данном случае черточками или пестринами) [ЛРС 2008: 729, 730], (англ.) ***spotted*** *flycatcher* (пятнистый, крапчатый) – на голове и груди хорошо заметны продольные черточки [Демянчик 2003: 342] или темные продольные крапинки по светло-серому фону [Кайгородов 2006: 284] (всего 2 лат., 3 англ., 3 франц. эпитета).

У птиц, которым присущ половой диморфизм, эпитет (в данном случае в его роли выступает второй элемент составного названия) характеризует рисунок оперения самца: (рус.) *мухоловка-****пеструшка*** – у самца верх тела блестяще-черного цвета, низ белый [Брикетти 2004: 256] (всего 1 рус. эпитет).

Окраска части тела также характеризуется эпитетом-колоронимом. Рассмотрим примеры вида, не имеющего внешних различий: (англ.) ***red-billed*** *chough*, где *red-billed* < *red*, красный + *bill-*(*ed*), клюв = красноклювая [LDOCE 2006: 1374, 135], (фр.) *crave* ***à bec rouge***, где *bec* = клюв; *rouge* = красный, алый или ярко-рыжий [НФРС 2008: 105, 944] – узнается по удлиненному и изогнутому клюву, имеющему, как и лапы, красный цвет [Брикетти 2004: 279] (всего 2 рус., 1 англ., 3 франц. эпитета).

У видов с выраженным половым диморфизмом эпитет характеризует окраску оперения части тела самца: (лат.) *Sylvia* ***atricapilla***, где *atricapilla, atricapillus* < *āter*, темный, черный + *capillus*, волосы [ЛРС 2008: 86, 119, Jobling 2010: 59], т.е. букв. черноволосая, (рус.) *славка-****черноголовка*** – в роли эпитета выступает второй элемент составного наименования, (фр.) *fauvette* ***à tête noire*** (с черной головой) – почти сплошь пепельно-серая птичка, с черной «шапочкой» – у самца [Кайгородов 2006: 235] (всего 4 лат., 2 рус., 3 англ., 2 франц. эпитета).

Имеет место метафорическое описание доминирующего цвета оперения эпитетом-колоронимом, когда в качестве цветового эталона выбирается более известный представитель орнитофауны. Так, указание на окраску, сходную с соловьиной, получает один из видов сверчка: (лат.) *Locustella* ***luscinioides***, (рус.) ***соловьиный*** *сверчок*, (фр.) *locustelle* ***luscinioïde***, где *luscinioïde* < лат. *luscinioides* = подобный соловью [ЛРС 2008: 461, Jobling 2010: 233] – довольно похож на соловья [Рябицев 2008: 440]. В качестве эталона может выступить характерная окраска какого-либо зверя: (рус.) *камышовка-****барсучок*** – хорошо узнается по полосатой голове, чем-то действительно напоминающей голову барсука [см. Ковшарь 1983] (всего 3 лат., 3 рус., 3 англ., 3 франц. эпитета).

Встречаются эпитеты, осуществляющие перенос цвета артефакта или антропообраза на окраску оперения вида: (лат.) *Luscinia* ***svecica***, где *svecica* = шведская < совр. лат. *Suecicus*, шведский – указание на окраску грудки самца, сходную с цветами флага Швеции (в XVII-XVIII вв. желтый цвет на флаге имел в большей степени оранжевый или рыжий оттенок) [Jobling 2010: 375]; (фр.) *chardonneret* ***élégant***, где *élégant* = изящный, элегантный [НФРС 2008: 366] –

указание на сходство щеголеватого внешнего облика птицы с элегантно одетым человеком – щегол <…> держится <…> всегда стройно, красиво и грациозно и вообще производит впечатление, как будто осознает свою красоту [Кайгородов 2006: 111] (всего 1 лат., 2 франц. эпитета).

Далее представлены примеры родовых имен, несущих представление о доминирующей окраске оперения вида. См. колоронимы вида со слабо выраженным половым диморфизмом: (рус.) *обыкновенная* ***зеленушка*** < *зеленый* + суффикс *-ушк*, (англ.) *European* ***green****finch*, где *green* = зеленый [LDOCE 2006: 710], т.е. зеленый вьюрок, (фр.) ***verdier*** *d'Europe* < *vert, -e*, зеленый + суф. *-ier* < лат. *viridis*, зеленый [НФРС 2008: 1109] – имеет оливково-зеленое общее оперение [ЖЖ 1986: 457] (всего 2 лат., 3 рус., 2 англ., 9 франц. родовых имен).

У видов с выраженным половым диморфизмом родовое имя фиксирует окраску оперения самца, как например: (англ.) *common* ***rose****finch*, где *rose* = розовый [LDOCE 2006: 1432], т.е. розовый вьюрок, (фр.) ***roselin*** *cramoisi* < франц. *rose,* розовый + суф. *-(el)in*; [НФРС 2008: 943] – за преобладание красного цвета этих птиц называют красными, или лесными, воробьями [Бёме 2006: 91] (всего 2 лат., 3 англ., 1 франц. родовое имя).

Родовое имя также несет информацию об окраске части тела. См, например, названия вида со слабо выраженным или отсутствующим половым диморфизмом: (рус.) ***белобровик*** – наличие широкой белой или слегка охристой брови [Рябицев 2008: 523], (англ.) ***redwing*** < *red,* красный, рыжий + *wing,* крыло [LDOCE 2006: 1374, 1891] – бока тела и подмышечные перья яркого ржавчато-рыжего цвета [Бёме 2006: 105] (всего 2 лат., 1 рус., 4 англ., 1 франц. родовое имя).

Примеры родовых имен, фиксирующих окраску оперения части тела, у видов с выраженным половым диморфизмом: (англ.) ***bluethroat,*** где *blue* = синий, голубой + *throat* = горло [LDOCE 2006: 152, 1730], (фр.) ***gorgebleue***, где *gorge* = горло + *bleue* = голубой, синий [НФРС 2008: 492, 118] – у самца роскошное яркое пятно голубого цвета, затрагивающее горло и грудь [Брикетти 2004: 216] (всего 2 лат., 2 рус., 5 англ., 3 франц. родовых имени).

Ряд родовых названий птиц позволяет образовывать отсубстантивные прилагательные, как например: (рус.) *ворон → вороной* (сплошной черный – о конской масти), ср. англ. *raven* / *raven black* (черный с блестящим отливом); *канарейка → канареечный,* ср. англ. *canary yellow* (ярко-желтый), *соловей → соловый* (желтоватый – о конской масти), *скворец → скворцовый* (темного цвета, с мелкой, белесоватой рябью); (фр.) *pie* (сорока) → *pie* (сорочий, т.е. пегий или черно-белый), *grive* (дрозд) → *grivelé* (пятнистый, крапчатый) / *grivelure* (серо-бело-коричневая масть или пятнистость), *colombe* (голубь) → *colombin* (голубиный, сизый). Оторнитонимные эпитеты, призванные характеризовать птиц по окраске, сходной с окраской обладателя исходного орнитонима, не имеют широкого распространения и являются сугубо научной идентификацией вида, к которому применяются, например, (рус.) *дроздовидная* камышовка, (фр.) rousserolle *turdoïde*; (англ.) *thrush* nightingale; (рус.) *соловьиный* сверчок, (фр.) locustelle *luscinioïde*; (англ.) *pied* wagtail (британский подвид белой трясогузки); (англ.) European *pied* flycatcher.

Важно отметить, что в английском языке многие птицы, имеющие контрастное черно-белое оперение, получают эпитет *pied* либо составной элемент *magpie* (сорока) к родовому имени, например, *pied woodpecker, pied oystercatcher, magpie diver, pie-finch* и т.п. При этом исходные орнитонимы, производящие дериваты-колоронимы, могут не иметь цветового признака в основе своей номинации.

Орнитоморфонимы, характеризующие телосложение и другие морфологические особенности птицы

К орнитоморфонимам, помимо колоронимов, относятся бинарные номинации, отмечающие характерную деталь части тела птицы.

Видовой эпитет, как правило, фиксирует наиболее заметный признак, по которому вид легко распознается. Это может быть наличие хохолка, длинного хвоста, «бороды» или «усов», «рожек», большого, длинного или перекрещенного клюва и т.п. Далее представлены некоторые эпитеты, характеризующие виды по

указанным признакам: (лат.) *Galerida* ***cristata***, где *cristatus, a*, хохлатый, -ая < *crista* = хохолок или гребень у птиц [ЛРС 2008: 210], (рус.) ***рогатый*** *жаворонок* – назван так за пучки из перьев в виде рожков по бокам темени [Мензбир 1904–1909: 145]; (фр.) *mésange* ***à longue queue***, где *longue queue* = длинный хвост [НФРС 2008: 618, 864], т.е. синица с длинным хвостом (всего 6 лат., 4 рус., 4 англ., 5 франц. эпитетов).

Наличие у птицы хохолка, длинного хвоста, крупного, крепкого, острого или загнутого клюва находит отражение в таких родовых именах, как например, (лат.) ***Galerida*** *cristata*, где *galerida = galerita* < *galērītus, a* / *galērīus* = хохлатый, -ая < *galērum* /*galērus, ī*, меховая шапка < *galea, ae*, шлем; хохолок [ЛРС 2008: 343–344, Jobling 2010: 169]; (рус.) *обыкновенный* ***дубонос***, где *дубонос* < *дуб* (овый) + *нос* (= клюв) – птица с очень большим и крепким клювом (всего 4 лат., 1 рус., 2 англ., 3 франц. родовых имени).

Наблюдаются морфонимы, связанные по своей сути с окраской части тела. Иллюстрациями подобных родовых имен могут служить: (лат.) ***Bombycilla*** *garrulus*, где *bombycilla* < лат. *bombyx, -ycis*, шелк < греч. *βόμβυξ*, шелкопряд; шелк + соврем. лат. *cilla*, хвост; букв. *шелковый хвост* [Valpy 1828: 54, ЛРС 2008: 105], (англ.) ***waxwing*** = воскокрыл < *wax*, воск + *wing*, крыло [Мюллер 1978: 832, 844]. Орнитоним построен на метафорическом переносе, связывающем элемент окраски хвоста свиристеля с шелковой материей в латинском языке – светлая полоска на конце хвоста ярко-желтая, с красными кончиками на каждом пере [Кайгородов 2006: 295–296], а элемент в окраске крыльев с воском в английском языке – ярко-красные, похожие на восковые, пластинки на концах второстепенных маховых перьев [Райт 2006: 239] (всего 2 лат., 1 рус., 1 англ., 1 франц. родовое имя).

Примеры видовых эпитетов, отмечающих окраску части тела птицы: (англ.) ***hooded*** *crow*, где *hooded* < *hood* (капюшон) [Мюллер 1978: 361], букв. *в капюшоне* – метафорический перенос с антропологической реалии – у серой вороны голова черного цвета (как будто в капюшоне), а туловище серое [Рябицев 2008: 424]; (лат.) *Saxicola* ***torquata***, где *torquata* < лат. *torquātus, -a* [*torques / torquēs*, ожерелье], украшенный ожерельем [ЛРС 2008: 777] – указание на характерную внешность

самца, у которого черная голова с белым ошейником [Рябицев 2008: 495] (всего 2 лат., 1 англ., 2 франц. эпитета).

Форма когтя отмечена только в одном случае: (лат.) ***Plectrophenax*** *nivalis*, где *plectrophenax* < синонимичное родовое имя *plectrophanes* < греч. *ρλήκτρον* = петушиная шпора (возможно, отросток на крыле или лапе у птиц) + *φανεξ* = показывающий, *φαίνω, φανώ* = показывать, обнаруживать; греч. *φέναξ* = замена, замещение [Вейсман 1899: 1304, Jobling 2010: 310], т.е. замена петушиной шпоры или отростка на крыле / лапе, либо птица, чья шпора (отросток на лапе) длиннее, чем у других – у пуночек длинный (длиннее самого пальца) и сильно изогнутый задний коготь [Рябицев 2008: 609, Дементьев, Гладков 1954 (5): 509].

Такой русский орнитоним, как ***ополовник*** указывает на характерную деталь части тела посредством метафорического переноса. Название этой синице дано благодаря очень длинному хвосту и округлой форме тельца, в совокупности напоминающим известную круглую ложку с очень длинной ручкой, которая на русских кухнях называется ополовником, или чумичкой [Кайгородов 2006: 60, Сетаров 1984: 25].

В качестве примера морфонима, характеризующего телосложение птицы, представим русское родовое имя ***пухляк*** < *пухнуть, пухлый* = вздутый, раздутый или толстый [Даль 1982 (3): 544] – в сильные морозы, предельно съежившись, напоминает пуховый шарик [Демянчик 2003: 266]. Метафорическую основу содержит составная часть английского родового имени для снегиря *Eurasian* ***bull****finch*, где *bull* = бык [Мюллер 1978: 103] – вероятно, назван так по форме головы и шеи [см. OED 2001-2024] либо из-за крупной головы и коренастого телосложения [Swainson 1886: 66] или же из-за более крупных размеров по сравнению с другими вьюрковыми.

К морфонимам, отмечающим большую или малую величину птицы, в основном относятся видовые эпитеты, например, (лат.) *Parus* ***major*** (бóльший), (рус.) ***большая*** *синица*, (англ.) ***great*** (большой) *tit* – это самый крупный вид в роде синиц; длина тела варьируется от 13 до 17 см. [Демянчик 2003: 258, Рябицев 2008: 547]. Схожие виды, различающиеся величиной, имеют соответствующий эпитет

перед родовым именем: (англ.) *whitethroat* и ***lesser*** (малый) *whitethroat* – славка-мельничек мельче садовой, серой и ястребиной славок [Демянчик 2003: 326, Кайгородов 2006: 243] (всего 2 лат., 2 рус., 4 англ., 3 франц. эпитета).

4.2.2. Орнитофононимы

В большинстве случаев номинацией в виде фононима «награждаются» малодоступные для наблюдения представители орнитофауны. Благодаря голосу вид поддается идентификации и получает номен, основанный на звукоподражании, которое может быть передано при помощи приблизительного звукосочетания для наиболее типичной вокализации вида или отзвукоподражательным дериватом. Основу номена также составляет субъективная оценка воспринимаемой вокализации.

В орнитономене фононим может присутствовать в составе видового эпитета и в родовом имени или же его части. На примере латинской научной номенклатуры отмечено, что многие эпитеты описывают звучание голоса или призывные сигналы, хотя не меньшее количество эпитетов-фононимов остаются неясными по своему происхождению [Jobling 2010: 15].

Орнитофононимы со звукоподражательными корнями в основе номинации

Фононимы, отражающие видовой крик птицы в виде звукосочетания в составе родового имени, немногочисленны: (англ.) ***crow*** (2 рассмотренных вида имеют это родовое имя) < резкое, раскатистое *krra krra krra*; как вариант громкое, хриплое *kraah* [Snow, Perrins 1998 (2): 1480] → ст.-сакс. *krāia* → англосакс. *crawe* [Skeat 1967: 121]; (рус.) ***чиж*** < жалобный позыв – *чижи́и*; в полете – характерный голос – *чижии* [см. Мальчевский и др. 1972] (всего 1 рус, .3 англ. родовых имени).

Фразы демонстративной песни в качестве компонента-фононима обнаруживаются как в родовых именах, так и в видовых эпитетах, например: (рус.) *пеночка-**теньковка*** < громкая песня, состоящая из отдельных четких чистых слогов *тень-тюнь-тень-тинь*... (около 15 раз), несколько меняя тональность почти

на каждом слоге [Мальчевский 1994: 523], (англ.) ***chiffchaff*** < серия повторяющихся, меняющиеся по тональности чистых нот, которые передают как *chiff* и *chaff* [Snow, Perrins 1998 (2): 1339, Peterson at al 2004: 201] (всего 1 лат., 2 рус., 1 англ., 2 франц. родовых имени).

Для видов, чья демонстративная песня состоит из чередования позывов, за основу фононима можно принять как видовой крик, так и песенную фразу, совпадающую с ним: (рус.) ***чечетка*** < призывный крик, звучащий как *чи-чи-чи* или *чет-чет* [Кайгородов 2006: 122] – песня весьма примитивна и состоит из мало музыкальных, повторяющихся звуков, вроде *че-че-чет* [Бёме 2006: 65, Второв, Дроздов 1980: 200] (всего 1 рус. родовое имя).

Орнитонимы, формирующиеся с опорой на семантику звукоподражательных корней, могут быть ориентированы как на видовой призывный крик птицы, так и на звучание ее демонстративной песни. Компонент-фононим в данном случае предстает в виде производного образования от звукоподражательного глагола и выражается посредством родового имени или видового эпитета. Некоторые примеры родовых имен, содержащих представление о видовом призывном крике птицы: (лат.) ***Garrulus*** *glandarius* < лат. *garrio, garrīre* = болтать, кричать [ЛРС 2008: 344], т.е. букв., болтун, крикун – сойка очень криклива, можно слышать громкое трескучее *кжжееек*; подражает голосам других птиц [Рябицев 2008: 415, Кайгородов 2006: 308]; (фр.) ***jaseur*** *boreal* < *jaser* < прованс. *gasar* герм. происхождения + суф. *-eur* [см. TLFi 2024], букв. болтун, щебетун [НФРС 2008: 578] – свиристели беспрестанно перекликаются между собой, а их тихая, щебечущая песня включает трель *zhreee* [Peterson et al 2004: 171] (всего 2 лат., 1 рус., 2 франц. наименования).

Нижеследующие фононимы опираются на звукоподражательные глаголы, отражающие характер звучания отдельных песенных фраз или песни в целом: (англ.) ***warbler*** (14 рассмотренных видов имеют это родовое имя), т.е. птица, которая издает трели; певчая птица < *warble* = издавать трели, петь (о птицах) [Мюллер 1978: 827]. Такое научное обобщение существует несмотря на то, что

каждый вид, продуцируя трели, делает это на свой индивидуальный манер. (всего 2 рус., 14 англ. наименований).

В ряде орнитономенов наблюдаются пограничные случаи отражения видового призывного крика или песни, демонстрируемые родовыми именами. Фононим одновременно связан с передачей вокализации посредством звукосочетания и с ономатопоэтическим глаголом, как например: (рус.) ***грач*** < *гракать, граять*, т.е. каркать, шумно играть, оглушая криком [Даль 1981 (1): 390–391, Преображенский 1910–1914 (1): 156] / < басистое *гра* или *краа* [Флинт и др. 2001: 162] – вполне допустимо чередование начальных *к* и *г* в восприятии крика грача: *кра* или *гра* (всего 5 рус., 6 англ., 8 франц. родовых имен).

В английских номенах *whin**chat*** и *stone**chat*** сочетаются компоненты бионим и фононим. Компонент-фононим, ориентированный на передачу призывного крика с помощью звукоподражательного глагола, в то же время тесно связан с впечатлением от производимого сигнала. По-видимому, орнитонимы происходят от копирования резкого звука, напоминающего удар камня о камень *chat* или *check*, а не от глагола с основой *chat* – основной призывный сигнал лугового чекана: резкое *tec tec, tack, teck* [HBE 1988: 728–729], а у черноголового чекана *wheet, tsack-tsack*, уподобляемый ударам камешек друг о друга [Peterson et al 2004: 176].

Орнитофононимы, содержащие субъективную оценку воспринимаемой вокализации

Оценка голосовых данных птицы закрепляется орнитонимом в виде впечатления об основной вокализации, которое в большей степени находит свое выражение в видовых эпитетах, в меньшей степени – в родовых именах. Примерами родовых имен, имеющих в основе оценку демонстративной песни, могут послужить следующие фононимы: (англ.) *hedge* ***accentor***, (фр.) ***accenteur*** *mouchet* < лат. *accentor* = тот, кто поет с кем-то, вторит < *ac-* (в значении *ad-*, с) + *cantus*, пение < *cano, canere*, петь [Skeat 1967: 3] или тот, кто запевает, из-за особенности демонстрировать отрывистые и неритмичные модуляции голоса во

время пения [Vincelot 1867: 230] (всего 3 лат., 4 рус., 1 англ., 4 франц. родовых имени).

К эпитетам, отражающим впечатление от видового призывного крика птицы, относятся: (фр.) *pie* ***bavarde***, где *bavard, -e* = болтливый [НФРС 2008: 104] – очень шумная птица, известная своей «болтовней» [см. Oiseaux.net 2024]; (лат.) *Bombycilla* ***garrulus*** < лат. *garrio, garrīre* = болтать, щебетать, насвистывать; применено К. Линнеем к свиристелю из-за его поразительного сходства с сойкой (*Garrulus glandarius*) (всего 1 лат., 1 франц. эпитет).

Представим эпитеты, несущие общую оценку птичьего пения: (лат.) *Phylloscopus* ***collybita*** < лат. *collybista,* меняла (> греч. *κόλλῠβιστής,* меняла > *κόλλῠβος,* мелкая монета [Вейсман 1899: 719]) – указывает на песню, напоминающую звон монет [Jobling 2010: 114]; (англ.) ***thrush*** *nightingale*, где *thrush* = дроздовый – песня обыкновенного (восточного) соловья отличается большей мощностью, торжественностью, звучностью и приближается в этом отношении к характеру песни певчего дрозда [Кайгородов 2006: 211] (всего 2 лат., 2 рус., 3 англ., 3 франц. эпитета).

Следующие видовые эпитеты могут передавать впечатление как от видового призывного крика, так и от демонстративной песни. Это обусловлено тем, что обе основные вокализации содержат грубые ноты, напоминающие по характеру трескучий голос дроздов: (рус.) ***дроздовидная*** *камышовка*, (франц.) *rousserolle* ***turdoïde***, где *turdoïde* = подобный дрозду < лат. *turdus, ī* дрозд + лат. суффикс *-oides,* напоминающий, подобный [Вейсман 1899: 371, ЛРС 2008: 791, Jobling 2010: 392]; возможно, *turdoïde* это диминутив от лат. *turdus, ī* дрозд, и означает *маленький дрозд*, поскольку этот вид камышовки долгое время относили к дроздам [Vincelot 1867: 192]. Следует отметить, что данные видовые эпитеты представляют собой сочетание двух компонентов: фононима и морфонима, т.к. указывают не только на некоторое сходство с дроздом по голосу, но и по внешнему виду (большой размер, общая окраска оперения, длинный и сильный клюв).

4.2.3. Орнитонимы с компонентами бионимом, фагонимом и эргонимом

Орнитономены с компонентом-бионимом достаточно распространены, что связано с разнообразием биотопов, пригодных для обитания и гнездования птиц. Состав классических латинских эпитетов, связанных со средой обитания видов, пополнился на волне изучения экологии птиц, что вызвало к жизни большое количество специфических номенов, указывающих на биотоп (Fringilla *montifringilla*), вид растительности, используемой при гнездовании (Acrocephalus *arundinaceus*), способ постройки гнезда (Troglodytes *troglodytes*). Также появились латинские родовые имена обобщающего характера, причем некоторые из них не вполне соответствуют биологии видов [Jobling 2010: 15].

Орнитономены, содержащие компонент-фагоним, отмечают как излюбленный корм вида, так и способ его добычи. Так, например, многие виды воробьиных летом питаются различными насекомыми, а осенью и зимой переключаются на плоды и ягоды. При этом часть воробьиных птиц считается преимущественно зерноядными (*коноплянка, просянка*), а другая часть – преимущественно насекомоядными (*flycatcher*).

Орнитономены с компонентом-эргонимом отражают в научных номинациях различные повадки, свойственные птицам, в том числе время появления видов в местах гнездования.

Орнитобионимы, указывающие на биотоп, или ландшафтную приуроченность вида

В качестве основной характеристики биотопа, избираемого птицей для обитания, выступают видовые эпитеты. Это прослеживается во всех рассматриваемых языках: ***лесные обитатели***: (англ.) ***wood*** *lark*, где *wood* = лес [Мюллер 1978: 847] – обитает в светлых негустых лесах [Рябицев 2008: 379] (всего 2 рус., 2 англ., 1 франц. эпитет); ***обитатели гор***: (рус.) ***горная*** *трясогузка* – связана с горными речками [Мензбир 1904–1909: 126] (всего 3 лат., 2 рус. эпитета); ***обитатели степи***: (рус.) ***степной*** *конёк* – населяет главным образом влажные

степи [Рябицев 2008: 383] (всего 2 рус. эпитета); ***обитатели полей***: (фр.) *alouette* ***des champs*** = мн. ч. < *champ* = поле, нива [НФРС 2008: 175] – водится везде, где есть равнины с обработанными полями [Кайгородов 2006: 160] (всего 2 лат., 3 рус., 1 франц. эпитет); ***обитатели лугов***: (фр.) *tarier* ***des prés*** < *pré* = луг [НФРС 2008: 829] – поселяется на лугах с редкими кустарниками [Брикетти 2004: 219] (всего 1 лат., 2 рус., 1 англ., 1 франц. эпитет); ***обитатели берегов водоемов и околоводных пространств***: (лат.) *Riparia* ***riparia*** < *rīpārius*, береговой, прибрежный < *rīpā, ae* = берег реки [ЛРС 2008: 673] – гнездится на обрывах по берегам водоемов [Колоярцев 1989: 190] (всего 2 лат., 1 рус., 3 англ., 3 франц. эпитета); ***обитатели болот***: (англ.) ***marsh*** *warbler*, где *marsh* = болото [Мюллер 1978: 458] – сохраняет тесную связь с поймами рек, озер, болот и другими водоемами [Симкин 1990: 266] (всего 2 лат., 1 рус., 2 англ. эпитета); ***обитатели садов***: (рус.) ***садовая*** *славка*, (англ.) ***garden*** *warbler*, где *garden* = сад [Мюллер 1978: 314] – любимыми местами пребывания считаются сады и парки [Кайгородов 2006: 241] (всего 1 лат., 2 рус., 2 англ., 2 франц. эпитета); ***обитатели сельской местности***: (лат.) *Hirundo* ***rustica*** < *rūsticus*, деревенский, сельский < *rūs, rūris* = деревня, село [ЛРС 2008: 678] – гнездится в населенных пунктах с ярко выраженным сельским обликом [Колоярцев 1989: 143] (всего 1 лат., 1 рус., 1 франц. эпитет); ***обитатели городского ландшафта***: (лат.) *Delichon* ***urbica*** < *urbicus*, городской < *urbs, urbis* = город, окруженный стеной [ЛРС 2008: 798], (рус.) ***городская*** *ласточка* – гнездится преимущественно в городах [Кайгородов 2006: 269] (всего 1 лат., 1 рус. эпитет).

На среду обитания или приуроченность к определенному биотопу в родовых именах латинского языка указывают такие суффиксы, как *-manes* (очень любящий, привязанный к), *-bates* (гуляющий по какой-либо местности), *-philus* (любящий), *-cola* (обитатель какого-либо ландшафта) и ряд других, например, ***Eremophila*** *alpestris* < греч. *ἐρημοφιλος* < *ἐρημος, ἐρημια,* пустыня + *φιλέω*, любить [Jobling 2010: 148, Вейсман 1899: 527, 1314] (всего 10 лат., 2 рус. родовых имени).

Орнитобионимы, указывающие на вид растительности, избираемый для гнездования

Виды, чьей средой обитания, являются лес, парк, сад или околоводные пространства, могут различаться по предпочтениям того или иного вида растительности, служащего в качестве основного местопребывания, а чаще всего для устройства гнезда птицы. Эти предпочтения закрепляются видовыми эпитетами и родовыми именами, которые возможно сгруппировать, начиная с наиболее общего показателя местообитания – *древесный*, *кустарниковый*, заканчивая номинациями, указывающими на конкретный вид растительности (*сосна, ива, камыш, тростник* и т.д.).

Так, приуроченность к деревьям демонстрируется следующими эпитетами: (англ.) ***tree*** *pipit*, где *tree* = дерево [Мюллер 1978: 783], (фр.) *pipit* ***des arbres***, где *arbre* = дерево [НФРС 2008: 61] – лесной конек обитает в глубине сухих типов лесов [Демянчик 2003: 350] (всего 1 лат., 2 англ., 2 франц. эпитета). Предпочтения, связанные с определенным видом деревьев или другой растительности, отмечены в таких орнитонимах как: (рус.) *клёст-**еловик*** – размножение клеста связано с урожаем семян хвойных деревьев, в особенности ели [Брикетти 2004: 299]; (англ.) *Eurasian* ***reed*** *warbler*, где *reed* = тростник, камыш [Мюллер 1978: 618] – гнездится в густых зарослях тростников и камышей [Симкин 1990: 258] (всего 4 лат., 3 рус., 7 англ., 4 франц. эпитета; 2 лат., 4 рус., 1 франц. родовое имя).

Пример двойственной интерпретации родового имени представлен английским номеном ***brambl****ing* (бионим + фагоним) < англ. *bramble* = ежевика; ежевичник [LDOCE 2006: 173] – название юрка указывает на его гнездование в колючих кустарниках [GALE 2003 (11-IV): 330]; также птица может питаться ягодами ежевики – в конце лета, осенью и зимой кормятся семенами и ягодами [Демянчик 2003: 392].

Орнитобионимы, указывающие на место гнездования, не связанное с растительностью

Виды, обитающие в ландшафтах, отличных от лесных или парковых, находят места для гнездования в человеческих постройках, на земле, среди камней, песка и т.п. Такие местообитания также закрепляются в языке при помощи соответствующих эпитетов и родовых имен.

Примеры видовых эпитетов, номинирующих человеческие постройки, избираемые птицами для гнездования: (англ.) ***barn*** *swallow*, где *barn* = амбар, сарай – деревенская ласточка часто гнездится в хозяйственных строениях [Колоярцев 1989: 139], (фр.) *choucas* ***des tours*** = мн. ч. < *tour* = башня, высотное здание [НФРС 2008: 1064] – за гнездование в старых башнях галка получила прозвище *башенная крикунья* [Константинов и др. 2000: 21] (всего 1 лат., 1 рус., 4 англ., 4 франц. эпитета).

В родовом имени пуночки (семейство овсянковые) присутствует указание на место обитания и питания птицы близ человеческих построек (компонент-бионим + фагоним): (рус.) ***пуночка*** < *пуня* (*пунька*) = амбар, сеновал, хлев [Фасмер 2004 (3): 407] или *пуня* = глухой сарай для корма, мякины [Преображенский 1910–1914 (2): 153]; *пуночка = амбарница, сарайница* – названа за обитание зимой у мест, где хранили зерно или сено [Лебедев 2009: 253].

К номенам, в составе которых заложен признак, связанный с гнездованием в камнях, на земле или в песке, относятся, например: (лат.) ***Saxicola*** (2 рассмотренных вида имеют это родовое имя) < лат. *saxum, -ī*, скала, камень, глыба + лат. *colo, colere*, обитать, жить, населять [ЛРС 2008: 688, 158], т.е. тот, кто живет в камнях (всего 1 англ., 1 франц. эпитет; 2 лат., 1 рус. родовое имя).

Орнитобионимы, указывающие на способ гнездостроительства

Среди орнитономенов обнаружено небольшое количество эпитетов и родовых имен, относящихся к характеристике гнездового строительства. Сюда относятся, например: (лат.) ***Troglodytes troglodytes***, которое заимствовано из латинского *Trōglodytae*, полудикое племя в Эфиопии, обитающее в пещерах < греч.

τρωγλο-δύτης < *τρώγλη*, нора, отверстие + *δύτης* (*δύω*), нырок, водолаз, т.е. погружающийся в отверстие или нору [Dauzat et al 1964: 768], (фр.) ***troglodyte mignon*** – название крапивника метафорически связано со строением его гнезда, вход в которое напоминает вход в пещеру [Райт 2006: 141] (всего 2 лат., 1 англ., 1 франц. эпитет; 1 лат.,1 франц. родовое имя).

Орнитофагонимы, указывающие на особенности рациона птицы

Несмотря на то обстоятельство, что большинство воробьиных птиц варьируют свой рацион в зависимости от времени года, номены отражают их излюбленный корм.

Примерами эпитетов, несущих информацию о пищевых предпочтениях вида в составе названия, служат следующие: (лат.) *Garrulus* ***glandarius*** < лат. *glāns*, жёлудь [ЛРС 2008: 349], (фр.) *geai* ***des chênes*** = мн. ч. < *chêne* = дуб [НФРС 2008: 185] – в местностях, где растут дубы, излюбленный корм соек – желуди [Рябицев 2008: 416] (всего 3 лат., 3 англ., 3 франц. эпитета).

Родовые имена также закрепляют представление о доминирующем виде корма, о чем можно судить по корням слов, например: (рус.) ***кедр****овка* < *кедр* – в больших количествах потребляет семена кедровой сосны [Брикетти 2004: 277]; (фр.) ***linotte*** *mélodieuse*, где *linotte* < фр. *lin*, лен + суф. *-otte* < лат. *līnum*, лен [Dauzat et al 1964: 424] – птица кормится семенами льна [Skeat 1967: 296] (всего 3 лат., 7 рус., 1 англ., 2 франц. родовых имени).

В латинском языке фагонимы могут быть идентифицированы по суффиксам *-phagus* (поедающий), *-vorus* (поедающий), *-thēras* (охотник) [Jobling 2010: 15] и некоторым другим, например: *Turdus* ***viscivorus*** < лат. *vīscum, ī*, омела, т.е. поедающий омелу [ЛРС 2008: 827, 833]. В русском языке показателями принадлежности к фагонимам выступают компоненты *-ед, -яд, -сос, -лов*; в английском *-eater*, *-catcher*, однако они не характерны для рассматриваемых номенов (кроме англ. *flycatche*r).

Латинский орнитоним ***Ficedula*** (2 рассмотренных вида имеют это родовое имя), связывающий его обладателей с фиговыми деревьями < *ficus*, смоковница,

фиговое дерево [ЛРС 2008: 325], возникает либо как ошибочное название, либо мог быть дан мухоловкам (пеструшке и малой) в результате обобщения. Многие мелкие воробьиные птицы по осени кочуют в поисках сладких плодов и ягод, а спелые плоды и ягоды привлекают множество насекомых, которых предпочитают мухоловки. Учитывая, что осенью при бескормице многие мухоловки поедают ягоды, а иногда и семена растений [Дементьев, Гладков 1954 (6): 73], латинский номен можно интерпретировать как *птица, встречающаяся в фиговых деревьях*.

Орнитофагонимы, указывающие на способ кормодобывания

Для указания на способ добывания основного корма используются как видовые эпитеты, так и родовые имена. Примером подобных эпитетов может служить: (фр.) *cincle* ***plongeur*** = *ныряющий* < *plonger*, погружаться, окунаться, нырять [НФРС 2008: 806] – ныряют оляпки на глубину до 1-1.5 м и пробегают по дну до 10-20 м, оставаясь под водой до 15-20 с. [Симкин 1990: 86] (всего 1 лат., 2 франц. эпитета). Примеры родовых имен, характеризующих способ кормодобывания: (лат.) ***Phylloscopus*** (4 рассмотренных вида имеют это родовое имя) < греч. *φύλλον*, лист + *σκοπός*, наблюдатель, *σκοπέω*, наблюдать, обозревать [Jobling 2010: 305], т.е. тот, кто наблюдает в листве – пеночки питаются разнообразными насекомыми, отлавливаемыми в кронах деревьев и в воздухе у концов ветвей [Дементьев, Гладков 1954 (6): 157] (всего 6 лат., 1 англ. родовое имя).

Часть родовых имен отражает манеру добывания корма посредством метафорического переноса, например, (фр.) ***bergeronnette*** (3 рассмотренных вида имеют это родовое имя) как диминутив < *bergère*, пастушка, ж. р. < *berger*, пастух + суф. *-on* и *-ette*, т.е. *маленькая пастушка*, метафорически названная так, потому что встречается в овчарнях, где ловит мошкару. Может быть связано с привычкой трясогузок следовать за пастухами, а также за овцами [Vincelot 1867: 239] (всего 3 франц. родовых имени).

Номен может одновременно содержать информацию о способе кормодобывания и о разновидности корма, как например, в следующих видовых эпитетах и родовых именах: (лат.) ***Nucifraga caryocatactes***, где *Nucifraga* < лат. *nux,*

nucis (gen.), орех + *frango, frangere*, ломать, разбивать, раздроблять [ЛРС 2008: 521, 335, 518]; *caryocatactes* < греч. *κάρῦον, κάρυα*, орех, орехи + *κατ-άγνυμι*, ломать, разбивать [Вейсман 1899: 663, 667, Jobling 2010: 92], (англ.) *Eurasian* ***nuthatch*** = *nut-hacker* < *nut*, орех + *hack-er* < фр. *hacher*, разбивать на куски [Skeat 1967: 353, 233] – поползни прячут орешки в трещинах коры, а затем раздалбливают своим крепким клювом [Райт 2006: 262] (всего 5 лат., 1 франц. эпитет; 5 лат., 3 рус., 5 англ., 4 франц. родовых имени).

Орнитоэргонимы, указывающие на время прилета птицы в места гнездования или зимовки

Данной группой орнитономенов маркируется ранний прилет птиц на места гнездования, как то прилет в холодное время или прилет ранней весной.

Русское родовое имя ***зяблик*** < **zeb-* зябнуть [Булаховский 1948: 109, Преображенский 1910–1914 (1): 260] или < общеслав. основа **zebti*, мерзнуть [Черных 1994 (1): 332, Фасмер 2004 (2): 111] – прилетает при первом снеготаянии (всего 1 рус. родовое имя). Латинский видовой эпитет *coelebs*, напротив, изначально связан с особенностями отлета птицы: *Fringilla* ***coelebs*** *(caelebs)* = одинокий, не имеющий подруги (о самце) [ЛРС 2008: 111] – самцы зимуют в северных частях своего ареала, а самки мигрируют дальше на юг [GALE 2003 (11-IV): 329]. Эпитет можно истолковать и применительно к прилету зябликов весной однополыми стаями [ЖЖ 1986: 462] (всего 1 лат. эпитет).

Ранний прилет птицы отмечен русским орнитонимом *пеночка-****весничка*** < *весна* и французским видовым эпитетом для желтой трясогузки *bergeronnette* ***printanière*** = весенний, вешний < *printemps* = весна [НФРС 2008: 841] – птица возвращается к середине апреля [Рябицев 2008: 395, см. Oiseaux.net 2024] (всего 1 рус., 1 франц. эпитет). Орнитонимы-эргонимы отмечают появление птиц на местах зимовок, приуроченное к выпадению первого снега, как например: (рус.) ***снегирь*** < *снег* (всего 1 рус. родовое имя).

В названиях пуночки компонент-эргоним проявляет себя в сочетании с компонентом-морфонимом: (лат.) *Plectrophenax* ***nivalis*** = снежный, белоснежный <

nix, nivis, снег [ЛРС 2008: 513], (англ.) ***snow*** *bunting*, где *snow* = снег [Мюллер 1978: 698], (фр.) *bruant* ***des neiges*** = мн. ч. < *neige* = снег [НФРС 2008: 704] – это кругополярная птица, которая появляется вне пределов своей гнездовой области вместе с первым снегом [Бёме 2006: 85]; при этом самец на зиму становится немного белее, чем в брачном наряде (именно в таком наряде пуночки встречаются зимой по всей Европе) [Демянчик 2003: 394].

Орнитоэргонимы, указывающие на особенность полета птицы

Воробьеобразные характеризуются прерывистым способом передвижения. Это означает, что птица кормится в ветвях или на земле, затем взлетает, пролетает небольшое расстояние, снова садится и продолжает кормиться [Ильичев и др. 1982: 120]. Именно прерывистый тип полета запечатлен латинским эпитетом для пеночки-веснички – *Phylloscopus* ***trochilus*** < греч. *τρόχιλος*, крапивник [ЛРС 2008: 788] < *τρέχω*, вертеться, быстро перепархивать, что характеризует полет всех пеночек [Vincelot 1867: 226– 227, Valpy 1828: 486], равно как и таких мелких птиц, как крапивник; вероятно, перенесено на весничку из-за ее малой величины, практически такой же, как у крапивника. Латинский эпитет ***trochiloides***, данный зеленой пеночке, образован от латинского *trochilus* + латинский суффикс *-oides*, напоминающий, подобный < греч. *εἶδος*, вид, наружность [Вейсман 1899: 371, Jobling 2010: 391], что означает *напоминающий пеночку-весничку*, равно как и других пеночек (всего 2 лат. эпитета).

К сожалению, для большинства орнитономенов признак, связанный с особенностями полета, не является единственно возможной основой номинации, потому рассматривается в сочетании с другими реконструируемыми мотивами.

Орнитоэргонимы, указывающие на время активности птицы

Данную категорию орнитономенов составляют имена и эпитеты с утраченной мотивированностью (кроме родового имени *зарянка*), потому в качестве одного из мотивов номинации отмечается либо утренний пик вокальной активности (для жаворонков), либо ночной пик вокальной активности (для

соловьев). В случае с ***зарянкой*** отмечено начало и окончание демонстративного пения (утренние и вечерние зори) – она почти последняя умолкает вечером и первая встречает пением утреннюю зарю [Кайгородов 2006: 215]. Кроме того, орнитоним может быть связан со словом *зарево* и одновременно указывает на характерный «огненный» цвет в оперении птицы (компонент-морфоним); ср. одно из распространенных народных названий птицы – *малиновка*, также *краснозобка* [Брем 1912 (9): 212].

Орнитоэргонимы, указывающие на особенность подачи демонстративного пения

К данным орнитонимам, например, относится: (лат.) ***Acrocephalus*** (4 рассмотренных вида имеют это родовое имя) < греч. *ακρος*, верхний, крайний, или как существительное = *верх, край, оконечность* + *κεφαλή*, голова [Вейсман 1899: 46, 704, Jobling 2010: 30–31] – названа за особенность подачи демонстративной песни, сидя на верхушке тростника с поднятой вверх головой (всего 1 лат. эпитет и 4 лат. родовых имени).

Орнитоэргонимы, указывающие на особенности телодвижения птицы

Данная группа номенов представлена небольшим количеством родовых имен и видовых эпитетов. Так, например, на подвижный, динамичный характер поведения птицы указывает французский эпитет, относящийся к пеночке-теньковке *pouillot* ***véloce***, где *véloce* = скорый, быстрый [НФРС 2008: 1106]. На самом деле, все без исключения пеночки отличаются быстротой и проворством и находятся в постоянном движении [Бёме 2006: 122, Рябицев 2008: 469] (всего 1 франц. эпитет; 3 лат., 3 рус., 3 англ. родовых имени).

Орнитоэргонимы, указывающие на поведение, связанное с кормодобыванием

Данную группу орнитонимов нельзя отнести к категории фагонимов в чистом виде, поскольку основой для номинации служит признак, ориентированный на движения, совершаемые птицей, в том числе и при добывании пищи. Фактически,

компонент-фагоним присутствует имплицитно, эксплицируется же поведенческая модель, способствующая идентификации вида.

Сюда относится такое родовое имя, как: (рус.) *обыкновенный* ***поползень*** < ц.-слав. *поползатися* / *поползнутися* в значении *скользить* → *ползать* – поползня можно видеть обшаривающим стволы деревьев, по вертикальной поверхности которых он одинаково легко передвигается как вверх, так и вниз головой или боком [Рябицев 2008: 549].

Латинский видовой эпитет *Corvus* ***monedula*** (< лат. *monetula* < лат. *monēta, ae*, монета, деньги + *edo, edere*, есть, кушать [ЛРС 2008: 493, 273, Jobling 2010: 259]) отмечает склонность галки к хищению блестящих металлических вещей, в особенности серебра и золота [Смышляева 2005: 77–78, Орел 2008: 269] (всего 2 лат. эпитета; 1 рус., 1 англ., 1 франц. родовое имя)

4.2.4. Орнитонимы с компонентом-топонимом

Птицы отряда воробьеобразных населяют разнообразные ландшафты почти на всех материках Земли за исключением Антарктики, самых высоких широт Арктики и некоторых уединенных океанических островов [ПЗ 2008: 137]. Многие виды распространены на один или два континента (Евразия и Северная Америка или Евразия и Северная Африка и т.п.). Большинству видов присущи ареалы распространения, охватывающие только часть континента, при этом на зимовках они могут встречаться на других материках [Ильичев и др. 1982: 83].

Орнитонимы с компонентом-топонимом (от греч. *τόπος*, место, местность) содержат имя собственное как индикатор географического объекта, представленного эпитетом. На основе классификации топонимов [Мурясов 2013: 754; Мурясов 2016: 232] выделены орнитонимы 1) с компонентом-гипертопонимом (названия материков, стран, полюсов земного шара), 2) компонентом-макротопонимом (названия столиц государств, крупных регионов или областей, горных систем, рек, островов), 3) компонентом-регионимом (названия населенных пунктов региональной значимости, мелких рек или гор) [Курашкина 2020 (2): 19].

Дополнительно рассматривается группа номенов с указанием на ареал распространения при помощи видового эпитета *обыкновенный*. Иногда его относят к видовым определениям, мотивированным признаками внешнего облика [Коблик, Фридман 2013: 866]. Однако представляется, что определение *обыкновенный* в большей степени связано с распространением птицы по отношению к регионам и странам, например, (англ.) *common* starling – самый типичный, наиболее хорошо всем известный и наиболее широко распространенный представитель семейства; почти повсюду он весьма многочислен и обыкновенен [см. Ковшарь 1983, Кайгородов 2006: 301]. В современной систематике наблюдается отход от обязательного использования эпитета *обыкновенный* или *европейский* в отношении типовых представителей таксонов [Коблик, Архипов 2014: 15]. Данное прилагательное рекомендовано применять при перечислении родственных таксонов (например, *садовая* и *обыкновенная овсянки*, а не *садовая овсянка* и *овсянка*). В настоящем исследовании прилагательные *обыкновенный, европейский, евразийский* и т.п. рассматриваются как компоненты-гипертопонимы как указание на широту распространения номинируемых видов.

Всего отмечено 6 латинских, 18 русских, 31 английский, 7 французских эпитетов с компонентом топонимом.

Орнитонимы с компонентом-гипертопонимом

Подавляющее большинство номенов фиксируют географическую принадлежность видов с помощью таких прилагательных, как (лат.) *europaea*, (англ.) *Eurasian, European*, (фр.) *d'Europe* в роли определения, например, (англ.) ***European*** *greenfinch* или (фр.) *verdier* ***d'Europe*** – зеленушка представляет собой европейский вид, расселившийся по горным лесам и оазисам до Ц. Азии [Рябицев 2008: 562]. Для русской орнитонимики использование определений *европейский* или *евразийский* не характерно. В качестве исключения предстает французский эпитет для северной бормотушки *hypolaïs* ***russe*** (русский), данный малоизвестной во Франции птице. Эпитет характеризует гнездовой ареал вида, связанный с Россией [Peterson et al 2004: 192].

Эпитет, связанный со сторонами света, для рассматриваемых видов маркирует северный ареал распространения, например, (рус.) ***северная*** *бормотушка*, (англ.) ***northern*** *wheatear*, (фр.) *jaseur* ***boreal***, *mésange* ***boréale,*** *pinson* ***du Nord***. Перечисленные виды тяготеют к таежным районам или встречаются в северных европейских странах. Исключение составляет русский эпитет *южный*, или *западный*, применяемый к соловью, обитающему в Западной Европе и в юго-западной части России.

Примером гипертопонима, связывающего птицу с предположительной страной обитания, может служить французское родовое имя: сорокопута *pie-**grièche*** = греческая сорока, где *grièche* < *græca* = греческий. Для сравнения: одно из английских народных наименований серого сорокопута *French magpie* или *French pie*, что буквально означает *французская сорока* [Swann 1913: 89–90] – во Францию сорокопуты прилетают из более южной Греции, а в Англию – из Франции.

Орнитонимы с компонентом-макротопонимом

К данной группе орнитономенов относится латинский видовой эпитет *alpestris* в составе номинации рогатого жаворонка (*Eremophila* ***alpestris*** < лат. *Alpēs* = Альпы или другие высокие горы [ЛРС 2008: 49]). Топооснову для эпитета *alpestris* составляет название известной горной цепи (макротопоним-ороним), т.к. родиной этого вида являются альпийские горы севера Европы [Дементьев, Гладков 1954 (5): 585].

Орнитонимы с компонентом-псевдотопонимом

Когда орнитономены с компонентом-топонимом обнаруживают несоответствие географического эпитета фактическому территориальному распространению вида, их можно отнести к орнитонимам с компонентом-псевдотопонимом, как например, *Panurus* ***biarmicus*** или *Luscinia* ***svecica***.

Эпитет *biarmicus* как часть номена усатой синицы происходит от *Biarmia* – древнескандинавского названия земель, прилегающих к Белому морю; позднее так

называли полумифическую область к северо-востоку от Швеции и Финляндии. Существует версия о том, что данный К. Линнеем топоним ошибочен; возможно, *biarmicus* – это попытка ученого латинизировать название *beardmanica*, данное в 1738 г. английским натуралистом Е. Альбином. В современной интерпретации *biarmicus* = с двумя полосками бороды [Jobling 2010: 71].

Английский эпитет для свиристеля – ***Bohemian*** *waxwing* (богемский) также можно отнести к псевдотопонимам. Так называли птиц, не зная, откуда они неожиданно прилетают огромными стаями, создавая образ неизвестной и далекой северной страны [Vincelot 1867: 180–181]. Птица не имеет отношения к Богемии (королевству, располагавшемуся на территории современной Чехии), а эпитет следует интерпретировать как *богемный*, что представляет собой сочетание компонентов морфонима (внешний вид птицы) и эргонима (отсутствие точных сроков прилета).

4.2.5. Орнитонимы с компонентом-эпонимом

Орнитономены, содержащие в составе указание «на факт причастности некоего лица к описанию какого-либо вида, или же на произвольную связь антропонимического образа с птицей» [Курашкина 2014 (1): 45], образуют группу орнитонимов с *компонентом-эпонимом* (от греч. *ἐπ-ώνῠμος*, названный по имени кого-либо).

Такие номены представляют собой наиболее распространенную форму характеристики видов в латинской научной номенклатуре: около 1/5 всех видовых названий латинского языка признаны «именными» [Jobling 2010: 12]. В роли эпонима могут выступать имена известных или малоизвестных коллекционеров, натуралистов или первооткрывателей видов (Paolo Savi, William Yarrell). В XIX в. имели обыкновение именовать птиц в честь коронованных особ, не оставляя пояснений относительно данных имен. К. Линней поддерживал традицию имянаречения, связанную с мифологией (имена богов и героев античности) или известными топонимами древнего мира. Благодаря ученому появились целые

группы классических и мифологических эпонимов, ассоциирующиеся с различными видами птиц, например, прослеживается прочная связь персонажей из мифа о Пикусе (Picus) с дятловыми птицами или же топонимов и эпонимов древней Аттики с ласточками. В настоящее время появилась традиция именовать открытые подвиды в честь компании или индивидуального предпринимателя, вложивших денежные средства в сохранение данных птиц.

Компоненты-эпонимы, встречающиеся в других языках, представляют собой дословный перевод видовых латинских эпитетов. Так, более 10% английских названий птиц орнитофауны России содержат компонент-эпоним, демонстрируя доминирование англичан в систематике XIX века [Фридман, Коблик 2013: 579].

Орнитонимы с компонентом-эпонимом, связанные с именем первооткрывателя вида, натуралиста или коллекционера

Факт причастности ученого-натуралиста или коллекционера к описанию представителя орнитофауны закрепляется видовым эпитетом. Из рассмотренных номенов только один содержит имя первооткрывателя: (англ.) ***Savi's*** *warbler*. Это итальянский натуралист и минералог Paolo Savi (1798-1871), описавший соловьиного сверчка в 1824 г. [Jobling 2010: 348].

Имена известных натуралистов запечатлены в эпонимах британского подвида белой трясогузки (лат.) *Motacilla alba* ***yarrellii***, (фр.) *bergeronette* ***d'Yarrell*** и одного из видов дроздовых птиц (лат.) *Turdus* ***naumanni***, (рус.) *дрозд* ***Науманна***, (англ.) ***Naumann's*** *thrush*, (фр.) *grive* ***de Naumann.*** Английский зоолог, писатель и натуралист Уильям Ярелл известен как автор трехтомного сочинения «История Британских птиц» (1843), а немецкий натуралист Иоганн Андреас Науманн получил известность благодаря четырехтомной сводке «Естественная история сухопутных и водоплавающих птиц северной Германии и прилежащих земель» [Jobling 2010: 412, 266].

Эпитет-эпоним степного конька содержит имя малоизвестного в настоящее время французского коллекционера – M. Richard, fl. 1815 [Там же: 336]: (лат.)

Anthus ***richardi***, (англ.) ***Richard's*** *pipit*, (фр.) *pipit* ***de Richard*** (всего 2 лат., 1 рус., 3 англ., 2 франц. эпитета).

Орнитонимы с компонентом-эпонимом, связанные с именем мифологического или библейского персонажа

Компоненты-эпонимы, связанные с данными именами, обнаруживаются как в родовых именах, так и в видовых эпитетах.

Французский номен южного соловья (*rossignol* ***philomèle***), широко распространенного в Западной Европе, своим эпитетом связан с Филомелой – дочерью Пандиона. *Philomèle* < лат. *Philomēla* = греч. *Φιλομέλη* < греч. *φιλεο*, люблю + *μέλος*, песня. Согласно легенде, Филомела, сестра Прокны, была обесчещена мужем своей сестры – Фракийским царем Тереем, и обращена Зевсом в соловья; второе значение – соловей [ЛРС 2008: 584; Бабенко, Алексеев 2005: 177–178]. Данный компонент-эпоним обнаруживает тесную связь с фононимом, т.к. соловей является непревзойденным исполнителем в птичьем царстве (любящим песни). Примечательно, что имя Филомелы в латинской номенклатуре присвоено и родственнику соловья – певчему дрозду (*Turdus* ***philomelos***), также принадлежащему к числу лучших певцов (связь с компонентом-фононимом).

Английский эпоним береговушки и городской ласточки ***martin*** имеет отношение к французскому имени собственному *Martin* < лат. *Martinus* < лат. корень *Mart-* (*Mars, Martis*) [Skeat 1967: 316]. Имя Марса (бога войны), лежащее в основе номена, связано с тем, что полет ласточек, сопровождающийся воинственными резкими или пронзительными криками, несет смерть насекомым [Vincelot 1867: 139]. Кроме того, *martin* < *St. Martin of Tours*, святой Мартин, отец духовной культуры средневековой Франции. День памяти Св. Мартина (*Martinmas*) отмечается 11 ноября (в Русской православной церкви 12 октября по старому стилю), т.е. приблизительно в то время, когда ласточки улетают на зимовку [см. OED 2023] (в более южных регионах ласточки задерживаются до октября [Дементьев, Гладков 1954 (6): 693]). В случае наименования ласточек в честь бога

войны орнитоним тяготеет к фагонимам (по ассоциации со способом питания); если номинация осуществляется в память о святом Мартине, то в основе имени лежит информация о времени отлета птиц (компонент-эргоним) (всего 1 франц. эпитет и 2 англ. родовых имени).

Орнитонимы с компонентом-эпонимом, связанные с именем собственным или прозвищем широкого распространения

Данную группу составляют номены с утраченной мотивированностью, поэтому связь с хорошо известным или излюбленным именем собственным может проявляться как позднее переосмысление или как один из мотивов номинации. Речь идет о хорошо известных и любимых в народе птицах: сороке и зарянке.

Английский номен сороки содержит в своем составе аббревиатуру женского имени собственного – ***mag****pie* < *Mag* (*Magot* и *Madge* = *Margaret*) < фр. *Margot* (*Marguerite*). В разговорном английском это имя ассоциировалось с болтливыми женщинами (ср. *Magge tales*, вздор) [см. OED 2023].

Английский номен зарянки – *European* ***robin*** – это сокращение < ср-англ. *Robin Redbreast* (середина XV в.) < ст.-фр. *Robin*, мужское имя собственное, уменьшительное < *Robert*, которое было известно в Англии, потому что так звали старшего сына Вильяма I < ст.-в.-нем. *Hruodperht* / *Hrodeberht* (нем. *Ruprecht*, или *Rupert*) = Robert < *hruod-, ruod-*, слава, известность + *perht* / *berht,* яркий = прославленный (яркий от славы, известности) [Skeat 1967: 452, Weekley 1921: 1243]. Или же < фр. *Robert* < нем. *Rotbert*, буквально *рыжая борода*, и могло означать *рыжик*, т.е. маленькая птица рыжего цвета. *Robin* вытеснил первоначальное название этой птицы – *ruddock (также reddock)* < англосакс. *rudduc*, относящееся к прилагательному *red*, красный [Swainson 1886: 13, см. OED 2023]. Вполне возможен метафорический перенос имени, означающего яркий от славы, на название птицы, имеющей яркое оперение грудки (всего 2 англ. родовых имени).

4.2.6. Орнитонимы-символы

Вследствие деэтимологизации слов «в науке могут сосуществовать несколько разновероятных и спорных этимологических решений. Отстаивая свою позицию, каждый автор стремится причислить остальные версии к разряду так называемой народной этимологии» [Курашкина 2014 (2): 101]. В данном исследовании проводится анализ существующих версий происхождения орнитонимов-символов с позиции их орнитологической релевантности, и делаются выводы относительно обоснованности той или иной этимологической реконструкции.

Восстановление компонента-морфонима с колористической основой

Представим некоторые результаты реконструкции колористических основ в составе орнитонимов-символов: (фр.) ***loriot*** *d'Europe* – образовано путем агглютинации артикля и изменения суффикса *l'oriol* < ст.-фр. *oriol* (по документам XII в.) < прованс. *auriol* < лат. *aureolus*, золотистый, золотой [Dauzat 1964: 429, см. TLFi 2024], (англ.) *golden* ***oriole*** < ст.-фр. *oriol* [Skeat 1967: 361, Dauzat 1964: 429] – название дано по ярко-желтому, золотистому цвету оперения самца; (англ.) *northern* ***wheatear*** (изначально *wheatears* или *whitearse* = белый хвост / зад) [см. Pearson 2011] – у самца в гнездовой период надхвостье и основание хвоста белого цвета [Демянчик 2003: 294, ЖЖ 1986: 403] (всего 4 рус., 2 англ. и 1 франц. родовое имя).

Восстановление компонента-морфонима, характеризующего форму и величину птицы

У орнитонимов-символов может восстанавливаться мотивированность, связанная с особой формой клюва или наличием хохолка на голове, а также с величиной птицы, как например: (фр.) ***cochevis*** *huppé*, где *cochevis*, возможно < ст.-фр. *coq-vis* = лицо петуха, сходство с петухом [Dauzat 1964: 175, см. TLFi 2024], т.е. имеющий гребешок, как у петуха [Vincelot 1867: 273–274]; (фр.) ***pouillot*** (4 рассмотренных вида имеют это родовое имя) = маленькая птичка < др.-фр. *poille,*

курица, или *pouil*, петух < народно-разг. лат. *pullius / pullus* = цыпленок, птенец или *pusillus*, крохотный, крошечный [Vincelot 1867: 225, Dauzat 1964: 592, см. TLFi 2024] – пеночки, наравне с корольком и крапивником, одни из самых маленьких птиц Европы [Vincelot 1867: 225, 228] (всего 1 рус. и 5 франц. родовых имен).

Восстановление компонента-фононима в виде звукосочетания или звукоподражательных корней

Номены с восстанавливаемым видовым призывным криком птицы в виде звукосочетания содержат эту информацию большей частью в родовом имени, как например: (англ.) ***thrush*** (4 рассмотренных вида имеют это родовое имя) < и.-е. **trozdos*-: **trzdos*-, где элементы *tr, zd* относят к звукоподражаниям [Черных 1994 (1): 270], англосакс. *thrysce* / *throstle* < *throsle* как возможный диминутив < *thrysce* [Swainson 1886: 1, 3, Swann 1913: 237, Skeat 1967: 555], (рус.) ***дрозд*** (4 рассмотренных вида имеют это родовое имя) < **drozdъ,* связанный с криком *drrti* [Булаховский 1948: 112]; и.-е. **trozdos* подверглось в славянском ассимиляции [Фасмер 2004 (1): 541] – все дроздовые используют схожие по звучанию резкие крики тревоги, которые звучат *mp-mpp*; сходство др.-слав. **drozdъ* с нем. *Drossel* и англ. *thrush* свидетельствует о древних индо-европейских звукоподражательных истоках этого слова. Если принять во внимание связь родовых имен с греческим глаголом *στρικειν*, означающим *петь, щебетать* [Swann 1913: 237], то это будет справедливо для всего семейства дроздовых, к которому относятся такие яркие певцы, как соловей или варакушка (всего 9 рус., 7 англ. и 2 франц. родовых имени с компонентом-фононимом в виде звукосочетания, передающего видовой призывный крик или песенную фразу).

Орнитонимы с восстанавливаемыми звукоподражательными корнями ориентированы как на видовой призывный крик птицы, так и на звучание ее демонстративной песни. Компонент-фононим реконструируется в виде деривата от звукоподражательного глагола и выражается посредством родового имени или, реже, видового эпитета. Далее показаны примеры родовых имен, содержащих представление о видовом призывном крике птицы: (лат.) ***Sitta*** *europaea* < греч.

σίττη, пищуха [Boisacq 1916: 867] < греч. *σιξω*, дрожать, свистеть [Vincelot 1867: 444]; птица *σίττη* близка дятлу, но обычно идентифицируется с обыкновенным поползнем [Thompson 1895: 154–155, см. TLFi 2024], (фр.) ***sittelle*** *torchepot* < лат. *sitta* + суф. *-elle* – призывный крик поползня представляет собой повторяемый мелодичный громкий свист [Svensson, Grant 2000] (всего 1 лат., 2 англ. и 1 франц. родовое имя с компонентом-фононимом в виде отзвукоподражательного деривата, передающего видовой призывный крик птицы).

Восстановление компонента-фононима в виде оценки голосовых данных птицы

Сложившееся впечатление о вокализации птицы восстанавливается как в родовых именах, так и видовых эпитетах, хотя их доля в данном случае невелика. К родовым именам, отражающим впечатление от видового призывного крика птицы, относится, например, (рус.) ***деряба*** < *деру, драть* < общеслав. корень **der-* драть [Фасмер 2004 (1): 504–505, Черных 1994 (1): 267]; отсюда *дерябый = резкий, грубый* – название связано с весьма резким криком птиц; данный корень обнаруживается и в названии другой резко кричащей птицы – *дергач* [Лебедев 2009: 204]; ср. *деряба* в значении *сиплый певчий* [Даль 1981 (1): 432].

Общая оценка птичьего пения представлена, например, таким номеном как (англ.) ***nightingale*** (2 рассмотренных вида имеют это родовое имя) < *nihtegale* или *næctigalæ* < англосакс. *nihte* род. и дат. падеж < *niht, neaht,* ночь + *gale,* певец < *galan* петь; т.е. певец ночи; корень **gal-* относится к англосакс. глаголу *giellan в значении кричать*; связующее *-n-* появляется в середине XIII в. [Skeat 1967: 348, см. OED 2023] – по прилете соловьи поют преимущественно по ночам [Кайгородов 2006: 204]. В данном случае компонент-фононим сопряжен с компонентом-эргонимом, указывающим на временной пик вокальной активности (всего 6 рус., 16 англ. и 9 франц. родовых имен с компонентом-фононимом, передающем общее впечатление о вокализации птицы).

Восстановление компонента-бионима, фагонима или эпонима

К орнитонимам-символам, в которых предполагаемым мотивом номинации служит тип ландшафта (компонент-бионим), предпочитаемый птицей, следует отнести русский номен ***гаичка*** < *гай* – дуброва, роща, чернолесье; *гаек* – вторичный лиственный лес, возникающий после вырубки или пожара [Даль 1981 (1): 340], т.е. *птица, обитающая в гае*. Есть предположение, что первоначально название *гаечка* относилось к обитательнице южных регионов – черноголовой гаичке, которая населяет лиственные, пойменные, реже смешанные, часто заболоченные леса [Лебедев 2009: 197]. Возможно, орнитоним одновременно обозначал и буроголовую гаичку, поскольку отмечается ее неприхотливость в выборе местообитания вместе с предпочтением заболоченных пойменных лесов.

Ряд эпитетов и родовых имен восстанавливают признак, связанный с приоритетным кормом (компонент-фагоним). Из родовых имен следует назвать (фр.) ***moineau*** (2 рассмотренных вида имеют это родовое имя) < *moinel, mois'nel*, как сокр. формы < *moissonel*, являющимся диминутивом ст.-фр. *moisson* < лат. *muscionem* < *musca*, муха – возможно, изначально имелась в виду небольшая птица, питающаяся мухами [Pick 1869: 157, Brachet 1873: 236] – и домовый, и полевой воробьи выкармливают птенцов насекомыми, ловят мух [Рябицев 2008: 554–555].

Приведем пример орнитономена, в котором восстанавливается признак, отражающий манеру полета (компонент-эргоним): (англ.) *barn* ***swallow*** < англосакс. *swealwe* /*swalewe*; прагерм. тип **swalwōn* ~ *тот, кто перемещается взад и вперед*; ср. схожие названия ласточки: голланд. *zwaluw*, исланд. *svala*, дат. *svale*, швед. *svala*, нем. *Schwalbe* [Skeat 1967: 534] – самая искусная и быстрая летунья [Кайгородов 2006: 264] (всего 2 лат., 9 рус., 1 англ. и 2 франц. родовых имени, а также 1 лат. и 2 франц. видовых эпитета с компонентами-бионимом, фагонимом или эргонимом).

Восстановление компонента-эпонима

Незначительное количество орнитонимов при реконструкции обнаруживают связь с именем собственным. Так, авторы ряда этимологических словарей видят образование французского эпитета *sansonnet*, принадлежащего обыкновенному скворцу (*Étourneau* ***sansonnet***), от имени ветхозаветного персонажа (*Samson*). *Sansonnet* = маленький Самсон [Clédat 1914: 405, Pick 1869: 255, Brachet 1873: 324], диминутив < *sanson* = скворец, возможно < имя собственное *Samson*: птицу часто держали в клетке, что напоминает пленение Самсона, хотя эта версия неоднократно опровергалась. В силу вступает закон аналогии, дающий ряд орнитонимов, сформированных по схеме имя собственное → имя птицы, как например, *Pierre* → *pierrot*, *Martin* → *martinet*, *Jacques* → *jacquot* [Clédat 1914: 404–405, Brachet 1873: 324]. Кроме того, *Samson* с чередованием *-m/-n* могло быть именем, постоянно повторяемым «ученой» птицей. На это обстоятельство указывают некоторые исследователи, см., например, [Vincelot 1867: 379]. В конечном итоге, данная версия происхождения эпитета рассматривается как наиболее вероятная (всего 1 франц. видовой эпитет).

Восстановление нескольких мотивов номинации

Орнитономены, допускающие сосуществование нескольких мотивов номинации (от двух и более) или имеющие неясную этимологию, практически не поддающуюся реконструкции, можно назвать истинными символами. Рассмотрим выявленные мотивы номинации в виде различных комбинаций компонентов, входящих в состав орнитонимов-символов на ряде примеров.

Сочетания *двух* основных возможных мотивов номинации: компонент-фагоним и компонент-фононим: (рус.) *обыкновенный* ***жулан***, возможно, связано с *жу́лить* = резать; ср. болг. *жу́ля* царапаю, тру, обдираю; с.-хорв. *жу́лити* драть; словен. *žúliti* усиленно тереть, жевать, наряду с с.-хорв. *гу́лити* драть [Фасмер 2004 (2): 65]; однако само слово *жуль*, от которого *жулик* – нож, в этимологическом отношении не вполне ясное [Черных 1994 (1): 308] – может иметь отношение к

привычке жулана умерщвлять и насаживать всякую пойманную им добычу, прежде чем съесть, на колючку или острую ветку, как на нож; также сближают *жулан* с диалектным *жулькать*, что для твер., перм. и вят. губерний означает *чавкать* [Даль 1981 (1): 547], т.е. *жулан* можно интерпретировать как *жулькающий, чекающий* [Лебедев 2009: 209] (всего 29 лат., 13 рус., 6 англ., 23 франц. родовых имен и 6 лат., 7 франц. эпитетов).

Сочетание *трех* основных возможных мотивов номинации: компонент-морфоним с колористической основой, компонент-эргоним и компонент-фагоним: (лат.) *Turdus* ***merula*** < лат. *merus* несмешанный, чистый [ЛРС 2008: 482] как указание на однотонное оперение самца, (фр.) ***merle*** *noir* < лат. *merula* – оперение самца черное с блеском [Брикетти 2004: 226]; лат. *merus* может также означать *отделенный от других, одинокий* [Valpy 1828: 260, Vincelot 1867: 170] – черный дрозд отличается уединенным образом жизни [Брем 1912 (9): 169, Мензбир 1904–1909: 73]; или же *merula* < лат. *merum* = чистое, неразбавленное водой вино; либо < *merella, merellum* = вино, разбавленное водой; здесь напрашивается мотивация, обусловленная пристрастием дрозда к винограду [Vincelot 1867: 170–171] (всего 3 лат., 10 рус., 8 франц. родовых имен и 5 лат. эпитетов).

Сочетание *четырех* основных возможных мотивов номинации: компонент-фононим, компонент-морфоним с колористической основой, компонент-бионим и компонент-эпоним: (англ.) *Eurasian* ***jay***, (фр.) ***geai*** *des* chênes (всего 8 лат., 1 рус., 2 англ., 2 франц. родовых имени и 1 лат., 1 англ. и 1 франц. эпитет).

Сочетание *пяти* основных возможных мотивов номинации: компонент-морфоним, компонент-морфоним, компонент-морфоним с колористической основой, компонент-эргоним и компонент-эпоним: (англ.) ***bunting*** (5 рассмотренных видов имеют это имя) (всего 1 лат., 5 англ. и 3 франц. родовых имени).

Вопрос об истинной этимологии представленных выше орнитонимов-символов остается открытым. Можно отдавать предпочтение той или иной из перечисленных гипотез происхождения этих орнитонимов, поскольку в большинстве своем они не противоречат биологии и экологии птиц. Помимо

орнитонимов-символов, подвергшихся этимологической реконструкции, обнаруживаются названия птиц неясного происхождения. К этой категории относятся 3 латинских эпитета (Cinclus *cinclus*, Hippolais *caligata*, Turdus *eunomus*), 4 латинских родовых имени (*Cinclus*, *Erithacus*, *Passer* (2 вида) и 1 французское родовое имя (*cincle*).

4.2.7. Ремотивация орнитонимов-символов

История языков свидетельствует о том, что в начале развития в них гораздо сильнее заметны звукоподражательные элементы [Журавлев 1974: 12]. Однако многократные реализации «значимости звучания» с неизбежностью ослабляют фонетическую мотивированность, приводя языковые знаки к произвольности. В результате мы имеем дело с мотивированными и немотивированными языковыми знаками. В процессе демотивации утрачиваются мотивационные отношения лексической единицы [Блинова 2010: 178], а при деэтимологизации исчезает генетическая мотивированность слова [Аркадьева 1990: 4], создавая необходимые условия для ремотивации.

Орнитономенклатура, равно как и орнитолексика в целом, дает большое количество единиц с утраченной мотивированностью, т.е. становящихся символическими знаками в результате демотивации и деэтимологизации. Это создает богатую почву для ремотивации, когда забытые мотивы номинации «подновляются», вновь становясь доступными для понимания «в народе» (народноэтимологическое переосмысление). Тем самым, «ремотивация включена в процесс общего развития языка: НОМИНАЦИЯ /возникновение мотивированной единицы/ → ДЕМОТИВАЦИЯ → РЕМОТИВАЦИЯ → ДЕМОТИВАЦИЯ → РЕМОТИВАЦИЯ...» [Курышева 1989: 7–8]. В итоге в качестве нового мотива номинации орнитоним-символ может получить компонент-морфоним (*щегол* < *щёголь*), фононим (*клест* < позывка птицы *кле-кле, кли-кли*), эргоним (*ворон* < *вор он*) и т.п.

Наибольшее количество орнитономенов, подвергшихся ремотивации, выявлено в русском (23 родовых имени) и французском языках (13 родовых имен).

Орнитономены, получившие компонент-морфоним в результате ремотивации

В ряде случаев ремотивация идет по морфонимическому пути, как например, это наблюдается для русского номена *московка*, а также для английского номена *starling*.

Московка < *ма́сковка* < *маска* – наличие «маски», которую образуют белые щеки птицы, на самом деле не являются ее эксклюзивом, т.к. подобная «маска» наличествует и у большой синицы. На получение компонента-морфонима вследствие поздней ремотивации указывает воссозданный путь происхождения номена. Учитывая, что излюбленным местом обитания птицы выступают густые замшелые ельники, где промозгло и сыро, орнитоним увязывается со словом *мзга* / *мозгаль* (*мозгалька*). На эту версию происхождения наводят диалектные орнитонимы *моховушка, моховка*. Далее *мозгалька* → *москаль* (*москалька*) → *московская синичка* → *московка* (превращение в компонент-топоним).

Английский орнитоним *starling* (скворец), выводимый из латинской основы неясного происхождения (*sturnus*), подвергается ремотивации на основе зимнего наряда птицы. Тогда ***starling*** = *star* + суффикс *-ling* (звездчатник) – птица испещрена маленькими пятнышками. Несмотря на существование биологических подтверждений, очевидно, что переосмысление по характеру зимнего оперения скворца происходит гораздо позднее при окончательной утрате исходной мотивированности (всего 7 рус., 1 англ., 4 франц. родовых имени и 1 франц. видовой эпитет, получивших компонент-морфоним в результате ремотивации).

Орнитономены, получившие компонент-фононим в результате ремотивации

Новые мотивационные связи способны возникать на базе видового призывного крика птицы, как например: (рус.) ***юрок*** указывается как синоним слова *вьюро́к* [Даль 1982 (4): 668, Фасмер 2004 (1): 373]. Это стайная птица < *юрить*

(*кишеть*, заботливо или играя *толпиться*, суетиться) [Даль 1982 (4): 668]. Выделение орнитонима *юрок* происходит позднее и испытывает на себе влияние ремотивации: *юрок* < *юр-р, юррр* (также как *вьюрок* < *вить* – это более позднее образование). Согласно определителям, песня юрка – грубое, громкое *чжжж* (похоже на фрагмент песни зеленушки), а крик – резкое *чжээ* [Флинт и др. 2001: 198].

Ремотивация может отталкиваться от песенных элементов вида, как в случае с (рус.) *обыкновенная* ***чечевица*** < *цацавица* (по аналогии с *красавица*) < *цаца* < *украшать* [Даль 1982 (4): 571]. Переосмысление идет по звукоподражательной модели: *чечеви́чичью* → *чечевицу видел* (всего 2 лат., 8 рус., 1 англ., 9 франц. родовых имен, получивших компонент-фононим в результате ремотивации).

Орниономены, получившие компоненты эргоним и эпоним в результате ремотивации

Обновление мотивационных связей может возникать на основе характерного поведения видов. Так, русский орнитоним *воробей* переосмысляется, исходя из вороватых наклонностей птицы: *вора бей* (ср. также *ворона* = *вор-она*, *ворон* = *вор-он)*.

Имя собственное *Jack*, используемое в качестве приставки перед английским названием галки (***Jack****daw*), не является прозвищем (псевдоэпоним), но указывает на более мелкие размеры вида по сравнению с другими представителями семейства и, как следствие, некоторое пренебрежение к обладательнице этого имени. Изначально название птицы было *daw*. *Jack* как средневековое бесцеремонное и презрительное имя, появляется позднее применительно к галке, чтобы показать ее никчемность [Орел 2008: 269] (всего 7 рус. родовых имен, получивших компонент-эргоним, 1 рус. и 1 англ. родовые имена, приобретшие компонент-эпоним в результате ремотивации).

Как показывает приведенный обзор примеров, деэтимологизация орнитонимов-символов создает условия для их ремотивации и способствует расширению семантических связей данных единиц, благодаря чему они способны

выходить за пределы орнитономенклатуры [Курашкина 2014 (2): 104]. С другой стороны, ремотивированные орнитонимы навсегда утрачивают или делают отдаленной связь с экологией видов в сознании носителей языка.

Выводы по главе 4

Познание окружающего мира осуществляется посредством категорий, которые, имея всеобщий и необходимый характер, позволяют постигать данные в созерцании творения Природы. Необходимым языковым средством объективации знаний о предметном мире являются лексико-семантические категории.

Наличие у птиц перьев, крыльев и клюва – это перцептивные и функциональные признаки, позволяющие маркировать представителей данного класса на базисном уровне (в терминах Э. Рош). Именно благодаря базисному уровню все многообразие мира сводимо к понятному и обозримому множеству, а выделение единиц данного уровня помогает структурировать Универсум. Базисный уровень категоризации репрезентируется посредством лексем, поэтому номинации можно воспринимать как отраженный процесс категоризации различных предметов и явлений реального мира.

В основе наименований предметов и явлений, скорее всего, лежал не один, а несколько принципов. Если в своих истоках номинация реалий окружающего мира могла происходить посредством подражания звукам природы с последующими изменениями, то позднее в основу названий мог быть положен любой другой признак. Ономатопеи не отличаются долговечностью существования, по этой причине большинство орнитонимов можно считать полученными в процессе наблюдения за производимыми птицей действиями. Так возникают орнитофононимы, орнитоморфонимы, орнитофагонимы, орнитобионимы, орнитоэргонимы. В конечном итоге выбор признака номинации и связанные с ним ассоциации находятся в зависимости от языкового коллектива, который создает уникальные наименования для одних и тех же природных реалий.

Орнитонимы и, шире, зоонимы, представляют сферу конкретно-предметной лексики, к которой относятся реально существующие и воспринимаемые органами чувств предметы материального мира. Как следствие, данные единицы наделены общими языковыми характеристиками. В первую очередь, такие единицы отличаются абсолютной референцией и таксономичностью. Будучи именами естественных классов, орнитонимы выполняют одновременно две основные функции: номинативно-репрезентативную (картирования и замещения предметов) и сигнификативную (обобщения). Как идентифицирующие имена орнитонимы соответствуют обобщенному инвариантному образу предмета (по Б.А. Серебренникову) или стереотипу класса (по Н.Д. Арутюновой). Помимо прочего, данный вид лексики служит основой для метафоризации и фразеологизации, где переосмысление может отталкиваться от любой ассоциации.

Орнитономены не являются результатом простого «этикетирования» таксонов, но выполняют номинативную, классификационную (дифференцирующую), информативную, коммуникативную, а также кумулятивную и когнитивную функции. Благодаря способности аккумулировать результаты человеческой познавательной деятельности номены несут важную информацию об экологии представителей мира природы.

Как правило, являясь двухкомпонентными наименованиями, орнитономены включают в свой состав видовой эпитет и родовое имя, в которых мотивы номинации репрезентируются морфонимами, фононимами, бионимами, фагонимами, эргонимами, топонимами или эпонимами с возможными комбинациями перечисленных компонентов. Иными словами, орнитономены опираются на биологию и экологию видов, т.е. содержат экоинформационные мотивирующие признаки. См., например, латинский номен для лесной завирушки (*Prunella modularis*), состоящий из эпитета *modularis* и родового имени *Prunella,* дающий сочетание фононима (мелодичный, певучий) и морфонима-колоронима (связь с нем. *braun*, коричневый, бурый – по доминирующей окраске оперения), или английский номен для зяблика (*chaffinch*), в родовом имени которого сочетаются два компонента: фагоним (*chaf* = мякина, т.к. птица выбирает зерно из

мякины на фермах) и фононим (*finch* от звукоподражательной основы, воспроизводящей монотонную позывку).

Орнитонимы-символы, в которых мотивы номинации поддаются реконструкции, невозможно однозначно отнести к определенной категории – фонониму, морфониму или биониму по той причине, что в них с разной долей вероятности выявляется от двух до пяти и более разноречивых компонентов. В большинстве случаев реконструируемые номинационные признаки согласуются с экологией видов, следовательно, орнитонимы-символы остаются экоинформативными и продолжают выполнять кумулятивную и когнитивную функции.

Экологический потенциал орнитонимов, номинирующих птиц отряда воробьеобразных, подробно освещен в цикле публикаций автора. Вместе с тем, считаем необходимым сделать некоторые обобщения.

Что касается количественных данных, относящихся к распределению компонентов в составе видовых эпитетов и родовых имен в анализируемых языках, то эта информация отражена в Приложении 1. Ометим, что доминирующими эпитетами оказываются те, что содержат в составе компоненты-морфонимы и бионимы. Это позволяет видовым прилагательным в составе номена выполнять идентифицирующую и конкретизирующую функции. Среди родовых имен, образующих номен, лидирующие количественные позиции занимают номинативные признаки, выраженные компонентами-морфонимами и фононимами. Человек выделяет птиц по окраске оперения и голосу, что соответствует получению основной информации по двум ведущим сенсорным каналам связи – оптическому и звуковому (слуховому).

И орнитоморфонимы, и орнитофононимы отмечены метафоричностью своего происхождения, т.к. цвето- и звуковосприятие ассоциативны и субъективны по природе. Человеку свойственно слышать слова в птичьих вокализациях, что рождает разнообразные мнемоники. Например, одна из возможных интерпретаций демонстративной песни певчего дрозда звучит так: *Приди кум! Приди кум! Деньги есть? Деньги есть? Выпьем! Выпьем!* Ассоциативная природа морфонимов

проявляется при уподоблении окраски оперения какому-либо цвету спектра, цвету или форме другого представителя мира природы / артефакта и т.д.

Кормовое и гнездовое поведение, необычные повадки птиц, равно как и ландшафты их обитания также могут обозначаться с использованием метафорических и метонимических моделей номенообразования. Метафорическим переносом отмечены номинации таких птиц, как, например, (фр.) *bergeronnette* (*маленькая пастушка*) – трясогузки сопровождают пастухов и стада в поисках насекомых (орнитофагоним), или же (рус.) *зяблик* – возвращается в места гнездования в холодное время, т.е. зябнет (орнитоэргоним). Метонимический способ номинации прослеживается в некоторых орнитофагонимах (*просянка, овсянка*, *кедровка*) и орнитобионимах (*камышовка, береговушка*).

Находящийся в составе номена компонент-топоним несет значительно больше информации о распространении видов, нежели компонент-эпоним, который, в первую очередь, оставляет в веках имя натуралиста-первооткрывателя. Поэтому практически полное отсутствие эпонимических орнитонимов в русском языке расценивается положительно, ибо они неинформативны. Тем не менее, эпонимические номены любопытны в плане изучения связей подобных номинаций с историей и культурой определенных этносов.

В целом орнитономены характеризуются высокой степенью информативности, потому что демонстрируют многообразие и уникальность родовых имен, входящих в их состав. При использовании одинакового родового имени для представителей какого-либо семейства различение видов происходит посредством видового эпитета, как и положено в современной систематике. Так, пять видов славковых птиц с французским родовым именем *fauvette* различаются при помощи эпитетов *épervière, grisette, à tête noire, des jardins* или *babillarde*, которые содержат компоненты-бионимы, морфонимы-колоронимы или же фононимы.

Наблюдается практически полное или частичное совпадение французских номенов с латинскими по причине общности языковых корней и прямого заимствования французскими учеными латинских номенов. См., например, (лат.) Ocyris *aureolus* → (франц.) bruant *auréole*; (лат.) Turdus *merula* → (франц.) *merle* noir

и т.п. Английская орнитономенклатура также несет отпечаток латыни благодаря активному заимствованию из французского языка.

Мотивирующие признаки в составе номена, представленного в разноязычных систематиках, не всегда совпадают, что обусловлено целым рядом экстралингвистических обстоятельств. Например, в русском орнитономене *варакушка* (*Luscinia svecica*) взят за основу компонент-фононим, отражающий вокальные способности этого вида дроздовых птиц: песня варакушки более быстрая по сравнению с соловьем, потому менее разборчивая, т.е. варакосная. Английский и французский номены дают представление о внешнем облике самца (компонент-морфоним с колористической основой), у которого в брачный период горло и зоб ярко-синего цвета (англ. *bluethroat*) и крупный «глазок» или «звезда» посередине синего «передника» (фр. *gorgebleue à miroir*).

Синтезируя компоненты, содержащиеся в разноязычных номенах, возможно представить более полный «портрет» определенного вида. В качестве примера можно рассмотреть орнитономен *сойка*. Латинский номен (*Garrulus glandarius*) определяет птицу как *желудёвую крикунью*, указывая на шумное голосовое поведение (компонент-фононим) и пристрастие к желудям (компонент-фагоним). Русское название связано с характерной окраской оперения птицы (компонент-морфоним с колористической основой), происходящего от корня **soj* и глагола *sojati* в значении *сиять, блестеть* ярко-голубыми зеркальцами на крыльях. Английский и французский родовые имена утратили мотивированность, но она может быть восстановлена с опорой на латинский корень *gaius*, который обнаруживает связь со славянским *гай* – священная дубрава – как место заклинания и, одновременно, обитания сойки (компонент-бионим) – любительницы полакомиться и запастись желудями (англ. *jay*, фр. *geai des chênes*).

Процессы демотивации и деэтимологизации сопряжены с явлением ремотивации, которое широко распространено в орнитонимике ввиду большого числа номенов с утраченной мотивированностью. Ремотивированные орнитонимы становятся понятнее носителю языка, но не всегда связывают новый мотив номинации с биологией вида, как, например, некоторые интерпретации, связанные с орнитонимами, получившими фононим в ходе ремотивации: *галка* < *гал-ка*, *oriole* < *ori-ole* и т.п.

Подводя итог, важно подчеркнуть, что орнитономены суть экоинформативны и экологичны, т.к. являются результатом тесного контакта человека и птицы, сформировавшегося на эколого-хозяйственной основе, и содержат в своем значении накопленные знания и опыт взаимодействия с орнитофауной. На основе выделенных в составе орнитономенов компонентов становится возможным создать расширенные толково-энциклопедические описания орнитонимов. Сочетая отечественный и зарубежный опыт языковых презентаций орнитовокализаций, можно построить экоинформативный словарь стандартизованных вербализаций сигналов птиц.

ГЛАВА 5. ТОЛКОВО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОРНИТОНИМОВ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ВЕРБАЛИЗОВАННЫХ ВОКАЛИЗАЦИЙ

5.1. Лексикографическое описание орнитонимов

Расширенные лексикографические толкования орнитонимов способны дать необходимую информацию комбинированного свойства о различных представителях орнитофауны. Вопрос, который затрагивался в связи с особенностями конкретно-предметной лексики, находит продолжение в данной главе. Речь пойдет о способах представления орнитонимов в разноязычных толковых словарях.

Известно, что словарные толкования всегда находятся в тесной связи с целевой аудиторией, формально и содержательно соответствуя ожиданиям читателя [Atkins, Rundell 2008: 407]. В эпоху цифровизации и информатизации энциклопедическая информация оказывается в большей степени востребованной читателем, нежели лингвистическая информация в чистом виде [Bauer 2005: 112]. Современные пользователи занимаются поиском информации в он-лайн источниках, включая электронные словари, поэтому трудно определить, требуется ли им исключительно лексические или энциклопедические сведения [Rundell 2012: 79]. При таких обстоятельствах типология Л.В. Щербы, основанная на бинарных оппозициях «обычный (толковый или переводной) словарь – тезаурус» / «общий лингвистический словарь – энциклопедический словарь», теряет актуальность, а границы между филологическим словарем и энциклопедией стираются [Rundell 2012: 78]. В приоритете оказываются комплексные словари, способные предложить пользователям максимум информации о слове: «энциклопедичность многих лингвистических словарей увеличивается, а энциклопедии всё больше внимания уделяют языковой информации» [Дубичинский 2008: 73; 79–80]. Разрабатываются энциклопедические мультимедийные ассоциативные словари (см., например, [Яковлев, Хомутова 2022]).

Актуальность приобретает «универсальный толково-энциклопедический словарь с энциклопедической, этнолингвистической и культуроведческой информацией» [Ольшанский 2000: 45–46]. О важности ревизии орнитонимических словарных дефиниций впервые заявлено в работе [Курашкина 2015 (2)]. Для детального изучения проблемы и формирования толково-энциклопедического формата представления дефиниций конкретно-предметной лексики на примере орнитонимов отобраны авторитетные отечественные словари [БТСРЯ 2000, МАС 1985–1988, ССРЛЯ 1950–1965], словари английского языка [CED 2012, COED 2009, WCCD 1999] и словари французского языка [Laroussee 2014, Robert 1996].

5.1.1. Частотность семантических компонентов и особенности их обозначения в орнитодефинициях

В число рассматриваемых единиц вошло 102 орнитономена, представляющих отряд воробьеобразных. Это названия птиц, которые обитают на территории Британии, Франции, в средней полосе России, на Урале и в Западной Сибири. Сюда также относятся виды, которые зимуют или кочуют в пределах указанных ареалов. Данные птицы распространены и узнаваемы на этих территориях, что обеспечивает вхождение их названий в национальные толковые словари. Непосредственно анализу подверглось 55 английских, 51 французских и 66 русских родовых имен.

Видовые эпитеты, являющиеся неотъемлемой частью номена, не попадают в фокус исследования, поскольку словарные статьи не содержат данную информацию. Количество орнитонимов, дефинируемых в толковых словарях, отражено в таблице (см. таблицу 3), которая указывает, что «максимальное количество искомых дефиниций обнаруживают Оксфордский словарь английского языка, Ларусс французского языка и 17-томный академический словарь русского языка» [Курашкина 2016 (3): 578].

Таблица 3 – Компоненты, присутствующие в орнитодефинициях
(таблица воспроизводится по [Курашкина 2016 (3): 579])

количество орнитонимов в анализируемых словарях	55	54	42	50	43	57	53	51
характеристики птиц	COED	CED	WCCD	Larousse	PR	ССРЛЯ	БТС	МАС
принадлежность к отряду или семейству	**100%**	**100%**	**100%**	**100%**	**98%**	**100%**	**98%**	**94%**
Ареал распространения	**76%**	**74%**	**88%**	**44%**	16%	2%	6%	4%
ландшафт обитания	14%	7%	12%	**40%**	19%	**30%**	**36%**	**35%**
характер миграции	11%	0	2%	32%	5%	9%	9%	10%
тип питания	24%	20%	12%	**62%**	16%	10%	13%	12%
величина птицы	**40%**	**31%**	**38%**	**76%**	**56%**	**60%**	**55%**	**57%**
окраска оперения	**84%**	**80%**	**64%**	**62%**	**53%**	**37%**	**45%**	**45%**
форма или характеристика отдельных частей тела	**45%**	**48%**	**43%**	**40%**	25%	14%	13%	18%
способ питания	13%	2%	9%	8%	5%	0	2%	2%
способ гнездования	4%	0	5%	14%	7%	5%	4%	9%
характерные движения или поведенческие модели	14%	18%	14%	10%	7%	3%	11%	12%
вокальная характеристика	14%	7%	14%	16%	12%	9%	8%	9%

Анализ орнитодефиниций в словарях исследования дает следующую картину. Англоязычные толкования орнитонимов представляют от 2 до 7 семантических компонентов, во французском языке это количество варьируется от 2 до 10. Наиболее частотные компоненты, выявленные в английских толкованиях [COED 2009, CED 2012]: (1) принадлежность к отряду или семейству, (2) доминирующая окраска оперения, (3) ареал распространения, (4) форма отдельных частей тела, (5) величина птицы (см. таблицу 3). Частотные компоненты, отмеченные во французских толкованиях: (1) принадлежность к отряду или семейству, (2) величина птицы, (3) доминирующая окраска оперения [Laroussee 2014, Robert 1996], (4) тип питания, (5) ареал распространения, (6) ландшафт обитания и (7) форма отдельных частей тела [Laroussee 2014] (см. Таблицу 3).

Семантические компоненты, содержащиеся в русскоязычных орнитодефинициях, как правило, находятся в интервале от 1 до 6. К наиболее частотным относятся: (1) принадлежность к отряду или семейству, (2) величина птицы, (3) доминирующая окраска оперения и (4) ландшафт обитания [Курашкина 2017: 53].

Информационный объем английских и французских орнитодефиниций определяется назначением словаря и его целевой аудиторией, однако наблюдается некоторая непоследовательность в выборе необходимых для описания видов компонентов как в пределах отдельно взятого словаря, так и в лексикографических источниках разных авторов (см. подр. [Курашкина 2015 (2): 805–806]). Английские и французские толкования орнитонимов дают варьирование от четырех до пяти необходимых семантических компонентов; среднее количество русских толкований приближается к трем.

Обзор вышеобозначенных лексикографических источников позволяет сделать обобщения, касающиеся фиксации самых частотных семантических компонентов, образующих толкование орнитонима.

Англоязычные толковые словари, как правило, указывают на принадлежность птицы к роду и семейству, сопровождая данную информацию

латинским номеном, например, *Genus Corvus, family Corvidae: two species, in particular the Eurasian C. monedula* [COED 2009] / род *Corvus*, семейство *Corvidae*: два вида, в частности *C. monedula*. Также присутствует отнесенность воробьеобразных птиц к подотряду певчих. Французские словари и русские словари указывают на принадлежность вида к определенному отряду либо к семейству, например, *oiseau de l'ordre des Passériformes, птица семейства дроздовых*.

Величина птицы в дефинициях маркируется как *очень крупная* (*very large, grand*), *крупная* (*large, gros*), *маленькая* / *мелкая* (*small, petit*), *очень маленькая* (*very small, très petit*). Встречается передача величины при помощи сравнения с какой-либо общеизвестной птицей, например, ворона уступает по величине ворону: *plus petit que le corbeau* (фр.) [см. TLFi 2024].

Ни одна орнитодефиниция не обходится без указания на окраску оперения описываемого вида. При этом по причине субъективного характера восприятия цвета человеком и наличия природного варьирования данного признака у птиц обнаруживаются некоторые несоответствия цветообозначений даже в рамках отдельно взятого языка. Например, у зяблика *черно-белые крылья*; у самца *красноватое тело* и *серо-голубая шапочка* на голове (*with* ***black and white wings*** *and, in the male,* ***a reddish body*** *and* ***blue-grey head***) [CED 2012] / *голубоватая шапочка* на голове и *темные крылья*; у самца *розоватое «лицо» и грудка* (typically *with a* ***bluish top of the head*** *and* ***dark wings*** *and tail; the male of the typical European form has* ***a pinkish face and breast***) [COED 2009].

Характеризуя доминирующую окраску оперения какого-либо вида, лексикографы ориентируются на наиболее заметную окраску самца (при наличии полового диморфизма) или же четко обозначают различия в окраске оперения самца и самки: *merle*. (черный дрозд) – *oiseau passereau au plumage généralement noir* ***chez le mâle****, brun* ***chez la femelle*** [Robert 1996: 1390] / оперение преимущественно черного цвета у самца и коричневое у самки.

Форма клюва тесным образом связана с экологией питания, поэтому отмечена частотностью представления в исследуемых словарях, например, a shrike

(сорокопут) is noticeable for *a strong sharply hooked bill* [см. COED 2009] / *a hooked bill* as it can tear flesh [см. CED 2012] / *au bec fort et denté* [см. Laroussee 2014], *с загнутым клювом* [ССРЛЯ 1963 (14): 331]. Форма или длина хвоста птицы маркируется для таких видов, как сорока, береговушка, ласточка, трясогузка [см. COED 2009, см. CED 2012, WCCD 1999], оляпка, крапивник [см. COED 2009, ССРЛЯ], конёк, ворон [см. CED 2012], скворец [см. Laroussee 2014, МАС, ССРЛЯ], дубонос, поползень, пищуха [см. Laroussee 2014], ворона [Robert 1996], коноплянка [БТСРЯ 2000, МАС].

Наличие такого заметного атрибута как хохолок отмечается в словарных дефинициях для корольков, соек, жаворонков и свиристелей [см. COED 2009, см. Laroussee 2014]. Общее телосложение птицы характеризуется в английских словарных источниках в таких терминах, как *slim* или *slender* (*стройный* – для коньков или трясогузок), *stocky* (*коренастый* – для снегирей, оляпок или скворцов), *heavily built* (*крепкого сложения* – для воронов). Довольно редко встречается характеристика крыльев или лап птицы: *long pointed wings and short legs* / короткие заостренные крылья и короткие лапки (о ласточке) [см. CED 2012, см. Laroussee 2014, Robert 1996] или *broad, rounded wings* / широкие округлые крылья (о клушице) и *short-winged* / короткокрылый (о крапивнике) [см. COED 2009].

При сопоставлении орнитодефиниций одного и того же вида, взятых из разноязычных толковых словарей, обнаруживается неодинаковый набор семантических признаков и, как следствие, подчеркиваются разные морфологические характеристики птицы, например, *крапивник* – это мелкая воробьиная птица, *приземистая*, с *коротким* задранным хвостом, *устраивающая закрытое гнездо* (*petit passereau, **au corps ramassé**, à queue **courte** et relevée, **construisant un nid couvert***) [Robert 1996: 2317] / птица ***серовато-бурой окраски*** с вздернутым хвостом и ***тонким острым клювом*** [МАС 1986 (2): 120].

Что касается ареала распространения, среды обитания, характера миграций, пищевых предпочтений, повадок, способа гнездования и голосового поведения, то эти компоненты не относятся к частотным, и многие словари обходятся без них.

Вместе с тем, стоит обратить внимание на отсутствие должного описания вокальных способностей птиц подотряда певчих, хотя вокализации большинства его представителей являются их главными маркерами и во многоих случаях дают основу для орнитономинации. См., например, толкование орнитонима *chough* – a black Eurasian and North African bird of the crow family, with a downcurved bill and broad, rounded wings, typically frequenting mountains and sea cliffs [см. COED 2009] / *клушица* – черная птица Евразии и Северной Америки из семейства врановых, с изогнутым вниз клювом и широкими закругленными крыльями, обычно встречающаяся в горах и на морских утесах (крик птицы *chuff* → *chough*).

Аналогичная картина наблюдается во французских и русских дефинициях, небольшое исключение составляют такие «исполнители», как *rossignol* (соловей) – petit passereau (muscicapidé, autrefois sylviidé) voisin des fauvettes, *renommé pour son chant crépusculaire* [см. Laroussee 2014] / славится сумеречным пением; или же *thrush* (дрозд) – a small or medium-sized songbird, typically having a brown back, spotted breast, and *loud song* [см. COED 2009] / с громкой песней.

5.2. О расширении информационного поля словарных толкований орнитонимов. Обязательные и дополнительные компоненты в составе орнитодефиниции

Задача, связанная с расширением «информационного поля словарных толкований орнитонимов за счет экстралингвистической информации, сопряжена с решением проблемы о необходимых и достаточных признаках лексикографического описания, дискутируемой в научной литературе. Требования, предъявляемые к словарным толкованиям лексикографами (Ю.Д. Апресян, Э. Агрикола, В.В. Виноградов, П.Н. Денисов, А.П. Евгеньева, С.И. Ожегов, Ч.Д. Филмор, Н.Ю. Шведова, Л.В. Щерба и др.), варьируются, но их можно свести к нескольким базовым стандартам: относительность и ориентированность на адресата, множественность описаний одного и того же круга явлений языка и речи, семантическая ступенчатость описания, системность, унифицированность,

простота, экономность, эффективность, необходимость и достаточность» [Курашкина 2015 (2): 807]. Данная проблема подробно освещена в [Курашкина 2015 (2): 807– 808].

Орнитонимы, относящиеся к конкретно-предметной лексике, обычно поддаются определению с применением родо-дифференциального подхода, при котором значения слов-орнитонимов «сводимы к набору существенных отличительных признаков» [Atkins, Rundell 2008: 437]. Так, для названия птицы необходимыми дифференциальными признаками являются указания на ее внешний вид и манеру поведения. Согласно другой точке зрения, орнитонимы чрезвычайно гибкие и адаптивные по той причине, что не имеют четких границ и необходимых и достаточных признаков [Hanks 2013: 337]. Неудивительно, что необходимые и достаточные признаки в этом случае заменяются типизацией, которая скорее демонстрирует, что бывает *обычно*, а не *должно быть* с необходимостью [Atkins, Rundell 2008: 418]. При этом «трудность заключается в достижении нужной степени обобщения» [Hanks 2013: 411].

Представленные выше наблюдения приводят к следующим выводам: 1) семантические компоненты, «входящие в состав словарных орнитодефиниций, нуждаются в унификации: необходимо включение дополнительных компонентов для создания более полного представления о птице, чтобы избавить читателя от необходимости обращения к специализированной литературе» [Курашкина 2015 (2): 806]; 2) при описании орнитонимов предпочтение остается за родо-дифференциальным подходом и денотативно-логическим характером дефиниций, когда лингвистическая и энциклопедическая информация представлена в сжатом и типизированном виде [Курашкина 2017: 53].

Для «представления оптимально насыщенной информации о том или ином биологическом виде построение толково-энциклопедических дефиниций конкретно-предметной лексики <…> видится в перечислении обязательных видовых признаков денотата и включении дополнительных характеристик, фиксирующих особенности, присущие характеризуемому представителю орнитофауны» [Курашкина 2016 (3): 579–580]. И обязательные, и дополнительные

компоненты существуют в различных комбинациях в рассмотренных дефинициях, но задача заключается в систематизации и упорядочении наиболее важных из этих компонентов.

5.2.1. Применение облигаторных компонентов для стандартизации лексикографических дефиниций орнитонимов

Обязательные (облигаторные) компоненты в составе словарной дефиниции орнитонима призваны передавать необходимый минимум информации о том или ином представителе орнитофауны (см. Таблицу 4).

Таблица 4 – Облигаторные компоненты, отражающие наиболее существенные видовые признаки

№	Облигаторные компоненты	Примеры
1.	принадлежность птицы к отряду и семейству	*отряд воробьеобразные, семейство воробьиные, Passer montanus*
2.	ареал распространения (компонент-топоним)	*птица Евразии, С. Африки и С. Америки;*
3.	ландшафт обитания (компонент-бионим)	*лесная; околоводная; обитатель открытых ландшафтов*
4.	характер миграций (компонент-эргоним)	*перелетная; кочующая*
5.	тип питания (компонент-фагоним)	*преимущественно растительноядная; насекомо- и растительноядная; насекомоядная; зерноядная; всеядная*
6.	величина птицы (компонент-морфоним)	*размером с воробья; размером несколько меньше воробья; размером со скворца; размером с голубя*
7.	цвет оперения или его частей (морфоним-колороним)	*угольно-черного цвета с фиолетовым отливом; с ярко-голубым передником (у самца)*
8.	вокальная характеристика (компонент-фононим)	*отличается короткой звучной вариативной трелевой песней, заканчивающейся скрипучим щебетанием.*

Для дифференциации птиц определены восемь компонентов:

1) *принадлежность птицы к отряду и семейству (при необходимости к роду)*. Дополнительно необходимо отмечать латинский номен типичного представителя отряда или семейства в особенности при совпадении родовых имен, например, отряд воробьеобразные, семейство славковые, род сверчки, *Locustella naevia*;

2) *ареал распространения*. Рассматриваемые виды относятся к птицам Северного полушария, поэтому в дефинициях требуются такие пояснения, как *птица, населяющая большую часть Европы, Евразию, север Африки* и т.п.;

3) *ландшафт обитания*. Воробьеобразные характеризуются очень разными местообитаниями, поэтому в толковании необходимо указание на тот тип ландшафта, в котором вид чаще всего встречается. Такое указание может быть следующего порядка: *лесная; околоводная; обитатель открытых ландшафтов* и т.п. Например, обыкновенная горихвостка – *самый обычный вид, населяющий сады и парки*;

4) *характер миграций*. Птицы распределяются на *перелетных* или *кочующих*. Оседлый образ жизни не маркируется;

5) *тип питания*. Пищевые предпочтения отмечаются следующими характеристиками: *насекомоядная птица, преимущественно насекомоядная птица, питается насекомыми и фруктами, насекомо- и растительноядная птица, преимущественно растительноядная птица, растительноядная птица, всеядная птица*;

6) *величина птицы*. В орнитологической практике для определения величины используются общеизвестные виды-эталоны, к которым относятся воробей, скворец, дрозд, голубь и ворона. В дефинициях этих птиц указание на величину дается в сантиметрах, например, сизый голубь (*Columba livia*) – общеизвестная птица (32–38 см). Величина других видов, сопоставимых с размером голубя, обозначается путем сравнения: *размером с голубя, меньше голубя, больше голубя*, например, кедровка (*Nucifraga caryocatactes*) *размером с голубя*;

7) *цвет оперения или его частей*. В дефинициях, как правило, описывается цвет оперения самца, в особенности у видов с ярко выраженным половым диморфизмом. Когда самец и самка сильно отличаются по цветовой гамме, отмечается цвет оперения обоих полов. Например, *снегирь* с ярко-алой грудкой (*у самца*) или буровато-серой грудкой (*у самки*). Отдельного внимания заслуживает описание сезонной окраски оперения вида (при наличии);

8) *вокальная характеристика*. Голос птицы подотряда певчих зачастую является единственным ярким маркером вида в силу труднодоступности для наблюдения. В дефиниции необходимы элементы звукосочетаний, передающих основной позыв или демонстративную песню, например, *большая синица* отличается чистым металлическим голосом *си-си-си* или *ци-ци-ци*. Сложные демонстративные песни лучше передавать описательно, например, *зарянка* отличается громкой чистой трелевой песней с металлическими нотками и щебетанием.

В толкованиях акустические сигналы птиц могут содержать элементы метафоризации, например, *рябинник* издает большое количество *трескучих, скрипучих и квохчущих* звуков, из которых складывается песня.

Для некоторых видов применимо сравнение с голосом другой птицы или же дополнение описания мнемоникой (при ее наличии), например, *зеленушка* отличается щебечущей песней, *напоминающей канареечную трель*, с жужжащей концовкой или же *овсянка* отличается короткой звенящей песней, которую передают словами: *Мужик, мужик, сено вези-иии*.

5.2.2. Применение факультативных компонентов в стандартизованной дефиниции

Дополнительные (факультативные) компоненты необходимы для указания на отличительные признаки представителя семейства, которых нет у других видов, и по которым птица безошибочно идентифицируется (см. Таблицу 5).

Таблица 5 – Факультативные компоненты, отражающие дополнительные видовые признаки

№	Факультативные компоненты	Примеры
1.	телосложение птицы или характерная деталь части тела (дополнительный компонент-морфоним)	*короткохвостая; с хохолком на голове*
2.	способ гнездования или гнездостроительства (дополнительный компонент-бионим)	*гнездящаяся колониями; вьет гнездо в виде бокальчика*
3.	способ кормодобывания или кормовая специализация (дополнительный компонент-фагоним)	*с длинным, тонким, серповидно изогнутым клювом*
4.	характерные движения или поведенческие модели (дополнительный компонент-эргоним)	*с характерной манерой покачивать хвостом*

Данная группа складывается из четырех компонентов:

1) *телосложение птицы или характерная деталь части тела*. Телосложение птицы описывается в таких терминах, как *стройный, пухлый, коренастый, массивный*. При наличии хохолка или любой другой особенности данный компонент вносится в дефиницию, например, *желтоголовый королек* отличается *треугольной «королевской короной» на шапочке* (желто-оранжевого цвета у самца, желтого цвета у самки), обрамленной черными полосками;

2) *способ гнездования или гнездостроительства*. Этот дополнительный компонент имеет значение, если виду свойственен особый способ гнездования, например, *береговушка гнездится колониями по берегам рек, где роет норы в песчаных склонах*. Компонент будет присутствовать в описании, если вид

отличается искусной манерой гнездостроительства, например, строит гнездо необычной формы как *завирушка*, которая вьет (завирает) гнездо *в виде бокальчика*;

3) *способ кормодобывания или кормовая специализация*. Когда птицу легко идентифицировать по способу кормодобывания или она отмечена специфической диетой, данный компонент включается в толкование, например, *рябинник*, предпочитает ягоды рябины в зимний период (отсюда название) или *мухоловка*, имеющая особенность ловить пролетающих насекомых с присады;

4) *характерные движения или поведенческие модели*. Учитываются виды, которым свойственен стайный образ жизни, и виды, заметные благодаря особым манерам поведения или своеобразным телодвижениям, например, *трясогузка* отмечена характерной манерой *покачивать хвостом*, а *сорока* известна *пристрастием к блестящим предметам*.

Подводя итог, следует отметить, что толково-энциклопедическая орнитодефиниция состоит из обязательных (облигаторных) и дополнительных (факультативных) компонентов. Проиллюстрируем возможности комплексного описания на примере орнитонима *свиристель* на русском и английском языках: Лесная перелетная птица, обитающая в С. полушарии (отряд воробьеобразные, семейство свиристелевые, *Bombycilla garrulus*), величиной со скворца, розовато-серого цвета, с хохолком на голове, разноцветным узором на крыльях и черным хвостом с желтой полосой на конце; кормится насекомыми и ягодами (на зимовках предпочитает рябину); постоянно издает негромкие «свиристящие» трели. / Wood-dwelling, migratory, starling-sized passerine bird of N. Hemisphere, of the family Bombycillidae (*Bombycilla garrulus*), crested, with pinkish-brown plumage, having black wing-feathers margined yellow, white and “spiked” wax-red, and a yellow-tipped black tail; feeds on insects and berried fruit; noted for its silvery, high, metallic trill.

Все орнитодефиниции толково-энциклопедического свойства составлены с использованием данных из орнитологической литературы [Дементьев, Гладков 1954, Рябицев 2008, Флинт и др. 2001, GALE 2003, Hume 2002, Peterson et al 2004, Snow, Perrins 1998, Svensson, Grant 2000 и др.] (см. полный перечень дефиниций в приложении 2).

Несмотря на элементы стандартизации, рассмотренный «подход позволяет осуществить описание каждого вида как уникального явления» [Курашкина 2015 (2): 814]. Толково-энциклопедические дефиниции могут быть адаптированы и применены для описания всех существующих лингвонатурем, т.е. для других языковых единиц, репрезентирующих природный мир.

5.3. Способы языкового отражения вокализаций птиц

Звукоподражательные орнитономинации традиционно признаются результирующим продуктом длительных эколого-коммуникативных контактов «человек – птица»; итогом данного взаимодействия являются и птичьи вокализации, переложенные на человеческий язык.

О явлении звукоподражания и биоакустических основах звукоподражательных орнитонимов, равно как о разновидностях и функциональном назначении основных позывов птиц и их песенных репертуаров подробно изложено на страницах авторской монографии [Курашкина 2014 (3): 17–32, 123–168]. В настоящем параграфе речь пойдет о вербализации основных вокализаций, обеспечивающих, наряду с другими маркерами, идентификацию видов в полевых условиях для специалистов и укрепляющих связи с миром природы через познание голосов для любителей птиц.

В истории орнитологии известен целый ряд способов, помогающих запечатлеть орнитовокализации: от нотной записи и музыкальной стенографии до аудиоспектрограмм и сонограмм [Курашкина 2009: 806] (см. подр. о развитии методов фиксации птичьих вокализаций [Курашкина 2014 (3): 32–42]). Современные справочники-определители предоставляют эту акустическую информацию следующим образом: он-лайн определители делают акцент на аудио с записью типичных позывов и песен; определители на бумажных носителях справляются с задачей комбинированным способом: голос птицы можно послушать при помощи QR кода и передать описательно, используя возможности человеческого языка. В среде орнитологов принято считать, что переложение

голоса птицы на звукосочетания – трудновыполнимая задача, причиной чему являются нижеследующие ограничения, о которых сообщают справочники в своих вводных замечаниях. «Трудно изобразить голоса птиц на письме, поскольку они редко походят на человеческие звуки, и нет единства в интерпретациях: то, что один человек передает как *teu*, другой может услышать как *chew* или *sioo*. Также важно помнить, что у птиц, как и у людей, существуют диалектные варианты вокализаций. В определителе сделана попытка изобразить основные позывы и песни посредством упрощенных звукосочетаний и сравнений; но лучший способ научиться определять голоса птиц – это положиться на опыт специалиста, либо прослушивать записи вокализаций» [Peterson et al 2004: 17]. «У книги возможность показать голос очень ограничена, приходится пользоваться сравнениями, аналогиями, музыкальными терминами. Когда изображают буквами птичьи крики и элементы птичьих песен, то почти всегда более или менее искажают то, что слышит ухо. Кроме того, разные люди одну и ту же птичью песню, фразу изобразят по-разному, потому что такое отражение очень субъективно. Тем не менее, какое-то представление о пении птиц, об их голосах подобное описание дает» [Рябицев 2008: 11].

Вместе с тем, при помощи слов можно довольно точно описать основные вокализации птиц (см., напр., [Pieplow 2007: 48–54]). Несмотря на субъективизм восприятия, большинство людей хорошо определяет на слух основной диапазон частот, в котором находятся птичьи вокализации. Отсюда главной проблемой является не то обстоятельство, что мы слышим одно и то же по-разному, а то, что мы говорим и думаем по-разному о том, что воспринимаем на слух. Помочь в решении данной проблемы призван систематический метод описания акустических сигналов птиц, иными словами, словарь, созданный по единому стандарту, пользоваться которым могли бы не только специалисты-орнитологи, но и любители птиц. В этой связи текущая задача состоит в изучении возможности систематизированного представления орнитовокализации средствами человеческого языка и демонстрации фрагмента вышеуказанного словаря.

Прежде чем остановиться на преимуществах систематического метода, необходимо оценить имеющиеся языковые средства для обозначения орнитовокализаций, представив обзор, выполненный на основе анализа справочной орнитологической литературы на русском, английском и французском языках [Брикетти 2004, Второв, Дроздов 1980, Демянчик 2003, Рябицев 2008, Флинт и др. 2001, Храбрый 1988, Bruun et al 1988, CB 2002, HBE 1988, NEB 2004, Oiseaux.net 1996–2024, Peterson et al 2004, Snow, Perrins 1998, Svensson, Grant 2000], и другой орнитологической литературы. Эмпирический материал составили вокализации 158 видов неворобьиных птиц и 102 видов воробьеобразных птиц.

5.3.1. Звукосочетание

Условное обозначение основных вокализаций птиц распространено в орнитологической литературе. С помощью различных звукосочетаний можно воспроизвести позывы и пение (для воробьеобразных птиц) или крики и токовое пение (для неворобьиных птиц).

Вербализованные позывы, которые обнаруживаются в справочниках-определителях, – это, как правило, основные призывные крики, сигналы тревоги, крики в полете или же крики, издаваемые возле гнезда. У неворобьиных птиц, в частности ястребообразных, гусеобразных и совообразных, различаются основные позывы самцов и самок. Например, тревожные позывы самца болотного луня (*Circus aeruginosus*): повторяющееся «*chakara-chakara»*, у самки – высокое «*chink-chink»* (фр.) [см. Oiseaux.net 1996–2024]; брачный крик самца длиннохвостой неясыти (*Strix uralensis*) звучит как низкое *«HU-OOO HOOO hu HOO-hoo»* [Snow, Perrins 1998 (1): 912], а характерный позыв самки обычно очень грубый, каркающий двусложный *«kre-ef»* (англ.) [Svensson, Grant 2000: 208].

Токовое пение многих неворобьиных служит их визитной карточкой, и также поддается записи в виде звукосочетания. Более сложное токовое пение делится на фазы, каждая из которых характеризуется отдельно, как например, при описании токования дупеля (*Gallinago media*): (1) (*bibbling phase*) представляет собой

трелевое или щебечущее «bibbelibibi…», (2) (*bibbling phase*) аналогична первой, но *звучит ниже тоном*, (3) (*drumming / clicking phase*) барабанная дробь или щелканье *«klu-kee-kekekekeke…» с понижением громкости к концу*, (4) (*whizzing phase*) состоит из *сильных, вибрирующих, свистящих нот, постепенно затихающих* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 640].

Вокализации неворобьиных птиц (позывы и токовое пение), как правило, хорошо поддаются переложению с помощью звукосочетаний, поскольку не отмечены сложностью. Например, характерные позывы речной крачки (*Sterna hirundo*): *звонкий крик* «*криа-крриа*» и «*кик-кик*» (рус.) [Храбрый 1988: 112], *a grating* «*kee-yak*»*; in alarm, with emphasis on 1st syllable, angry* «*kek-kek*» (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 782], *«kirri-kirri*», «*kvi-kvi*» *et un* «*kit*» *bref* (фр.) [Bruun et al 1988: 158]; *громкое и глухое* воркование вяхиря (*Columba palumbus*): *гхуу-гхуу-хуу-ху-ху* (рус.) [Демянчик 2003: 174], *repeated «coo-cooo-co-co-coo»* (англ.) [Peterson et al 2004: 143], *«rou-rouou-rou-rou-ru»* (фр.) [см. Oiseaux.net 1996–2024].

Основные позывы воробьеобразных также без затруднений фиксируются в определителях. Например, основной призывный сигнал белобровика (*Turdus iliacus*) – нежное протяжное *«тсиии»* (рус.) [Кайгородов 2006: 199]; характерный позыв поползня (*Sitta europaea*) – «*sit sit»* aigu, в тревоге: *«tvet tvet tvet»* répété sur un rythme rapide (фр.) [Bruun et al 1988: 272].

Звукосочетания, передающие позывы и токования, отмечены варьированием, что обусловлено фонемным инвентарем конкретного языка интерпретации. Например, типичный позыв зяблика (*Fringilla coelebs*): *«твинь»* или *«пиньк»* (рус.) [Рябицев 2008: 558], «*chink»* или «*fink*» (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1):1543], «*tink tink*» (фр.) [Bruun et al 1988: 278]; брачное токование кулика-сороки (*Haematopus ostralegus*): громкое «*кевик… кевик… кевик… киккивикквикквирр…»* (рус.) [ЖЖ 1986: 226], *clear, high-pitched whistling notes falling in pitch slightly «swee-swee-swee-swee-swüü»* (англ.) [Svensson, Grant 2000: 144], *cris aigus et forts* «*klip klip klip*» (фр.) [см. Oiseaux.net 1996–2024].

Ввиду субъективизма человеческого восприятия и наличия диалектного варьирования вокализаций наблюдаются расхождения в звукосочетаниях,

передающих позывы и в пределах одного языка. Так, голос вертишейки (*Jynx torquilla*) передается в русском языке как *громкое* «*кяй-кяй-кяй*» [Демянчик 2003: 224], *звонкое* «*ке-ке-ке-ке...*» из 10-12 слогов [Второв, Дроздов 1980: 122], *часто повторяемое* «*тей, тей, тей, тей, тей*» или «*ти, ти, ти, ти, ти, ти*» [Кайгородов 2006: 45], *гнусавое «кии-кии-кии»* или *«кнюю-кнюю-кнюю»* [Рябицев 2008: 352]; в английском языке: *a «quee-quee-quee-quee» of complaining quality* [Snow, Perrins 1998 (1): 982], *a series of 6–9 mechanical-sounding whistles which gradually drop in pitch «kii kii küü, küü, küü, kuu»* [Svensson, Grant 2000: 224], *nasal, repeated «kyee kyee»* [Peterson et al 2004: 156]. Аналогичное варьирование обнаруживается в звукокомбинациях пения воробьиных как внутри отдельно взятого языка, так и в разных языках. Примеры переложения песни пеночки-теньковки (*Phylloscopus collybita*): «*тень-тинь-тянь-тянь, тень-тпень*» (рус.) [Демянчик 2003: 336], «*silt sűlt sűlt sult silt silt sult sűlt sűlt silt…*» (англ.) [см. Svensson, Grant 2000], *repetitive et obstiné «tsip, tsip, tsip» est un des plus faciles à repérer* (фр.) [см. Oiseaux.net 1996–2024].

Сравнительный анализ спектрограмм человеческого голоса, произносящего звукосочетания, из которых составляется запись птичьего сигнала, со спектрограммами данных сигналов птиц, показывает их сходство [см. Pieplow 2021]. Так, отмечено, что выбор гласных для отображения птичьего голоса «соответствует принципам обозначения высоты голоса и его модуляций» [Курашкина 2011: 239].

Таблица 6 – Соответствие английских гласных
передаваемой высоте птичьих сигналов

Гласные	Фонетические символы
ee и **y** (как в *feel* и *yell*)	[i:] и [j]
ih (как в *bit*)	[ɪ]
eh (как в *set*)	[e]
ah (как в *garden*)	[ʀ]
oh (как в *phone*)	[qV]
er и **r** (как в *bird* и *rib*)	[ɛ:] и [r]
oo и **w** (как в *soon* и *wing*)	[u:] и [w]

Приводимый перечень английских гласных и некоторых сонантов (полугласных) в порядке уменьшения обозначаемой ими высоты (см. таблицу 6, модифицированную на основе данных Н. Пиплоу [см. Pieplow 2021]) указывает на то, что определенный набор гласных способен передать соответствующие высотные характеристики сигналов. Так, «*coo* (*ду-ду*) и *hoot* (*хуу-хуу*) обозначают низкотональные позывы голубиных и совиных птиц, а *seet* и *peep* (*цсит, сии, пинь*) передают высокотональные сигналы различных воробьеобразных» [Курашкина 2011: 239] (см. Таблицу 6).

Вокализации, характеризующиеся монотонностью, маркируются удвоением гласных: *оо-роо-соо*. Передача изменения тона в сторону повышения или понижения достигается посредством сочетания двух гласных, различающихся по высоте, например, *клю-э* или *wh-eh* (аналогия с тоном Low Rise); *фи-у* или *ре-w* (аналогия с тоном High Fall). Изменение тона по восходяще-нисходящей или нисходяще-восходящей линии отмечается тремя гласными с высотной кульминацией на среднем элементе, например, *ке й яа* или *ау ее а* (аналогия с тоном Rise-Fall) или самой низкой нотой на средней гласной: *пь я и* или *ph оо et* (аналогия с тоном Fall-Rise).

Долгота вокализации маркируется различным количеством сочетаний гласных и типом слога, например, открытый слог с удвоением или утроением гласных свидетельствует о долгих вокализациях (*хуу-хуу-ухууу* или *роо-роо-роо*); закрытый слог с одной краткой гласной соответствует короткой и резкой вокализации (*цик. чик* или *fink, pink*).

В звукосочетаниях, применяемых для передачи птичьих голосов, активно используются согласные, которые служат индикаторами тембральных особенностей вокализаций (см. Таблицу 7, отражающую результат анализа звукосочетаний, взятых из русско- и англоязычных орнитологических справочников-определителей).

Таблица 7 – Соответствие русских и английских звукосочетаний высоте и тембру птичьих сигналов

Характеристика сигнала	Русские звукосочетания	Английские звукосочетания
1. Очень высокие сигналы различной длительности	цит, цет, цик, цли, ци-ци, цити, си, тисиси, ти-ти, тсип, тсит, псит, зив, сит, тюп, тюв	tweek, psee, pee, tseep, tsee, dzzeep, sweep, seee, zeet, tzitzi, zip, zit, zik, tit, tsip, tic, sip, tssp, tsink
2. Высокие, резкие и звонкие	цзик, дзит, дзик, цвинь, твинь, пиньк, пинь	tswik, tsweest, tzig, tswip, chwit, ptik, kik, ptik, kek, teck, tick
3. Высокие, резкие свистовые	фить, фьюить, фюить, твить	whit, wheet
4. Высокие свистовые с меланхолическим оттенком	тюли, фиули, фюю, тюю	hjuuk, pew, peu, kew
5. Высокие, протяжные с меланхолическим оттенком	тили, тлии, псии, тсии, птии, сиип, зии, йии	hiu, feeoo, wheu, teup, tseu, tsiu, seeou
6. Высокие, протяжные с носовым оттенком	кнюю, кни-кни, кии-кии	kyee-kyee, geea, djuee, dzwee
7. Высокие, нежные трелевые	сирьрьрь, сьрьрьрь, трии, пррю, тюрюрю	zhreee, sreee, zerrr
8. Высокие, журчащие или щебечущие	вит-вит, чррит, трри	cheevli, tchivi, tchi-tchirrp, chirrup, tsee-sirrp, tsee-tee, tsee-tsewit, twit, tchirrip, schwer, schwee
9. Высокие металлические или щелкающие	кип, клип, клеп	click, glipp, kleup, chink
10. Высокие, пронзительные с восходяще-нисходящей модуляцией	кьяаа, кийяа, кейяа, йа	ayeea, kay-ee, kyow, gi-ou, kee-a
11. Резкие, короткие, глухие или сухие	чок, чек, чет, чкчк	check, chack, tchook, tchak, tchuck, chittuc, shek-shek
12. Трескучие, щелкающие или трелевые разной высоты	тктк, тактак, трррррр, церрррр, чрррррр, кррр, керрр. кьяааррр	tchrrip, brrit, prrit, tsirr, kerr, churr, cir-chir, trrt, prrt
13. Жужжащие разной высоты	жжек, кжжеек, джээ, джей, вжжееу, жжррии	teez, sheeze, peez-eez
14. Низкие, раскатистые	крру, крро, крра	kru kru, prruk, skraak, kraaka, koo-rook, kaar, kwarr, kraa
15. Низкие с носовым оттенком	анг анг, ваак, кваак, аак аак, кааа, кэээ	ang-ank, kaank, aahng-ung-ung, aa-honk, ah-onk, gnuck-gnuck, aargh, kaaa
16. Низкие, приглушенные (хохочущие) различной длительности	ха-га-га, ка-ка-ка, кээ, кав, хаа-хаа	ha-ha-ha, haah-haah, ka-ka-ka, gah-gah
17. Низкие, урчащие различной длительности	уррр, турр-турр	druoo-u, oo-roo-coo, roo-roo, roor-rr, ooo-roo-oo, turrc

18. Низкие, глухие, монотонные различной длительности	ху-хуу, гуу-гуу, хуу-хуу-уху, гхуу-гхуу, ду-ду, бу-бу, угу-угу, уп-уп-у	hoo-hoo-hoo, oo-hu, hoop-hoop, boo-boo, whohoo, huhuhu, oop-oop, poo-poo-poo, coo-cooo, doo-dooh-do, kook-kook

Как показывает Таблица 7, при выборе звукосочетаний в рассматриваемых языках наблюдаются общие тенденции. Так, свистовой характер звучания требует присутствия звукосочетаний *фью, тв, тю* (рус.) или *wh, pew, hju* (англ.); жужжание отражается при помощи удвоенного начального *жж* (рус.) или финального *z* (англ.); очень высокие вокализации имеют начальные сочетания *ts, tsw, dz, tz*, реже *ps, sw* (англ.) и *тс, пс, ци, зи* (рус.) и т.п.

Для сравнения: сонографические исследования, проведенные на базе 22 звукоподражательных орнитонимов с целью выявления закономерностей, обусловливающих сходство звучания сигналов птиц и их звукоподражательных названий [Силаева и др. 1999: 16–17], показывают, что в названиях видов с высокочастотным голосовым диапазоном (*свиристель, чечетка, пеночка-теньковка*) максимальная энергия переносится на форманты высокочастотных согласных, а в таких орнитонимах, как *горлица, гагара, канюк* энергетический максимум переносится на основной тон. Наибольшее имитационное сходство формируется фонемными сочетаниями, прежде всего сочетаниями согласных, в то время как основной тон гласных не несет соответствующей энергетической нагрузки [см. также Силаева 2008]. В целом на параллелизм акустических сигналов птиц и голосовой коммуникации человека указывают сравнительные исследования младенческих и птичьих вокализаций [см. Калужникова 2018]; сходство наблюдается и в геномной специализации у способных к вокальному научению певчих птиц и человека [Хомский, Бервик 2021].

Безусловно, необходимо дополнительное изучение звукосочетаний, передающих на письме голоса птиц, с привлечением спектрограмм человеческого голоса для сравнения, что может существенно скорректировать полученные аналитические результаты.

Воспроизведение голоса птицы сугубо сочетанием определенных звуков – явление редкое; в основном оно дополняется описательными прилагательными,

которые характеризуют различные акустические свойства вокализации: 1) степень интенсивности голоса, 2) высоту, 3) тембр, 4) производимое впечатление, 5) динамику, 6) четкость звучания, 7) длительность звучания, 8) структуру звучащей единицы [Курашкина 2011: 240].

Интенсивность голоса варьируется от сильного, мощного, полнозвучного до тихого и слабого и отражается в языке с помощью таких прилагательных как, например: (фр.) *bruyant, claironnant, criard, cristallin, éclatant, fort; assourdi, demi-étouffé, discret, étouffé, faible, sourd*; (англ.) *bellowing, booming, far-carrying, fierce, forceful, full, intense, loud; faint, feeble, hollow, muffled, quiet, subdued, voiceless, weak*; (рус.) *громкий, гудящий, гулкий, звенящий, звонкий, звучный, крикливый; глухой, малозвучный, негромкий, приглушенный, тихий*. См., например, крик тревоги длиннохвостого поморника (*Stercorarius longicaudus*): «*krèpp-krèpp-krèpp» très* ***sonore*** (фр.) [Bruun et al 1988: 140].

Высота звучащего голоса описывается следующими эпитетами: (фр.) *aigu, ascendant, élevé, fin, grêle, haut / haut-perché, perçant, strident; bas, descendant, grave, profond, ventriloque; monocorde, monotone*; (англ.) *ascending, fine, thin, high / high-pitched, penetrating; deep, descending, low / low-pitched, ventriloquial; even, monotonous*; (рус.) *визгливый, высокий, писклявый / пискливый, пронзительный; басистый, глубокий, низкий, нисходящий; монотонный*. См., например, долгий крик короткохвостого поморника (*Stercorarius parasiticus*): *a loud, nasal «i-i-i-i-er» with* ***ascending*** *«i» units and* ***descending*** *«er»* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 701].

Для описания тембра звучащего голоса опираются на различные ассоциации, что объясняет присутствие метафорических переносов: (фр.) *âpre, argentin, brusque, chuintant, cliquetant, dur, grinçant, guttural, râpeux, rauque, vibrant, etc*; (англ.) *coarse, cracked, crude, cutting, dry, grating, gruff, guttural, hard, harsh, sharp, thick, throaty, tinkling, tinny, etc*; (рус.) *бархатистый, вибрирующий, горловой, гортанный, грубый, густой, дребезжащий, дрожащий, жесткий, мягкий* и т.п. Особенность русскоязычных прилагательных состоит в том, что позволяет передавать различные оттенки одного звучания при помощи суффикса, ср., например: *хриплый, хрипловатый* (немного хриплый) или *сиплый, сипловатый*

(слегка сиплый). Например, обыкновенная крачка (*Sterna hirundo*) издает ***резкие трескучие*** *звуки* (рус.) [Брикетти 2004: 150].

С тембром тесно связано производимое голосом птицы впечатление, потому бывает достаточно сложно провести грань между этими параметрами. В целом описание впечатления представляется неоднозначным. Предлагаемые определения отмечены антропоморфностью и субъективностью: то, что одному кажется меланхоличным, может звучать веселым для другого. Вот некоторые примеры подобных эпитетов: (фр.) *agréable, calme, désagréable, doux, énergique, excité, flûté, furieux, etc*; (англ.) *agitated, angry, baleful, melancholy, melodious, merry, etc*; (рус.) *благозвучный, веселый, взволнованный, грустный, жалобный, задорный* и т.п. В данную категорию попадают и прилагательные-метафоры, связывающие впечатление от голоса птицы со звучанием, присущим различным природным реалиям, антропомиру и миру артефактов, например, (фр.) *croassant, déchirant, gazouillant, querelleur, soupiré*; (англ.) *barking, bleating, bubbling, laughing, mewing, etc*; (рус.) *бормочущий, булькающий, ворчливый, ворчащий, стрекочущий, флейтовый, чмокающий*. См., например, тревожный сигнал орлана-белохвоста (*Haliaeetus albicilla*): *low-pitched, hard* ***knocking*** *«klek»* (англ.) [Svensson, Grant 2000: 74], самец полевого луня (*Circus cyaneus*) издает *протяжное,* ***дребезжащее*** *«ки-эррь»* (рус.) [Храбрый 1988: 64].

Некоторые прилагательные, в основном англоязычные и русскоязычные, характеризуют голос птицы посредством подражания вокализации другого представителя орнитофауны, например, (англ.) *cackling, cawing, clacking, clucking, cooing, croaking, hooting, quacking, twittering*; (рус.) *воркующий, клекающий, клекочущий, курлыкающий, свиристящий, ухающий, цивиликающий, цыкающий, чирикающий*. Например, крик тревоги самца полевого луня (*Circus cyaneus*) представляет собой ***квохчущее*** *«квек-квек...» или «ки-ки-ки-ки, ки-ки»* (рус.) [Рябицев 2008: 108].

Понимая динамику в широком смысле как «любые изменения в музыкальном развитии, а также их отражение в восприятии» [МЭС 2003: 174], выделены следующие языковые единицы для ее описания: (фр.) *accéléré, cadencé, discordant,*

espacé, étire, rythmé, saccadé, traînant, trillé, uniforme, etc; (англ.) *abrupt, accelerating, bouncing, brisk, decelerating, pulsating, rapid, regular, etc*; (рус.) *бодрый, быстрый, медленный, неторопливый, усиливающийся, ускоряющийся* и т.п. Например, токовая песня перевозчика (*Actitis hypoleucos*): *une suite **rapide** et **rythmée** de 4 sons «sissisissi»* (франц.) [Bruun et al 1988: 130].

Четкость звучания голоса птицы представлена следующим образом: (фр.) *accentué, aspiré, clair, distinct, emphatique, grasseyant, limpide, nasal, nazillard, net, pur, scandé*; (англ.) *accentuated, blurred, clear, distinctive, emphatic, gabbled, impure, nasal, pure, slurred, stressed, twanging, twangy*; (рус.) *гнусавый, гнусоватый, грассирующий, картавый, неразборчивый, неясный, носовой, резонирующий, хорошо слышимый, чистый*. См., например, характерный крик самца пеганки (*Tadorna tadorna*): *un sifflement **clair** «kvikvikvi»* (франц.) [Bruun et al 1988: 56].

Длительность звучания фразы или ноты отражается при помощи таких прилагательных: (фр.) *allongé, bref, continu, court, long, prolongé*; (англ.) *abridged, brief, clipped, continuous, drawling, drawn-out, elongated, incessant, lenghthy, long, long-drawn, prolonged, protracted, short, uninterrupted*; (рус.) *бесконечный, длинный, длительный, короткий, продолжительный, протяжный, растянутый, удлиненный*.

Структура звучащего сигнала определяется количеством присутствующих в нем элементов, их сложностью и обозначается таким образом: (фр.) *simple, élémentaire, complexe, disyllabique, trisyllabique* etc; (англ.) *plain, simple, complex, single, double, treble, triple, monosyllabic, disyllabic, trisyllabic, multisyllabic, polysyllabic*; (рус.) *простой, примитивный, сложный, двойной, беспорядочный, односложный, двусложный, трехсложный, одноколенный, двухколенный* и т.п. См., например, крик лесной завирушки (*Prunella modularis*) в тревоге: ***односложное** «тсии»* (рус.) [Рябицев 2008: 435].

Прилагательные, избираемые для уточнения акустических свойств голоса птицы, подвержены варьированию как в пределах одного языка, так и на межъязыковом уровне, что приводит к неоднозначности описания. Как и в случае со звукосочетаниями, расхождения обусловлены «субъективизмом восприятия

голосов птиц человеком, с одной стороны, и наличием у птиц местных и региональных диалектов, равно как и индивидуальными особенностями голоса, с другой стороны» [Курашкина 2009: 807]. Например, тревожный сигнал обыкновенной овсянки (*Emberiza citrinella*) передается следующим образом: *cri métallique «tzit»* (фр.) [см. Oiseaux.net 1996–2024], *a high-pitched «see»* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (2): 1650], *резкое «цзик» «цзикцик» или «цирк»* (рус.) [Рябицев 2008: 588]; крик во время полета обыкновенного зимородка (*Alcedo atthis*): (фр.) *un cri très strident* «*tchiii*» [см. Oiseaux.net 1996–2024], *sifflements sur aigus et perçants «tziii»* [Bruun et al 1988: 182]; (англ.) *a short, sharp whistled «zii» with afternote «zii-ti»* [*Sve*nsson, Grant 2000: 220], *a shrill «ch(r)ee» not particularly loud but extremely penetrating* [Snow, Perrins 1998 (1): 958]; (рус.) *многократно повторяемый пронзительный свист* «*циит, цийи*» [Демянчик 2003: 206], *отрывистый тонкий крик* «*цик-цик-цик*» [Второв, Дроздов 1980: 120]; *резкое и громкое* «*тиить*» [Кайгородов 2006: 318].

Запись демонстративных песен воробьеобразных птиц с помощью звукосочетаний представляет собой наиболее трудную задачу, что объясняется «склонностью представителей отдельных семейств к имитации чужих голосов и способностью представителей других семейств индивидуально варьировать свое пение» [Курашкина 2009: 807]. Единственным выходом в подобных случаях становится применение лексического описания, содержащего фрагменты звукосочетаний (см. подробнее 5.3.3. Глава 5).

5.3.2. Мнемоника

Под *мнемоникой* (от греч. *τό μνημονιχον* искусство или способность помнить) подразумевают «совокупность правил и приемов, помогающих запоминать нужные сведения» [Ожегов 1986: 305]. В настоящем подпараграфе рассматриваются мнемоники, или лексико-фонетические подражания, которые необходимы для облегчения запоминания птичьей вокализации, что обеспечивает распознавание вида по голосу, например, песня садовой овсянки (*Emberiza*

hortulana) передается с помощью вопросительной фразы: (фр.) *bines, bines, bines-tu?* (ты полешь, полешь?) [Bruun et al 1988: 290] (звукосочетание: *swee-swee-swee-swee-drii-drii* или *zeee-zeee-zeu-zeu* [Peterson et al 2004: 235]). Птицам приписываются компактные звукоподражательные тексты (слова, фразы или предложения) антропоморфного свойства, дарующие им способность «говорить человеческим голосом».

Отдельные мнемоники напрямую связаны с календарным циклом сельскохозяйственных работ, меняясь в зависимости от рода деятельности, к которой птицы побуждают человека. Так, пение обыкновенной овсянки (*Emberiza citrinella*) по весне предстает в виде текста: (рус.) *Покинь сани, возьми воз* или *Сено неси, да не тряси* (ср. звукосочетание, передающее песню: *зинь-зинь-зинь-зинь-зинь-ссии* [Кайгородов 2006: 149]). В английском языке устойчивой мнемоникой для этой птицы стала фраза (немного хлеба без сыра) *little-bit-of-bread-and-no-cheese* (ср. звукосочетание, передающее пение: *ch-chi-chi-chi-chi…chweee* [Peterson et al 2004: 234]). В немецком языке песня данного вида получила словесную интерпретацию, связанную с признанием в любви: *Wie, wie hab' ich dich lieb* (как, как я тебя люблю) или *S'is s'is noch viel zu früh* (еще слишком рано) [Брем 1912 (9): 444].

Голос большой синицы (*Parus major*) у немецких крестьян предупреждает: *Sitz ich hoch, so flick den Pelz* (если я сижу высоко, то чини шубу) или *S'is zu spät* (слишком поздно) [Брем 1912 (9): 608]. Русскоязычная мнемоника этого вида звучит как призыв: *це-пи це-пи це-пи пили-пили-пили* [Бёме 2006: 235, ЖЖ 1986: 433] (звукосочетание, передающее песню: *цици-вю, цици-вю* или *цици-фюють, цици-фюють, ци-ци-фю, ци-ци-фю* [Кайгородов 2006: 54].

Вокализации птиц, являющихся вестниками весны и сигнализирующих о начале нового хозяйственного года, служат своего рода приметами. Например, пение обыкновенной чечевицы (*Carpodacus erythrinus*) на Камчатке передают: *Чевичу видел?,* подразумевая крупный вид лосося, время хода которого совпадает с прилетом птицы в эти края (звукосочетание: *чи-чви-чви-чиу* или *чеви-чви-чиу* [Кайгородов 2006: 95]).

Наделяя птиц даром речи, человек одновременно приписывает несвойственное им вербальное поведение, заставляя хвастаться или давать шутливые наставления. Так, крестьяне северной Германии, куда иволга (*Oriolus oriolus*) прилетает в первой половине мая (приблизительно на Троицу), сложили из ее песни поучительные фразы: *Pfingsten Bier hal'n; aussaufen, mehr hol'n* (на Троицу неси пиво; выпей и неси еще) или *Hest du gesopen, so betahl och* (выпил, так и плати же) [Брем 1912 (9): 369] (одно из звукосочетаний, передающих пение: *фи-тиу-лиу, фиу-лиу-ли, фиу-лиу* [Рябицев 2008: 408]).

В мнемониках птицы могут давать различные команды, как, например, самец белой куропатки (*Lagopus lagopus*): *go-back go-back* (назад, назад) (звукосочетание: *koh<u>Wa</u>-koh-<u>Wa</u>-koh<u>wa</u>* [Snow, Perrins 1998 (1): 433]). Охотники Верхней Баварии передают крик самца рябчика (*Bonasa bonasia*) следующим текстом: *Zieh, zieh, zieh, bei der Hitz' in die Höh* (иди, иди, иди, в жару на высоту) [Брем 1912 (7): 147], а в России слышат в его брачном свисте слова: *пять-пять-тетеревей* (звукосочетание: *tsissi-tseri-tsi, tsi, tsi / tseeuu-eee tititiri* [Peterson et al 2004: 85] или *фиишть, фюиишть, фюИть-ти-ти-те-тю* [Рябицев 2008: 162]).

В звукоподражательных текстах птицы выговаривают человеческие имена, например, в Западной Сибири считают, что большой веретенник (*Limosa limosa*) кричит *авдотья, авдотья* [ЖЖ 1986: 173] (звукосочетание *вуЭтю-вуЭтю-вуЭтю...* [Рябицев 2008: 254]); пеночка-теньковка (*Phylloscopus collybita*) в своей песне обращается к тетеньке: *Тё-тинь-ка встань-те в тень!* (звукосочетание: *тень-тинь-тень-тюнь-тень-тинь-тень-тюнь...* [Мальчевский 1994: 523]), а обыкновенный удод (*Upupa epops*) твердит: *Худо тут!* (ср. звукосочетание *упупуп* или *утутут* [Кайгородов 2006: 314]).

Мнемоники могут формироваться в виде вопросительных предложений, что обусловлено тональностью птичьего сигнала, так, сигнал беспокойства чибиса (*Vanellus vanellus*) традиционно интерпретируется в русском языке как *Чьи вы? Чьи вы?* [ЖЖ 1986: 223] (звукосочетание, передающее тревожный позыв: *чьи-чи, чьи-ви* [Демянчик 2003: 136]). Чечевица спрашивает в своей песне: *Ты Витю видел?* [Рябицев 2008: 574] или *Чечевицу видел, чечевицу видел?* [Нестерова 2003: 287]

(звукосочетание, передающее песню: *чи-ви-чю-ви-чю* [Демянчик 2003: 386] / *тю-ти-вититю?* [Рябицев 2008: 574]). Сойка (*Garrulus glandarius*) задает вопрос: *Как? Как?* [Гура 1997: 737]. Серая славка (*Sylvia communis*) повторяет: *Take it today, take it too?* [см. Svensson, Grant 2000] (возьмешь сегодня, возьмешь тоже?), в звукосочетании: *cheechiwee-cheechiweechoo-chiwichoo* [Snow, Perrins 1998 (2): 1312].

Трудновоспроизводимые, вариативные песни воробьеобразных птиц интерпретируются с помощью не менее сложных и вариативных текстов, за которыми довольно трудно уловить саму вокализацию. Тем не менее, такие тексты дают представление о ритмической основе и тембральном рисунке песни. Например, пение дроздовидной камышовки (*Acrocephalus arundinaceus*), похожее на трещание или кваканье лягушек, в Мекленбурге получило такое словесное выражение: *Karl, Karl, Karl, Karl! Kikik! Kikik! – Wecker (welcher), wecker, wecker, wecker? – De Dick, de Dick, de Dick!* (Карл, Карл! Смотри, смотри! – Который, который? – Толстый, толстый!) (звукосочетание: *доррe доррe доррe, каррe каррe каррe, керр керр керр, кей кей кей кей, каррe каррe каррe, китт*) [Брем 1912 (9): 104]. В русском языке песню данного вида передают с помощью перечисления: *карась… карась… рак… линь… линь* (звукосочетание: *каре-каре-кит-кит-рак-рак* [Демянчик 2003: 322]).

Мнемоники признанных певцов пернатого царства существуют в нескольких вариантах, что свидетельствует о структурной сложности демонстративной песни, с одной стороны, а, с другой стороны, о креативных возможностях человеческого языка, подстраивающегося под любые звуки природного мира. Ярким примером имитационного словотворчества служат русскоязычные мнемоники песни певчего дрозда (*Turdus philomelos*), способствующие распознаванию вида, несмотря на свою образность: 1) *Филипп! Филипп! Иди, иди чай пить, чай пить… с сахаром. Скккорррей, а то остынет* [Нестерова 2003: 264] или же сокращенная версия*: Филипп-филипп, приди-приди, чайпить-чайпить-чайпить…*[Рябицев 2008: 526]; 2) *Ни-ки-та, Ни-ки-та, чай-пить, чай-пить… выпьем, выпьем… ну-ка-кто-скорей, ну-ка-кто-скорей* или же *По-ско-рей, чай-пить, чай-пить, иди, иди* [Второв,

Дроздов 1980: 153]; 3) *Приди-кум, приди-кум, приди-кум, Деньги – есть! Деньги – есть! Выпьем, выпьем* [Кайгородов 2006: 207]; иногда отдельные строфы передают такими словами: *Деньги есть!... Выпьем!... Василий!... Кто велит...*. (приблизительное звукосочетание: *та-вид, та-вид, та-вид-тир, спири-тум, ту-литтие* [Демянчик 2003: 286]). По мнению знатока птиц И.К. Шамова, сложные «слова» дроздовой песни передать нельзя, но и «слова» у каждой птицы различны, т.е. свои, индивидуально-специфичные [см. Шамов 1910].

Подводя итог, важно отметить, что точность мнемоники зависит от степени сложности вокализации. Сравнивая звукоподражательные тексты с звукосочетаниями птичьих сигналов, приходится признать вспомогательную роль первых, причиной чему является произвольность мнемоник и, следовательно, удаленность от звучащего оригинала. Несмотря на данное обстоятельство, мнемоника важна и активно используется при описании вокализаций, обеспечивая распознавание видов по голосу и приобщая носителей языка к обитателям нашего общего дома через культуроносные тексты.

5.3.3. Лексические средства обозначения вокализаций

Среди лексических средств, находящих активное применение при вербализации вокализаций, стоит выделить глаголы-звукообозначения, сравнения и собственно лексическое описание.

Глаголы-звукообозначения

В каждом языке существует группа базовых лексем, применяемых для описания акустических сигналов птиц в целом. К таким звукообозначениям относятся следующие глаголы: (рус.) *петь / распевать, звенеть, заливаться, свистеть* (о певчих птицах), *щебетать, чирикать* (о мелких воробьиных птицах), *кричать, гукать, ухать, визжать, верещать, пищать* (о крупных неворобьиных птицах для обозначения криков различной интенсивности и высоты) [Васильев 2000: 133–135, Ожегов 1986]; (англ.) *sing, pipe, warble, trill, whistle, flute* (о певчих

птицах), *tweet / tweedle, twitter, chirp / chirrup* (о мелких воробьиных птицах), *cry, scream, screech, shriek, squeak, squall, wail, yelp* (о крупных неворобьиных птицах для обозначения криков различной интенсивности и высоты) [LDOCE 2006, Мюллер 1978]; (фр.) *chanter, triller, siffler* (о певчих птицах), *ramager, gazouiller, pépier* (о мелких воробьиных птицах), *crier, glapir, piailler* (о разных птицах для обозначения криков различной интенсивности и высоты) [Robert 2008, НФРС 2008].

Помимо обозначений с широкой семантикой, для описания вокализаций конкретных представителей орнитофауны используются специфические лексемы, закрепленные за определенным видом птицы. При этом вокализации одних видов передаются значительным количеством звукоподражательных глаголов (фр. *courcailler, carcailler, margauder, margotter* – о перепеле), а для других существует ограниченное число специальных лексических средств (англ. *caw, croak* – о ворóне) либо их голоса обозначаются при помощи базовых глаголов, обладающих широкой семантикой (рус. *щебетать, журчать* – о славке).

Представляется, что звукообозначений специфического свойства тем больше, чем более значимы определенные птицы для носителей языка, чем более характерны и узнаваемы их голоса и чем лучше эти голоса соответствуют возможностям фонологической системы конкретного языка [Рузин 1993: 22]. Так, каждой домашней птице соответствует свое особое (и не одно) обозначение ее голоса: ср., например: (фр.) *cacarder, criailler, siffler, jargonner* (о гусе), *caqueter, claqueter, glousser* (о курице); (англ.) *cackle, gabble, gaggle, hiss* (о гусе), *cluck, cackle, chuck, chuckle, squawk* (о курице); (рус.) *гоготать* (о гусе), *кудахтать, квохтать, клохтать* (о курице).

Во французском языке звукообозначения, передающие вокализации воробьеобразных птиц, отмечены видоспецифичностью, на что обращает внимание В.Г. Гак [Гак 1977 (2): 187], проводя сравнение французских слов, обозначающих крики животных, с их русскими аналогами. Можно предположить, что некоторые виды птиц особо отмечены и любимы в данной культуре, коль скоро человек хорошо знает их голоса и закрепляет в языке специальным глаголом. См.,

например, вербализованную передачу щебета деревенской ласточки (*Hirundo rustica*): *trisser, babiller, triduler, truissoter* или вербализацию пения западного соловья (*Luscinia megarhynchos*): *triller, gringoter, quiriter*. Голоса этих же видов птиц в русском и английском языках передаются при помощи глаголов-звукообозначений общей семантики: (англ.) *twitter*, (рус.) *щебетать* – о деревенской ласточке; (англ.) *pipe, warble, whistle, flute* – о соловье. Только врановые птицы отмечены некоторой специфичностью: (англ.) *caw, croak,* (рус.) *каркать* (о граче, во́роне, вороне).

Для передачи акустических сигналов неворобьиных птиц количество видоспецифических глаголов-звукообозначений в рассматриваемых языках возрастает. Описанию подвергаются токование (брачные песни) и типичные позывы, см., например, контактные крики разнообразных сов: (фр.) *huer, boubouler, (h)ululer, aboyer, grogner* – о филине (*Bubo bubo*), (англ.) *hoot, whoop, screech, shriek, hiss* – о серой неясыти (*Strix aluco*), (рус.) *кричать, укать, гукать, ухать* – о домовом сыче (*Athene noctua*).

Для обозначения вокализаций активно используются глаголы, содержащие метафорический перенос звучания других природных реалий или звуков антропосферы. Так, токование сойки (*Garrulus glandarius*), имеющей хорошие имитационные способности, передается при помощи глаголов (англ.) *chatter, click,* (рус.) *трещать, булькать, щелкать*; крики коростеля (*Crex crex*), похожие на скрежет, обозначаются соответствующим образом: (фр.) *racler*, (англ.) *rasp*, (рус.) *скрипеть*; брачные крики вальдшнепа (*Scolopax rusticola*) характеризуются как храп, хрип или чихание: (англ.) *snore, sneeze*, (рус.) *хрипеть*.

Любопытный пример метафоризации дают обозначения сложного пения обыкновенного соловья (*Luscinia luscinia*) или токования глухаря (*Tetrao urogallus*), известные в основном охотникам и любителям птиц. Охотники дают такие названия коленам соловья: *бульканье, клыканье, дробь, раскат, пленканье, лешева дудка, кукушкин перелёт, гусачек, юлиная стукотня, почин, оттолчка, свисты, трели, стукотни* [Даль 1982 (4): 266]. Токование глухаря подразделяется на 2, 3 или 4 части, демонстрирующие свои метафорические наименования: (рус.) 2 части

щелканье и *скрежетание, точение или скирканье* (длительностью 3–4 секунды, в течение которых птица не слышит) [Рябицев 2008: 159], (фр.) 3 части *un bruit bizarre avec des notes séparée* (de plus en pleu rapides) (щелкающая трель), *un bruit d'extraction de bouchon* (звук вынимаемой пробки) и *des crissements* (скрежетание) [Bruun et al 1988: 96]; (англ.) 4 части: *tapping, drum roll, cork pop* и *gurgling* или *wheezing* [Snow, Perrins 1998 (1): 445].

Особый случай метафоризации представляет собой перенос звуков, издаваемых различными животными, на голос птицы, например, с хрюканьем, лаем и кошачьими воплями связываются крики ночных хищников: (фр.) *aboyer, grogner* (о филине), *miauler* (о домовом сыче), (англ.) *bark* (о филине), *caterwaul* (о домовом сыче); мычанию уподобляются весенние крики большой выпи (*Botaurus stellata*): (фр.) *mugir*, (рус) *мычать*; рычание или блеяние напоминают неприятные «кошачьи» позывы иволги (*Oriolus oriolus*): (англ.) *growl, bleat*.

Для характеристики акустических сигналов ряда птиц, в особенности склонных к имитации других вокализаций, могут применяться глаголы, обозначающие узнаваемые голоса других видов, например, (англ.) *coo* (о самце тетерева); (англ.) *croak* (о беркуте); (фр.) *cacarder*, (англ.) *cluck*, (рус.) *кудахтать* (о сойке); (англ.) *cluck* (о во́роне).

Стоит обратить внимание на использование просторечных и редкоупотребительных обозначений голосов птиц, которые по меткости отображения вокализации не уступают общепринятым голосовым характеристикам. См., например, (рус.) *дерг-дерг→ дергать → дергун, дергач / деркач* (о коростеле), *ки-ги → кигикать → кигичка, кигикалка* (о чайке), *рюм → рюмить* (о зяблике), *крукать* (о во́роне); (англ.) *yaffle → yaffle* (о зеленом дятле), *poop* (об удоде), *bubble* (о самке кукушки); (фр.) *friguloter, fringoter, gajoler, cageoler, cajacter* (о сойке), *picasser, pleupleuter* (о зеленом дятле), *agasser* (о сороке), *corailler* (о граче), *corbiner* (о воро́не).

В целом глаголы-звукообозначения сопоставимы со звукосочетаниями, главным образом, по степени приближения к звучащим оригиналам. Более того, глаголы дополняются передачей голоса с помощью сочетаний звуков, что

обеспечивает точность вербализации, например, длиннохвостая неясыть (*Strix uralensis*) при тревоге *«лает»: хау-хау;* а обеспокоенная у гнезда самка кроме «лая» *издает более высокий звук «вяк-вяк»* [Пукинский 1977: 204].

Сравнение

Весьма распространенным средством, к которому прибегают справочники-определители, являются сравнительные конструкции, уподобляющие наиболее яркие вокализации звучанию всевозможных природных реалий и антропогенным звукам, в том числе звукам, издаваемым человеком и артефактами. Такой прием хорошо срабатывает, подключая ассоциативное мышление, если звук-эталон имеет широкое распространение и безошибочно воспроизводится в сознании носителей языка. Например, щелканье, издаваемое во время токового пения дупеля (*Gallinago media*), сравнивают со звуком, извлекаемым пальцем, когда им быстро проводят по зубьям расчески: when not heard at a close range, *resembles a sound produced by a running finger at increasing speed along the teeth of a comb* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 640], а песню зеленой пеночки (*Phylloscopus trochiloides*) уподобляют *звукам, которые получаются, если тереть скомканной газетой стекло* (рус.) [Рябицев 2008: 476].

Встречается немало примеров, в которых звук-эталон представлен ***звоном колокольчика*** или ***бубенчиков***. Так, брачный голос самца большого крохаля (*Mergus merganser*) включает в себя высокие «колокольчиковые» нотки: *faint, high-pitched,* ***bell-like*** *notes* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 281]; песня зарянки (*Erithacus rubecula*) *заканчивается мелодичным перезвоном* ***серебристого колокольчика*** (рус.) [ЖЖ 1986: 409]; ***крошечному колокольчику*** подобна песня обыкновенной овсянки (*Emberiza citrinella*) (рус.) [Кайгородов 2006: 149].

Встречаются примеры уподобления вокализаций ***звукам различных работающих механизмов***: самец малого зуйка (*Charadrius dubius*) во время демонстрационного полета может издавать монотонный звук механического свойства: *a muffled,* ***almost machine-like****, never-ending «gree-ai gree-ai gree-ai…»* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 564]; брачный голос болотной совы (*Asio flammeus*)

напоминает ***отдаленное пыхтение парового двигателя***: *a low-pitched, hollow «boo-boo-boo-boo», resembling a distant puffing of a steam engine* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 921]; жужжащая брачная трель обыкновенного козодоя (*Caprimulgus europaeus*) в присутствии самки может переходить в отрывистые звуки, заканчиваясь треском, что напоминает ***звук заглохшего двигателя***: *reeling may change into a hacking «fiorr, fiorr» and ends with a halting rattle (sounds like engine breakdown)* (англ.) [Svensson, Grant 2000: 216]; монотонная стрекочущая песня обыкновенного сверчка (*Locustella naevia*) похожа на ***жужжание спиннинга***: *longue stridulation monotone ressemblant au bruit d'un moulinet de canne à pêche* (фр.) [Bruun et al 1988: 226].

Достаточно оригинальны сравнения голосов птиц с игрой на различных музыкальных инструментах: крики в полете, похожие на звуки ***трубы или охотничьего рожка*** издает лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*): *loudest calls with musical* ***trumpet or bugle-like*** *quality* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 170], (рус.) [Брикетти 2004: 48]; звуки ***контрабаса*** напоминают некоторые крики ворона (*Corvus corax*) (рус.) [Второв, Дроздов 1980: 212]; словно на ***скрипочке*** выводит брачные трели перевозчик (*Actitis hypoleucos*): *пиули-ти-пиули-ти* (рус.) [Кайгородов 2006: 16]; позыв чижа – характерные «*тви...твии»*, как будто кто то пробует ***звучание скрипки*** (рус.) [Второв, Дроздов 1980: 200].

Не менее востребованы в определителях сравнения со звуком-эталоном, относящимся к природной среде, например, с ***треском ломающегося льда*** сравнивают основной позыв самца чирка-трескунка (*Anas querquedula*): *a mechanical-sounding rattle, recalling a* ***crackling noise of breaking ice*** (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 228].

В качестве эталона сравнения могут использоваться ***звуки, продуцируемые разнообразными живыми существами***, например, на ***беличье цоканье*** похож позыв мохноногого сыча (*Aegolius funereus*): *the commonest call is* ***squirrel-like*** «*chiak*» (англ.) [Svensson, Grant 2000: 210], *des «tchiii-àk» stridents (****comme des cris d'écureuil)*** (фр.) [Bruun et al 1988: 172].

Хорошо известно сходство позывов некоторых видов с ***кошачьим криком***, например, иволга (*Oriolus oriolus*) издает *резкие, неприятные звуки, напоминающие* ***крик кошки****, которой наступили на хвост* (рус.) [Кайгородов 2006: 180], *drawn-out,* ***cat-like*** *squalling* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (2): 1426–1427]; ***мяуканьем***, как например один из позывов (плачущий крик) краснозобой гагары (*Gavia stellata*): *wailing-call resembles* ***meowing of a cat*** (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 5], (рус.) [Брикетти 2004: 20] или ***мурлыканьем***, см., например, один из позывов перепела (*Coturnix coturnix*): *a quiet rasping «gurr gurr gurr», recalling* ***purring of a cat*** (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 470].

Вокализации ряда видов неворобьиных птиц обнаруживают сопоставления с ***лаем или тявканьем***. Например, ***тявканью щенка*** подобен голос самца орлана-белохвоста (*Haliaeetus albicilla*): *calls of a male often recalls* ***yelping of a puppy*** (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 308]; ***лаю щенка*** уподобляется тревожный крик длиннохвостой неясыти (*Strix uralensis*): *cri d'alarme ressemble* ***au aboiement de chiot*** *«ouaff»* (фр.) [Bruun et al 1988: 174]; ***лай собаки*** слышится в крике опасности обыкновенного филина (*Bubo bubo*): *отрывистое «яв-яв»* (рус.) [Демянчик 2003: 180], а брачный голос волчка или малой выпи (*Ixobrychus minutus*) напоминает ***каркающий***, ***лягушачий*** сигнал или походит на ***собачий лай***: a low-pitched, short, far-carrying «hogh», «rru» or «woof» described as *croaking,* ***froglike*** *or resembling* ***a deep bark of a dog*** (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 107].

Кваканью амфибии уподобляется, например, одна из брачных трелей чернозобика (*Calidris alpina*) в полете: *a regularly repeated series of harsh* ***frog-like wheezez*** *«wrrrrah wrrrrrah wrrrrrah»* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 624] или же токование песчанки (*Calidris alba*): *highly complex, loud, distinct and* ***frog-like*** (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 603].

С ***ржанием жеребенка*** сравнивается голос черного коршуна (*Milvus migrans)*(рус.) [Рябицев 2008: 106] или же свистовые трели малой поганки (*Tachybaptus ruficollis*): *a shrill, rippling peal of notes like a high-pitched whining of a horse* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 17]; с ***визгом поросенка, которого ведут на убой***, сравнивают токование водяного пастушка (*Rallus aquaticus*): *les cris de*

porcelet égorgé «grruwèèit grruit, grou, gra» (фр.) [Bruun et al 1988: 106]; на ***похрюкивание поросят*** похож один из позывов самца-коростеля (*Crex crex*), демонстрируемый во время брачных игр: *somewhat like grunting squeal of young pigs used during sexual display* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 499].

Эталоном для сравнительного описания некоторых вокализаций становятся ***антропофоны***, например, ***звукам горловой прочистки*** уподобляют редко звучащий голос обыкновенной колпицы (*Platalea leucorodia*): *un son ressemblant à un éclaircissement de gorge* (фр.) [Bruun et al 1988: 40]; резкий позыв, издаваемый на взлете обыкновенным бекасом (*Gallinago gallinago*), сравнивается с ***чавкающим звуком от резинового сапога, вытягиваемого из грязи***, а иногда воспринимается как ***звук сдавленного чихания***: *abrupt, scraping «catch» (like a rubber boot being pulled out of soft mud), tends to be disyllabic «caatch» (like a muffled sneeze)* (англ.) [Svensson, Grant 2000: 150]; сухой треск, ***похожий на храп***, слышится в обычном сигнале дерябы (*Turdus viscivorus*), производимом в полете (рус.) [Рябицев 2008: 527].

Вербализованные вокализации, содержащие сравнения, довольно разнообразны и находят интересные образные интерпретации у разных авторов. Возьмем в качестве примера описание песни пеночки-трещотки (*Phylloscopus sibilatrix*): *концовка трели напоминает* ***стук швейной машинки*** «*cuppppppp»* (рус.) [Нестерова 2003: 276] или ***работу электрической швейной машинки*** «*cuncuncun-сил-mpppppp...»* (рус.) [Второв, Дроздов 1980: 163] или же ***звук вращающейся монетки на мраморной плите***: *an accelerating series of sharp metallic call-like notes ending in pulsating trill «zip… zip… zip... zip, zip, zip, zip, zip zip-zip-zipzipzipzipzvűrrrrr» likened to a spinning coin on a marble slab* (англ.) [см. Svensson, Grant 2000].

Справочники-определители также предлагают описания вокализаций, содержащие сравнения с голосами других представителей орнитофауны. Специалисты могут легко ориентироваться в подобных характеристиках голоса, для любителей же такая информация представляется недостаточной, особенно если сравнению подлежат голоса близкородственных видов.

В качестве птицы-эталона избирается представитель того же семейства, если его акустические сигналы схожи с описываемым видом, или же другой вид, чей голос напоминает голос описываемого вида. Например, голос большой морской чайки (*Larus marinus*) уподобляется голосу серебристой чайки и клуши с поправкой на тональность сигнала: *calls are* ***similar to Herring Gull*** *but much lower-pitched; deeper and more sonorous than* ***lesser Black-backed Gull*** (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 757], либо в общих чертах сравнивается с другими видами чаек: *son cri est beaucoup plus grave que celui* ***des Grands goélands*** (фр.) [см. Oiseaux.net 1996–2024]; голос степной тиркушки (*Glareola nordmanni*) схож с голосом луговой тиркушки: *crie comme* ***la Glaréole à collier*** (фр.) [Bruun et al 1988: 138].

Отсылку к голосу птицы-эталона другого семейства можно рассмотреть на следующем примере: позывы ходулочника (*Himantopus himantopus*) уподобляются крикам озерной чайки или черной крачки: *un «krrè»* ***de Mouette rieuse****, un «kyé» ou «kyii»* ***du Guifette noire*** (фр.) [Bruun et al 1988: 136].

Акустические сигналы неворобьиных птиц могут походить на голоса воробьеобразных, например, сигнал присутствия рябчика (*Bonasa bonasia*) напоминает голос желтоголового королька, только чуть более продолжительный и с придыханием: *signale sa présence par de fins «tsiiuu-IIItitititi» qui évoquent le Roitelet, mais en plus long et en plus aspire* (фр.) [Bruun et al 1988: 96].

При описании вокализаций ряда неворобьиных птиц в качестве эталона сравнения может выступать самец или самка того же вида, как например, у представителей отряда совоообразных: основной позыв самки домового сыча (*Athene noctua*) схож с самцовым, но несколько грубее: *la femelle a un cri semblable, mais plus rauque* (фр.) [Bruun et al 1988: 172]. Подобное описание вокализаций наблюдается у некоторых видов отряда соколообразных птиц: громкий и хриплый голос самца орлана-белохвоста (*Haliaeetus albicilla*) сравнивается с более низким голосом самки [см. Oiseaux.net 1996–2024].

Для достижения максимальной точности передачи вокализации средствами языка описание включает звукосочетание, дополненное эпитетами, и указанием на птицу-эталон или другой эталон сравнения. См., например, контактный крик в

полете, издаваемый мородункой (*Xenus cinereus*), который сближается с голосом среднего кроншнепа: *a melodious rippling «hühühühü», softer, more delicate and fluted than the twittering-call of* ***Whimbrel*** *but recalling it* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 680]; голос сизоворонки (*Coracias garrulus*), сравниваемый с криками сороки или галки, а также голосом черной вороны или рассерженной сойки: *«chàk-ak» (****comme la pie ou le choucas****), ainsi qu'un «rrak-rrak-rehhh»* (***comme une corneille noire ou un geai en colère***) (фр.) [Bruun et al 1988: 184]; песня-дуэт самца и самки воробьиного сычика (*Glaucidium passerinum*) представляет собой серию свистов, похожих на звук велосипедного насоса, отверстие которого закрывают пальцем: *a series of 5–11 whistles,* ***recalling a bicycle pump with a finger over the hole****: «cheek-cheek…»* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 903].

Лексическое описание

Возможно описание вокализаций сугубо лексическими средствами языка, т.е. без использования звукосочетаний, мнемоник и сравнений. Такое описание включает в себя основные акустические параметры звучания голоса птицы в виде соответствующих эпитетов и субъективную оценку производимого вокализацией впечатления, т.е. является достаточно подробным, как например, брачный голос большого кроншнепа (*Numenius arquata*): *loud, slowly delivered and remarkably liquid, embodying long bubbling trill* (англ.) [Peterson et al 2004: 116]; или песня желтой трясогузки (*Motacilla flava*): *son chant est assez élémentaire, il est constitué de 2, parfois 1 ou 3, sons grinçants, dont le dernier est généralement un peu plus accentué* (фр.) [см. Oiseaux.net 1996–2024].

Вместе с тем, имеют место компактные описания, дающие очень поверхностное представление о вокализации птицы, например, песня зарянки (*Erithacus rubecula*) *cristallin, très aigu, formé de longues séries de notes variées* (фр.) [Bruun et al 1988: 256].

Описания птичьих голосов (преимущественно в английском и французском языках) включают в себя музыкальную терминологию для отражения динамики наиболее сложных вокализаций воробьеобразных птиц. К распространенным в

описаниях музыкальным терминам относятся: *crescendo* (постепенно усиливая), *decrescendo* (постепенно уменьшая), *diminuendo* (постепенно затихая), *accelerando* (постепенное ускорение), *rallentando* (постепенное замедление), *forte*, *piano*, *pianissimo*, *presto* (быстро, скоро); *glissando* (скольжение от одного звука к другому), *staccato* (короткое, отрывистое исполнение), *tremolo* (быстрое многократное повторение одного звука), *cadence* (заключительный гармонический или мелодический оборот), *falsetto* (самый верхний регистр мужского голоса, звучащий несильно, мягко, бедный обертонами), *fioriture* (виртуозный, технически трудный пассаж), *tessiture* (преобладающий высотный уровень исполнения) (толкования терминов взяты из [МЭС 2003]).

Представим некоторые примеры использования музыкальных терминов в описаниях: голос тонкоклювой кайры (*Uria aalge*): *hard and nasal notes repeated in* ***staccato*** *«ha ha ha ha», turning into prolonged bellowing «ha-aahr», etc* (англ.) [Svensson, Grant 2000: 196]; вокализация северной качурки (*Oceanodroma leucorhoa*): *a strange rattling cooing, now and then interrupted by a* ***falsetto*** *«wuee-chia»* (англ.) [Svensson, Grant 2000: 24]; голос малой поганки (*Tachybaptus ruficollis*): *une sorte de hennissement strident roulé, souvent* ***crescendo*** *puis* ***descrescendo****, rappelant le cri du courlis corlieu* (фр.) [см. Oiseaux.net 1996–2024].

Как отмечалось ранее, любое словесное описание вокализации отмечено субъективизмом, обусловленным особенностями слухового восприятия акустических сигналов, поэтому использование музыкальных терминов применительно к одному и тому же виду может варьироваться, равно как и производимое на слушателя впечатление. См., например, описание пения пеночки-веснички (*Phylloscopus trochilus*) у разных авторов: *a* ***lyrical drooping*** *melody of* ***gentle, pure notes in silvery****, rippling phrase; typically high-pitched at start, followed by* ***crescendo*** *to near middle, then dying away to quiet ending and slowing down* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 1341]; *mélodieux,* ***mélancolique****, commençant par des notes aiguës, rapides, puis descendants, plus basses et de plus en plus faibles* (фр.) [Bruun et al 1988: 242]; *по своему нотному складу имеет много общего с* ***песней зяблика****, в особенности в начале; в конце строфа закругляется* ***нежными*** *переливами*

(постепенно сходящими на ***piano и pianissimo*** (рус.) [Кайгородов 2006: 252]; *песня короткая, плавная, состоящая из чистых, мелодичных,* ***несколько минорных приятных*** *посвистов* (рус.) [ЖЖ 1986: 417].

Отмечено, что описание песен может сопровождаться звукосочетанием, передающим один из ее вариантов (как правило, самый характерный), или сочетаниями звуков ее фрагмента, например, песня щегла (*Carduelis carduelis*): *громкая, приятная, разнообразная, веселая и задорная; это пестрый набор своеобразных звуков с характерным «иглит» или «игли-иглит»* (рус.) [Кайгородов 2006: 112]. Практикуется и указание на голоса птиц, выступающих эталонами сравнения, см. пример описания пения дроздовидной камышовки (*Acrocephalus arundinaceus*): *chant ressemble à celui de* ***l'Effarvatte*** *par ses répétitions mais est bien plus fort (comme selui du* ***Rossignol progné****) et audible de loin; ex.: «trr trr trr kara kara kit kit kit tru kit kit…»* (фр.) [Bruun et al 1988: 230].

Наибольшую трудность при описании представляют песни птиц-пересмешников, которые наряду с собственными характерными нотами активно включают в свой репертуар элементы вокализаций других птиц или звучания природного и техногенного свойства. К таким птицам относят некоторых представителей семейства врановых (сойка, кедровка), семейства славковых (зеленая пересмешка, камышовка-барсучок, славка-черноголовка и др.), скворца. Характеристика песен таких видов обычно включает в себя перечисление копируемых птицами звуков с использованием метафор, отсылки к птицам-эталонам или перечисление птиц, голоса которых имитирует пересмешник. Например, пение болотной камышовки (*Acrocephalus palustris*) может быть передано следующим образом: *imitations très fidèles (espèces souvent contrefaites:* ***Mésange bleue, Pie, Hirondelle de cheminée, Pinson des arbres et Merle noir****) incluses dans des séries de trilles, qui correspondent eux-même à des imitations d'espèces tropicales* (фр.) [Bruun et al 1988: 230]. К таким описаниям могут добавляться элементы звукосочетаний собственного голоса вида-пересмешника; по которым он распознается., как например, в случае пения зеленой пересмешки (*Hippolais*

icterina): *chant varié, comprenant de bonnes imitations, des grincements et des motifs réguliers* ***«tataoui tata oui»*** (фр.) [Bruun et al 1988: 232].

Таким образом, лексическое описание вокализации варьируется от наиболее простой и поверхностной характеристики до более сложного представления голоса, комбинирующего в себе звукосочетания, эпитеты, дающие представление об акустических параметрах звучания, возможные сравнения с эталонными звуками, музыкальные термины и субъективную авторскую оценку воспринимаемого орнитосигнала.

5.3.4. Комбинации языковых средств

Рассмотренные выше способы вербализации голосов птиц встречаются в разнообразных сочетаниях, варьируясь в зависимости от сложности орнитовокализации. Следует подчеркнуть, что при записи вокализации средствами языка необходимо прибегать ко всему многообразию способов ее фиксации. Рассмотрим самые распространенные в справочниках-определителях комбинации языковых средств.

1) ***Сравнение со звуком-эталоном, отличным от природного*** + ***звукосочетание***: песенка большой синицы (*Parus major*) уподобляется звуку пилы: ***«titu titu titu»*** *rappelant* ***le bruit d'une scie*** (фр.) [Bruun et al 1988: 268]; голос самца красноголового нырка (*Aythya ferina*) в брачное время сравнивается со звуком отрикошетившей пули: ***«aaa ooo-chaa(e)»***, *like* ***a ricocheting bullet*** (англ.) [Svensson, Grant 2000: 54]; один из призывных криков самца лысухи (*Fulica atra*) в брачный период имеет сходство со звуком пробки, вынимаемой из бутылки с шампанским: *a hollow-sounding* ***«b(o)»,*** *reminiscent of* ***a pop of extracted champaigne cork*** (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 508–509].

2) ***Сравнение с антропофоном или звуком природного происхождения*** + ***звукосочетание***: типичный позыв белолобого гуся (*Anser albifrons*) иногда напоминает смех: *un* ***«klick-klick, kou-liou»*** *qui resemble parfois à* ***un rire*** (фр.) [см. Oiseaux.net 1996–2024]; самка красноносого нырка (*Netta rufina*) издает позывы,

похожие на удаленный собачий лай: ***«wrah-wrah-wrah»*** *likened to distant* ***barking dog*** (англ.) [Svensson, Grant 2000: 54].

3) ***Сравнение с голосом птицы-эталона + звукосочетание:*** в позыве потревоженного удода (*Upupa epops*) слышатся нотки кольчатой горлицы или озерной чайки: *a high, noisy* ***«scheer»*** *with traits of* ***Collared Dove*** *and distant* ***Black-headed Gull*** (англ.) [Svensson, Grant 2000: 220], в других позывах этой птицы присутствуют уподобления голосу дерябы и сойки: ***un «trrrrè» de Grive draine*** *ou* ***un «chaahr» rauque de Geai*** (фр.) [Bruun et al 1988: 184]; крик длиннохвостого поморника (*Stercorarius longicaudus*) в гнездовое время схож с голосом сизой чайки: *wailing* ***«glee-ah»,*** *reminiscent of* ***Common Gull*** (англ.) [Svensson, Grant 2000: 167].

4) ***Лексическое описание + сравнение с голосом птицы-эталона***: песня дубровника (*Emberiza aureola*) похожа на пение садовой овсянки, лапландского подорожника и камышовой овсянки: *le chant ressemble fortement à celui de* ***l'Ortolan*** *par sa tonalité mais est un peu moins sonore; il rappelled dans une certaine mesure celui de* ***Bruants lapon*** *et des* ***Roseaux*** (фр.) [Bruun et al 1988: 294]; песня свиристеля (*Bombycilla garrulus*) в брачный период сравнивается с голосом чечетки, зеленушки и деревенской ласточки одновременно: *sustained trill* ***not unlike Redpoll****, mixed with drawn-out wheezing* ***like Greenfinch*** *or twittering* ***like Swallow*** (англ.) [HBE 1988: 498–499].

5) ***Звукосочетание + метафоризованные эпитеты:*** характерный позыв горихвостки-чернушки (*Phoenicurus ochruros*): *короткий с* ***«металлическим»*** *ударом* ***«лит-так, так-так»*** (рус.) [Демянчик 2003: 302]; тревожный позыв певчего дрозда (*Turdus philomelos*): *an excited series of* ***«electrical» scolding*** *sounds* ***«tix-ix-ix-ix»*** (англ.) [см. Svensson, Grant 2000].

6) ***Лексическое описание + мнемоника***: песня серой славки (*Sylvia communis*): *scratchy, hoarse, gruff delivered in jerky and jolting rhythm, roughly*: ***«Take it today, take it too?»*** (англ.) [см. Svensson, Grant 2000]; пение садовой овсянки (*Emberiza hortulana*) описано: *mélancolique, évoqué par la phrase suivante* ***«bines bines bines-tu?»*** (фр.) [Bruun et al 1988: 290].

7) ***Лексическое описание + звукосочетание***: характерный крик сапсана (*Falco peregrinus*) характеризуется как *un* ***«ka-yak, ka-yak, ka-yak…»*** *perçant, criard et sec, devenant un* ***«kek-kek-kek»*** *quand il est en alerte* (фр.) [см. Oiseaux.net 1996–2024]; при перекличке галстучник (*Charadrius hiaticula*) издает такой позыв: *a melodious, liquid* ***«tooLee»*** *or* ***«keeIP»*** *with emphasis on 2d syllable* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 566]; пение мухоловки-пеструшки (*Ficedula hypoleuca*): *puissant, rythmé, comprenant deux notes alternées avec des trilles* ***«sitsi vri tsi vri tsi vri i» ou «hi tsipli tsipli tsipli tsipli tsipli»*** (фр.) [Bruun et al 1988: 248].

8) ***Лексическое описание + сравнение со звуками, отличными от природных + звукосочетание***: песня горихвостки-чернушки (*Phoenicurus ochruros*), отдельные элементы которой уподобляются звуку разбитого стекла: *phrase courte, assez rapide, prenant fin par des notes très serrées (compare à* ***un bruit de verre brisé)*** *et quelques* ***«tsia tsia»*** (фр.) [Bruun et al 1988: 256]; один из призывных криков самца лысухи (*Fulica atra*) в брачный период имеет сходство с постукиванием шариковой ручки по твердой деревянной поверхности: *a mechanical-sounding call* ***«p» or «dp»,*** *like* ***a tapping noise of a ballpoint pen against solid wooden surface*** (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 508–509].

9) ***Лексическое описание + сравнение с антропофоном или звуком природного происхождения + звукосочетание***: голос обыкновенного пастушка (*Rallus aquaticus*) содержит сравнение с визгом поросенка: *a discontented* ***piglet-like*** *squeal, soon dying away* ***«grüut grroit grui grü»*** (англ.) [Svensson, Grant 2000: 114]; призывный крик городской ласточки (*Delichon urbicum*) уподобляется звуку трущихся друг о друга галек: *a hard, frequently repeated* ***«prt» or «pr-prt»,*** *like* ***two pebbles rubbed together*** (англ.) [HBE 1988: 295–296]; деряба (*Turdus viscivorus*) издает при беспокойстве *сухой треск,* ***похожий на храп,*** *и громкое* ***«кхи, кхи...»*** (рус.) [Рябицев 2008: 527].

10) ***Лексическое описание + сравнение с голосом птицы-эталона + звукосочетание:*** позыв пеночки-теньковки (*Phylloscopus collybita*) схож с позывом пеночки-веснички: *a soft, plaintive* ***«fuit»,*** *resembling «hooeet» call* ***of Willow Warbler*** *but almost monosyllabic* (англ.) [Snow, Perrins 1998 (2): 467]; типичный позыв

чеглока (*Falco subbuteo*) схож с песней вертишейки: *a scolding **«kew-kew-kew-kew…»,** not unlike **the song of Wryneck** but with less whining, pleading ring* (англ.) [Svensson, Grant 2000: 196].

11) ***Лексическое описание + метафоризованные эпитеты + звукосочетание***: вокализация серой куропатки (*Perdix perdix*) представлена как скрип ржавых ворот: *a **«rusty-gate» call**, a harsh, repeated **metallic** skirl **«skieRRRRRRek»*** (англ.) [Snow, Perrins 1998 (1): 467].

12) ***Лексическое описание + звукосочетание + мнемоника***: мухоловка-пеструшка (*Ficedula hypoleuca*) демонстрирует *коротенькую, отрывистую песенку: **«ти-крути-крути, тикру-тикру»**, с некоторой перестановкой «слов»; может выговаривать: **«Печи-печи-куличи-куличи»*** (рус.) [Кайгородов 2006: 281]; песня обыкновенной овсянки (*Emberiza citrinella*) находит следующее описание: *rapid **«chi-chi-chi-chi-chi……chweee»,** often translated as **«little-bit-of-bread-and-no-cheese»*** (англ.) [Peterson et al 2004: 234].

5.4. Комплексное описание вокализаций птиц средствами языка

В орнитологии для стандартизации описания птичьих вокализаций необходимо отразить как полученные с помощью спектрограмм, так и воспринимаемые на слух акустические свойства, которые можно распределить на четыре категории: высота голоса, окраска голоса, или тембр, ритмическая организация и громкость [Pieplow 2007: 50]. Дополнительно необходимо учитывать индивидуальное, локальное и территориальное варьирование многих вокализаций, равно как и обстоятельства, при которых услышаны позывы или песня [HBE 1988: 23].

В данном параграфе представлен результат обобщения и систематизации имеющегося, как отечественного, так и зарубежного, опыта описания голосов птиц языковыми средствами, в частности показано применение различных комбинаций существующих способов описания основных акустических сигналов 16 видов семейства дроздовых (*Turdidae*) отряда воробьеобразных птиц (*Passeriformes*).

Предлагаемые описания суть собирательный образ вокализации той или иной птицы, дающий информацию о ее наиболее типичных позывах и пении. В действительности возможны отклонения от обобщений в силу наличия территориальных диалектов, индивидуального варьирования голоса, субъективизма восприятия вокализации и различия лингвистических средств анализируемых языков. В то же время у подобного обобщения есть существенные преимущества: дополняя друг друга, характеристики вокализаций, данные на разных языках, способны создать объемные акустические описания и восполнить имеющиеся в отдельно взятом описании пробелы. Комплексное описание, осуществленное по определенному стандарту, может быть востребовано при составлении полевых справочников-определителей птиц наряду с современными аудиоспектрограммами и саунд-треками наиболее типичных вокализаций.

Описание вокализаций строится по заданной схеме, начиная от общего характера звучания акустического сигнала, или общего впечатления от сигнала, заканчивая его особенностями. Описание содержит следующие составляющие: 1) акустические параметры голоса птицы (основные позывы и пение): а) высота, б) тембр или производимое на слушателя впечатление, в) динамика звучания (длительность, темп, изменения в ритмической организации), г) интенсивность; 2) сравнение голоса птицы: а) со звуками, отличными от природных, б) с природным звучанием или антропофоном, в) с голосом птицы-эталона; 3) варианты звукосочетаний, передающих голос; 4) мнемоники (при их наличии); 5) комментарии по звучанию всей вокализации или ее отдельных частей, включая элементы организации песенного репертуара.

Проиллюстрируем комплексное описание на примере вокализации варакушки.

Варакушка (*Luscinia svecica*)

Акустические параметры тревожного позыва

тембр или производимое на слушателя впечатление: резкий, трескучий или щелкающий;

интенсивность: негромкий.

Сравнение голоса птицы

со звуками, отличными от природных: уподобляется звуку хлопающего на ветру флага [см. Svensson, Grant 2000];

с голосом птицы-эталона: подобен тревожному позыву обыкновенной каменки [Bruun et al 1988: 256].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: односложное *track, tak, tk*; двусложное *чак-чак* / *хии-чак*; *tuck-tuck* / *tchak-tchak* / *tacc tacc*; трехсложное *хии-чак-чак*; *ouit trac trac* / *tsi tchak-tchak*.

Комментарии: еще один характерный тревожный сигнал похож на позыв южного соловья и пеночек – тихое, нежное, жалобное, свистовое *хии, псии*, *фюить; hweet / wheet / hiit / huid / ouit / fyueet / fid* [Рябицев 2008: 510; HBE 1988: 655–657].

Акустические параметры песни

тембр или производимое на слушателя впечатление: чистая, мелодичная, приятная;

динамика звучания: начинается медленно, слабо и нерешительно, постепенно усиливаясь (crescendo) и ускоряясь (accelerando), и переходит в смешение разнообразных птичьих голосов и особого грудного ворчания или храпения [Кайгородов 2006: 225; HBE 1988: 655–657];

интенсивность: громкая, полнозвучная.

Сравнение голоса птицы

со звуками, отличными от природных: некоторые фразы уподобляются перезвону колокольчиков [HBE 1988: 655–657], другие – ударам по металлическому треугольнику или малому гонгу *ting-ting-ting* [HBE 1988: 655–657; Peterson et al 2004: 174];

со звуками природного происхождения: некоторые фразы похожи на стрекотание сверчка *рю-рю-рю-рю* [Кайгородов 2006: 225; Peterson et al 2004: 174];

с голосом птицы-эталона: песня в целом напоминает пение южного соловья и лесного жаворонка, но более высокая по тональности, вдвое-втрое тише и гораздо беднее [Peterson et al 2004: 174]; иногда сравнивают с песней болотной камышовки [HBE 1988: 655–657].

Варианты звукосочетаний, передающих песню: наиболее характерные фразы песни – начальные короткие свистовые фразы *djip-djip*; гортанное полнозвучное *torr-torr-torr-torr*; чистые серебристые металлические, долго повторяемые фразы *ting-ting-ting* или *zri-zri-zrűtt* [HBE 1988: 655–657; см. Svensson, Grant 2000; Snow, Perrins 1998 (2): 1151]; *ти-ти-титити, рю-рю-рю-рю* (как сверчок), *титирю, тирю,* далее разнообразные прищелкивания, громкие свисты и негромкое бормотание-щебетание [Кайгородов 2006: 225].

Структура песни: обычно начинается с повторения одного элемента: это негромкое ворчливое *варак, варак..., ткеу, ткеу..., чке-чке-чке...* и др., затем следуют более сложные разнообразные щебечущие, щелкающие и свистовые выкрики, повторяющиеся довольно долго [Рябицев 2008: 510; см. ЖМБ 1995].

Комментарии: варакушка – одна из наиболее совершенных пересмешников, ее песня включает в себя множество чужих птичьих фраз, а также всевозможных скрипов, стуков, звонов и пр.; эти звуки сочетаются в неторопливом порядке, как правило, каждая фраза несколько раз повторяется [Рябицев 2008: 510]; подражает звукам, пугающих соперников своего и других видов птиц [Демянчик 2003: 306].

Полное описание основных вокализаций всех 16 видов семейства дроздовых отражено в приложении 3. Порядок следования представленных видов ориентирован на орнитологическую номенклатуру РФ [Коблик, Архипов 2012].

Выводы по главе 5

Анализ орнитодефиниций, проведенный на основе авторитетных лексикографических источников русского, английского и французского языков, свидетельствует об имеющихся недостатках в толкованиях орнитонимов и дает основания для их модификации посредством стандартизации набора обязательных и факультативных семантических компонентов. С учетом того, что в настоящее время экстралингвистические данные оказываются все более востребованными пользователями, возрастает степень энциклопедичности лингвистических словарей. При недостаточном уровне знаний о представителях мира природы

орнитонимы, равно как и все лингвонатуремы, требуют расширительного толкования в формате толково-энциклопедических дефиниций.

Толково-энциклопедический формат представления дефиниций строится с учетом включения в лексикографическое описание орнитонима определенного количества обязательных семантических компонентов в сочетании с факультативными элементами, которые необходимы для выделения присущих только данному виду особенностей.

К необходимым и во многих случаях достаточным облигаторным компонентам относится информация о: 1) принадлежности птицы к отряду, семейству или роду; 2) ареале распространения вида (компонент–топоним); 3) ландшафте обитания (компонент–бионим); 4) характере миграций (компонент–эргоним); 5) типе питания (компонент–фагоним); 6) величине птицы (компонент–морфоним); 7) цвете оперения или его частей с указанием на окраску самца при половом диморфизме (морфоним-колороним); 8) вокальных способностях, включающих описание позывки и / или демонстративной песни (компонент–фононим).

К дополнительным компонентам, фиксирующим видовые нюансы, относятся: 1) телосложение или характерная деталь части тела птицы (дополнительный компонент–морфоним); 2) способ гнездования или гнездостроительства (дополнительный компонент–бионим); 3) способ кормодобывания или кормовой специализации (дополнительный компонент–фагоним); 4) характерные движения или поведенческие модели (дополнительный компонент–эргоним).

Данный способ представления толкований сочетает облигаторность и вариативность, предоставляя возможность разумного балансирования между языковой и экстралингвистической информацией.

На сегодняшний день не существует общепризнанной классификации вокализаций птиц, а имеющиеся подходы в той или иной мере отражают практические цели конкретных исследователей. Основная причина тому кроется в полифункциональности акустических сигналов, с одной стороны, и в параллельном

кодировании информации, с другой стороны. Современные подходы к изучению проблемы дифференциации позывов и песен указывают на их неделимость по принципу простое / сложное как в структурном, так и в функциональном аспектах, а позиционируют их как системное образование, все элементы которого согласованно изменяются в процессе эволюции. Тем не менее, в настоящей работе с учетом материала, привлеченного для исследования (полевые справочники-определители), принят структурно-функциональный подход к разграничению наиболее характерных и информативно-ценных сигналов птиц, к которым относятся демонстративные песни воробьеобразных и токование, или брачные крики, неворобьиных птиц, основный призывный крик, сигналы тревоги и позывы, связанные с полетом.

Основная нагрузка на обслуживание различных жизненных ситуаций приходится на позывы, которые продуцируются в течение всего жизненного цикла по мере необходимости в отличие от песни, повторяющейся в период гнездования непрерывно через небольшие интервалы времени. В целом сложная структура и временна́я организация вокализаций птиц находится под влиянием самых различных аспектов поведения и экологии.

Аудиоспектрограммы, связанные с объективацией акустического сигнала птицы, с успехом применяются при создании современных полевых справочников-определителей. Авторы подобных изданий по-прежнему используют наработанный опыт словесной фиксации позывов и пения, равно как и уточненную, благодаря новым технологиям, информацию о параметрах звучания голоса птицы, находя для них наиболее адекватные языковые интерпретации. Таким образом, разнообразные способы вербализации голосов птиц остаются востребованными. Среди них присутствуют звукосочетания; мнемоники; лексические описания голоса, включающие слова-звукообозначения, сравнительные конструкции, метафоры и всевозможные комбинации указанных средств.

Одной из неотъемлемых составляющих вербального представления голоса птицы является его воспроизведение с помощью звукосочетаний. При этом правильный подбор фонем способен отразить высотные параметры вокализации,

голосовые модуляции и особенности тембрального свойства. Учитывая то обстоятельство, что голос птицы и речь человека несопоставимы, звукосочетание в большей степени передает интонационную и ритмическую информацию. С тем чтобы восполнить информационно-акустические пробелы практикуется использование прилагательных, способных подчеркнуть степень интенсивности вокализации, ее высотные и тембральные характеристики, длительность, четкость и динамику звучания, а также структуру звучащей единицы.

Основная задача мнемоники как лексико-фонетического средства обозначения вокализации состоит в облегчении процесса идентификации видов, чему способствуют приписываемые птице фразы или предложения. Форма текстов приближенно отражает звучание голоса птицы, а содержание произвольно и находится в прямой зависимости от формы. Мнемоники могут быть связаны с основными событиями календарного года, служа своеобразными наставлениями или призывами к началу определенных хозяйственных работ. В мнемонических текстах закрепляются различные антропоморфные характеристики птиц, как то хвастовство или любопытство. Сложность создаваемых текстов для запоминания напрямую связана со структурой вокализации. Несколько уступая звукосочетаниям, мнемоники, тем не менее, демонстрируют эффективность при описании вокализаций, в особенности в совокупности с другими языковыми средствами.

Из лексических средств передачи вокализаций наибольшее распространение в справочной литературе находят глаголы-звукообозначения, подразделяющиеся на базовые лексемы с широкой семантикой и специфические лексемы, закрепленные за определенным видом птицы. Отмечено, что голоса домашних птиц и птиц, хорошо известных человеку, отображаются посредством звукообозначений специфического свойства. Данное обстоятельство может свидетельствовать об особом отношении к тем или иным видам птиц и их значимости для определенной языковой культуры, а также о большей приспособленности фонологической системы конкретного языка для обозначения орнитовокализаций.

Излюбленным способом фиксации многих акустических сигналов являются метафорические переносы, позволяющие характеризовать голос птицы, привлекая для этой цели природные звучания, звуки антропогенного характера, собственно антропофоны или звуки артефактов. Не менее распространенным способом передачи вокализаций выступает сравнительная конструкция, в которой эталон сравнения может отличаться от орнитосферы: звучание природного свойства; звуки, издаваемые человеком, механизмами, живыми существами (кроме птиц) и т.п. В качестве эталона может фигурировать другой вид птиц (птица-эталон), с чьей вокализацией будет проведено сравнение. Использование голоса птицы-эталона предполагает наличие определенных знаний в сфере орнитологии, потому является востребованным в определителях, ориентированных на специалистов. Для широкого круга лиц подобные сравнения нуждаются в дополнительной расшифровке, особенно если в качестве птицы-эталона выбран близкородственный вид.

И глаголы-звукообозначения, и сравнительные конструкции редко применяются обособленно. Акустические сигналы вербализуются комплексно, дополняясь конкретизирующими звукосочетаниями и прилагательными (в том числе метафоризованными). Для отражения динамики наиболее сложных вокализаций применяются музыкальные термины.

Принимая во внимание сложность передачи орнитовокализаций на человеческий язык, требуется комбинированное представление позывов и пения птиц его средствами. Даже в этом случае вербализация вокализаций будет отмечена условностью, приблизительностью и обобщенностью. Комбинированная запись не может претендовать на объективную передачу всех тонов и тембров вокализации, но четко преподносит ритмическую структуру и общий характер ее построения, что является необходимым условием распознавания птицы по голосу.

Предпринятый в работе способ комплексного описания вокализаций средствами языка опирается на многолетнюю отечественную и зарубежную практику вербализации голосов птиц. Выполненное по единому стандарту систематическое описание включает в себя: характеристики акустических параметров голоса (основные позывы и пение); сравнения голоса птицы с

природным звучанием или звуками антропомира, а также с голосом птицы-эталона; варианты звукосочетаний, передающих голос; мнемоники (при их наличии); комментарии по звучанию всей вокализации или ее отдельных частей, включая элементы организации песенного репертуара. Комплексный подход позволяет создать акустические обобщения, устраняя неточности в описании вокализаций, тем самым, усиливая их экоинформативность. Предлагаемый систематический метод описания акустических сигналов птиц, представляющий собой стандартизованный словарь вокализаций, может быть дополнен аудиоприложением и взят на вооружение орнитологами, работающими над созданием полевых определителей или специализированных энциклопедий. Пользователями такого словаря станут как профессиональные орнитологи, так и любители птиц, чье приобщение к орнитофауне будет способствовать укреплению отношений «человек–природа».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном этапе своего развития эколингвистика несет в себе черты интегральной (синергетической, постнеклассической) парадигмы научного знания, что предопределяет три ипостаси ее бытования и эволюционирования. Экология языка, начавшаяся с организмической метафоры Э. Хаугена (язык – живой организм, часть экосистемы), продолжает заниматься проблемой сосуществования, адаптации и выживания языков в меняющихся социальных условиях, в чем находит точки пересечения с социолингвистикой. Одна из первоочередных задач исследователей XXI века состоит в сохранении и приумножении языкового многообразия для достижения разумного баланса языков на планете Земля.

Экологическая лингвистика, взявшая на вооружение критический и позитивный методы дискурс-анализа, экстраполирует свою деятельность на разноплановые виды дискурса, соотнося их содержание с мировоззренческими установками общества, чтобы выявить экологически деструктивные, гармоничные или амбивалентные разновидности дискурса. Воспринимая экосистемы как самоорганизующиеся и саморегулирующиеся природные единицы, эколингвистика призвана сопоставить аутопоэзную языковую систему и в целом взаимодействие «человек – язык – социум» с принципами, реализуемыми в экосистемах, находя точки сближения с когнитивной лингвосинергетикой. В свете воззрений А. Стиббе экологическая составляющая эколингвистической науки связана с отношениями «социум – живые организмы – окружающая среда», нацеленные на создание защиты для указанных жизнеобеспечивающих систем. Лингвистическая составляющая подразумевает поиск и популяризацию экоориентированных жизненных сценариев, способных настроить поведение и стиль мышления человека на гармоничные отношения с другими обитателями Земли и физической средой обитания.

В третьей ипостаси эколингвистика претендует на экологическое мировоззрение, в котором отношения «человек – природа» основаны на гармонии и нацелены на устойчивое развитие. Это и трансдисциплинарная наука, которой,

благодаря продолжающимся процессам экологизации и интеграции, прочат расширение сфер приложения в будущем.

Стоит отметить, что российская эколингвистика, за исключением экологии перевода, которая сосредоточена на гармонизации переводческого пространства, остается в русле критического анализа экологического дискурса. В исследованиях вводятся в оборот новые подвиды дискурсов природных катастроф, при этом отмечается важная роль архетипов в дискурс-анализе. Наибольшее развитие на российской почве получает лингвоэкология (включая пять имеющихся ответвлений), которая, по определению А.П. Сковородникова, занимается изучением, реабилитацией и реставрацией «здоровья» языка. Понятие экологичности, применяемое к языку, подразумевает заботу об имеющемся словарном запасе, восстановлении «забытых» семантически ценных слов и фразеологизмов, бережное отношение к творческим языковым ресурсам.

Погружение в эколингвистическую отрасль знания высвечивает нерешенные проблемы (как например, проблему дефинирования самой научной дисциплины) и сферы, не затронутые исследовательской мыслью. Общество, пытающееся встать на путь коэволюции с природой и гармонизировать связи между системами жизнеобеспечения, на практике увеличивает дистанцию с миром природы, приучая членов социума испытывать комфорт в техномире, дополненном гиперреальной средой обитания. В таких условиях человек перестает замечать природу, не говоря о том, чтобы ценить и сохранять ее красоту. Ситуация осложняется тем, что с исчезновением биологических видов предаются забвению номинирующие их языковые единицы. Так происходит обеднение словарного состава и примитивизация восприятия экологических корней существующих слов. Восприятие описаний природы в художественных текстах XIX и XX вв. затрудняется вследствие непонимания ставших архаичными и уходящими из современных словарей лексем, называющих природные реалии.

С целью воспитания экологического сознания и экологической культуры посредством всестороннего изучения и сохранения в языке экоинформативных номинаций, связанных с миром природы, включая пропаганду

природоориентированных моделей поведения, предложено выделить самостоятельную эколингвистическую подотрасль, а именно натурлингвистику (лингвистику мира природы), сфокусированную на разноплановых лингвонатуремах как базовых единицах описания природного мира. Натурлингвистика занимает подчиненное положение по отношению к эколингвистике, поскольку затрагивает частные вопросы, связанные с природной средой обитания живых существ. Вместе с тем, благодаря синтетической интерпретации понятия *экология* (в биологическом и метафорическом смыслах) натурлингвистика способна выполнять лингвоохранную, рекреационную, креативную и просветительскую функции, сближаясь с лингвоэкологией на метафорической основе восприятия экологичности.

Настоящая работа представляет собой первый опыт изучения лингвонатурем в вышеописанном ключе, выполненного на материале орнитолексики. Преследуемая цель состояла в выявлении и изучении экоархетипических смыслов и экологической информации, содержащейся в языковых структурах, транслирующих накопленные человечеством знания о мире природы. Орнитолексика отмечена экологической информативностью, что определяется ее способностью передавать биологические и собственно экологические сведения о птицах.

В основу работы положена гипотеза о том, что номинации природного мира содержат богатое экоинформационное многообразие, а орнитолексика экологична, потому что отражает неразрывную связь человека с миром птиц, передавая в своих семантических структурах накопленные знания и опыт взаимодействия с орнитофауной.

Подтверждение выдвинутой гипотезы производилось в процессе реализации поставленных исследовательских задач, имеющих отношение к теоретическому осмыслению ключевых эколингвистических положений и их практическому применению к обширному языковому материалу. В качестве основных методов использовались: метод лингвокультурологического анализа, лексико-семантического анализа, этимологический анализ с элементами семантико-

мотивационной реконструкции, метод лексикографического дефинирования, систематический метод языкового описания орнитовокализаций.

Проведенный лингвокультурологический анализ показывает, что паремии, содержащие орнитообразы, темпоральные ФЕ с орнитокомпонентом и народные приметы с участием птиц способны передавать накопленные знания о природе через поколения, органично встраиваясь в триаду «природа – социум – культура» и демонстрируя образцы экоориентированного социального поведения. С помощью паремий реализуются такие базовые экологические архетипы, как архетип вселенского закона, архетип принадлежности к роду, архетип «дом», архетип мужественности, архетип женственности и соответствующие им отражения человеческого сознания, именуемые экологическими концептами-архетипами, передающими различные экоархетипические смыслы. К стержневым экологическим концептам-архетипам относится *дом*, который отличается универсальностью и интернациональностью, пластичностью и атемпоральностью. Этот концепт-экоархетип притягивает к себе другие архетипические смыслы, в том числе смыслы, транслируемые концептом-экоархетипом *принадлежности человека к роду*. Основные экологические смыслы, транслируемые данными концептами-экоархетипами, связаны с необходимостью охранять свой дом и род (где понятия *дом* и *род* экстраполируются на среду обитания всех живых организмов), поскольку дом / свой род (как сбалансированная среда обитания) предоставляет защиту и заряжает живительной энергией. Бездомье или потеря принадлежности к своему роду (как отрыв от мира природы) пагубно влияет на живые существа.

Экологические смыслы архетипического концепта вселенского закона и связанного с ним концепта-экоархетипа мужественности напоминают о важности оказания поддержки лучшим представителям своего рода, отмеченным культурно-специфическими особенностями языкового орнитовоплощения, для сохранения и приумножения образцовых социальных качеств и поддержания адаптивности к меняющимся биосоциальным условиям.

Концепты-экоархетипы мужественности и женственности несут смысловую нагрузку, обусловленную биологически разными функциями, выполняемыми представителями мужского и женского полов: мужчины несут ответственность за продолжение своего рода, а женщины заботятся о потомстве и домашнем очаге. При этом неодинаковые гендернообусловленные социальные роли не препятствуют гармонии отношений внутри семейной пары и исполнению родительских обязанностей, т.к. игнорирование этих факторов чревато биологической потерей потомства или формированием низких социальных качеств будущих членов общества.

Таким образом, подтверждено, что паремии несут в своих структурах смыслы экологического свойства, закрепляя в языковом сознании природоориентированные модели социального поведения. По этой причине обращение к народной мудрости в настоящее время актуально, поскольку способствует противостоянию манипулятивным сценариям, активно воздействующим на коллективное сознание современного общества.

Орнитоморфное представление времени также органично вписывается в концепты-экоархетипы вселенского закона и единства и цикличности бытия. Экоархетипические смыслы, транслируемые данными концептами, выполняют синхронизирующую функцию, связывая человеческую жизнедеятельность с природными темпоральными ритмами.

Народные приметы, зачастую рассматриваемые как архаичные правила поведения, по своему потенциалу не уступают паремиям. Птицы выполняют в них роль прогнозистов-предсказателей (предвестники весны, урожая и погоды), транслируя концепт-экоархетип единства и цикличности бытия или сезонности. По сути, приметы-прогнозы, имеющие сходство с продукционными моделями представления знаний в интеллектуальных системах, могут рассматриваться в качестве алгоритмов, согласованных с природными циклами и задающих программу действий на календарно-хозяйственный год. На бóльшую степень универсальности претендуют синоптические приметы, в которых птицы ориентируют человека на краткосрочный погодный прогноз. Приметы

метеорологического характера, связанные с долгосрочными прогнозами, находятся в зависимости от географических и климатических условий определенной местности, поэтому вестническую функцию в них могут выполнять разные виды птиц. По этой причине данный тип примет тяготеет к культурно-специфическому уровню интерпретации, сохраняя универсальность экоархетипическую. В современных условиях прогностические правила-приметы в большей степени важны с познавательной и эколого-просветительской точек зрения, т.к. являются стимулом для изучения опыта тесного взаимодействия с природой и верификации точности орнитопредсказаний.

Отношения «человек – природа» не обходятся без такой формы мировосприятия как миф, который имеет тесные связи с языком, что объясняет, в частности, антропоморфизацию природы, а при выражении мифологических смыслов с неизбежностью включаются механизмы символизации и метафоризации. Мифологическое сознание – естественно-экологично, т.к. не отделяет человека от природы и способно формировать экоориентированные поведенческие установки (мифы, которыми живет социум). Данное обстоятельство особенно важно учитывать в противостоянии современным псевдомифам, которые преднамеренно создаются для пропаганды разрушительных жизненных сценариев. Именно мифологическое мышление творит не только символы, но и метафоры, являющиеся универсальными способами миропознания, а птицы служат неизменными проводниками в мифическом пространстве бытия.

Лингвокультурологический анализ орнитосимволов выявляет в них такие же свойства, которые наличествуют у прочих символов, а именно многоплановость, амбивалентность, многозначность, вариативность символизируемого объекта, историзм и культурологичность. Орнитосимволы пронизывают все слои мифологического сознания, проявляясь в трех ипостасях: универсальные (сакральные) орнитосимволы связаны с общепонятным образом птицы, рождаемым космогоническими мифами; культурно-специфические орнитосимволы имеют отношение к определенным образам различных видов птиц, являющихся неотъемлемой частью быта и культурной деятельности человека;

индивидуальные орнитосимволы несут в себе черты универсальности и культурной специфичности, преломляясь сквозь призму личностных переживаний. Индивидуальный символ – это наиболее сложный вид символа, потому что, вследствие отприродного субъективизма, не поддается обобщению. Наиболее понятными и хорошо известными орнитосимволами считаются универсальные и культурно-специфические виды, являющиеся неотъемлемой частью триады «природа – социум – культура». Орнитосимволы подвержены историческим изменениям: в языческий период они обусловлены мифологическим мышлением, потому в основном являются однозначными; в эпоху христианизации с изменением взгляда на роль птиц в понимании мироустройства происходит формирование амбивалентности орнитосимволов. В настоящее время, разделяя участь прочих символов, орнитосимволы вырождаются и десакрализуются в эмблемы, которые не выражают душевные процессы, или так называемые квазисимволы, когда имя реалии имеет символьное прочтение вместо самой реалии. Богатством квазиорнитосимволов может поделиться паремиологический фонд любого языка.

Метафоры также особым образом структурируют человеческое мышление, и через них можно постичь содержание экологического свойства. Неразрывная связь природных и культурных экосистем ярко демонстрируется на примере метафоризованных единиц, которыми являются антропоморфные, флороморфные и техноморфные орнитонимы, возникающие вследствие ассоциативно-образных соответствий на эколого-хозяйственной почве. Так, метафоризация растительного мира наблюдается как в научных названиях (номенах), так и в народных флоронимах, когда имеет место взаимодействие вегетативного кода с кодом орнитонимическим. Такие метафоры демонстрируют устойчивость и экологичность, поскольку зиждутся на неразрывной связи человека с миром природы. В целом метафорическое переосмысление номинаций представителей орнитофауны видится экологичным, поскольку отталкивается от биологических и этологических знаниях о птицах. При том, что техноморфизм приобрел статус одной из фундаментальных метафор антропобытия, влияние мира природы на техномир по-прежнему сохраняется.

Наряду с лексико-семантическим анализом метафоризованных орнитономинаций для установления их ассоциативных оснований проводится синтез антропоморфных орнитонимных фразеообразов английского, русского и французского языков, который представляет интерес в том плане, что позволяет проследить процесс формирования отношений «человек – птица». Показано, что содержащие орнитокомпонент ФЕ транслируют поведенческие модели, находящие или не находящие одобрение в социуме (гармоничные – дисгармоничные), а также аккумулируют жизненно необходимые культурные ценности. В целом необходимо подчеркнуть, что процессы антропоморфизации, флороморфизации и техноморфизации орнитонимов видятся фундаментальными метафорообразующими силами, которые способны влиять на социокультурное пространство, позиционируя неразрывную связь человека с природным миром.

Формирование экосознания и передача знаний о природных реалиях новым поколениям не обходится без помощи языка, поэтому необходимо понимать и разъяснять экологические взаимосвязи, возникающие между природными референтами и языковыми единицами в процессе номинации. Для решения такой задачи исследование обращается к научным названиям птиц – орнитономенам, которые содержат богатый когнитивно-экологический потенциал и выполняют целый ряд функций, среди которых наиболее значимыми в данном контексте выступают кумулятивная и когнитивная функции. По виду мотивирующего признака, названного экоинформационным (как связывающим орнитономинацию с биолого-экологическими характеристиками представителей орнитофауны), орнитономены организуются в типологический ряд, включающий в себя морфонимы, фононимы, бионимы, фагонимы, эргонимы, орнитонимы с компонентами топонимом и эпонимом. Особняком стоят орнитонимы-символы, в которых экологическая мотивированность поддается восстановлению с помощью метода семантико-мотивационной реконструкции, что устраняет прерванные взаимосвязи с окружающей средой, возвращая данному классу орнитономенов статус экологичности и информативности. Представленная типология подтверждает мысль о том, что орнитонимы формируются по принципу

закрепления в названии действий, совершаемых природным референтом, т.е. являются эколого-этологичными по своей сути. Небольшое исключение составляют номены с компонентами топонимом и эпонимом, которые несут информацию о географической приуроченности видов и исследовательском вкладе в описание птиц ученых-натуралистов. Учитывается и процесс ремотивации, распространяющийся на орнитонимы-символы, который расценивается двояко: с одной стороны, ремотивация создает новые семантические связи, благодаря которым орнитонимы проникают в другие слои конкретно-предметной лексики, с другой стороны, прерываются связи с экологией видов в сознании носителей языка.

После обращения к орнитономенам логически обоснованным становится анализ существующего лексикографического описания орнитонимов в авторитетных толковых словарях. С позиций натурлингвистики описаниям недостает должной экологической информативности, что приводит к мысли о стандартизации орнитодефиниций для более точной передачи данных о биологии и экологии птиц. Для достижения поставленной цели используется метод лексикографического дефинирования, ориентированный на толково-энциклопедический формат представления толкования. Добившись стандартизации, нельзя игнорировать факторы гибкости и вариативности дефиниции, применяемой к конкретно-предметной лексике. Подбирая стандартизованный набор облигаторных и факультативных компонентов к каждому конкретному орнитониму, составитель толково-энциклопедической словарной статьи разумно сочетает представленные компоненты в зависимости от того или иного вида и его биологических характеристик. Таким путем достигается баланс между лингвистической и экстралингвистической информацией, столь необходимый в искусстве лексикографирования, а пользователь словаря получает исчерпывающие данные о видах из одного источника.

Стандартизации и вариативности требует к себе и описание вербализованных вокализаций, необходимых для составления современных определителей птиц. Несмотря на наличие аудио и видеогидов в мир природы, словесные описания вокализаций по-прежнему востребованы, и синтетические способы представления

голосов птиц только приветствуются специалистами. Ввиду сложности словесной передачи песен и позывов, требуется применение систематического метода языкового описания, предполагающего комбинированное и стандартизованное использование различных способов вербализации акустических сигналов. При таком подходе учитываются как собственно акустические параметры звучащего голоса (включая обозначение голоса с помощью звукосочетаний), так и всевозможные метафоризованные способы передачи вокализаций, наработанные отечественными и зарубежными орнитологами. Подобный комплексный словарь способен стать частью полевого определителя, пользователями которого могут быть и орнитологи, и любители птиц. В целом любые лексикографические описания, представляющие лингвонатуремы, являются экологически информативными и способствуют приобщению человека к природному миру.

Подводя итог, необходимо заключить, что исследовательская гипотеза об экоинформационном многообразии и экологичности номинаций мира природы, нашла свое подтверждение в ходе последовательного изложения диссертационного материала, начиная с символических, концептуальных и метафорических форм представления орнитообразов, заканчивая орнитономинациями и вербализованными вокализациями птиц, содержащими экологически важную информацию в своих семантических структурах.

Жить в согласии с природой, учиться грамотно взаимодействовать с ней и передавать опыт согласованного взаимодействия другим поколениям, в том числе, поможет натурлингвистическая отрасль эколингвистики. Рассуждая о перспективности натурлингвистических изысканий, необходимо отметить, что в дальнейшем потребуется уточнение определения натурлингвистики, углубление ее предметного поля, конкретизация первостепенных задач и выполняемых функций и, что не менее важно, упрочение природоориентированной экософии, подкрепляющей эмпирические поиски лингвистически опосредованных социокультурных моделей поведения. В круг рассматриваемых проблем важно включить лингвонатуремы других классов для поиска новых экологичных языковых структур, ориентирующих на упрочение и гармонизацию

выстраиваемых веками отношений между социумом, другими живыми существами и окружающей средой. Небезынтересно привлечение к исследованию такого малого фольклорного жанра как загадка. Этот метафорический экотекст также содержит в себе культурные установки и экологические смыслы, способствующие приобщению к миру природы и его обитателям. В целом можно вести речь о привлечении к натурлингвистическим изысканиям большого пласта экологических текстов, составляющих современный жанр эколитературы.

Требует изменения формата лексикографической подачи конкретно-предметная лексика, представляющая разнообразные классы лингвонатурем. Не менее важной представляется работа по сохранению языкового наследия, заложенного в литературных произведениях, посвященных описанию природы. Поддержанию лингвоохранного и просветительского функционала натурлингвистики будут способствовать создаваемые на базе эколитературных текстов комментарии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Символ художественный // С.С. Аверинцев Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Ситова. София–Логос. Словарь. – К.: Дух і Литера, 2006. – С. 386–394.

2. Адамов А.К. Основы ноосферологии: учебное пособие. – Саратов, 2015. – 164 с.

3. Адилова А.Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): автореф. дисс. …канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 1996. – 19 с.

4. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Пер. с фр. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.

5. Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии / Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова; изд. подгот.: Н.А. Курашкина, С.В. Мотин; фотоприложение: С.И. Жданов. – СПб.: Росток, 2026. – 414 с.: ил.

6. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография. – Волгоград: Перемена, 2006. – 227 с.

7. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 224 с.

8. Амелина Л.В. Семантические процессы, принципы лексикографического толкования, лингвокультурологическая интерпретация орнитонимов (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. …канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. – Орел, 2012. – 20 с.

9. Андреева К.А. «Рождественская песнь» Ч. Диккенса в ракурсе этической лингвистической экологии // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 11–15.

10. Андреева К.А., Клевцова О.Б., Дзида Н.Н. Нравственная линвоэкология. – Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. –196 с.

11. Антипов М.А. Миф и архетип в духовной жизни современного общества // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 9. – С. 26–29.

12. Антипов М.А. К проблеме экологического бессознательного // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – № 54. – С. 95–97.

13. Антонов В.И. Символизация как социокультурная и познавательно-практическая проблема. – М.: Луч, 1992. – 153 с.

14. Антонова А.Б. Роль зоонимов в репрезентации понятийной, образной и оценочной составляющих концепта drinking // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 4.– С. 149–155.

15. Аристотель Сочинения в 4 томах. Т. 2. Ред. З.Н. Микеладзе. – М., «Мысль», 1978 (1). – 687 с.

16. Аристотель. Риторика (Книга III). Пер. С.С. Аверинцева // Аристотель и античная литература / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1978 (2). – С. 164–229.

17. Аристотель. Поэтика / Пер. М.Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 645–680.

18. Аркадьева Т.Г. Формально-структурные и семантические характеристики и системные отношения деэтимологизированных слов русского языка. – Л., 1990. – 371 с.

19. Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 188–206.

20. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 51–61.

21. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

22. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа, метод и средства его изучения // А.Н. Афанасьев Древо жизни. – М.: Современник, 1982. [Электронный ресурс]. URL: http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000018/st002.shtml (дата обращения: 11.01. 2024).

23. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. – М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865–1869. – Т. 1., 1865. – 808 с.; Т. 2., 1868. – 800 с.; Т.3., 1869. – 830 с.

24. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. – 4-е изд., доп. – М.: Худож. лит., 1988. – 528 с.

25. Бабенко В.Г., Алексеев В.Н. Птицы в мифах и легендах. – М.: Дрофа, 2005. – 240 с.

26. Бабина Л.В., Долгова Е.В. Интерпретирующий потенциал зоонимов в составе английских фразеологизмов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 65–73.

27. Бабина Л.В. Интерпретационный потенциал сравнения с компонентом-зоонимом в английском и русском языках // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 3-1 (64). – С. 311–315.

28. Баландинский Б.Б. Языческие шифры русских мифов. Боги, звери, птицы. – 2-е изд. – М.: Амрита-Русь, 2008. – 480 с.

29. Балли Ш. Французская стилистика / Пер с фр. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1961. – 394 с.

30. Басинская М.В. Исследование лексико-семантических особенностей экологического дискурса в рамках языковой экологии // Вестник МГЛУ. – 2014. – Вып. 20 (706). – С. 32–41.

31. Баташева Э.А. Влияние мифа и мифологического мышления на сознание современного человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2014. – № 12 (50): в 3-х ч. Ч. II. – С. 28–31.

32. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Прим. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

33. Бенуас Л. Знаки, символы и мифы / Пер. с фр. А. Калантарова. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 158 с.

34. Берестнев Г.И. Слово, язык и за их пределами: Монография. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – 358 с.

35. Белозерова Н.Н. От эколингвистики до экологии перевода // Экология перевода: Перспективы междисциплинарных исследований. Материалы I международной научно-практической конференции (Тюмень, 4–5 октября 2013 г.). – Тюмень: ШУКЛИН & АЛЕКСАНДРОВ, 2013. – С. 18–39.

36. Белозерова Н.Н., Лабунец Н.В. Эколингвистика: в поисках методов исследования: монография. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. – 256 с.

37. Бергман С. Дух, освобождающий природу: Монография. Пер. с нем. / Научн. ред. Е.И. Аринин. – Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета им. М.И. Ломоносова, 1999. – 538 с. URL: http://agnuz.info/app/webroot/library/305/134/index.htm (дата обращения: 31.07.2023).

38. Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблемы социологии и метафизики техники) // Путь. – 1933. – № 38.– С. 3–38.

39. Бернацкая А.А. Лингвоэкология и «критика языка» // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 15–31. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Bernatskaya-A.A..pdf (дата обращения: 05.07.2023).

40. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект: Учебное пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 192 с.

41. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: URSS КРАСАНД, 2010. – 304 с.

42. Богданова И.А. Функционирование архетипического концепта «вода» в текстах народного и индивидуального творчества: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2006. – 24 с.

43. Богданова И.А., Звездакова И.В. Архетипический концепт и символ как синергетические системы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 3 (45): в 3-х ч. Ч. III. – С. 33–35.

44. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [1981] / Пер. О.А. Печенкина. – Тула, 2013. – 204 с.

45. Большакова А.Ю. Архетип – концепт – культура // Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 47–57.

46. Большакова А.Ю. Теория архетипа и концептология // Культурологический журнал. – 2012. – № 1 (7). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9 (дата обращения: 08.06.2025).

47. Борейко В.Е., Грищенко В.Н. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. – 3-е изд., доп. – Т. 2. Птицы. – Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2004. – 172 с.

48. Борко Т.И. Креативность мифологического мышления // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – № 4 (17). – С. 20–30.

49. Бородай С.Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания. – 2013. – № 4. – С. 17–54.

50. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Экологическая лингвистика. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: Флинта, Наука, 2018. – 184 с.

51. Булаховский Л.А. Общеславянские названия птиц // Известия АН СССР отделение литературы и языка. – 1948. – Т. VII. – Вып. 2. – С. 97–124.

52. Булгаков С.Н. Философия Имени. – СПб.: Наука, 1998. – 447 с.

53. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Категория // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 215–216.

54. Бычков В.В. Символизм // Новая философская энциклопедия. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc (дата обращения: 9.02.2018).

55. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

56. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М: Наука, 1988. – 519, [1] с.

57. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А.Л. Яншин. – М.: Наука, 1991. – 270 с.

58. Видгоф В.М. Метафорическое мышление в культуре: структура и специфика // Парадигма: Очерки философии и теории культуры, Мелос и Логос: Диалог в истории. Выпуск 2 / Материалы Третьей Международной конференции «Метафизика искусства», 19–20 ноября 2004 года. Под ред. М.С. Уварова. – СПб.: Издательство «Барс», 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.ru/ru/text/vidgof-vm/metaforicheskoe-myshlenie-v-kulture-truktura-i-specifika (дата обращения: 02.08.2023).

59. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. – Т. V. Сб. статей по языковедению. – М., 1939. – С. 3–54.

60. Витгенштейн Л. Философские исследования //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 79–128.

61. Вишев и др. 1999 – Вишев И.В., Ханжин Б.М., Ханжина Т.Ф. Экофилософия: современные проблемы и перспективы решения: Учеб. пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. 1999. – 138 с.

62. Высоцкая Н.А. Транскультура или культура в трансе // Вопросы литературы. – 2004. – № 2. – С. 3–24.

63. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Издательство «Наука», 1977 (1). – С. 230–293.

64. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). – М.: Международные отношения, 1977 (2). – 264 с.

65. Галушин В.М. Хищные птицы леса. – М.: Лесная промышленность, 1980. – 158 с.: ил.

66. Гельтман Д.В., Соколова И.В. Ботаническая номенклатура: специфика и современные тенденции развития // Труды Зоологического института РАН, Приложение № 2, 2013. – С. 230–237.

67. Генон Р. Символы священной науки / Пер с фр. – М.: Беловодье, 2002. – 496 с.

68. Генон Р. Символика креста. – М.: Прогресс–Традиция, 2003. – 704 с.: ил.

69. Герасимова С.В. Библейский логос, и светский архетип птицы, курицы, петуха // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Коллективная монография / Отв. ред. А.И. Смирнова. – М.: Книгодел; МГПУ, 2019. – С. 436–444.

70. Гимазетдинова А.Х. Экологические аспекты общественного сознания и коллективного бессознательного: автореф. дисс. … канд. филос. наук: 09.00.11. – Казань, 2005. – 24 с.

71. Гимазетдинова А.Х., Солодухо Н.М. Экологическое сознание и экологический архетип: Монография. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2008. – 140 с.

72. Гинатулин М.М. К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц): автореф. дисс. …канд. филол. наук: 10.02.19. – Алма-Ата, 1973. – 27 с.

73. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. – СПб.: Издательство Питер, 2000. – 190 с. URL: http://www.philology.ru/linguistics1 /glazunova-00.htm (дата обращения: 15.10.2023).

74. Голан А. Миф и символ. – М.: Русслит, 1993. – 375 с.: ил.

75. Голев Н.Д. Ономасиология как наука о номинации, II. О некоторых общих особенностях лексики и семантики в связи с разграничением ономасиологического и семасиологического подходов // Русское слово в языке и речи. – Вып. 1. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1977. – С. 13–23.

76. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: Изд-во ТГУ, 1989. – 252 с.

77. Голев Н.Д. Мотивационные ассоциации русских лексем, их изучение и лексикографическое описание // Актуальные проблемы русистики: Сб. статей / Под ред. Т.А. Демешкиной. – Томск: Изд-во ТГУ, 2000. – С. 149–158. URL: http://lingvo.asu.ru/golev/articles/ z21. html (дата обращения: 9.11.2023).

78. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2004. – 330 с.

79. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.

80. Голованова Е.И. Образ птицы в поэзии Донбасса (на материале произведений 2014–2022 гг.) // Литература в контексте современности: Сборник материалов XV Всероссийской научно-методической конференции с международным участием (Челябинск, 23 декабря 2023 г.) / Отв. ред. Т.Н. Маркова. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2023. – С. 39–44.

81. Голованова Е.И. Орнитологический код в произведениях о войне как живая традиция русского фольклора и литературы // XI Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве от прошлого к будущему»: Сборник материалов международной научной конференции. – Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2024. – С. 326–331.

82. Горелова Т.А., Канунникова М.Л. Особенности экологического мышления первобытного человека // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 3.– С. 88–93.

83. Грегуар Л. О чем поют птицы: записки орнитолога о самых удивительных созданиях планеты. Пер с фр. Т.Л. Черноситовой. – М.: Эксмо, 2020. – 224 с. – (Тайны жизни животных).

84. Гречишкина С.В. К вопросу исследования современной литературы о природе: аспекты изучения эколитературы // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 387. – С. 8–14.

85. Гриднева Т.В. Фразеология в зеркале эколингвистики // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2019. – № 9 (142). – С. 131–134.

86. Громов Е.В. Сущность и основные тенденции развития экологического сознания в современном обществе: дисс. … канд филос. наук: 09.00.11. – Елабуга, 2004. – 153 с.

87. Громорушкина А.А. Концептуальная метафора в экологическом дискурсе СМИ // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2019. – Вып. 4 (820). – С. 91–99.

88. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков): автореф. дисс. … докт. филол. наук: 10.02.02, 10.02.20. – М., 2009. – 55 с.

89. Гумбольдт В. фон Характер языка и характер народа // В. фон Гумбольдт Язык и философия культуры / Пер с нем.; сост. А.В. Гулыги и Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – С. 370–381.

90. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем.; общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.

91. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

92. Джонсон Р. Сновидения и фантазии. Анализ и использование. – М.: REFL-book, К.: Ваклер, 1996. – 288 с.

93. Диатропов Е.В., Диатропов М.Е. Рамки дневной активности в разные сезоны у некоторых видов воробьиных птиц // Русский орнитологический журнал, 2017. – Т. 26, Экспресс-выпуск. – С. 4311–4348.

94. Дмитриев Ю.Я. Учение И. Канта о категориях // Категории: философский журнал. – 1997. – № 1. – С. 106–128.

95. Дорошин Б.А. Мифологический антропокосмизм как основание экологического сознания // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2016. – № 47. – С. 10–15.

96. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. – М.: Наука: Флинта, 2008. – 432 с.

97. Дубровина С.Ю. Русская ботаническая терминология в этнолингвистическом освещении (на материале названий растений, образованных от названий животных и птиц): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1991. – 21 с.

98. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 247 с.

99. Ермолаева В.Е. Экологическая этика // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2001. – С. 422–423.

100. Ефременко Д.В. Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – 284 с.

101. Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л.: ЛГУ, 1974. – 160 с.

102. Журавлев А.П. Типы значения слова и их мотивированность // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград: КГУ, 1976. – С. 20–25.

103. Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / Отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2005. – 1004 с.

104. Завьялова Е.Е. Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания, 2013. – № 2. – С. 187–193.

105. Зильберт Б.А. Мотивированность языковых знаков: опыт типологии // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград: КГУ, 1976. – С. 26–34.

106. Зиновьева Е.И. Культурная значимость орнитонима в аспекте лексикографического представления // Научный диалог. – 2016. – № 2 (50). – С. 36–51.

107. Иванилов В.М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2006. – 23 с.

108. Иванов Вяч. Заветы символизма // Вяч. Иванов Собрание сочинений в 4-х т. / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 2. – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. – С. 588–603.

109. Иванова Е.В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2007 (1). – 25 с.

110. Иванова Е.В. К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. – 2007 (2). – № 3 (23). – С. 134–137.

111. Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколингвистики // Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сборник научных трудов / Отв. ред. Н.Б. Попова. – Челябинск: Образование, 2007 (3). – С. 41–47.

112. Иванова Е.В. Архетипический концепт и экологический архетип // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып 82. – С. 91–94.

113. Иванова Е.В. Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса: монография. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта, 2021. – 176 с.

114. Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.

115. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). – М.: Акад. проект, 2003. – 301, [2] с.: ил.

116. ИВЦМ 2023 – Информационная война в цифровом медиапространстве: монография. – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского государственного университета, 2023. – 364 с.

117. Ильичев В.Д., Карташев Н.Н., Шилов И.А. Общая орнитология: Учебник для студ. биол. спец. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1982. – 464 с.: ил.

118. Ионова С.В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. – 2010. – №1 (11). – С. 86–93.

119. Кайгородов Д. Пернатые хищники: Популярные очерки из мира русских хищных птиц. – 2-е изд. – Москва – Петроград: Госуд. изд-во, 1923. – 119 с.

120. Кайгородов Д. Из царства пернатых: Популярные очерки из мира русских птиц [1917]. – СПб.: Политехника, 2006. – 320 с.: ил.

121. Кальнер В.Д., Полозов В.А. Экологический императив выживания. Кн.1. – М.: Калвис, 2012. – 324 с.

122. Кант И. Сочинения в 6 томах. Т. 3. / Академия наук СССР, Институт философии. – М.: Мысль, 1964. – 798 с.

123. Кант И. Основы метафизики нравственности /И. Кант Сочинения в шести томах / Под общ ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – Т. 4, Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 220 –310.

124. Калужникова Т.И. Вокализации детей и птиц: опыт сравнения (к постановке проблемы). – Екатеринбург: Урал. гос. консерватория им. М.П. Мусоргского, 2018. – 161 с.

125. Карасик В.И. Архетипические концепты в общении // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. ст. – Саратов, 2003. – С. 39 – 52.

126. Карпинская Р.С. Биофилософия – новое направление исследования // Биофилософия. – М., 1997. – С. 90–94.

127. Кассирер Э. Философия символических форм. Т.2. Мифологическое мышление. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 280 с.

128. Киселев Н.Н. Объект экологии и его эволюция. Философско-методологический аспект. – Киев: Наукова думка, 1979. – 136 с.

129. Климова С.В. Экзистенциальная топология дома: дисс. …канд. филос. наук: 09.00.11. – Санкт-Петербург, 2000. – 169 с.

130. Коблик Е.А., Фридман Ю.С. О русских названиях птиц России [2006] // Русский орнитологический журнал. – 2013. – Т. 22. Экспресс-выпуск 864. – С. 861–867.

131. Ковшарь А.Ф. Певчие птицы. – Алма-Ата: «Кайнар», 1983. – 280 с. URL: http://www.shumkar.ru/afk_pp.php (дата обращения: 09.11.2023).

132. Козин В.В. Средовый подход в ландшафтной экологии // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 3.– С. 4–8.

133. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 237 с.

134. Колосова (Солодовникова) Н.Г. Экологическая функция эмоций // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2015. – № 1 (35). – С. 22–28.

135. Колоярцев М.В. Ласточки. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 248 с.

136. Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Издательство «Наука», 1976. – С. 5–31.

137. Колшанский Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 99–146.

138. Константинов В.М., Лебедев И.Г., Маловичко Л.В. Птицы в фольклоре: в мифах, легендах, народных названиях. – Ставрополь, 2000. – 124 с.

139. Константинова Н.В. Некоторые особенности экотекста // Основные проблемы гуманитарных наук: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Волгоград, 2014. – С. 49–51.

140. Копнина Г.А. Экология языка и экология речи как разделы эколингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 78–89. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Kopnina-G.A.. pdf (дата обращения: 20.06.2023).

141. Коринфский А.А. Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. – М., 1901. – 723 с.

142. Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011.– Т.1, № 28. – С. 60–64.

143. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 248 с.

144. Кошкарова Н.Н. Неологизмы русского языка с точки зрения креативной деятельности // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 20. – С. 825–829.

145. Кошкарова Н.Н. Новообразования русского языка как когнитивно-дискурсивный феномен // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 13, № 4. – С. 40–45.

146. Кравченко А.В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2.– С. 90–99. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Kravchenko-A.V.. pdf (дата обращения: 24.05.2023).

147. Кравченко А.В. Язык и экология человека: от картезианской лингвистики к эколингвистике [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 4 (1). – С. 20–31. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2019/12/Kravchenko-A.V.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

148. Крайнов А.Л. Экологическое сознание: сущность и социально-исторические феномены: автореф. дисс. … канд. филос. наук: 09.00.11. – Саратов, 2001. – 17 с.

149. Крапивник Е.В. Аспекты систематизации прилагательных-цветонаименований русского языка: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2013. – 24 с.

150. Красильникова Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.

151. Крассов О.И. Экологическое право: учебник. – 3-е изд. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 624 с.

152. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Издат. центр РГГУ, 1995. – С. 144–238.

153. Кубрякова Е.С. Ономасиология // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 1998. – С. 345–346.

154. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

155. Кузнецова Е.В. К вопросу о функциях номенклатурных номинаций (на материале международных наименований цветковых растений) // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика .– 2009. – Т. 9, Вып. 3. – С. 15–18.

156. Кулькова М.А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы: автореф. дисс. … докт. филол. наук: 10.02.01, 10.02.20. – Казань, 2011. – 50 с.

157. Кунгушева И.А. Явление демотивации слов в русском языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2003. – 19 с.

158. Курашкина Н.А. Особенности языкового отражения вокализации птиц (на материале английских, французских и русских орнитофонов) // Вестник Башкирского университета – 2009. – № 3. – С. 806 – 808.

159. Курашкина Н.А. Фонетические средства обозначения вокализации птиц // Казанская наука. – 2011. – № 11. – С. 239 –241.

160. Курашкина Н.А. Антропоморфные орнитонимы и их дериваты // Social Science. Общественные науки. – 2013. – № 1. – С. 52–58.

161. Курашкина Н.А. Информационный потенциал научных названий птиц (на примере орнитонимов отряда воробьеобразных) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014 (1). – № 6 (32). – С. 37–50.

162. Курашкина Н.А. Явления деэтимологизации и ремотивации в орнитонимике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014 (2). – № 11 (41). – С. 100–105.

163. Курашкина Н.А. Вокализации птиц в языковом отражении: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014 (3). – 318 с.

164. Курашкина Н.А. Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // Экология языка и коммуникативная практика. – 2015 (1). – №. 2. – С. 143–156.

165. Курашкина Н.А. Проблема лексикографического описания орнитонимов (на примере названий воробьеобразных птиц) // ACTA LINGUISTICA

PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Ред. М.Д. Воейкова, Е.Г. Сосновцева. – СПб.: Наука, 2015 (2). – С. 793– 813.

166. Курашкина Н.А. Место эколингвистики в постнеклассической научной парадигме // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016 (1). – №. 1. – С. 51–69. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/ Kurashkina-N.A..pdf (дата обращения: 9.08.2023).

167. Курашкина Н.А. Истоки и пути развития эколингвистики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016 (2). – Т. 15. – С. 246–250. URL: http://e-koncept.ru/2016/86950.htm. (дата обращения: 9.08.2023).

168. Курашкина Н.А. О возможности усовершенствования словарных дефиниций, характеризующих орнитонимы // Доклады Башкирского университета. – 2016 (3). – Т.1, № 3. – С. 577–582.

169. Курашкина Н.А. Об усовершенствовании дефиниций орнитонимов в толковых словарях // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 4 (58). – С. 52–56.

170. Курашкина Н.А. О взаимодействии экосознания и экобессознательного как основы для эколингвистического исследования архетипических проявлений // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018 (1). – №. 2. – С. 32–45.

171. Курашкина Н.А. Основные характеристики и виды орнитологических символов // Доклады Башкирского университета. – 2018 (2). –Т.3, № 1. – С. 115–120.

172. Курашкина Н.А. Реализация экологических архетипов в паремиях, содержащих образы птиц // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020 (1). – № 2. – С. 280–289.

173. Курашкина Н.А. Орнитонимы-номены в эколингвистической интерпретации // Экология языка и коммуникативная практика. – 2020 (2). – №. 1. – С. 11–22.

174. Курашкина Н.А. О необходимости натурлингвистики как подотрасли эколингвистики // Доклады Башкирского университета. – 2021 (1). – Т. 6, № 2. – С. 111–116.

175. Курашкина Н.А. О многоаспектности современных эколингвистических исследований // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения: монография / под ред. А.П. Сковородникова, Г.А. Копниной. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022 (1). – С. 28–44.

176. Курашкина Н.А. Роль экологического архетипа единства и цикличности бытия в создании природоориентированных сценариев (на материале русских и романо-германских народных примет с участием птиц) // Доклады Башкирского университета. – 2022 (2). – Т.7, № 3. – С. 171–176.

177. Курашкина Н.А. Метафорическое переосмысление как основа для формирования народной ботанической номенклатуры (на примере флоронимов с орнитокомпонентами, представляющими домашних птиц) // Доклады Башкирского университета. – 2022 (3). – Т.7, № 6. – С. 389–397.

178. Курашкина Н.А. Орнитоморфные флоронимы в научной номенклатуре // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022 (4). – № 11 (125).

179. Курашкина Н.А. О метафорической сущности техноморфных орнитонимов // Доклады Башкирского университета. – 2023. – Т.8, № 2. – С. 46–51.

180. Курашкина Н.А. Понятие экологичности в контексте орнитоморфных фразеообразов человека (на материале английских фразеологических единиц с орнитокомпонентом) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, Вып. 12. – С. 5144-5150.

181. Курышева М.В. Явление ремотивации в говорах: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 1989. – 17 с.

182. Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 240 с.

183. Кушнина Л.В., Пылаева Е.М. Экология перевода: современные тенденции и подходы // Вестник Пермского университета. – 2014. – Вып. 2 (26). – С. 70–76.

184. Кушнина Л.В., Плюснина Е.М. Трактовка понятий «концепт» и «смысл» в свете экологии перевода // Русистика без границ. – 2018. – Т. 2. № 4. – С.77–84.

185. Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить / Пер. с англ. К. Семенов. – К., М.: София, Гелиос, 2002. – 252 с.

186. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. – СПб.: Питер, 2018. – 480 с.

187. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

188. Лебедев И.Г. Значение и происхождение русских названий животных России и сопредельных территорий (эколого-этимологическое исследование). – М., 2009. – 419 с.

189. Лебедев И.Г., Константинов В.М. Ворон и человек – долгий путь рядом // Врановые птицы: Экология, поведение, фольклор: Сб. науч. трудов / Под ред. В.М. Константинова, Е.В. Лысенкова. – Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т, 2002. – С. 51–71.

190. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – Изд. 4-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.

191. ЛИПВ 2020 – Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III / А.А. Бернацкая, Ю.А. Горностаева, И.В. Евсеева [и др.]; под ред. проф. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. – 344 с.

192. ЛИПВ 2021 – Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. IV / И.В. Башкова, Е.М. Боровой, Л.А. Гаврилов [и др.]; под ред. проф. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2021. – 340 с.

193. Лихачев Д.С. Экология культуры [1979] // Д.С. Лихачев Прошлое – будущему: статьи и очерки. – Л.: Наука, 1985. – С. 49–63.

194. Лоренц К. Год серого гуся: Пер. с нем. – М.: Мир, 1984. – 191 с.

195. Лосев А.Ф. Символ // Философская энциклопедия: в 5 т. Т.5. / Гл. ред. В.Ф. Константинов. – М.: Сов. энциклопедия, 1970. – С. 10–11.

196. Лосев А.Ф. Логика символа // А.Ф. Лосев Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 247–274.

197. Лосев А.Ф. Философия имени // А.Ф. Лосев Бытие–Имя – Космос / Сост и ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993 (1). – С. 613–801.

198. Лосев А.Ф. Вещь и имя // А.Ф. Лосев Бытие–Имя – Космос / Сост и ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993 (2). – С. 802–880.

199. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.

200. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – С. 191–199.

201. Лотман Ю.М. Воспитание души. – СПб.: Искусство–СПБ, 2005. – 624 с.

202. Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Ю.М. Лотман Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПБ, 2010 (1). – С. 12–148.

203. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Ю.М. Лотман Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПБ, 2010 (2). – С. 149–390.

204. Лотман, Успенский 2010 – Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Ю.М. Лотман Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПБ, 2010. – С. 525–543.

205. Львов Г.А. Эволюция символизации. – СПб: Изд-во СПбГТУ, 2001. – 13 с.

206. Маврищев В.В. Основы экологии: учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск: Выш. шк., 2007. – 447 с.

207. Маковский М.М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев: Сущность, формы, развитие. – Изд. 4-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 280 с.

208. Максимов С.В. Крылатые слова и выражения русского народа. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

209. Мальчевский и др. – Мальчевский А.С., Голованова Э.Н., Пукинский Ю.Б. Птицы перед микрофоном и фотоаппаратом / Под ред. проф. А.С. Мальчевского. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. – 207 с.

210. Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. В мире птиц // Охота за голосами: Книга об охоте с магнитофоном / Сост. Н.И. Сладков. – Л.: Дет. лит., 1982. – С. 19–85.

211. Мальчевский А.С. Экскурсии по птицам // Райков Б.Е., Римский-Корсаков М.Н. Зоологические экскурсии. – М.: Топикал, 1994. – С. 485–619.

212. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.

213. Маркелова Т.В., Хабарова О.Г. Метафорическая ценность фразеологизмов с опорным компонентом зоонимом и фитонимом // Филологические науки. – 2005. – № 5. – С. 17–27.

214. Маслова В.А. Архетип природы как модель мировосприятия // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – № 2. – С. 5–14.

215. Маслова-Лашанская С.С. Из заметок по шведской лексикологии // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. – Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. – 1958. – Вып. 42, № 243. – С. 24–40.

216. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 95–142.

217. Матурана Умберто Р., Варела Франциско Х. Древо познания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – 224 с.

218. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М.: РГГУ, 1994. – 136 с.

219. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – 3-е изд., репринтное. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с.

220. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. – М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), 2001. – 169 с.

221. Мензбир М.Я. Птицы: В 6 т. Т. 6. – С.-Петербург: Типография Акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1904–1909. – 249 с.

222. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. – М.: Наука, 1967. – 259 с.

223. Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры: Сборник. – М.: Прогресс, 1990. – С. 236–283.

224. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 351 [1] с., ил.

225. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.

226. Моисеева Е.Ю. Фитонимы с компонентами *курица, петух* в народной и научной ботанике русского языка // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. – 2014, 4 (6). – С. 13 –20.

227. Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнографических лакун (пособие по курсу типологии русского и французского языков). – Владимир, 1980. – 106 с.

228. Мурясов Р.З. Топонимы в системе языка // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18, №3. – С. 753–762.

229. Мурясов Р.З. Морфология имени существительного в разноструктурных языках: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – 296 с.

230. Мурясов Р.З., Савельева Л.А. Периферийная зона системы частей речи (контрастивно-типологическое исследование): монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. – 188 с.

231. Назиров Р.Г. Генезис и пути развития мифологических сюжетов // Фольклор народов России. Русский фольклор Башкортостана в его межэтнических отношениях: Межвузовский научный сборник. – Уфа: Башкирский ун-т, 1995. – С. 138–166.

232. Назиров Р.Г. Средневековое мифотворчество [1997] // Назиров Р.Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010 (1). – С. 164–173.

233. Назиров Р.Г. Архаические образы смерти и фольклор [2001] // Назиров Р.Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010 (2). – С. 174–181.

234. Неронова Н.Б. Наименования птиц в русском языке (семантико-грамматический аспект): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2000. – 16 с.

235. Нестерова Д.В. Загадочные птицы. – М.: ООО «Росмэн-пресс», 2003. – 301 с.

236. Никитина А.В. Кукушка в славянском фольклоре. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 176 с.

237. Новикова М.В. Воспитание культурно-экологического сознания молодежи в русле традиций русской философской мысли: автореф. дисс. … канд. культурологии: 24.00.01. – М., 2004. – 27 с.

238. Нохрин А.В. Вербализация моральных ценностей в научном экологическом дискурсе: интегральный подход (на материале английского,

немецкого и русского языков): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20. – Челябинск, 2019. – 22 с.

239. Нравы птичьего двора // Фермер.ру 2023. URL: http://fermer.ru/node/44622 (дата обращения: 12.01.2023).

240. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: монография. – 2-е изд., доп. – М.: Эдитус, 2013. – 282 с.

241. Огурцов А.П., Юдин Б.Г. Экология социальная // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2001. – С. 423–424.

242. Огурцов А.П. От натурфилософии к философии природы // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Т. 6, № 1 (21). – С. 341–365.

243. Ольшанский И.Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. – М.: РАН ИНИОН, 2000. – С. 26–55.

244. Орел В.Е. Культура, символы и животный мир. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. – 584 с.

245. Орешкина Т.А., Коняшкин В.А. Экологическое сознание и экологические дискурсы цивилизации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 4. – С. 133–144.

246. Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры: Сборник. – М.: Прогресс, 1990. – С. 219–235.

247. Осипов Д., Федоров В. Соколиная охота новгородцев // Родина. – № 6. – 2010. – С. 24–29.

248. Паевский В.А. Пернатые многоженцы: браки, измены и разводы в мире птиц (Серия «Разнообразие животных». Вып. 4). – М. – СПб: Т-во научных изданий КМК, 2007. – 144 с., 12 с. цв. вкл.

249. Пахомов Ю.Н. Формирование экочеловека: методологические принципы и программные установки. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 124 с.

250. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. – 240 с.

251. Песина С.А., Комиссарова Л.С. Роль антропоморфной метафоры в когнитивистике и современной теории перевода // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4 (55). – С. 1003–1006.

252. Песина С.А., Юсупова Л.Г. Градация метафор в зависимости от образности и уровня вовлечения интеллекта // Политическая лингвистика. – 2025. – № 3 (111). – С. 41–49.

253. Петрова М. Образ дома в фольклоре и мифе // Эстетика сегодня: состояние, перспективы: материалы научной конференции (20–21 октября 1999 г.). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999. – С. 59–61.

254. Питина С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира: монография. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2002. – 191 с.

255. Питина С.А. Русская и англоязычные лингвокультуры: контрастивный анализ // Мир языка и национальная культура: взгляд из современности: монография. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. – С. 107–169.

256. Позднякова С.Ю. Технические термины с компонентом-зоонимом (на примере военной и авиационной терминологии) // Вестник ИрГТУ, 2014, № 9 (92). – С. 335–340.

257. Полухин А.А. Современное языкознание и экологическое мышление // Опыты-2008: Сборник научных работ преподавателей и студентов факультета филологии: Научное издание / Сост. Н.М. Димитрова. – СПб: РИО ГПА, 2009. – С. 65–73.

258. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. Подготовка текста Ю.С. Рассказова и О.А. Сычева. Комментарии Ю.С. Рассказова. – М.: Издательство «Лабиринт», 1999. – 300 с.

259. Потеряхина И.Н. Лингвоэкологические характеристики англоязычной виртуальной корпоративной коммуникации: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Пятигорск, 2015. – 25 с.

260. Правоторов Г.В. Зоопсихология для гуманитариев: учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Дашков и К, 2004. – 392 с.

261. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). – СПб: Терра-Азбука, 1995. – 176 с.

262. Прохоров М.М. Естественное и искусственное: взаимоотношение натурфилософии и современной философии // Вестник Тамбовского гос. ун-та. – 2005. – № 2 (38). – С. 76–84.

263. Пузырев А.В. Лингвоэкология (эколингвистика) с точки зрения субстратного подхода к языку // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: Коллективная монография / Науч. ред. проф. В.И. Шаховский. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 77–89.

264. Пукинский Ю.Б. Жизнь сов. Серия: Жизнь наших птиц и зверей. Вып. 1. / Под ред. проф. А.С. Мальчевского. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 240 с.: ил.

265. Пушина Н.И., Широких Е.А. Экотекст в лингвистике текста // Вестник Удмуртского университета. – 2022. – Т. 32, вып. 4. – С. 742–751.

266. Пылаева Е.М. О методологии эколого-переводческого анализа художественного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12 (42). – С. 165–168.

267. Пырин А.Г. Природная среда общества (социально-философский анализ). – М.: Рос. философское общество, 2006. – 208 с.

268. Резник Ю.М. Пути построения экологической цивилизации в России (экоинтегральный подход) // Личность. Культура. Общество. – 2022 (1). – Т. 24, Вып. 2 (№ 114). – С. 89–115.

269. Резник Ю.М. Экологической цивилизации в России быть (ответ рецензентам) // Личность. Культура. Общество. – 2022 (2). – Т. 24, Вып. 3–4 (№ 115–116). – С. 148–154.

270. Резниченко А.И. О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. – М.: Издательский дом РЕГНУМ, 2012. – 416 с.

271. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). – М.: Журнал «Россия Молодая», 1994. – 367 с.

272. Рерих Н.К. Человек и природа: [Сб. ст.]. – 2-е изд., исправ. – М.: Международный Центр Рерихов, 2005. – 140 с.

273. Рикёр П. Живая метафора // Теория метафоры: Сб.: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 435–455.

274. Романов Д.Д. Экоантропоцентрическая цивилизация как альтернатива постчеловеческому проекту // Вестник РФО. – 2023 (1). – Вып. 3–4. – С. 39–52.

275. Романов Д.Д. Экософия и софиология: актуализация философии хозяйства С.Н. Булгакова // Проблемы современного образования. – 2023 (2). – № 4. – С. 19–28. URL: http://www. pmedu.ru (дата обращения: 12.01.2025).

276. Рубанова Е.В. Философские проблемы становления экологического знания. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2007. – 140 с.

277. Рузин И.Г. Природные звуки в семантике языка (Когнитивные стратегии именования) // Вопросы языкознания. – 1993. – № 6. – С. 17–27.

278. Русаков В.М. Категория концепт – архетип – дискурс: методологические новации в исследовательском инструментарии современного гуманитарного знания // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 50–55.

279. Русанов Я.С. Подсадная утка и охота с ней. – М.: Лесная промышленность, 1975. – URL: http://hunter.ru/hunting/rusanov/index.htm (дата обращения: 22.12.2012).

280. Рябова Е.В. Эволюция отношений человека и природы: нравственное содержание // Гуманитарные науки и образование. – 2014. – № 4. – С. 97–101.

281. Савельева Л.В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1997. – 144 с.

282. Савельева У.А. Архетипический лингвокультурный концепт «предательство»: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2008. – 28 с.

283. Самигуллина А.С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении: Монография. – Уфа, РИЦ БашГУ, 2008. – 316 с.

284. Самигуллина А.С., Мурясов Р.З. Этюды о метафоре: монография. – М.: Изд-во Триумф, 2023. – 170 с.

285. Самкова М.А. Лингвосинергетическая трактовка учебно-педагогического дискурса (на материале англоязычных учебных текстов-полилогов): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2014. – 23 с.

286. Семантика и категоризация / Отв. ред. Ю.А. Шрейдер. – М.: Наука, 1991. – 168 с.

287. Сепир Э. Язык и среда // Э. Сепир Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – С. 270–284.

288. Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 147–187.

289. Серёгина М.А. Паремиологическая реализация содержания архетипов (на материале русского и немецкого языков) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2009. – Т. 1, № 16. – С. 36–49.

290. Сетаров Д.С. Номинация, мотивация и этимология слов (на материале названий животных). – Вильнюс, 1984. – 67 с.

291. Силаева О.Л. Звукоподражательный компонент в названиях птиц // Орнитология. – М.: издательство МГУ, 1982. – Вып. 17.– С. 189–191.

292. Силаева и др. – Силаева О.Л., Вараксин А.Н., Ильичев В.Д. Имитационные взаимоотношения между человеком и животными: Акустический анализ. – М.: Изд-во РУДН, 1999. – 49 с.

293. Силаева О.Л. Звукоподражание: наука и практика. – М., 2008. – 232 с.

294. Симакова О.Б. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. – Орел, 2004. – 24 с.

295. Симоненко О.Д. Сотворение техносферы: проблемное осмысление истории техники. – М.: SvR – Аргус, 1994. – 112 с.

296. Симпсон Джордж Г. Принципы таксономии животных / Пер. с англ. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 293 с.

297. Сиротинина О.Б. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 177–193. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/05/Sirotinina. pdf (дата обращения: 20.06.2023).

298. Скворцов Л.И. Культура языка и экология слова // Русская речь. – 1988. – № 4.– С. 3–19; № 5. – С. 3–9.

299. Скворцов Л.И. Язык, общение и культура (Экология и язык) // Русский язык в школе. – 1994. – № 1. – С. 81–86.

300. Скворцов Л.И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи. – М.: Просвещение, 1996. – 208 с.

301. Скворцов Л.И. Лингвистическая экология или лингвоэкология // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 294–296.

302. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 151 с.

303. Сковородников А.П. Об экологии русского языка // Филологические науки. – 1992. – № 5–6. – С. 104–111.

304. Сковородников А.П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 194–222. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/01/Skovorodnikov.pdf (дата обращения: 20.06.2023).

305. Сковородников А.П. К философским основаниям предметной области эколингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 140–161. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Skovorodnikov-A.P..pdf (дата обращения: 20.06.2023).

306. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Стилистика креатива и эколингвистика: точки соприкосновения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 8 (38): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 101–104.

307. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в речи и языке // Мир русского слова. – 2017. – № 3. – С. 28–32.

308. Сковородников А.П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии // Политическая лингвистика. – 2019 (1). – № 5 (77). – С. 12–25.

309. Сковородников А.П. Лингвонекрофилия в современном российском публичном дискурсе // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2019 (2). – № 1 (134). – С. 204–207.

310. Сковородников А.П., Копнина Г.А, Экология русского языка: монография. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2024. – 520 с.

311. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

312. Смышляева В.П. Римский поэтический авиарий: Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 126 с.

313. Соколова З.П. Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 215 с.

314. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX – начало XX в.). – М.: Наука, 1979. – 288 с.

315. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: автореф. … дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Омск, 2004. – 32 с.

316. Солодовникова Н.Г. Слова как защитные маски эмоций // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 4 (2). – С. 8–17. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2019/12/Solodovnikova-N.G..pdf (дата обращения: 22.01.2024).

317. Солодовникова Н.Г. Эмотивные границы экологичности // Неофилология. – 2020. – Т. 6. № 24. – С. 709–721.

318. Солодуб Ю.П. Образность фразеологизмов и фразеологическая номинация // Фразеологическая номинация: Особенности семантики фразеологизмов. – Ростов на Дону, 1989. – С. 4–11.

319. Сумцов Н.Ф. Ворон в народной словесности [1890] // Н.Ф. Сумцов Народный быт и обряды / Сост., предисл., примеч. А.Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. – С. 437–459.

320. Суховерхов А.В. Современные тенденции в развитии эколингвистики // Язык и культура. – 2014. – № 3. – С. 166–175.

321. Сущенко Е.А. Педагогическая лингвоэкология как фактор безопасности современного образовательного процесса (монография) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 3–2. – С. 223–224.

322. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 129–221.

323. Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1981. – 269 с.

324. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

325. Телия В.Н. Номинация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 336–337.

326. Тинберген Н. Социальное поведение животных.: Пер. с англ. – М.: Мир, 1993. – 152 с.: ил.

327. Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев: Т. 1–2. – М.: Рос. энциклопедия, 1997. – Т. 1. А–К. – С. 11–20.

328. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.

329. Токмаков Д.В. Метафорическая модель «Природная катастрофа – живой организм» в современном англоязычном экологическом дискурсе // Вестник современных исследований. – 2019. – № 3.6 (30). – С.176–181.

330. Толстой Н.И. К реконструкции семантики и функции некоторых славянских изобразительных и словесных символов и мотивов // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры: Сборник научных трудов. – Л.: Наука, 1990. – С. 47–67.

331. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев: Т. 1–2. – М.: Рос. энциклопедия, 1997. – Т. 2. К–Я. – С. 161–164.

332. Торопцев И.С. Язык и речь. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 199 с.

333. Трошина Н.Н. Экология языка: аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. отд. языкознания. – М., 2020. – 54 с.

334. Туровский В.В. *Как, похож, напоминать*, творительный сравнения: толкования для группы квазисинонимов // Референция и проблемы текстообразования. – М.: Наука, 1988. – С. 130–145.

335. У, Ди. Обзор состояния исследований и тенденций развития эколингвистики новой эпохи в Китае // Политическая лингвистика. – 2023. – № 4 (100). – С. 227–237.

336. Уилбер К. Интегральная духовность / Пер. с англ. – М.: Ориенталия, 2013. – 436 с.

337. Ульманн С. Семантические универсалии. – Вып.V Языковые универсалии // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1970. – С. 250–299.

338. Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Б.А. Успенский Избранные труды, Том I. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 9–70.

339. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 5–85.

340. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 108–140.

341. Фадеева Г.М. Стилистические аспекты лексикона немецкого экологического дискурса // Вестник МГЛУ. – 2011. – Вып. 19 (625). – С. 58–71.

342. Федоров Н.Ф. Из «Философии общего дела» – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1993. – 216 с.

343. Флинт В.Е., Сорокин А.Г. Сокол на перчатке. – М.: Эгмонт Россия Лтд., 1999. – 328 с.

344. Флоренская В.В. Архетипы единства человека и природы традиционных обществ и формирование экологической культуры: автореф. дисс. … канд. культурологии: 24.00.01. – Екатеринбург, 2010. – 22 с.

345. Флоренский П.А. Термин // Вопросы языкознания. – 1989 (1). – № 1. – С. 121–133.

346. Флоренский П.А. Термин // Вопросы языкознания. – 1989 (2). – № 3. – С. 104–117.

347. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // П.А. Флоренский Сочинения: в 4 т. Т. 3 (1) / Сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: Мысль, 2000 (1). – С. 25–372. – (Филос. наследие).

348. Флоренский П.А. Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания // П.А. Флоренский Сочинения. В 4 т. Т.3 (2) / Сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. – М.: Мысль, 2000 (2). – С. 386–488.

349. Флоренский П. Имена: Сочинения. – М.: Эксмо, 2006. – 896 с.

350. Фоменко Е.А. Эколингвистика, экология перевода, экотранслатология: соотношение понятий в свете современной дискурсивной практики // Нижневартовский филологический вестник. – 2023. – №2. – С. 141–148.

351. Фридман Ю.С., Коблик Е.А. О названиях птиц в дословном переводе с европейских языков [2006] // Русский орнитологический журнал. – 2013. – Т. 22. – Экспресс-выпуск 853. – С. 573–582.

352. Фромм Э. Забытый язык / Пер. Т.И. Перепеловой // Э. Фромм Душа человека: Перевод. – М.: Республика, 1992. – С. 179–298.

353. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

354. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.

355. Хакимова Е.М. Медиабулимия: осмысление концепта носителями языка // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 2 (472). – С. 134 – 141.

356. Хакимова и др. 2026 – Хакимова Е.М., Антропова В.В., Симакова С.И., Медведева А.Р., Топчий И.В. Токсичный медиатекст как социальная реалия современности // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2026. – № 1 (59). – С. 102–119.

357. Ханжин и др. 2008 – Ханжин Б.М., Ханжина Т.Ф., Лыгин В.Н., Боровков Н.М., Филин Г.Ф. Философия природного естества (экофилософия). – Госуд. предприятие Астрах. области «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», 2008. – 208 с.

358. Ходакова А.Г. Термины и номены // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 4 (1). – С. 411–416.

359. Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. – СПб.: Питер, 2021. – 320 с.

360. Хомутова Т.Н., Нохрин А.В. Концептосфера «моральные ценности» в научном экологическом дискурсе: контрастивный анализ (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 21–31.

361. Хряпченкова О.С. Язык как фактор экологического сознания общества: автореф. дисс. … канд. филос. наук: 09.00.11. – Нижний Новгород, 2013. – 27 с.

362. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – Изд. 3-е, испр. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.

363. Черникова И.В. Философия и история науки: Учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Томск: Изд-во НТЛ, 2011. – 388 с.

364. Черникова И.В. К 150-летию В.И. Вернадского. Ноосферное учение В.И. Вернадского в русском космизме и в современной науке // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 379. – С. 82–85.

365. Шамне Н.Л., Шовгенин А.Н. Теоретические основы построения алгоритма эколингвистического мониторинга // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2010. – №2 (12). – С. 153–161.

366. Шамне Н.Л. Эколингвистическое исследование языкового пространства полиэтнического региона // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – №8 (62). – С. 143–146.

367. Шамне Н.Л., Шовгенин А.Н. Эколингвистика: учеб. пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – 92 с.

368. Шамов И.К. Наши певчие птицы: их жизнь, ловля и правильное содержание в клетках. – 3-е изд. – М., 1910. URL: http:// https://zoomet.ru/failes/ Shamov-1910-R.pdf (дата обращения: 02.08. 2021).

369. Шаталов А.Т., Олейников Ю.В. К проблеме становления биофилософии // Биофилософия. – М., 1997. – С. 5–26.

370. Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. – 2007. – № 2. – С. 3–17.

371. Шафиков С.Г. Сравнительная типология иностранных языков: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 224 с.

372. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: монография. – Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. – 504 с.

373. Шелестюк Е.В. Эколингвистические принципы языковой политики и обучения иностранному / второму языку // Российский журнал исследования билингвизма. – 2021. – № 2. – С. 56–68.

374. Шелестюк Е.В. Эколингвистика преподавания иностранного языка как языка международного общения // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 5 (475). – С. 138 – 148.

375. Шелов С.Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. – М.: ПринтПро, 2018. – 472 с.

376. Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке: Публ. послание д-ру Эрнсту Геккелю, э. о. проф. зоологии и дир. Зоол. музея при Йен. ун-те [1863]. – СПб.: тип. П.А. Кулиша, 1864. – [2], 14 с.

377. Шляхов В.И., Никонов А.Л. Эколингвистика и проблема экологии языка в российском языковом пространстве // Пространство и Время. – 2011. – № 4 (6). – С. 138–144.

378. Шустова С.В., Меньшакова Н.Н., Файзиева Г.В. Грамматическая структура метеорологических паремий // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2025 – № 4. – С. 244–248.

379. Шустова С.В., Завгороднева М.П. Природно-ландшафтный код: лингвокультурологический анализ фразеологизмов: монография / Науч. ред. С.В. Андросова. – Пермь, 2026. – 184 с.

380. Щепановская Е.М. Генезис и классификация мифологических архетипов (культурфилософский подход): дисс. … канд. филос. наук: 09.00.13. – Санкт-Петербург, 2011. – 274 с.

381. Щепановская Е.М. Мифологические архетипы как ценностное ядро национального менталитета // Ценности и смыслы. – 2012. – № 1. – С. 34–49.

382. Щепановская Е.М. Проблема определения архетипа. Древнейшие архетипы как способы мышления // Современная онтология – IX: Сознание и бессознательное: Сборник докладов межд. науч. конф. (24–28 июня 2019), ред. П.М. Колычев, К.В. Лосев. – СПб, ГУАП, 2019. – С. 44–65. URL: http:// www.astrolingua.ru/PHILOS/archenus.htm (дата обращения: 10. 01.2024).

383. Щукина Д.А. Пространство в художественном тексте и пространство художественного текста. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 218 с.

384. Эйнштейн А. Теория относительности // А. Эйнштейн Собрание научных трудов в 4-х томах. – М.: Наука, 1965. Т. 1. – С. 410–424.

385. Эко Умберто Шесть прогулок в литературных лесах / Пер. с англ. А. Глебовской. – СПб.: «Симпозиум», 2007. – 285 с.

386. Эко Умберто Поиски совершенного языка в европейской культуре / Серия «Становление Европы» / Пер. с итал. и примечания А. Миролюбовой. – СПб.: Александрия, 2009. – 423 с.

387. Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. Пер. с англ. – М.: Refl-book, К.: Ваклер, 1996. – 288 с. Серия «Актуальная психология».

388. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское / Пер. с фр. – М.: Ладомир, 2000. – 414 с.

389. Эндрюс Т. Язык животных. Пер. с англ. О. Блейз. – М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. – 607 с.

390. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. – М.: Высш. школа, 2006. – 559 с.

391. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М: Издательство «Ренессанс» СП «ИВО-СиД», 1991. URL: http://www.koob.ru (дата обращения: 29.07.2023).

392. Юнг К.Г. Собрание сочинений. Дух Меркурий / Пер. с нем. – М.: Канон, 1996. – С. 199–373.

393. Юнг К.Г. и др. Человек и его символы / Под общ. ред. С.Н. Сиренко. – М.: Серебряные нити, 1998 (1). – С. 13–346.

394. Юнг К.Г. Избранное / Пер. с нем. Е.Б. Глушак, Г.А. Бутузов, М.А. Собуцкий, О.О. Чистяков. – Минск: Попурри, 1998 (2). – С. 291–335.

395. Юнг К.Г. Психологические аспекты архетипа Матери // Юнг К.Г. Аналитическая психология и психотерапия / Сост. и общая редакция В.М. Лейбина. – СПб.: Питер, 2001. – С. 326–364.

396. Яковлев Д.И., Хомутова Т.Н. Мультимедийный энциклопедический словарь «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей»: интегральная модель // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 9 (467). – С. 254–262.

397. Якушевич И.В. Птицы: символ, метафора, метаморфоза // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Коллективная монография / Отв. ред. А.И. Смирнова. – М.: Книгодел; МГПУ, 2019. – С. 306–319.

398. Alexander R., Stibbe A. From the analysis of ecological discourse to the ecological analysis of discourse // Language Sciences. – 2014. – № 41. – P. 104–110.

399. Atkins B.T.S., Rundell M. The Oxford guide to practical lexicography. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 540 p.

400. Bauer L. The Illusory distinction between lexical and encyclopedic / L. Bauer // Proceedings of the Eleventh International symposium on lexicography, May 2–4, 2002 / H.G. Gottlieb, J.E. Mogensen and A. Zettersten (eds.). – Tübingen: Niemeyer, 2005. – P. 111–116.

401. Berman T. The Rape of Mother Nature? Women in the Language of Environmental Discourse [1994] // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. – London and New York: Continuum, 2001. – P. 258–269.

402. Bolinger D. Language, the Loaded Weapon: The Use and Abuse of Language Today. – London and New York: Longman, 1980. – Pp. x + 214.

403. Bastardas-Boada A. Linguistic sustainability and language ecology [Electronic resource] // Language & Ecology. – 2005. Available at http://ecolinguistics-association.org/articles/4593204474 (accessed 02.02.2021).

404. Boguslawska-Tafelska M. Towards an ecology of language, communication and the mind. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. – 121 p.

405. Carson R. Silent Spring. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1962. – 368 p.

406. Cowley S.J. Bio-ecology and Language: A Necessary Unity // Ecolinguistics: The Ecology of Language and Science: Special Issue of Language Sciences, Vol. 41, Part A. – 2014. – P. 60–70.

407. Denison N. A Linguistic Ecology for Europe? [1982] // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. – London and New York: Continuum, 2001. – P. 75–83.

408. Døør J., Madsen D.B. Food for Thought – Metabolism and Metaphors // Sustaining Language: Essays in Applied Ecolinguistics. – Wien, Berlin: LIT Verlag, 2007. – P. 267–278.

409. Dryzek J.S. The Politics of the Earth. 2nd edition. – New York: Oxford University Press Inc., 2005. – 261 p.

410. Fairclough N. Critical Language Awareness. – London: Longman, 1992. – 360 p.

411. Fill A. Ecolinguistics: State of the Art 1998 // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. – London and New York: Continuum, 2001. – P. 43–53.

412. Finke P. Politizität. Zum Verhältnis von theoretischer Härte und praktischer Relevanz in der Sprachwissenschaft // Sprache im politischen Kontext. – Tübingen: Niemeyer, 1983. – P. 15–75. (Part 2. Ökologische konstructive Linguistik. – P. 44–75).

413. Finke P. Identity and Manifoldness: New perspectives in Science, Language and Politics // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. – London and New York: Continuum, 2001. – P. 84–90.

414. Finke P. Transdisciplinary Linguistics: Ecolinguistics as a Pacemaker into a New Scientific Age // The Routledge Handbook of Ecolinguistics / Ed. by Alwin F. Fill and Hermine Penz. – New York and London: Routledge, 2018. – P. 406–419.

415. Forte D.L. Ecolinguistics: The battlefield for the new class struggle? [Electronic resource] // Language & Ecology. – 2020. Available at http://ecolinguistics-association.org/journal (accessed 02.02.2021).

416. Frost P. Little Owl [Electronic resource], 2000–2010. Available at http://www.pauldfrost.co.uk/littleowl.html #folklore (accessed 01.12.2012).

417. Goatly A. Green grammar and grammatical metaphor, or language and myth of power, or metaphors we die by // The ecolinguistics reader: language, ecology, and environment, ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. – London: Continuum, 2001. – P. 203–225.

418. Haarmann H. Multilingualismus 2. Elemente einer Sprachökologie. – Tübingen: Gunter Narr, 1980. – 260 S.

419. Haeckel E. Generelle Morphologie der Organismen. – Berlin: Reimer, 1866. – XVII–CXLVII + 462 [8] P.

420. Halliday M.A.K. New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics [1990] // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. – London and New York: Continuum, 2001. – P. 175–202.

421. Halliday M.A.K. Applied linguistics as an evolving theme // Language and Education: Collected Works of M.A.K. Halliday / ed. by J. Webster. – London: Continuum, 2007. – P.1–19.

422. Hanks P. Lexical analysis: norms and exploitations / P. Hanks. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2013. – 462 p.

423. Haugen E.I. The Ecology of Language: essays by Einar Haugen. Selected and Introduced by Anwar S. Dill. – Stanford, California: Stanford University Press, 1972. – 368 p.

424. Jung M. Ecological Criticism of Language [1996] // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. – London and New York: Continuum, 2001. – P. 270–285.

425. Knapp E. Volkstümliches in den romanischen Wetterregeln. – Tübingen: Karl Bolze, 1939. – 119 S.

426. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

427. Linnaei Caroli Systema naturæ per regna tria naturæ, secundum classses, ordines, genera, species, cum characteribus, differentiis, synonymis, locis. Editio decima, reformata. – Holmiæ [Stockholm]: impensis direct. Laurentii Salvii. 1758. – [4] Bl. S. 6–823.

428. Midgley M. The Myths We Live By. – London and New York: Routledge, 2003. – 192 p.

429. Mühlhäusler P. Preserving Languages or Language Ecologies // Oceanic Linguistics. – 1992. – № 31 / 2. – P. 16–80.

430. Mühlhäusler P. On the relationship between linguistic and biological diversity // The politics of multiculturalism in Asia and the Pacific / ed. by D. Myers. – Darwin: University of the Northern Territory Press, 1995. – P. 154–161.

431. Mühlhäusler P. Linguistic Ecology: Language Change and Linguistic Imperialism in the Pacific Region. – London and New York: Routledge, 1996. – xiii, 396 p.

432. Mühlhäusler P. Talking about Environmental Issues [1983] // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. – London and New York: Continuum, 2001 (1). – P. 31–42.

433. Mühlhäusler P. Babel Revisited [1994] // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. – London and New York: Continuum, 2001 (2). – P. 159–164.

434. Mühlhäusler P. English as an Exotic Language // The Politics of English as a World Language. New Horizons in Postcolonial Cultural Studies / Ed. by C. Mair. – Rodopi, Amsterdam, New York, 2003. – P. 67–86.

435. Naess A. Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy. – New York: Cambridge University Press, 1989. – 223 p.

436. Naess A. The shallow and the long range, deep ecology movement // The deep ecology movement: an introductory anthology / ed. by A. Drengson and Y. Inoue. – Berkeley: North Atlantic Books, 1996. – P. 3–10.

437. Nerlich B. and Jaspal R. Metaphors we die by? Geoengineering, metaphors, and the argument from catastrophe // Metaphor and Symbol. – 2012. – 27(2). – P. 131–147.

438. Pearson J. Why do British Birds have Funny Names? [Electronic resource] // Birds of Britain: The Web Magazine for Birdwatchers. Available at http://www. birdsofbritain.co.uk//bird-names.asp (accessed 09.11. 2011).

439. Pieplow N. Describing Bird Sounds in Words // Birding. – 2007. – Vol. 39, № 4. – P. 48–54. Available at http://www.aba.org/birding/v39n4p48.pdf (accessed 25.07.2021).

440. Pieplow N. The Vowels of Birds [Electronic resource] // Recording, Identifying, and Interpreting Bird Sounds. Available at http://earbirding.com/blog/archives/2578 (accessed 25.07.2021).

441. Rateau P., Moliner P., Guimelli C., Abric J.C. Social Representation Theory // Handbook of Theories of Social Psychology. – 2012. – № 2. – P. 477–497.

442. Rosch E.H. Human categorization // Studies in cross-cultural psychology / Ed. by N. Warren. Vol.1. – N.Y.: Academic Press, 1977. – P. 1–49.

443. Roszak Th. The Voice of the Earth. – New York: Simon & Schuster, 1992. – 368 p.

444. Rundell M. It works in practice but will it work in theory? The uneasy relationship between lexicography and matters theoretical // Proceedings of the Fifteenth EURALEX International congress, EURALEX 2012, Oslo, August 7–11, 2012 / R.V. Fjeld, J. M. Torjusen (eds.). – Oslo: Department of Linguistics and Scandinavian Studies, University of Oslo, 2012. – P. 47–92.

445. Salzinger K. Ecolinguistics: a radical behavior theory approach to language behavior // Psycholinguistics Research / Ed. by D. Aaronson, R.W. Reiber. – Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1979. – P. 109–130.

446. Sapir E. Language and Environment [1912] // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. – London and New York: Continuum, 2001. – P. 13–23.

447. Searle J.R. Metaphor // Pragmatics / Ed. by Steven Davis. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. – P. 519–539.

448. Sosef Marc S.M., Degreef J., Engledow H., Meerts P. Botanical classification and nomenclature, an introduction. – Meise, Meise Botanic Garden, 2020. – 72 p.; ill.

449. Steffensen S.V. Beyond mind: an extended ecology of languaging // Distributed Language / Ed. by S.J. Cowley. – Amsterdam: John Benjamins, 2011. – P. 185–210.

450. Steffensen S.V., Fill A. Ecolinguistics: the State of the Art and the Future Horizons // Ecolinguistics: The Ecology of Language and Science: Special Issue of Language Sciences, Vol. 41, Part A. – 2014. – P. 6–25.

451. Stibbe A. As charming as a pig: The discursive construction of the relationship between pigs and humans // Society & Animals. – 2003. – 11 (4). – P. 375–392.

452. Stibbe A. An Ecolinguistic Approach to Critical Discourse Studies // Critical Discourse Studies. – 11(1). – 2014. – P. 117–128.

453. Stibbe A. Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By. – London and New York: Routledge, 2015. – 210 p.

454. Stibbe A. Positive Discourse Analysis: Rethinking Human Ecological Relationships // The Routledge Handbook of Ecolinguistics / ed. by Alwin F. Fill and Hermine Penz. – New York and London: Routledge, 2018. – P. 165–178.

455. Stibbe A. Discovering the Weatherworld: Combining Ecolinguistics, Ecocriticism, and Lived Experience // Routledge Handbook of Ecocriticism and

Environmental Communication. – Routledge, Abingdon: Routledge International Handbooks, 2019. – P. 71–83.

456. Stibbe A. Ecolinguistics and economics: the power of language to build worlds // WEA Commentaries. – 2020. – 10 (3). – P. 2–7.

457. Stibbe A. Econarrative: Ethics, ecology, and the search for new narratives to live by. – London: Bloomsbury, 2024. – x+278 p.

458. The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. – London and New York: Continuum, 2001. – 296 p.

459. Trampe W. Ökologische Linguistik: Grundlagen einer ökologischen Wissenschafts und Sprachtheorie. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. – 248 S.

460. Wilber K. Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL Map // AQAL: Journal of Integral Theory and Practice. – 2005. – Vol.1, №1. – P. 1–38.

461. Wodak R., Chilton P. A new agenda in (critical) discourse analysis: Theory, methodology and interdisciplinarity // ed. by R. Wodak, P. Chilton. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2005. – xiii + 321 p.

462. Zimmerman M.E. From Deep Ecology to Integral Ecology: A Retrospective Study // The Trumpeter: Journal of Ecosophy. – 2014. – Vol. 30, № 2. – P. 247–268. Available at http://trumpeter.athabascau.ca/index.php/trumpet/article/view/ 1379/1668 (accessed 20.01.2024).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ И СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

463. Анненков Н.И. Ботанический словарь. – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1878. – 646 с.

464. АРПС 1971 – Англо-русский политехнический словарь / Под. ред. А.Е. Чернухина. – Изд. 2-е, доп. – М.: Сов. энциклопедия, 1971. – 672 с.

465. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. В 3-х т. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006-2008. Т. 1: А-К, 2006. – 144 с., Т. 2: Л-Т, 2007. – 160 с., Т. 3: У-Я. Словник. 2008. – 192 с.

466. БАРПС 1991 – Большой англо-русский политехнический словарь: В 2 т. /С.М. Баринов, А.Б. Борковский, В.А. Владимиров и др. – М.: Рус. яз., 1991. – Т. I (A–L) 1991. – 701 с.; Т. II (M– Z) 1991. – 720 с.

467. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов / Пер. с нем. – М.: КРОН – ПРЕСС, 1995. – 512 с.

468. Белова О.В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. – М.: Индрик, 1999. – 320 с.

469. Бёме Л.Б., Бёме И.Р. Птицы в вашем доме: справочник птицевода-любителя. – Ростов н /Д.: Феникс, 2006. – 320 с: ил.

470. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Пер. с нем. – М.: Республика, 1996. – 335 с.: ил.

471. БНТС 2007 – Большой нормативно-технический словарь: ок. 15000 терминов /авт.-сост. Ю.И. Фединский. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 926, [2] с.

472. Брем А. Жизнь животных: В 13 т. Перевод под ред. Н.М. Книповича. – Петроград: Русское книжное товарищество «Деятель», 1911–1912. – Т. 6: Птицы (1) – 620 с.: ил.; Т. 7: Птицы (2) – 636 с.: ил.; Т. 8: Птицы (3) – 592 с.: ил.; Т. 9: Птицы (4) – Воробьинообразные. – 716 с.: ил.

473. Брикетти П. Птицы: Справочник / Пер с итал. Т.А. Васильевой, Е.В. Шишловой. – М.: ООО «Издательство АСТ»: «Издательство Астрель», 2004. – 318 с.: ил.

474. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

475. БЭС – Биологический энциклопедический словарь / Под. ред. М.С. Гилярова. – 2-е изд., исправл. – Москва: Сов. Энциклопедия, 1986. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_biology/ (дата обращения: 27.08.2022).

476. БЭСЛР – Большой энциклопедический словарь лекарственных растений: учебное пособие / под ред. Г.П. Яковлева. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: СпецЛит, 2015. – 759 с.: ил.

477. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Вып. 2: Учебное пособие. – Уфа: Башкирский университет, 2000. – 146 с.

478. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. – 5-е изд. – СПб.: Издание автора, 1899. – 1870 с.

479. Второв П.П., Дроздов Н.Н. Определитель птиц фауны СССР. – М.: Просвещение, 1980. – 256 с.: ил., 16 л. ил.

480. Гарбовский Н.К. Русско-французский словарь военных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 960 с.

481. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [1881-1882]: В 4-х т. М.: Русский язык, 1981-1982. – Т. 1: А-З – 699 с.; Т. 2: И-О – 779 с.; Т. 3: П – 555 с., Т. 4: Р-V – 683 с.

482. Дедю И.И. Экологический энциклопедический словарь. – Кишинев: Гл. ред. Молд. совет. энцикл., 1989. – 406 с.: ил. URL: http://www.cnshb.ru/AKDiL/0039/default.shtm (дата обращения: 13.07.2023).

483. Дементьев Г.П., Гладков Н.А. Птицы Советского Союза /Под ред. Г.П. Дементьева и Н.А. Гладкова. – М.: Советская наука, 1954. – Т. 5. – 808 с.: ил.; Т. 6. – 792 с.: ил.

484. Демянчик В.Т. Справочник-определитель: Птицы Европы. – Минск: Харвест, 2003. – 416 с.

485. Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах / Составитель и отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 880 с.

486. ЖЖ – Жизнь животных. В 7 т. / Гл. ред. В.Е. Соколов. Т. 6. Птицы / Под ред. В.Д. Ильичева, А.В. Михеева. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1986. – 527 с.: ил.

487. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.

488. Журавлев А.Ф., Варбот Ж.Ж. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Этимология и история слов русского языка. – 2018. URL: https://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (дата обращения: 26.06.2024).

489. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – Изд. 4-е, стер. – Ростов н /Д.: Феникс, 2008. – 590 с.

490. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.

491. КЛВ – Крылатые латинские выражения / Авт.-сост. Ю.С. Цыбульник. – Харьков: Фолио; М.: Эксмо, 2008. – 992 с.

492. Коблик Е.А., Редькин Я.А., Архипов В.Ю. Список птиц Российской Федерации. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 256 с.

493. Коблик Е.А., Архипов В.Ю. Фауна птиц стран Северной Евразии в границах бывшего СССР: Списки видов. – Зоологические исследования, № 14. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. – 171 с.

494. Когут В.И. Dictionnaire des expressions idiomatiques françaises: Словарь идиоматических выражений французского языка. – СПб: Антология, 2014. – 208 с.

495. Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. – Екатеринбург, 2000. – 234 с.

496. Красная книга Российской Федерации, том «Животные». – 2-ое изд. – М.: ВНИИ Экология, 2021. – 1128 с.

497. Критская 1963 – Критская О.В. Французские пословицы и поговорки. – М.: Высшая школа, 1963. – 95 с.

498. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.

499. Купер Дж. Энциклопедия символов. – М.: Изд-во Ассоциации Духовного Единения «Золотой Век», 1995. – 401 с.

500. Курашкина Н.А. Сравнительный словарь орнитонимов: латинские, русские, английские и французские названия птиц отряда воробьинообразных: словарь. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – 290 с.

501. ЛРС – Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2008. – 843 с.

502. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с: ил.

503. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1. А–Й. 1985. 696 с.; Т. 2. К–О. 1986. 736 с.; Т.3. П–Р. 1987. 752 с.; Т.4. С–Я. 1988. 800 с.

504. МЖРФ – Малые жанры русского фольклора: пословицы, поговорки, загадки / Сост. Морохин В.Н. – М.: Высш. школа, 1979. – 284 с.

505. Миловидов С.П., Нехорошев О.Г. Справочник-определитель птиц Томской области / Под ред. А.М. Адама. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – 168 с.

506. МНМ – Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев: Т.1-2. – М.: Рос. энциклопедия, 1997. – Т. 1.: А-К. – 671 с.: ил; Т. 2.: К-Я. – 719 с.: ил.

507. МЭС – Музыка: энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Келдыш. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003 [1990]. – 672 с.: ил.

508. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. – 17-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1978. – 888 с.

509. Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга. – М.: ООО «Издательство Астрель: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 255 с.

510. НПС – Новый политехнический словарь / Гл. ред. А.Ю. Ишлинский. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 671 с.: ил.

511. НФРС – Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – 13-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008. – XVI, 1160 с.

512. НФЭ – Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH7c502f11983e819124187c (дата обращения: 10.06.2024).

513. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.

514. ОСТСРЯ – Онлайн сборник технических словарей русского языка. – URL: https://www.dicsonline.ru/tehnicheskie-slovari (дата обращения: 26.07.2023).

515. ПЗ – Энциклопедия для детей. Птицы и звери / ред. коллегия: М. Аксенова, В. Володин, Г. Вильчек и др. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008. – 448 с.: ил.

516. Плантариум. Растения и лишайники России и сопредельных стран: открытый онлайн атлас и определитель растений 2007–2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.plantarium.ru/ (дата обращения: 09.01.2023).

517. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. – 3-е изд. – М.: Междунар. отношения, 2001. – 560 с.

518. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 3 т. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910-1914. – Т. 1: А-О – 674 с., Т. 2: П-С – 416 с.

519. Райт М. Птицы. Всё, что вы хотели знать / Пер. с англ. О.В. Ивановой. – М.: Мир книги, 2006. – 320 с.

520. Рыженков Г.Д. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. и авт. вводн. текстов Г.Д. Рыженков; Вступ. ст. и словарь А.Н. Розова; Оформ. Т.М. Чирковой. – М.: Современник, 1992. – 127с. URL: https://4italka.su/nauka_obrazovanie/kulturologiya/ 548730/fulltext.htm (дата обращения: 11.01.2024).

521. Рябицев В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель. – 3-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 634 с.: ил.

522. СА – Словарь античности. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.: ил.

523. Савенко А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы / Под. ред. О.И. Блиновой. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 200 с.

524. Симкин Г.Н. Певчие птицы: Справочное пособие. – М.: Лесная промышленность, 1990. – 399 с.: ил.

525. СМ – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.

526. Собрание сонников [Электронный ресурс]. URL: http://www.sonnik-online.net/ (дата обращения: 12.12.2015).

527. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения / Сост. А.И. Солженицын. – 3-е изд. – М.: Русский путь, 2000. – 280 с.

528. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т./ АН СССР, Ин-т языкознания; Под ред. чл.-корр. АН СССР В.И. Чернышева. – М.-

Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950–1965. Т. 1. А–Б. 1950. 767 с.; Т. 2. В. 1951. 1393 с.; Т. 3. Г–Е. 1954. 1339 с.; Т. 4. Ж–З. 1955. 1364 с.; Т. 5. И–К. 1956. 1918 с.; Т.6. Л–М. 1957. 1460 с.; Т.7. Н. 1958. 1468 с.; Т.8. О. 1959. 1840 с.; Т.9. П–пнуть. 1959. 1482 с.; Т.10. По–поясочек. 1960. 1774 с.; Т.11. Пра–пятью. 1961. 1842 с.; Т.12. Р. 1961. 1676 с.; Т.13. С–сняться. 1962. 1516 с.; Т.14. Со–сям. 1963. 1390 с.; Т.15. Т. 1963. 1286 с.; Т.16. У–Ф. 1964. 1610 с.; Т.17. Х–Я. 1965. 2126 с.

529. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

530. Сущенко Е.А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / Под ред. Л.Г. Татарниковой. – СПб.: Петрополис, 2011. – 424 с.

531. Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.: ил.

532. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: ООО Астрель: АСТ, 2004. – Т. 1: А–Д – 588, [4]с.; Т. 2: Е–Муж – 671,[1] с.; Т. 3: Муза–Сят – 830, [2] с., Т. 4: Т–Ящур – 860, [4] с.

533. Фелицина В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – М.: Рус. яз., 1979. – 240 с: ил.

534. Флинт В.Е., Мосалов А.А., Лебедева Е.А., Вукреев С.А., Галушин В.М., Зубакин В.А., Мищенко А.Л., Свиридова Т.В., Томкович П.С., Харитонов Н.П., Шитиков Д.А. Птицы Европейской России. Полевой определитель. – М.: Союз охраны птиц России; Алгоритм, 2001. – 224 с.: ил.

535. ФРПС – Французско-русский политехнический словарь /Под ред. П.Е. Турчина. – Изд. 2-е, стер. – М.: Сов. энциклопедия, 1970. – 836 с.

536. ФРФС – Французско-русский фразеологический словарь / Под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1112 с.

537. ФС – Философский словарь. URL: http://slovari-online.ru/word/философский-словарь/п-флоренский-философия-символа-и-космоса.htm (дата обращения: 6.02.2018).

538. ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в.: В 2 т. / Под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – Т. 1: А-Н. 340 с.; Т. 2: О-Я. 274 с.

539. ФЭС – Философский энциклопедический словарь /Гл. редакция: (Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов). – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

540. Храбрый В.М. Школьный атлас-определитель птиц: Кн. для учащихся. – М.: Просвещение, 1988. – 224 с.: ил.

541. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – 2-е изд., стереотип. – Т. 1–2. – М.: Русский язык, 1994. – Т. 1 – 623 с.; Т. 2 – 560 с.

542. ЭС – Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 608 с.: ил.

543. ЭРС – Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. д-р филол. наук, проф. А.П. Сковородников. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 384 с.

544. ЭСВА – Энциклопедия современной военной авиации 1945–2002 / В.П. Морозов, В.А. Обухович, С.И. Сидоренко и др. – М.: АСТ, Минск: Харвест, 2005. – 720 с.

545. ЭЭ – Экологическая энциклопедия: В 6 т. / авт.-сост. К.С. Лосев, В.И. Данилов-Данильян. – Т. 6: С–Я /гл. ред. В.И. Данилов-Данильян. – М.: Энциклопедия, 2013. – 652 с.: ил.

546. Boisacq É. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, étudiée dans ses rapports avec les autres langues indo-européennes. – Heidelberg, Paris, 1916. – 1123 p.

547. Bowyer R. Dictionary of Military Terms. – 3d edition. – London: A&C Black, 2007. – 289 p.

548. Brachet A. An Etymological Dictionary of the French Language /Translated by G.W. Kitchin. – Oxford: Clarendon Press, 1873. – 376 p.

549. Britten J., Holland R. English Plant Names. – London: Trübner &Co, 57&59, Ludgate Hill, 1878. – 618 p.

550. Bruun et al – Bruun B., Delin H., Svensson L., Singer A., Zetterstrőm D. Un Multiguide Nature Tous les Oiseaux d' Europe / éd. supervisée par Michel Cuisin. – Paris: Bordas, 1988. – 319 p.

551. CB – PSPB Complete Birds of Britain and Europe. – London: Dorling Kindersley Ltd, 2002. – 480 p.

552. CCDI – Collins Cobuild Dictionary of Idioms. – London: Harper Collins Publishers, 1997. – 493p.

553. CED – Collins English dictionary. – Complete and unabridged 2012 digital edition. – Glasgow: Harper Collins Publishers, 2012. Available at http:// www.dictionary. com (accessed 10.04.2016).

554. Chevalier J., Cheerbrant A. Dictionnaire des Symboles. 11me réimpession. – Paris: Éditions Robert Laffont S.A., 1990. – 1060 p.

555. Cirlot J.E. A Dictionary of Symbols. 2d edition / Translated by J. Sage. – London: Routledge, 2001. – 451 p.

556. Clédat L. Dictionnaire Étymologique de la Langue Française. – Troisiéme Édition Revue, Corrigée. – Paris: Librairie Hachette Et C, 1914. – 620 p.

557. COED – Concise Oxford English dictionary / Soanes C., Stevenson A. (eds). –11th edition. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 322 p.

558. Dauzat A., Dubois J., Mitterand H. Nouveau Dictionnaire Étymologique et Historique. – Paris: Librairie Larousse, 1964. – 805 p.

559. DPF – Dictionnaire des Proverbes Français /Par M. de la Mésangère. – Paris, 1823. – 756 p.

560. Dream Moods A-Z Dream Dictionary [Electronic resource], 2000–2013. Available at http://www.dreammoods.com/dreamthemes/birds.htm (accessed 15.01.2015).

561. Duke James A., Bogenschutz-Godwin M.J., du Cellier J., Duke P.-A.K. Handbook of Medical Herbs. 2d edition. – London, New-York, Washington, D.C.: CRC Press, 2002. – 870 p.

562. ERBPD – English-Russian Big Polytechnic Dictionary // Словари и энциклопедии на Академике. Available at https://polytechnic_big_en_ru. academic.ru/ (accessed 03.05.2023).

563. GALE – Grzimek's animal life encyclopedia / Hutchins M., Jackson J.A., Bock W.J., Olendorf D. (eds). Vol. 8, 10–11: Birds I, III–IV. – 2nd edition. – Farmington Hills, MI: Gale group, 2003.

564. Gledhill D. The Names of Plants. – 3d edition. – New York: Cambridge University Press, 2002. – 326 p.

565. HBE – Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa. The Birds of the Western Palearctic / ed. by Stanley Cramp. Vol. V. Tyrant Flycatchers to Thrushes. – Oxford, New-York: Oxford University Press, 1988. – 1063 p.

566. Hensel W. 350 Plantes Médicinales. – Paris: Delachaux et Niestlé SA, 2008. – 256 p.

567. Hume R. RSPB Complete Birds of Britain and Europe. – London: Dorling Kindersley Ltd, 2002. – 480 p.

568. Inwards R. Weather Lore: A Collection of Proverbs, Sayings and Rules Concerning the Weather. Third Edition. – London: Elliot Stock, 62, Paternoster Row, 1898. – 233 p.

569. Jobling James A. The Helm Dictionary of Scientific Bird Names. – London: Christopher Helm, 2010. – 432 p.

570. Kurth H. Dictionnaire des Rêves de A à Z / Traduit de l'allemand par R.J. Guiton. – Paris: Édition du Club France Loisirs, 1977. – 344 p.

571. Laroussee dictionnaire de française [Electronic resource]. Available at http://www.larousse.fr /dictionnaires/francais (accessed 10.10. 2014).

572. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. – London: Pearson Education Limited, Fourth edition, 2006. – 1949 p.

573. Littré É. Dictionnaire de la langue française [Electronic resource]. Available at https://www.littre.org/ (accessed 03.12.2023).

574. Maloux M. Dictionnaire des proverbs, sentences and maximes. – Paris: Larousse, 2006. – 628 p.

575. NEB – The New Encyclopedia of Birds / ed. by Ch. Perrins. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 656 p.

576. ODP – The Oxford Dictionary of Proverbs, Fifth edition. – Oxford, New York: Oxford Univercity Press, 2008. – 388 p.

577. OED – Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. Available at http://www. ety-monline.com (accessed 17.10. 2023).

578. Oiseaux.net [Electronic resource], 1996–2024. Available at http://www.oiseaux.net (accessed 2013–2024).

579. Peterson et al – Peterson T. Roger, Mountfort Guy, P.A.D. Hollom Collins Field Guide. Birds of Britain and Europe. – London: Harper Collins Publishers, Fifth Revised and Enlarged Edition, 2004. – 320 p.

580. Pick E. An Etymological Dictionary of the French Language. – London: John Murray, 1869. – 324 p.

581. Ray J. A Complete Collection of English Proverbs [1817]. – London: FB & c Ltd, 2013. – 316 p.

582. Robert 1996 – Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Texte remanié et amplifié sous la direction de J. Rey-Debove et A. Rey. – Paris, 1996. – 2552 p.

583. Robert 2008 – Le Robert de poche. – Paris: Le Robert-Sejer, 2008. – 1074 p.

584. Savoy H.P.C. Essai de Flore Romande. – Fribourge: Imprimerie Fragnière Frères, 1900. – 209 p.

585. Simpson J., Roud S. A Dictionary of English Folklore. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 412 p.

586. Skeat W. A Concise Etymological Dictionary of the English Language. – Oxford: Oxford University Press, 1967. – 664 p.

587. Snow D.W., Perrins C.M. The Birds of the Western Palearctic. Volume 1. Non-Passerines. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1998 (1). – P. 1-1008.

588. Snow D.W., Perrins C.M. The Birds of the Western Palearctic. Volume 2. Passerines. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1998 (2). – P. 1009-1694.

589. Spears R.A. Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions. – Lincolnwood, Illinois, USA: National Textbook Company, Special edition, 1991. – 528 p.

590. Standardized Plant Names /ed. by H.P. Kelsey and W.A. Daytown. – Harrisburg, PA: J. Horace McFarland Company, 1942. – 677 p.

591. Svensson Lars, Grant J. Peter Collins Bird Guide. – London: Harper Collins Publishers, 2000. – 399 p.

592. Swann H. Kirke A Dictionary of English and Folk-names of British Birds. – London: Witherby & Co, 1913. – 266 p.

593. Swainson C. A Handbook of Weather Folklore. – Edinburg and London: William Blackwood and Sons, 1873. – 275 p.

594. Swainson Ch. The Folk Lore and Provincial Names of British Birds. – London: Paternoster Row., 1886. – 243 p.

595. Thompson D'Arcy W. A Glossary of Greek Birds. – Oxford: Clarendon Press, 1895. – 206 p.

596. TLFi – Le Trésor de la Langue Française informatisé (TLFi) [Electronic resource]. Available at http://www.atilf.fr/tlfi (accessed 10.06.2024).

597. Toussaint A. Étude Étymologique sur les Flores Normande et Parisienne. – Rouex: Impimerie Lecerf Fils, 1906. – 333 p.

598. TWB – The Toronto World Book of English Proverbs. – Toronto: The World Newspaper Co. of Toronto Limited, 1912. – 68 p.

599. Valpy F.E.J. An Etymological Dictionary of the Latin Language. – London: Printed by A.J. Valpy, 1828. – 550 p.

600. Vincelot L' Abbé Les Noms des Oiseaux expliqués par leurs mœurs ou Essais Étymologiques sur L'Ornithologie. – 3-m édition. – Angers: Imp. P. Lachèse, Belleuvre et Dolbeau, 1867. – 544 p.

601. Weekley E. An Etymological Dictionary of Modern English. – London: Cambridge University Press, 1921. – 1660 p.

602. WCCD – Random House Webster's Concise College Dictionary – 1st Random House ed. – New York, 1999. – 974 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ВИДОВЫЕ ЭПИТЕТЫ И РОДОВЫЕ ИМЕНА РАЗЛИЧНОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ В СОСТАВЕ ОРНИТОНОМЕНОВ

Таблица 1 – Распределение видовых эпитетов различной мотивированности

видовые эпитеты, содержащие	Латинский язык	Французский язык	Английский язык	Русский язык
компонент-фононим	4	7	3	4
фононим+ морфоним		1		1
фононим + эпоним	1	1		
компонент-морфоним	35	42	30	26
морфоним+эргоним	1	1	2	
компонент-бионим	21	21	25	21
бионим+эргоним	1			
компонент-фагоним	9	6	3	0
компонент-эргоним	6	2	0	1
компонент-топоним	6	7	31	18
компонент-эпоним	2	3	3	1
Итого	***86***	***91***	***96***	***72***
видовые эпитеты, восстанавливающие				
компонент-фононим				
компонент-морфоним				
компонент-бионим		1		
компонент-фагоним	1	1		
компонент-эргоним				
компонент-топоним				
компонент-эпоним		1		
Итого	***1***	***3***	***0***	***0***
остальные видовые эпитеты с утраченной мотивированностью	15	8	1	0
ремотивированные видовые эпитеты, получившие				
компонент-фононим		1		
Итого		***1***		

Таблица 2 – Распределение родовых имен различной мотивированности

Родовые имена, содержащие	Латинский язык	Французский язык	Английский язык	Русский язык
компонент-фононим	5	13	25	14
фононим + бионим			2	
компонент-морфоним	15	18	18	10
морфоним+эргоним				1
морфоним+топоним		2		
компонент-бионим	12	2	0	7
бионим+фагоним			1	1
бионим+эргоним	1			
компонент-фагоним	14	9	7	10
компонент-эргоним	7	1	4	6
компонент-топоним	0	0	0	0
компонент-эпоним	0	0	4	0
Итого	***54***	***45***	***61***	***49***
родовые имена, восстанавливающие				
компонент-фононим	1	12	25	15
компонент-морфоним		6	2	5
компонент-бионим	1			3
компонент-фагоним		2		
компонент-эргоним	1		1	6
компонент-топоним				
компонент-эпоним				
Итого	***3***	***20***	***28***	***29***
остальные родовые имена с утраченной мотивированностью	45	37	13	24
ремотивированные родовые имена, получившие				
компонент-фононим	2	9	1	8
компонент-морфоним		4	1	7
компонент-бионим				
компонент-фагоним				
компонент-эргоним				7
компонент-топоним				
компонент-эпоним			1	1
Итого	***2***	***13***	***3***	***23***

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ТОЛКОВО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ДЕФИНИЦИИ ОРНИТОНИМОВ

БЕЛОБРОВИК
Лесной перелетный насекомо- и растительноядный дрозд С. Евразии (отряд воробьеобразные, семейство дроздовые, *Turdus iliacus*), величиной со скворца, с однотонным буровато-оливковым верхом, широкой белой «бровью» над глазом и кирпично-рыжими боками; отличается короткой звучной вариативной трелевой песней, заканчивающейся скрипучим щебетанием.

БЕРЕГОВУШКА
Перелетная птица Евразии и С. Америки (отряд воробьеобразные, семейство ласточковые, *Riparia riparia*), меньше воробья, с темно-бурым оперением на спине, белой с бурой поперечной полосой грудкой и выемчатым хвостом, гнездящаяся большими колониями по берегам рек, где роет норы в песчаных склонах; береговая ласточка.

БОРМОТУШКА (северная)
Насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство славковые, род пересмешки, *Hippolais caligata*), меньше воробья, с песочной или сероватой спинкой и беловатым низом, населяющая кустарники среди открытых пространств; отличается торопливой бормочущей песней.

ВАРАКУШКА
Насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство дроздовые, *Luscinia svecica*), размером с воробья, с ярко-голубым передником (у самца), отмеченным рыжей или белой «звездой» посередине; обитатель влажных кустарниковых зарослей и лесов; отличается приятной звучной песней, немного напоминающей соловья, но менее разборчивой (варакосной), и способностью подражать голосам других птиц.

ВОРОБЕЙ (домовый)
Общеизвестная мелкая (14-18 см), насекомо- и зерноядная птица Евразии, С. Африки, Ю. и С. Америки (отряд воробьеобразные, семейство воробьиные, *Passer domesticus*), с преобладающим коричневато-серым оперением и широкими продольными пестринами на спине, ведущая колониальный образ жизни рядом с человеческим жильем; издает характерное чириканье.
Полевой воробей (*Passer montanus*) – обычная птица Евразии, немного меньше и стройнее домового воробья, с коричневым верхом головы и черным пятном (сережкой) на белой щеке, тяготеющая к сельской местности и городским окраинам; отличается более благозвучным чириканьем.

ВОРОБЬЕОБРАЗНЫЕ, ВОРОБЬИНЫЕ
Самый представительный отряд птиц, распространенный по всему миру, кроме Антарктиды, и насчитывающий около 5100 видов (почти 60% от общего числа видов птиц, обитающих на земле); воробьиные Евразии – это птицы средней и мелкой величины, относящиеся к подотряду певчих.

ВОРОН
Всеядная птица Евразии, С. Африки и С. Америки (отряд воробьеобразные, семейство вороновые, *Corvus corax*), гораздо крупнее вороны, с блестящим синевато-черным оперением,

массивным клювом и звучным сильным крукающим голосом, обычно гнездящаяся в уединенных местах.

ВОРОНА
Общеизвестная крупная (47-57 см) всеядная птица (отряд воробьеобразные, семейство вороновые, *Corvus cornix*), с большим клювом, блестящим черным оперением (черная ворона) или серым туловищем, черными головой, крыльями и хвостом (серая ворона), часто живущая рядом с человеком; голос – характерное карканье.

ГАИЧКА
Насекомо- и растительноядная синица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство синицевые, *Parus palustris*), гораздо меньше воробья, со светло-серой спинкой, светлым брюшком, блестяще-черной головой и белыми щеками, обитающая во влажных лесах (гаях); обладатель типичных синичьих сигналов и монотонной свистовой песни; к распространенным видам относится буроголовая гаичка, или пухляк (*Parus montanus*) – см. пухляк.

ГАЛКА
Шумная стайная всеядная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство вороновые, *Corvus monedula*), величиной с голубя, темно-серого цвета с серебристо-серым затылком и относительно коротким клювом, гнездящаяся колониями в различных укрытиях рядом с человеком и в естественных местообитаниях; отличается громким звучным голосом.

ГОРИХВОСТКА
Насекомоядная перелетная птица Евразии и Африки (отряд воробьеобразные, семейство дроздовые), немного меньше воробья, отличающаяся ржаво-красным длинным подрагивающим хвостом (хвост как бы горит красным пламенем).
Обыкновенная горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus*) – самый обычный вид, населяющий сады и парки, с пепельно-серой спинкой, белым лбом и ржавчатым брюшком (у самца); обладатель короткой трелевой песни и чистого свистового сигнала тревоги.
Горихвостка-чернушка (*Phoenicurus ochruros*) – вид, встречающийся в каменных застройках или среди скал, окрашенный в темно-серые, почти черные тона (самец); отличается примитивной трелевой песней и свистовым сигналом тревоги.

ГРАЧ
Стайная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство вороновые, *Corvus frugilegus*), величиной с ворону, угольно-черного цвета с фиолетовым отливом, белым неоперенным основанием длинного заостренного клюва, гнездящаяся большими колониями на высоких деревьях в полуоткрытой местности; отличается смешанным типом питания (где главное место занимают насекомые) и гнусавым каркающим (грающим) голосом.

ДЕРЯБА
Крупный (25-30 см) лесной насекомо- и растительноядный перелетный дрозд Евразии (отряд воробьеобразные, семейство дроздовые, *Turdus viscivorus*), с сероватой оливково-бурой окраской верха и обильными темно-бурыми пестринами на брюхе; отличается резким, грубым (дерябым) криком и громкой красивой свистовой песней с меланхолическим оттенком.

ДРОЗД
Лесная насекомо- и растительноядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство дроздовые), величиной со скворца и крупнее (21-24 см белобровик – 25-30 см деряба), с буроватым оперением верха, темными пестринами на светлой груди (за исключением самцов черного и сибирского дроздов), ведущая древесный образ жизни; отличается резкими

трескучими сигналами тревоги и звучной свистовой песней (у многих видов). Наиболее известные виды дроздов: рябинник, черный дрозд, белобровик, певчий дрозд, деряба.
Черный дрозд (*Turdus merula*) – крупнее скворца, с монотонно черной окраской оперения (у самца) и ярко-желтым клювом; обладатель красивой свистовой песни с флейтовым звучанием
Певчий дрозд (*Turdus philomelos*) – величиной со скворца, с однотонной оливково-серой окраской верха и темно-бурыми пестринами на светлом брюхе; один из лучших певцов: отличается музыкальной вариативной свистовой песней, флейтовые звуки которой можно передать фразами: *Филипп! Филипп!... Иди чай пить, чай пить… с сахаром… Скккорей, а то остынет…*

ДУБОНОС
Коренастая, лесная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство вьюрковые, *Coccothraustes coccothraustes*), размером со скворца, окрашенная в сочные красивые цвета (каштановая спинка, буро-коричневая голова, черные крылья с белой полосой), с массивным коническим клювом, приспособленным для раскусывания крупных зерен и твердых косточек; отличается высоким и резким цикающим голосом.

ДУБРОВНИК
Преимущественно зерноядная, перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство овсянковые, *Ocyris aureolus*), немного меньше воробья, самец которой отличается черным «лицом» и темным ошейником на ярко-желтой грудке; обитатель открытых пространств (лугов, речных долин, лесных опушек, т.е. дубров); исполняет звучную и приятную песню «овсяночьего» типа.

ЖАВОРОНОК
Гнездящаяся на земле, насекомо- и растительноядная перелетная птица Евразии и С. Африки (отряд воробьеобразные, семейство жаворонковые), заметно крупнее воробья, серовато-бурой окраски с темными пестринами, имеющая небольшой хохолок на голове и удлиненные когти на задних пальцах; характерный обитатель открытых ландшафтов; отличается звонкой мелодичной песней, исполняемой в трепещущем полете.
Полевой жаворонок (*Alauda arvensis*) – наиболее известный и широко распространенный вид семейства жаворонковых.
Лесной жаворонок – см. юла.
Рогатый жаворонок (*Eremophila alpestris*) – обитатель Евразийской тундры, чуть крупнее воробья; отличается черными перьевыми «рожками», желтым горлом и черными пятнами на лице и груди (у самцов).
Степной жаворонок (*Melanocorypha calandra*) – крупный, со скворца, с толстым коническим клювом и черными пятнами на шее; песня, исполняемая в полете или на земле, громче и мелодичнее, чем у полевого жаворонка.
Хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*) – немного крупнее полевого жаворонка, с длинным, хорошо заметным хохлом на голове; обитатель открытых степных и полупустынных пространств.

ЖУЛАН
Хищная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство сорокопутовые, *Lanius collurio*), населяющая открытые пространства; немного крупнее воробья, с сильным крючковатым клювом, рыжевато-коричневой спинкой, серым верхом головы и черной маской (окраска самца), охотящаяся на крупных насекомых и мелких позвоночных с присады (имеет привычку накалывать жертву на колючки); отличается жулькающим или чекающим голосом и красивой щебечущей песней, содержащей заимствования.

ЗАВИРУШКА

Лесная насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство завирушковые, *Prunella modularis*), немного меньше воробья, тонкоклювая, с коричневато-рыжей спинкой, пепельно-серой головой и грудкой, издающая мелодичные высокие свистовые трели; вьет (завирает) гнездо в виде бокальчика или кошелки.

ЗАРЯНКА
Лесная насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство дроздовые, *Erithacus rubecula*), немного меньше воробья, коренастая, с оливково-бурым оперением на спинке, ярко-оранжевыми (как заря заходящего солнца) лицом и грудкой, окаймленных сероватым цветом; отличается громкой чистой трелевой песней с металлическими нотками и щебетанием; малиновка.

ЗЕЛЕНУШКА
Лесная, насекомо- и растительноядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство вьюрковые, *Chloris chloris*), размером с воробья, плотного телосложения, желтовато-зеленого цвета с толстым коническим клювом; отличается жужжащей гнусавой позывкой и щебечущей песней, напоминающей канареечную трель, с жужжащей концовкой.

ЗЯБЛИК
Самая обычная лесная, преимущественно растительноядная, перелетная птица Евразии и С. Африки (отряд воробьеобразные, семейство вьюрковые, *Fringilla coelebs*), размером с воробья, окрашенная в контрастные цвета: у самца серо-голубая шапочка, винно-красные щеки и брюшко, черные крылья с двумя белыми полосками; обладатель звонкого пинькающего и рюмящего сигналов и бодрой свистовой песни с «росчерком» в конце; прилетают и поют ранней весной в период возвратных заморозков.

ИВОЛГА
Лесная насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство иволговые, *Oriolus oriolus*), немного крупнее скворца, ярко-желтого цвета с черными крыльями и хвостом (самец), желтовато-зеленого цвета (самка); отличается флейтовой свистовой песней и тревожным «кошачьим» криком.

КАМЕНКА
Насекомоядная перелетная птица Евразии и Африки (отряд воробьеобразные, семейство дроздовые, *Oenanthe oenanthe*), чуть меньше воробья, с серым оперением верха, черной маской (у самца) и ярко-белым основанием хвоста, обитающая на открытых пространствах: на земле, в оврагах, россыпях камней, трещинах скал и т.п.; издает характерный чекающий сигнал, напоминающий звуки удара камешков друг о друга.

КАМЫШОВКА
Насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство славковые, род камышовки, *Acrocephalus scirpaceus*), размером с воробья или меньше, тонкоклювая, камуфляжного оливково-бурого цвета, обитающая в камышах или околоводных тростниковых зарослях; известна сложной мелодичной песней, включающей заимствования.

КЕДРОВКА
Шумная лесная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство вороновые, *Nucifraga caryocatactes*), размером с голубя, темно-бурая с белыми пестринами, питающаяся семенами хвойных деревьев, преимущественно кедровыми орехами; обладает схожим с сойкой громким трескучим голосом.

КЛЁСТ

Лесная, кочующая птица Евразии и С. Америки (отряд воробьеобразные, семейство вьюрковые, *Loxia curvirostra*), плотного телосложения, немного меньше скворца, малиново-красного цвета (самец) или зеленовато-серой окраски (самка), с перекрещивающимися концами клюва, приспособленного для добывания семян из шишек хвойных деревьев; отличается резким металлическим «клекающим» голосом.

КЛУШИЦА
Стайная, преимущественно насекомоядная птица Евразии и С. Африки (отряд воробьеобразные, семейство вороновые, *Pyrrhocorax pyrrhocorax*), заметно крупнее голубя, угольно-черного цвета с ярко-красным изогнутым клювом и красными лапами, обитающая в горных ландшафтах; голос напоминает крик галки и плачущий (клычащий) крик чайки.

КОНЁК
Стройная насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство трясогузковые, *Anthus trivialis*), размером с воробья или чуть меньше, оливково-серой или буроватой окраски с темными пестринами, напоминающая трясогузок по манере покачивать хвостом; обитатель открытых пространств, отличающийся мелодичной песней, исполняемой во время планирующего токового полета.
Лесной конёк – один из наиболее обычных представителей семейства, населяющий лесные опушки.

КОНОПЛЯНКА
Растительноядная (семена различных трав, в том числе конопли), стайная, перелетная птица Евразии и С. Африки (отряд воробьеобразные, семейство вьюрковые, *Acanthis cannabina*), меньше воробья, преобладающего серовато-коричневого цвета, самец которой в брачном наряде узнается по рыже-коричневой спинке, серой голове и красноватым пятнам на лбу и грудке; обитатель культурных древесных и кустарниковых ландшафтов; отличается сложной и мелодичной песней, состоящей из журчащих трелей, щебетаний и свистов; реполов.

КОРОЛЁК (желтоголовый)
Самая маленькая (9-11см) лесная насекомоядная перелетная и кочующая птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство корольковые, *Regulus regulus*), с оливково-зеленым оперением верха, беловато-серым низом и треугольной «королевской короной» на шапочке (желто-оранжевого цвета у самца, желтого цвета у самки), обрамленной черными полосками; отличается высоким свистовым голосом, похожим на попискивание синиц.

КРАПИВНИК
Подвижная, коренастая насекомоядная лесная птица Евразии и С. Америки (отряд воробьеобразные, семейство крапивниковые, *Troglodytes troglodytes*), гораздо меньше воробья, рыжевато-бурой окраски с темными поперечными крапинами, короткими крыльями и коротким вздернутым хвостом; обладатель сложной громкой трелевой песни, исполняемой круглый год.

ЛАЗОРЕВКА
Лесная насекомоядная птица Евразии и С. Африки (отряд воробьеобразные, семейство синицевые, *Parus caeruleus*), немного меньше воробья, с преобладанием голубого цвета в оперении: лазурно-голубая «шапочка» на голове, зеленовато-голубые хвост и крылья; отличается звонким трелевым голосом.

ЛАСТОЧКА
Перелетная насекомоядная птица Евразии и С. Америки (отряд воробьеобразные, семейство ласточковые), меньше воробья, с длинными острыми крыльями, отличающаяся негромким щебечущим голосом и быстрым полетом, во время которого ловит добычу.

Деревенская ласточка (*Hirundo rustica*) – обычная для сельской местности птица семейства ласточковых с вильчатым хвостом, иссиня-черным оперением на спине, белой грудкой и каштаново-красным пятном на лбу и горле.
Городская ласточка (*Delichon urbicum*) – птица семейства ласточковых с чисто-белой грудкой, черной с синим отливом спинкой и выемчатым хвостом, гнездящаяся под карнизами городских построек; воронок.
Береговая ласточка – см. береговушка.

МОСКОВКА
Самая маленькая (10-12 см) и очень подвижная насекомо- и растительноядная синица лесов Евразии и С. Африки (отряд воробьеобразные, семейство синицевые, *Parus ater*), с сероватой спинкой, грязно-белым брюшком и белыми щеками в черном обрамлении (как у большой синицы); отличается очень высоким писклявым голосом.

МУХОЛОВКА
Лесная насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство мухоловковые), размером с воробья и меньше, имеющая особенность ловить пролетающих насекомых с присады.
Мухоловка-пеструшка (*Ficedula hypoleuca*) – наиболее распространенная мухоловка, меньше воробья, с контрастным «сорочьим» оперением у самца (бархатно-черный верх, белый низ); отличается звонкой трелевой песней без постоянного строя, напоминающей фразу: *Ты крути-крути-крути*.
Серая мухоловка (*Muscicapa striata*) – самая обычная мухоловка, размером с воробья, с буроватым или оливково-серым оперением спинки и беловатым низом с темными пестринами; исполняет примитивную песню, состоящую из набора высоких звуков.
Малая мухоловка (*Ficedula parva*) – самая маленькая из трех видов, буровато-серого цвета с рыжим пятном на горле (у самца); обладатель красивой свистовой песни.

ОВСЯНКА (обыкновенная)
Самая обычная зерноядная (предпочитающая овес), стайная, перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство овсянковые, *Emberiza citrinella*), размером с воробья, с крепким коническим клювом, самец которой окрашен в преобладающий лимонно-желтый цвет, особенно яркий на голове; обитатель открытых пространств и агроландшафтов; отличается короткой звенящей песней, которую часто передают словами: *Мужик, мужик, сено вези-иии.*

ОЛЯПКА
Околоводная, коренастая и короткохвостая птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство оляпковые, *Cinclus cinclus*), размером с небольшого дрозда, темно-бурая с большим белым «передником», способная нырять и ходить под водой в поисках различных беспозвоночных; издает громкие журчащие трели.

ОПОЛОВНИК
Лесная насекомоядная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство длиннохвостые синицы, *Aegithalos caudatus*), меньше воробья, с маленьким, толстым клювом, похожая на пушистый шарик с длинным ступенчатым хвостом (или округлый ковш на длинной ручке); окрашена сверху в сочетания черного, белого и розовато-рыжего цветов, с белой головой и брюшком; издает суховатые циркающие трельки; длиннохвостая синица.

ПЕНОЧКА
Подвижная лесная насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство славковые, род пеночки), гораздо меньше воробья, зеленовато-серой или буроватой окраски, отличающаяся мелодичной свистовой песней: у пеночки-веснички (*Phylloscopus trochilus*) она напоминает песню зяблика, без «росчерка»; у пеночки-теньковки (*Phylloscopus collybita*) – это

ритмическое чередование *тень-тинь-тень-тянь – Те-тень-ка сядь-те в тень*; у пеночки-трещотки (*Phylloscopus sibilatrix*) песня заканчивается трескучей трелью.

ПЕРЕСМЕШКА (зеленая)
Лесная насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство славковые, род пересмешки, *Hippolais icterina*), меньше воробья, с серо-зеленой спинкой и светло-желтым брюшком, отличающаяся сложной гнусавой песней с многочисленными подражаниями голосам других птиц.

ПИЩУХА
Подвижная древесная насекомоядная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство пищуховые, *Certhia familiaris*), меньше воробья, серовато-бурой окраски, с длинным, тонким, серповидно изогнутым клювом, передвигающаяся по стволам деревьев снизу вверх, опираясь на жесткий хвост; издает протяжный, тонкий писк.

ПОПОЛЗЕНЬ
Подвижная, коренастая и короткохвостая лесная насекомо- и растительноядная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство поползневые, *Sitta europaea*), размером с воробья, приспособленная к поискам пищи на вертикальных поверхностях (ползает по стволам деревьев вверх и вниз головой), с голубовато-серым цветом верха, рыжеватым (или белым у северных подвидов) брюшком и черной полосой через глаз; отличается громкой свистовой песней, за что в народе получила название ямщика.

ПРОСЯНКА
Зерноядная (семена различных растений, в том числе просо), частично перелетная и кочующая птица Евразии и С. Африки (отряд воробьеобразные, семейство овсянковые, *Miliaria calandra*), гораздо крупнее воробья, с преобладанием буроватых тонов и темных пестрин в оперении; обитатель открытых пространств; исполняет монотонную песню, похожую на скрип вперемежку с треском.

ПУНОЧКА
Преимущественно зерноядная, перелетная и зимующая кругополярная (арктическая зона Евразии и С. Америки) птица (отряд воробьеобразные, семейство овсянковые, *Plectrophenax nivalis*), немного крупнее воробья, имеющая контрастную черно-белую окраску оперения в брачный период (у самца); обитатель каменистой тундры (на зимовках встречается возле сельхозпостроек, ранее амбаров, или пунь); исполняет несложную, звонкую трелевую песню «овсяночьего» типа.

ПУХЛЯК
Лесная насекомо- и растительноядная синица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство синицевые, *Parus montanus*), гораздо меньше воробья, с буровато-серой спинкой, светлым брюшком, черной головой и белыми щеками, напоминающая в морозы пуховый шарик; отличается жужжащим гнусавым голосом (*ди-джей-джей*) и меланхоличной свистовой песней; буроголовая гаичка.

РЕМЕЗ
Насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство синицевые, *Remiz pendulinus*), обитающая в тростниковых зарослях по берегам озер и рек, гораздо меньше воробья, с каштаново-коричневым оперением спинки и черной маской, издающая высокий протяжный свист или писк; славится искусством подвешивать гнездо, похожее на рукавичку или кошелку, на склоненные над водой ветки.

РЯБИННИК

Перелетный насекомо- и растительноядный, колониально гнездящийся европейский дрозд (отряд воробьеобразные, семейство дроздовые, *Turdus pilaris*), гораздо крупнее скворца, с пепельно-серой головой и надхвостьем, каштаново-коричневой мантией и темными пестринами на брюхе; обитатель лесов и открытой местности с кустарниками, предпочитающий ягоды рябины в зимний период (отсюда название); отличается шумным голосовым поведением: издает разнообразные трескучие, скрипучие и квохчущие звуки, из которых и складывается песня.

СВЕРЧОК
Скрытная околоводная насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство славковые, род сверчки, *Locustella naevia*), размером с воробья или меньше, тонкоклювая, буровато-оливкового или коричнево-бурого цвета; обладатель песни, напоминающей стрекотание прямокрылых.

СВИРИСТЕЛЬ
Лесная перелетная птица, обитающая в С. полушарии (отряд воробьеобразные, семейство свиристелевые, *Bombycilla garrulus*), величиной со скворца, розовато-серого цвета, с хохолком на голове, разноцветным узором на крыльях и черным хвостом с желтой полосой на конце; кормится насекомыми и ягодами (на зимовках предпочитает рябину); постоянно издает негромкие «свиристящие» трели.

СИНИЦА
Лесная, преимущественно насекомоядная, коренастая птица Евразии, С. Африки и С. Америки (отряд воробьеобразные, семейство синицевые), размером с воробья и меньше, с контрастным пушистым оперением и небольшим сильным клювом, проявляющая акробатические способности при добывании пищи; большинство видов не перелетные; отличается чистым металлическим голосом *си-си-си* или *ци-ци-ци*.
Большая синица (*Parus major*) – общеизвестная подвижная птица, размером с воробья, с желтым низом туловища, зеленой спинкой, черной головой, белыми щеками и черной продольной полосой на брюшке; исполняет звонкую ритмичную весеннюю песню, напоминающую звон колокольчика.
Хохлатая синица (*Parus cristatus*) – Европейская синица, гораздо меньше воробья, с заостренным черно-белым хохолком, серовато-бурым оперением верха и светлым брюшком; отличается высоким дребезжащим голосом с хрипловатыми нотками; гренадёрка.
Усатая синица (*Panurus biarmicus*) – птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство суторовые), обитающая в тростниковых зарослях, меньше воробья, с рыжевато-охристой окраской оперения, длинным ступенчатым хвостом, светло-серой головой с черными «усами» (у самца); обладатель звенящего металлического голоса.

СКВОРЕЦ
Стайная, преимущественно насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство скворцовые, *Sturnus vulgaris*), средней величины (20-25 см), с длинным заостренным клювом, коротким хвостом, черного цвета с пурпурным и зеленым отливом, покрывающаяся белыми пестринами в зимнем наряде; обитатель городских и сельских ландшафтов, известный звонкой песней со свистами, скрипяще-скворчащими звуками и многочисленными подражаниями.

СЛАВКА
Насекомоядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство славковые, род славки, *Sylvia communis*), размером с воробья и меньше, преимущественно буровато-серого цвета, населяющая кустарниковые заросли и подлесок; обладатель приятной журчащей песни, именуемой «славочий говорок»: самой сладкоголосой является славка-черноголовка.

СНЕГИРЬ
Лесная, кочующая (появляется в местах зимовок с первым снегом), преимущественно растительноядная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство вьюрковые, *Pyrrhula pyrrhula*), коренастая, размером с воробья, с черной шапочкой, серой спинкой и ярко-алой грудкой (у самца) или буровато-серой грудкой (у самки); отличается хрипловатым свистовым голосом с меланхолическим оттенком.

СОЙКА
Шумная лесная птица Евразии (отряд воробьеобразных, семейство вороновые, *Garrulus glandarius*), размером с голубя, с ярким контрастным оперением: рыжеватая, с белым надхвостьем и черным хвостом, бело-голубыми «эполетами» на темных крыльях, рыжим хохлом и черными «усиками»; всеядная (излюбленный корм – желуди); отличается громким трескучим голосом и способностью к подражанию.

СОЛОВЕЙ
Лесная насекомоядная перелетная птица В. Европы и З. Сибири (отряд воробьеобразные, семейство дроздовые, *Luscinia luscinia*), величиной с воробья, буровато-серой окраски с рыжеватым хвостом; отличается богатой мелодичной песней, состоящей из колен, которая исполняется днем и ночью.
Южный, или западный, соловей (*Luscinia megarhynchos*) – вид, населяющий влажные леса Ю., Ц., З. Европы и Азии, более яркого рыжевато-коричневого цвета с рыжим хвостом, чья песня напоминает восточного соловья, но отличается меньшей звучностью и простотой.

СОРОКА
Широко известная птица С. полушария (отряд воробьеобразные, семейство вороновые. *Pica pica*), размером с голубя, с контрастным черно-белым оперением и длинным ступенчатым хвостом, отливающим зеленым и пурпурным цветом; обитатель открытых пространств и населенной местности; отличается смешанным типом питания, характерным стрекочущим голосом и пристрастием к блестящим предметам.

СОРОКОПУТ (Серый, или большой)
Хищная перелетная птица Евразии, С. Африки и С. Америки (отряд воробьеобразные, семейство сорокопутовые, *Lanius excubitor*), населяющая открытые и полуоткрытые пространства; размером с дрозда-рябинника, с сильным крючковатым клювом и длинным ступенчатым хвостом, окрашенная в сочетания серого, черного и белого цветов; добывает крупных насекомых и мелких позвоночных, охотясь с присады; отличается похожим на сорочий голосом и музыкальной трелевой песней.

ТРЯСОГУЗКА
Стройная длиннохвостая перелетная птица Евразии и С. Африки (отряд воробьеобразные, семейство трясогузковые), размером несколько меньше воробья, с характерной манерой покачивать хвостом; обитатель околоводных пространств, где кормится насекомыми, быстро передвигаясь по земле мелкими шажками.
Белая трясогузка (*Motacilla alba*) – обычная в Евразии птица семейства трясогузковых, окрашенная в сочетания черного, белого и серого цветов, со звонким цивиликающим голосом.
Горная трясогузка (*Motacilla cinerea*) – самая длиннохвостая и элегантная из представителей семейства с ярко-желтым низом тела, сероватой головой и спинкой (черным горлом у самцов), с высоким звонким голосом, обитающая по берегам небольших горных рек и ручьев З. Европы и С. Азии.
Желтая трясогузка (*Motacilla flava*) – Евразийский вид, отличающийся оливково-зеленым цветом в окраске спины, желтым низом тела и благозвучным цивиликающим голосом.

ЧЕКАН

Насекомоядная перелетная птица Евразии и Африки (отряд воробьеобразные, семейство дроздовые), меньше воробья, населяющая луга, лесные опушки и другие местообитания открытого и полуоткрытого типа; издает характерный чекающий сигнал (отсюда название).
Луговой чекан (*Saxicola rubetra*) – отличается темно-коричневой маской и рыжей грудкой (у весеннего самца).
Черноголовый чекан (*Saxicola torquata*) – отличается черной головой с белым ошейником и ярко-рыжей грудкой (у весеннего самца).

ЧЕЧЕВИЦА
Растительноядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство вьюрковые, *Carpodacus erythrinus*), величиной с воробья, самец которой отличается малиново-красным цветом головы, поясницы и груди; обитатель влажного кустарникового ландшафта; исполняет короткую свистовую песню, передаваемую словами: *витю-видел*? или *чечевицу-видел*?

ЧЕЧЁТКА
Лесная, преимущественно растительноядная, стайная, кочующая птица С. Евразии и С. Америки (отряд воробьеобразные, семейство вьюрковые, *Acanthis flammea*), гораздо меньше воробья, серовато-коричневого цвета с темными пестринами и красным пятном на лбу (у самца в брачном наряде розовая или малиново-красная грудка); отличается характерной позывкой *че-че-чет* (откуда название), часто издаваемой в полете.

ЧИЖ
Лесная, преимущественно растительноядная, нерегулярно-перелетная и кочующая стайная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство вьюрковые, *Spinus spinus*), гораздо меньше воробья, с длинным заостренным клювом, самец которой окрашен в сочетания черного, желтого и зеленого цветов; отличается характерным позывом *чи-жи* (откуда название) и торопливой щебечущей песней, заканчивающейся скрипучими нотками.

ЩЕГОЛ
Лесная, растительноядная, стайная, кочующая птица Евразии и С. Африки (отряд воробьеобразные, семейство вьюрковые, *Carduelis carduelis*), немного меньше воробья, с заостренным клювом и яркой щеголеватой окраской оперения (сочетания черного, белого и красного на голове; черные крылья с желтыми «зеркальцами»); отличается быстрой трелевой песней, основанной на приятной позывке *игли-иглит* или *пить-попить*.

ЩУР
Таежная, преимущественно растительноядная, частично кочующая птица С. Евразии и С. Америки (отряд воробьеобразные, семейство вьюрковые, *Pinicola enucleator*), коренастая, размером со скворца, с толстым коническим клювом, карминно-красным оперением головы и груди (у самца), золотисто-желтым или сероватым цветом головы и груди (у самки); отличается красивой мелодичной песней, состоящей из флейтовых переборов и трелей.

ЮЛА
Лесная насекомо- и растительноядная перелетная птица Евразии (отряд воробьеобразные, семейство жаворонковые, *Lullula arborea*), меньше полевого жаворонка, более тонкоклювая, отличающаяся мелодичной песней с элементами *юли-юли-юли* (отсюда название), исполняемой в полете; лесной жаворонок.

ЮРОК
Лесная, насекомо- и растительноядная перелетная птица С. Евразии, (отряд воробьеобразные, семейство вьюрковые, *Fringilla montifringilla*), стайная (за исключением сезона размножения), размером с воробья, окрашенная в брачном наряде в контрастные цвета: у самца черная голова и спинка, оранжевые плечи и грудка; отличается жужжащей монотонной песней, напоминающей песню зеленушки; вьюрок.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ФРАГМЕНТ КОМПЛЕКСНОГО ОПИСАНИЯ ВОКАЛИЗАЦИЙ СРЕДСТВАМИ ЯЗЫКА

Отряд воробьеобразные (*Passeriformes*)

Turdidae, дроздовые

Луговой чекан (*Saxicola rubetra*)

Акустические параметры тревожного позыва

тембр или производимое на слушателя впечатление: резкий, щелкающий, ворчливый;

динамика звучания: короткий;

интенсивность: негромкий.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: сопоставим с позывом черноголового чекана, но чуть мягче [Snow, Perrins 1998b: 1168–1169], либо с позывами других чеканов и каменок [см. Oiseaux.net 1996–2024].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: двусложное *чек-чек; tick-tick / tic-tic / tac-tac* или трехсложное *тци-чек-чек / и-чек-чек / хи-чек-чек / тю-тек-тек; tuee-tick-tick / tu-tic-tic / ye tek-tek / iou tec tec*.

Акустические параметры песни

тембр или производимое на слушателя впечатление: скрипучая, щебечущая с металлическим оттенком, приятная;

динамика звучания: короткая, торопливая;

интенсивность: громкая.

Сравнение голоса птицы

со звуками природного происхождения: напоминает быстрые удары камешков один о другой [см. Мальчевский и др. 1972];

с голосом птицы-эталона: в целом песня очень похожа на песню черноголового чекана [Рябицев 2008: 494], также на песню обыкновенной горихвостки, но без завершающего щебета [Peterson et al 2004: 175–176]; есть сходство с песней просянки [Bruun et al 1988: 254].

Структура песни: отдельные элементы можно сгруппировать в 12 типов, включающих в себя трескучие, скрежещущие звуки в быстрой последовательности, отдельные чистые или сиплые свисты одинаковой высоты с неравномерными паузами, свисты с разными модуляциями, сложные, резкие разные по форме звуки, шумы [НВЕ 1988: 728–729; Рябицев 2008: 494].

Комментарии: иногда воспроизводит звуки, похожие на голоса других птиц: желтых трясогузок, серых славок, ласточек и стрижей [см. Мальчевский и др. 1972] или же зябликов, вьюрков и синиц [см. Oiseaux.net 1996–2024]; конкретный строй песни индивидуален [Рябицев 2008: 494].

Черноголовый чекан (*Saxicola torquata*)

Акустические параметры тревожного позыва

тембр или производимое на слушателя впечатление: резкий, грубый, ворчливый, настойчивый;

интенсивность: относительно громкий.

Сравнение голоса птицы

со звуками природного происхождения: походит на удары камешков друг о друга [Рябицев 2008: 496; Snow, Perrins 1998b: 1173; Peterson et al 2004: 176];

с голосом птицы-эталона: своими щелкающими звуками сравним с луговым чеканом [Peterson et al 2004: 176].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: односложное *чак; chack / teck / trat / träk;* двусложное *чак-чак; tsak tsak / yu-tèk* или трехсложное *хит-чек-чек / чакчак-хи; hwee-tsak-tsak / hwee-tsak-hwee-tsak / wheet*, *tsack-tsack / yu-tèk-tèk / ouis tra tra*.

Акустические параметры песни

тембр или производимое на слушателя впечатление: стрекочущая, трескучая, меланхоличная;

динамика звучания: короткая; каждая песенная фраза начинается немного прерывисто, ускоряется, затем прекращается чистым звуком [см. Oiseaux.net 1996–2024];

интенсивность: малозвучная.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: сопоставима с песней лесной завирушки и серой славки [Bruun et al 1988: 254]; также имеет много общего с песней лугового чекана, но несколько монотоннее, без явного скрежетания, мало свистовых элементов [Рябицев 2008: 495–496].

Структура песни: представляет собой последовательность разорванных фраз из скрипучих незаконченных трелей; часто отмечена присутствием чистого и раскатистого звука *р* [HBE 1988: 745–747; см. Svensson, Grant 2000].

Комментарии: иногда пересмешничает [Рябицев 2008: 495–496].

Обыкновенная каменка (*Oenanthe oenanthe*)

Акустические параметры основного и тревожного позывов

тембр или производимое на слушателя впечатление: резкий;

динамика звучания: отрывистый

Сравнение голоса птицы

со звуками природного происхождения: напоминает звуки удара небольших камешков друг о друга [Рябицев 2008: 497; Кайгородов 2006: 230].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: в основном трехсложное *и-чек-чек / чи-чек-чек / хи-чек-чек; weet-chack-chack / wheet-chack-chack / ouit tchek tchek / ouit trac trac.*

Комментарии: в качестве основного позыва выступает нежный и довольно низкий свист *тью, тью / hiit*, к которому при сильном возбуждении добавляется щелкающий *чрак* или *chack* [Кайгородов 2006: 230; см. Svensson, Grant 2000].

Акустические параметры песни

тембр или производимое на слушателя впечатление: трескучая, щебечущая, неразборчивая, приятная;

динамика звучания: короткая, торопливая, энергичная.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: свистовыми нотами напоминает жаворонка [HBE 1988: 785–787; Peterson et al 2004: 177].

Структура песни: представляет собой смешение мелодичных флейтовых свистов *hiit / weet / ouit* и резких, скрежещущих, трескучих или шипящих трелей [HBE 1988: 785–787; Snow, Perrins 1998b: 1180].

Комментарии: может содержать имитации других птиц [Snow, Perrins 1998b: 1180]; конкретный строй песни индивидуален [см. Svensson, Grant 2000].

Обыкновенная, или садовая, горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus*)

Акустические параметры тревожного позыва

высота: восходящий свистовой *hueee / huit*;

тембр или производимое на слушателя впечатление: чистый, плавный, жалобный свистовой *фюить* и дрожащий, пощелкивающий, ворчливый *тих-тих* или *тик тик*;

динамика звучания: короткий, повторяющийся;

интенсивность: громкий.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: свистовая часть позыва подобна тревожному сигналу пеночки-веснички, но гораздо громче, чем как бы потрескивающие, «тикающие» звуки [Рябицев 2008: 502; Snow, Perrins 1998b: 1163; Peterson et al 2004: 175].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *фьюить-тих-тих / фьить-ти-тик / фють-тик-тик / фюйть-тектектек* / *фюить-тктк...тктктктктк; hwee-tucc-tucc / whee-tic-tic / hueee tk tk tk hueee tk / huit tec tec*.

Комментарии: с усилением беспокойства чаще следует *тэк-тэк-тэк* или резкое *пить-пить-пить*... и реже *фюить* [Кайгородов 2006: 222; Рябицев 2008: 502].

Акустические параметры песни

тембр или производимое на слушателя впечатление: нежная, чистая, флейтовая, мелодичная, немного меланхоличная, но приятная;

динамика звучания: короткая, неторопливая;

интенсивность: имеет громкое начало; в целом звучная.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: перезвоном торопливых ноток напоминает песню зарянки [Peterson et al 2004: 175]; несколько похожа на песню мухоловки-пеструшки, но отличается более всего по тональности: она довольно меланхолична, а начальное *хии* произносится как будто с удивлением [Рябицев 2008: 502].

Варианты звукосочетаний, передающих песню: начало песни *хии-чер-чер-чер...*; *ji-gjű gjű gjű… / jű-jik jik jick / si tru tru;* полная версия *фий-рю-рю-ти-кру / úи-рюрюрюрюрюрю-ци-три... / sih trűi- trűi-trűi si-si pli siveuy si*.

Структура песни: начинается с высокой протяжной ноты *фий / úи / хии; ji / jü / sih*, затем следует более низкий перелив или трель, окончание неопределенное, скрипучее и всякий раз иное, типа *ти-кру / ци-три / si-si pli siveuy si* и т.п. [Кайгородов 2006: 221; Snow, Perrins 1998b: 1163].

Комментарии: в песне бывают звуки и фразы из репертуара других видов [Рябицев 2008: 502].

Горихвостка-чернушка (*Phoenicurus ochruros*)

Акустические параметры тревожного позыва

тембр или производимое на слушателя впечатление: свистовой, чистый, резкий *фить* / *vist* / *ouit* и металлический, щелкающий *тек-тек* / *так-так* / *tk-tk* / *tec tec*;

динамика звучания: короткий, быстрый.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: похож на крики обыкновенной горихвостки, но немного более звучный [Рябицев 2008: 503]; резкими щелчками напоминает позывы каменки [HBE 1988: 690–691].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *лит-так, так-так / фить-тек-тек-тек; vist tk-tk-tk / tititicc / ouit tec tec*.

Акустические параметры песни

тембр или производимое на слушателя впечатление: грубая, трескучая, скрипучая и шипящая, звучащая фальцетом;

динамика звучания: короткая, быстрая.

Сравнение голоса птицы

со звуками, отличными от природных: предпоследние слоги уподобляются постукиванию бусинок [Snow, Perrins 1998b: 1160], звуку сминаемой бумаги [см. Oiseaux.net 1996–2024] или звону разбитого стекла [Bruun et al 1988: 256];

с голосом птицы-эталона: песня менее звучная, чем у обыкновенной горихвостки [Кайгородов 2006: 223; Snow, Perrins 1998b: 1160]; также проще и менее музыкальная, чем у обыкновенной горихвостки [Peterson et al 2004: 175], содержит хриплые элементы как у каменок [Рябицев 2008: 503].

Варианты звукосочетаний, передающих песню: *чьеер-чер-чер-чер-черр; si-srű till-ill-ill-ill-ill (krschkrschkrsch) srűsvisvi / jirr-tititit krchch-titütili / krchch-tütitititi*.

Структура песни: состоит из четырех частей: 1) несколько свистовых слогов, 2) повторение одной и той же трескучей ноты, 3) после паузы отхаркивающий звук *крхи-ик*, 4) короткие свистовые ноты *tia-tia* или *tsia tsia* [см. Svensson, Grant 2000; Bruun et al 1988: 256; см. Oiseaux.net 1996–2024].

Комментарии: в звучащей песне можно выделить два типа фраз: 1) невразумительное начало из приглушенных нот *jirr-tititit*, оканчивающееся повышением тона как в вопросе, и 2) скрежещуще-отхаркивающее (шипящее) начало, затем слитная фраза *krchch-titütili / krchch-tütitititi*, заканчивающаяся легким понижением голоса и звучащая как ответ на вопрос [HBE 1988: 690–691].

Зарянка (*Erithacus rubecula*)

Акустические параметры основного и тревожного позывов

высота: свист высокий;

тембр или производимое на слушателя впечатление: свист тонкий, нежный, жалобный; стрекотание или трель резкая, сухая, трещащая, настойчивая;

динамика звучания: свист протяжный; трель короткая повторяющаяся;

интенсивность: свист тихий; трель звонкая.

Сравнение голоса птицы

со звуками, отличными от природных: трескучая трель сопоставляется со звуком, получающимся, когда заводят часы [см. Svensson, Grant 2000]; в трели проскальзывают резкие нотки, как будто кто-то провел ножом по стеклу [Бабенко 2001: 36];

с голосом птицы-эталона: свистовая часть напоминает позыв серой мухоловки, но не такая тонкая или скрипучая [HBE 1988: 609–612].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *тссс* или *сии тиктиктиктик / тик-тирик-тиктиктик / цк...цкцкцкцкцкцк / сиип* или *тсии тктктктк; tswee* или *tseep / tsiiih / dzeep / tsissip tick-ick-ick-ick / tsii tic tic tic*.

Акустические параметры песни

высота: очень высокая;

тембр или производимое на слушателя впечатление: очень тонкая, хрустальная, флейтовая, нежная, мелодичная, скрипучая, чистая, приятная;

динамика звучания: неровная по темпу;

интенсивность: неровная по громкости; в целом громкая и звенящая.

Сравнение голоса птицы

со звуками, отличными от природных: сравнивают со звуками вращения пробки в хрустальном графине [Демянчик 2003: 308]; напоминает скрежет [Нестерова 2003: 273] или скрип несмазанного колеса поднимающейся в гору телеги, а заканчивается мелодичным перезвоном серебристого колокольчика [ЖЖ 1986: 409]; слегка прерывающиеся серебристые переливы звучат так, словно пересыпаются маленькие серебряные бубенчики [Кайгородов 2006: 214].

Структура песни: начинается с высоких, протяжных, тонких нот, затем понижается и ускоряется, переходя в трель из чистых и поскрипывающих звуков [см. Svensson, Grant 2000]; громкие чистые трели сменяются приглушенным неразборчивым щебетанием, с «металлическими» нотками или почти шипящими или хрипящими звуками [Рябицев 2008: 505].

Комментарии: имеет индивидуальное варьирование [HBE 1988: 609–612]; структура песни неоднородна, чаще фразы небольшой длительности перемежаются неровными паузами [Рябицев 2008: 505].

Южный, или западный, соловей (*Luscinia megarhynchos*)

Акустические параметры основного позыва

высота: немного с повышением тона;

тембр или производимое на слушателя впечатление: плавный, нежный, свистовой.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: схож с позывом пеночки-теньковки или веснички [Snow, Perrins 1998b: 1147].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *hweet / wheet / űihp / ouit.*

Комментарии: другой характерный позыв представляет собой низкий, резкий и громкий *tac* / *tuc* или *tacc tacc* / *tuk tuk*, похожий на позыв черного дрозда [Snow, Perrins 1998b: 1147].

Акустические параметры тревожного позыва

тембр или производимое на слушателя впечатление: хриплый, резкий, скрипучий;

интенсивность: звучный.

Сравнение голоса птицы

со звуками природного происхождения: подобный кваканью лягушки [Snow, Perrins 1998b: 1147; HBE 1988: 634–635];

с голосом птицы-эталона: в случае крайней опасности похож на крик сойки [Snow, Perrins 1998b: 1147; HBE 1988: 634–635].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *krrrr / errrr / kerr / karr*.

Комментарии: в случае крайней опасности издает резкий крик, подобный крику сойки *raäk* или *praäk* [Snow, Perrins 1998b: 1147; HBE 1988: 634–635].

Акустические параметры песни

тембр или производимое на слушателя впечатление: энергичная, флейтовая, мелодичная, приятная;

интенсивность: громкая, звучная.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: похоже на пение обыкновенного соловья, но тише, мягче, торопливее, звучит на более высоких тонах, отсутствуют наиболее яркие колена – «дудки» и «раскаты» [Рябицев 2008: 506]; фразы короче и менее звучные, чем у обыкновенного соловья; также характеризуется отсутствием трескучих нот [Bruun et al 1988: 258].

Варианты звукосочетаний, передающих песню: узнается по повторяемым свистам с постепенным усилением (crescendo) *lu lu lű lű li li* [см. Svensson, Grant 2000; Bruun et al 1988: 258]; наиболее характерные колена – быстрая громкая последовательность *chook-chook-chook...*; высокое флейтовое *pioo / piu-piu-piu*, медленно повторяющееся с постепенным усилением; *hüid* и громкие разнообразные колена из чистых нот *tjuk-tjuk-tjuk* и *dü dü*, производимые с усилением громкости и темпа исполнения [HBE 1988: 634–635].

Структура песни: содержит трели, чистые, плавные, флейтовые свисты и журчащие или булькающие ноты; часто вплетаются маломузыкальные звуки и варианты тревожного позыва [HBE 1988: 634–635].

Комментарии: присутствуют имитации голосов других птиц; [HBE 1988: 634–635]; репертуар очень разнообразный: более 200 вариантов песен – является образцом спонтанного варьирования внутри репертуара [Catchpole, Slater 2008: 212].

Обыкновенный, или восточный, соловей (*Luscinia luscinia*)

Акустические параметры основного позыва

высота: высокий;

тембр или производимое на слушателя впечатление: чистый, свистовой;

динамика звучания: короткий;

интенсивность: громкий.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: как у южного соловья, но более высокий и усеченный [Peterson et al 2004: 173; Snow, Perrins 1998b: 1145], также напоминает позыв малой мухоловки [Snow, Perrins 1998b: 1145].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *фи / фю / хи; whit / houit*.

Комментарии: другой характерный позыв представляет собой щелкающее *так* или *чек; tack* / *tacktack*, тихий, приглушенный *dak* / *dak dak* [Рябицев 2008: 507; HBE 1988: 623–625].

Акустические параметры тревожного позыва

высота: второй звук низкий;

тембр или производимое на слушателя впечатление: состоит из основного свистового позыва и скрипучего, резкого храпа;

динамика звучания: второй звук короткий.

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *фи-крр / лит-карр; ihp errrr*.

Комментарии: в случае крайней опасности звучит низкий грубый *kärrr ärrr* [HBE 1988: 623–625].

Акустические параметры песни

тембр или производимое на слушателя впечатление: свистовая, щелкающая, рокочущая;

динамика звучания: серия свистов или щелчков от резких и громких до тихих флейтовых [Райт 2006: 252], отличается раздельным исполнением каждого колена: почин и свист, дудки, стукотни, раскаты и дроби [Нестерова 2003: 244].

интенсивность: громкая, звучная, мощная.

Сравнение голоса птицы

со звуками, отличными от природных: отдельные колена уподобляются перезвону колокольчика [Snow, Perrins 1998b: 1145; см. Oiseaux.net 1996–2024];

с голосом птицы-эталона: поется строфами и приближается к характеру песни певчего дрозда [Кайгородов 2006: 210–211]; также похожа на песню южного соловья, но громче, исполняется торжественно, с преобладанием трескучих нот [Snow, Perrins 1998b: 1145], но без классического для южного соловья крещендо [Peterson et al 2004: 173; Bruun et al 1988: 258].

Варианты звукосочетаний, передающих песню: наиболее яркие колена: «дудка» (разные типы дудок) – ритмично повторяемые громкие свисты; «раскаты» – сочные трели наподобие энергичного *дьо-дьо-дьо*... или *дюр-дюр-дюр*... и т.п.; среди чистых колен различают «помарки» – различные трески, цирканья и пр. [Рябицев 2008: 507]; песня Ленинградских птиц состоит из 6 колен (приблизительная последовательность): *тивит-тивит-ту-ту-ту-тиклю-тиклю-тиклю-кликликликликликли-трррррррци-чочочочочочочови* [см. Мальчевский и др. 1972]; *фи-тчуррр, фи-тчуррр, вад-вад-вад-вад-вад-ции!* (очень эффектно и редко); *тю-лит, тю-лит, тю-лит; клюю-клю-клю-клю; юу-лит, юу-лит* (затем то же 3 раза, с повышением на несколько тонов); *ци-фи, ци-фи, ци-фи; пью, пью, пью; ци-фи, ци-фи, чо-чо-чочочочочочочовит; цицитювит, тю-вит, тю-вит* (последние 2 могучим посвистом); *юу-лит, чочочочотрррррррц* (в конце «помарка»); *пи, пи, пи, пи, клюю-клю-клю* (превосходно!); *чричи-чу, чричи-чу, чричи-чу; ци-вит* (тихо), *клюи* (громко), *клюи* (очень громко); после 12 колен песня повторяется, причем колена могут исполняться в другом порядке [Кайгородов 2006: 210–211].

Структура песни: начинается нежным посвистом *фьюить-фьюить*, заканчивается дробью с раскатом *трррррррци* или, реже, кукушкиным перелетом *кликликликликликли* [Мальчевский, Пукинский 1982: 28]; колена неторопливо следуют одно за другим с небольшими

разделительными паузами или слитно, песня звучит практически непрерывно [Рябицев 2008: 507].

Комментарии: число колен у каждого соловья индивидуально, в зависимости от его «таланта», возраста и опыта; есть географические варианты и местные напевы [Рябицев 2008: 507]; у каждой птицы 5-7 или 12-25 фиксированных типов песен, иногда до 93, без импровизаций [Демянчик 2003: 304].

Варакушка (*Luscinia svecica*)

Акустические параметры тревожного позыва

тембр или производимое на слушателя впечатление: резкий, трескучий или щелкающий;

интенсивность: негромкий.

Сравнение голоса птицы

со звуками, отличными от природных: уподобляется звуку хлопающего на ветру флага [см. Svensson, Grant 2000];

с голосом птицы-эталона: подобен тревожному позыву обыкновенной каменки [Bruun et al 1988: 256].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: односложное *track, tak, tk*; двусложное *чак-чак* / *хии-чак*; *tuck-tuck* / *tchak-tchak* / *tacc tacc*; трехсложное *хии-чак-чак*; *ouit trac trac* / *tsi tchak-tchak.*

Комментарии: еще один характерный тревожный сигнал похож на позыв южного соловья и пеночек – тихое, нежное, жалобное, свистовое *хии, псии, фюить; hweet / wheet / hiit / huid / ouit / fyueet / fid* [Рябицев 2008: 510; HBE 1988: 655–657].

Акустические параметры песни

тембр или производимое на слушателя впечатление: чистая, мелодичная, приятная;

динамика звучания: начинается медленно, слабо и нерешительно, постепенно усиливаясь (crescendo) и ускоряясь (accelerando), и переходит в смешение разнообразных птичьих голосов и особого грудного ворчания или храпения [Кайгородов 2006: 225; HBE 1988: 655–657];

интенсивность: громкая, полнозвучная.

Сравнение голоса птицы

со звуками, отличными от природных: некоторые фразы уподобляются перезвону колокольчиков [HBE 1988: 655–657], другие – ударам по металлическому треугольнику или малому гонгу *ting-ting-ting* [HBE 1988: 655–657; Peterson et al 2004: 174];

со звуками природного происхождения: некоторые фразы похожи на стрекотание сверчка *рю-рю-рю-рю* [Кайгородов 2006: 225; Peterson et al 2004: 174];

с голосом птицы-эталона: песня в целом напоминает пение южного соловья и лесного жаворонка, но более высокая по тональности, вдвое-втрое тише и гораздо беднее [Peterson et al 2004: 174]; иногда сравнивают с песней болотной камышовки [HBE 1988: 655–657].

Варианты звукосочетаний, передающих песню: наиболее характерные фразы песни – начальные короткие свистовые фразы *djip-djip*; гортанное полнозвучное *torr-torr-torr-torr*; чистые серебристые металлические, долго повторяемые фразы *ting-ting-ting* или *zri-zri-zrűtt* [HBE 1988: 655–657; см. Svensson, Grant 2000; Snow, Perrins 1998b: 1151]; *ти-ти-титити, рю-рю-рю-рю* (как сверчок), *титирю, тирю*, далее разнообразные прищелкивания, громкие свисты и негромкое бормотание-щебетание [Кайгородов 2006: 225].

Структура песни: обычно начинается с повторения одного элемента: это негромкое ворчливое *варак, варак..., ткеу, ткеу..., чке-чке-чке...* и др., затем следуют более сложные разнообразные щебечущие, щелкающие и свистовые выкрики, повторяющиеся довольно долго [Рябицев 2008: 510; см. ЖМБ 1995].

Комментарии: варакушка – одна из наиболее совершенных пересмешников, ее песня включает в себя множество чужих птичьих фраз и звуков совсем иного происхождения: скрипов, стуков, звонов и пр.; все эти звуки сочетаются в неторопливом порядке, обычно каждая фраза

несколько раз повторяется [Рябицев 2008: 510]; особенно хорошо подражает звукам, пугающих соперников своего и других видов птиц [Демянчик 2003: 306].

Дрозд Науманна, или рыжий дрозд *(Turdus naumanni*) / **Бурый, или темный, дрозд** (*Turdus eunomus*)

Некоторые орнитологи относят дрозда Науманна *Turdus naumanni naumanni* в качестве подвида в один вид *Turdus naumanni* с бурым дроздом [Рябицев 2008: 518].

Акустические параметры тревожного позыва (*Turdus naumanni*)

высота: визгливый;

тембр или производимое на слушателя впечатление: щелкающий.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: напоминает тревожный позыв черного дрозда и белобровика [Snow, Perrins 1998b: 1220]; также схож с позывами рябинника [см. Oiseaux.net 1996–2024].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *чев-чев-чев...*; *chack-chack / chok-chok / chak-chak / tchac-tchac-tchac*.

Акустические параметры тревожного позыва (*Turdus eunomus*)

тембр или производимое на слушателя впечатление: резкий.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: похож на крики рябинника [Рябицев 2008: 519; Bruun et al 1988: 260].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *тех-тех...* или *тюк-тюк...*; *swer(k)-swer(k)-swer(k) / goui, goui* и *tchak tchak.*

Акустические параметры песни (*Turdus naumanni*)

тембр или производимое на слушателя впечатление: мелодичная.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: очень похожа на песню белобровика [см. Oiseaux.net 1996–2024; HBE 1988: 668–669].

Варианты звукосочетаний, передающих песню: часто повторяемые фразы – *ki-chyur, chi-kyur* и *chi-yo* [HBE 1988: 668–669].

Структура песни: состоит из 1-2 свистов и короткой трельки [Рябицев 2008: 518] или представляет собой короткие фразы, разделенные паузами: начинается с тонких свистов, доходящих до выраженного усиления (crescendo) и заканчивается более грубыми трескучими трелями [HBE 1988: 668–669].

Комментарии: есть другие описания, согласно которым песня состоит из громкого двусложного свиста и негромкой подпесни, включающей щебетание и скрип; могут быть другие варианты [Рябицев 2008: 518].

Акустические параметры песни (*Turdus eunomus*)

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: по тональности схожа с песней певчего дрозда, но не такая мощная и поется менее отрывистыми фразами [Snow, Perrins 1998b: 1220].

Структура песни: состоит из чередования звучных свистовых фраз и коротких негромких трелей и щебетаний; эти элементы произносятся с небольшими и неравными интервалами, звучат как бесконечное неторопливое пение [Рябицев 2008: 519].

Рябинник (*Turdus pilaris*)

Акустические параметры основного позыва

тембр или производимое на слушателя впечатление: резкий, квохчущий, агрессивный;

динамика звучания: воспроизводится сериями различной длительности.

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *чак-чак*; *chacker chack chack* / *chac-chac-chac-chack / schack-schack-schack / tchak-tchak-tchak… / djak-djak-djak.*

Комментарии: очень крикливы; репертуар сигналов отличается богатством [Рябицев 2008: 520]; в стае также издает короткие и протяжные визги *seeh / gih* / *oui goui* и шепелявое *пщии-пщии* [см. Svensson, Grant 2000; Bruun et al 1988: 264; Рябицев 2008: 520].

Акустические параметры тревожного позыва

тембр или производимое на слушателя впечатление: резкий, грубый, трещащий;

интенсивность: очень громкий, оглушительный.

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *ра-ра-ра / тррр-тррр / чррр-чррр...*; *трätt-трätt / trt / trat* / *tir tir*.

Комментарии: гоняя ворону или другого потенциального врага, в случае крайней опасности издает *trt-trt-trrrt-trrt* [HBE 1988: 985–987].

Акустические параметры песни в полете

высота: высокая, пронзительная;

тембр или производимое на слушателя впечатление: скрипучая, малозвучная и немузыкальная, неразборчивая;

динамика звучания: в быстром темпе из фраз различной длительности; может быть продолжительной;

интенсивность: негромкая.

Сравнение голоса птицы

со звуками, отличными от природных: сравнивают с игрой на скверной беззвучной скрипке [Кайгородов 2006: 197];

с голосом птицы-эталона: похожа на подпесню белобровика [Рябицев 2008: 520]; также сопоставима с песней деревенской ласточки, но более мощная и усеченная [HBE 1988: 985–987].

Структура песни: состоит из щебетаний, скрипов, визгов и квохтаний [Рябицев 2008: 520] без определенной структуры [см. Svensson, Grant 2000].

Комментарии: другой вариант песни исполняется, сидя высоко на дереве, при этом выкрикивают всего один или несколько резких трещащих или «циркающих» звуков в довольно однообразной последовательности, неспешно, с паузами [Рябицев 2008: 520], иногда звучит приглушенно [HBE 1988: 985–987].

Чёрный дрозд (*Turdus merula*)

Акустические параметры основного и тревожного позывов

высота: низкий,

тембр или производимое на слушателя впечатление: резкий, квохчущий;

динамика звучания: воспроизводится сериями различной длительности;

интенсивность: достаточно громкий.

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *чак-чак*; *chook / tchook / tuc / tuk /duck / chuck-chuck-chuck / tac tac tac / chack- ack-ack-ack-ack.*

Комментарии: тревожные сигналы разнообразны, преимущественно различные трески: *трк-трк..., тре-тре, чак-чак..., че-че-че...,* а также высокое «циканье», (похожее на позыв зарянки *tsiih* [см. Svensson, Grant 2000]), кудахтанье, щебет, верещание [Рябицев 2008: 522], также похожий на стрекот певчего дрозда высокий металлический *кикс-кикс-кикс / гигигигиги / pli-pli-pli-pli-pli / pink-pink-pink* / *tsi tsi tsi* [Кайгородов 2006: 202; см. Svensson, Grant 2000; Bruun et al 1988: 262; см. Oiseaux.net 1996–2024].

Акустические параметры песни

высота: немного низкая;

тембр или производимое на слушателя впечатление: красивая, мелодичная, флейтовая, чистая;

динамика звучания: звучит неторопливо, флегматично, не имеет определенной длительности [Рябицев 2008: 522], отдельные фразы песни повторяются редко, воспроизводятся растянуто и неритмично;

интенсивность: звучная, громкая.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: песня очень похожа на песню певчего дрозда, но более медленная и печальная [ЖЖ 1986: 405–406]; по общему характеру сходно с пением дерябы, но немного превосходит его богатством содержания и разнообразием строф [Кайгородов 2006: 200]; в отличие от певчего, черный дрозд не повторяет «слова» [Peterson et al 2004: 182]; в отличие от песни дерябы, паузы неровные, многие фразы звучат слитно, песня звучнее, степеннее, ниже тоном, в минорных тонах [Рябицев 2008: 522].

Структура песни: состоит из четких и разнообразных 4-6 флейтовых свистов, обычно в четком миноре [Рябицев 2008: 522; Демянчик 2003: 284], образующих фразы продолжительностью около 6 секунд; возобновляется после паузы такой же длительности [см. Oiseaux.net 1996–2024]; часто заканчивается нежным, негромким щебетом [см. Svensson, Grant 2000].

Комментарии: у каждого самца большой репертуар песенных типов, в среднем 50 [Catchpole, Slater 2008: 205], демонстрирующий индивидуальное варьирование [НВЕ 1988: 958–961].

Белобровик (*Turdus iliacus*)

Акустические параметры основного позыва

высота: тонкий, пронзительный;

тембр или производимое на слушателя впечатление: нежный, немного скрипучий;

динамика звучания: протяжный, отчетливый;

интенсивность: негромкий.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: сходен с сигналами певчего и черного дроздов [Кайгородов 2006: 199].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *ции-и / тсси; seez / seeih* / *seeip / see-ip* / *seeze / si*.

Комментарии: часто слышен при ночных миграциях [Peterson et al 2004: 184].

Акустические параметры тревожного и предостерегающего позывов

высота: высокий;

тембр или производимое на слушателя впечатление: резкий, грубый, трескучий с металлическим оттенком;

динамика звучания: короткий; издается сериями.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: похожи на крики рябинника, но еще более визгливые [Рябицев 2008: 524]; также похожи на сигналы крапивника, но мощнее [НВЕ 1988: 1007–1008].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *чррр-чррр... / црьрьрь / цик-цик; tret-tret-tret-tret / trrrt trrt trrrrt / trèt-trèt-trèt-trèt....; chittuc / tchok tchok.*

Комментарии: в качестве предупреждающего сигнала функционирует *jypp jypp*, несколько напоминающий крики дятла [НВЕ 1988: 1007–1008]; также *кокает*: *ко, ко / кук-кук; gack / kewk.*

Акустические параметры песни

высота: несколько монотонная;

тембр или производимое на слушателя впечатление: первая часть – чистая, свистовая, дребезжащая, меланхоличная; вторая часть – скрипучая или щебечущая, неразборчивая;

динамика звучания: короткая трель в виде нисходящей гаммы; также в виде восходящей гаммы, «скачущая» вверх-вниз [Рябицев 2008: 524];

интенсивность: собственно песня – громкая, вторая часть (подпесня) – тихая.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: в целом песня менее развита, чем у певчего дрозда, а подпесня напоминает голос черного дрозда [Snow, Perrins 1998b: 1229].

Варианты звукосочетаний, передающих песню (свистовой части): *ю-рю-рю-рю /и-тю-тю-тю / три-три-трю-трю-трю / ри-ри-ре-ре-рю / итя-итя-итя-и / Итя-Итя-ря; trui-trui-trui-troo-tri* / *tri tri triou trou tro, tchiri tchuri tchuri*; ***(полной песни):*** нисходящая *chirre chűrre chorre,* восходящая *tru-tra-tro-trű-tri,* как чечевица *vidje-vidjű*, грустное *trűi trai*, чистое звенящее *tűllűllűllűllűllűllű…; trUi trUi trUi* / *tee* (*tee-TU*)*-tiruppi-tiruppi-tiruppi*; скрипучее тихое *teetra-teetra-teetra*.

Структура песни: состоит из двух частей: (1) громкая свистовая (собственно песня) – обычно от 4 до 8 громких постепенно понижающихся высвистов и (2) тихая скрипучая часть (подпесня) [см. Мальчевский и др. 1972; Рябицев 2008: 524].

Комментарии: считается, что в репертуаре дрозда-белобровика представлен только один песенный тип [Catchpole, Slater 2008: 205], однако характер свистовой части песни сильно варьируется в зависимости от местности [Мальчевский 1994: 516–517], например, северные особи поют более звонко и чисто, у южных – трель чаще бывает скомканной и шепелявой, похожей на подпесню; также есть мнение, что у одного самца существует несколько напевов, но он непременно много раз повторяет одну и ту же песню, чередуя ее с подпесней [Рябицев 2008: 524].

Певчий дрозд (*Turdus philomelos*)

Акустические параметры основного позыва

высота: тонкий;

тембр или производимое на слушателя впечатление: резкий;

динамика звучания: отрывистый, короткий;

интенсивность: слабый.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: схож с позывом белобровика [HBE 1988: 995–998], но короче [Peterson et al 2004: 184].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *цык / цсии; tsip / sipp* / *tick / tik / seep* / *seeh / zit / sip*.

Комментарии: является характерным позывом в полете [Рябицев 2008: 526].

Акустические параметры тревожного позыва

высота: визгливый, пискливый, пронзительный;

тембр или производимое на слушателя впечатление: резкий, трескучий, истерический или «электрический»;

динамика звучания: издается в быстрой последовательности;

интенсивность: громкий.

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *тик-стикс / тикс-тикс-тикс / тикстикстикстикс… / цирицирици, цирици, циль-циль...*; *tix-ix-ix-ix / kikikik.*

Комментарии: при менее выраженной опасности издает односложный *чек, чук*; *tschi / tchuck / tchick / chick / djuk;* или более сложный *dukduk* / *tchik tchil tchil.*

Акустические параметры песни

тембр или производимое на слушателя впечатление: чистая, флейтовая, мелодичная, торжественная, энергичная;

динамика звучания: размеренная, неторопливая, довольно продолжительная, исполняется в бодрой мажорной тональности отдельными строфами, повторяемыми в среднем по 2-3 раза с небольшими паузами перед каждой новой строфой [Кайгородов 2006: 198; Рябицев 2008: 525–526];

интенсивность: звонкая и громкая.

Сравнение голоса птицы

со звуками, отличными от природных: поет, словно стихи читает – медленно, с расстановкой [Кайгородов 2006: 198];

с голосом птицы-эталона: в отличие от песни дерябы и черного дрозда, почти каждое «слово» повторяется дважды, а то и 3-4 раза [Рябицев 2008: 525–526].

Варианты звукосочетаний, передающих песню: *та-вид, та-вид, та-вид-тир, спири-тум, ту-литтие; kűckli<u>vi</u> kűckli kűckli <u>vi</u>, tixi tixi tixi, <u>pii</u>-eh, trrű-trrű-trrű tixi<u>fix</u>, chű-chű-chű, ko-ku-ki<u>klix</u> ko-ku-ki<u>klix</u>; filip filip filip codidio codidio quitquitquit tittitt tittitt tèrèrèt tèrèrèt tèrèrèt kvièt kvièt kvièt kvièt; tili tili tili, dudeli dudeli dudeli... .*

Варианты мнемоник: *Филипп! Филипп! Иди, иди чай пить, чай пить… с сахаром… Скккоррей, а то остынет!* [Нестерова 2003: 264]; *Ни-ки-та, Ни-ки-та, чай-пить, чай-пить… выпьем, выпьем… ну-ка-кто-скорей, ну-ка-кто-скорей* – чем хуже песня, тем больше слышится щебечущих и трескучих вставок *ну-ка-кто-скорей* (по А.Н. Промптову); *Фи-липп, Фи-липп.. При-ди, при-ди, при-ди…Чай-пить, чай-пить, чай-пить…Выпьем-выпьем, выпьем, выпьем* (по Е.В. Кареву); *Приди-кум, приди-кум* (раза три), *Деньги – есть! Деньги – есть! Выпьем, выпьем*, с хрипотцей перещелкнет да *филюлюкнет* (по И.К. Шамову).

Структура песни: состоит из звучных красивых свистов и коротких трелей, причем щелкающих звуков и частых трелей нет [Рябицев 2008: 525-526].

Комментарии: способен к имитации [Bruun et al 1988: 264]; кроме того, песня индивидуально изменчива: отмечаются разнообразные перестановки и сочетания строф [Демянчик 2003: 286]; в репертуаре певчего дрозда насчитывается около 200 песенных типов [Catchpole, Slater 2008: 205].

Деряба (*Turdus viscivorus*)

Акустические параметры основного и тревожного позывов

тембр или производимое на слушателя впечатление: сухой, резкий, трескучий и раскатистый;

динамика звучания: короткий, издается сериями;

интенсивность: негромкий, но отчетливый.

Сравнение голоса птицы

со звуками, отличными от природных: треск сравнивают со звуком, образующимся, когда проводят щепкой по зубьям расчески [HBE 1988: 1019–1021];

со звуками природного происхождения: треск похож на храп [Кайгородов 2006: 196; Рябицев 2008: 527];

с голосом птицы-эталона: напоминает позыв рябинника, но резче [см. Svensson, Grant 2000; см. Oiseaux.net 1996–2024]; также похож на стрекотание сороки, но менее звучный [см. Oiseaux.net 1996–2024].

Варианты звукосочетаний, передающих позыв: *цррррр...; churr / zer'r'r' / dr-r-r-r-r / drré dré dré / khrr, rrr, trrror tzrr*.

Комментарии: такой же сухой треск издает при беспокойстве; кроме того, громкое *кхи, кхи*... [Рябицев 2008: 527]; часто в гнездовой период: *tuc-tuc-tuc / tuck-tuck-tuck*.

Акустические параметры песни

тембр или производимое на слушателя впечатление: свистовая, мелодичная, красивая с меланхолическим оттенком;

динамика звучания: короткая, неторопливая;

интенсивность: звучная.

Сравнение голоса птицы

с голосом птицы-эталона: похожа на песню черного и певчего дроздов, но обычно выше тоном, с менее сочными звуками [Рябицев 2008: 527]; отличается от песни черного дрозда более высоким темпом и менее продолжительными паузами между строфами [см. Svensson, Grant 2000;

см. Oiseaux.net 1996–2024], имеет более грустный оттенок и более монотонна [см. Oiseaux.net 1996–2024], в конце строф отсутствуют скрипучие ноты [см. Svensson, Grant 2000; см. Oiseaux.net 1996–2024]; также в отличие от черного дрозда песня менее вариативна, в основном повторяет одинаковые короткие фразы [Peterson et al 2004: 184].

Варианты звукосочетаний, передающих песню: *truitrűvu… churichuru... chűvutru… churuvűtru…*; *di dre di di drie di*.

Структура песни: состоит из весьма коротких и сходных между собой 5-6 строф, составленных из чистых флейтовых переливов, между которыми отчетливо слышатся небольшие паузы, сдвоенные и строенные «слова» бывают редко [Кайгородов 2006: 196; Рябицев 2008: 527].

Комментарии: некоторые авторы полагают, что тональность песни почти всегда мажорная, без печальных оттенков [Рябицев 2008: 527].